
ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ
ЭННРАЙС
Интервью с вампиром

Annotation

Вампирская психодрама, созданная «посланницей оккультного мира» Энн Райс, стала поистине классикой не только жанра, но и мировой литературы.

История вампира, рассказанная им самим в нарушение всех заповедей, завораживает с первых страниц. Гипнотический голос повествует о жизни и нежизни и, словно во сне, переносит слушателя то на плантации Луизианы, то в Париж XIX века, то в крохотную прикарпатскую деревушку… Неужели обитатели Мира Тьмы – это воплощенное зло – способны, подобно смертным, страдать и радоваться, любить и ненавидеть, вечно искать ответы на вечные вопросы?

- Энн Райс
  -
  - Часть I
  - Часть II
  - Часть III
  - Часть IV
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Энн Райс
Интервью с вампиром

Посвящается Стэну Райсу, Кэрол Маклин и Элис О’Брайен Боркбарт.

Anne Rice
INTERVIEW WITH THE VAMPIRE
Copyright © 1996 by Anne O’Brien Rice and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
© М. Литвинова, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

— Ну что ж… – задумчиво сказал вампир.

Он стоял у окна, освещенный тусклым уличным светом. Глаза его собеседника, молодого человека, наконец привыкли к полутьме, и он смог разглядеть комнату: круглый дубовый стол, кресла, таз и зеркало на стене. Молодой человек ждал.

– А у вас хватит пленки, чтобы записать историю целой жизни? – И молодой человек увидел четкий профиль полуобернувшегося вампира.

– Конечно. Когда повезет, мне удается взять интервью у трех-четырех человек за вечер. Но только это должна быть действительно хорошая история.

– Еще бы, – сказал вампир. – Я расскажу вам свою жизнь. Я сам этого хочу.

– Отлично. – Молодой человек поспешно достал из портфеля диктофон, проверил кассету и батарейки. – Расскажите, как получилось, что вы поверили в это, почему вы…

– Нет, – оборвал его вампир. – Мы начнем иначе. У вас все готово?

– Да.

– Тогда садитесь. Я включу верхний свет.

– Но я всегда думал, что вампиры не любят света. Если вам хочется, чтобы было темно, я не против… – Он осекся.

Вампир отвернулся от окна и смотрел теперь прямо на него. Лица вампира не было видно, но что-то в этой неподвижно застывшей фигуре насторожило юношу. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. Вампир подошел к столу, взялся за шнур выключателя, и молодой человек вздохнул с облегчением. И тут же резкий желтый свет залил комнату. Молодой человек ошеломленно уставился на вампира. Его пальцы судорожно вцепились в край стола.

– Боже! – только и смог выдохнуть он.

Лицо у вампира было белое и гладкое, словно вырезанное из кости, и застывшее, как у статуи. Жили только его зеленые глаза; они пристально смотрели на молодого человека и сверкали, как изумруды,

и казалось, что два огня горят на белом холодном лице. Вдруг вампир улыбнулся, нежно, почти мечтательно, и на белизне его кожи обозначились линии, бесконечно подвижные, но скупые, как на штриховом портрете.

– Рассмотрели? – тихо спросил он.

Юноша вздрогнул и поднес руку к глазам, защищаясь от яркого света. Потом перевел взгляд на безукоризненно сшитый черный фрак, который мельком уже видел в баре, длинные складки плаща, черный шелковый галстук и воротничок сорочки, такой же ослепительно белый, как кожа вампира. Его густые, черные, слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, их кончики едва касались воротничка.

– Ну как, вы все еще хотите этого интервью? – спросил вампир.

Молодой человек открыл рот, но не мог выдавить ни звука, только кивнул.

– Да, – наконец выдохнул он.

Вампир опустился в кресло напротив и тихо, доверительно сказал:

– Включайте запись и ничего не бойтесь.

Он перегнулся через стол, и юноша испуганно отшатнулся. Пот градом катился по его щекам. Вампир положил руку ему на плечо, крепко сжал его и сказал:

– Поверьте, я не сделаю вам ничего плохого, я хочу воспользоваться случаем. Наша беседа для меня гораздо важнее, чем вы думаете. Давайте начнем поскорее. – Он откинулся в кресле и застыл в ожидании.

Юноша с трудом перевел дыхание, вытер лицо платком, пробормотал, что микрофон внутри, нажал кнопку, и запись началась.

– Вы не всегда были таким, правда? – начал он.

– Верно, я стал вампиром в тысяча семьсот девяносто первом году, мне было тогда двадцать пять лет.

Юноша, ошеломленный такой точностью, повторил дату вслух, прежде чем задать следующий вопрос:

– Как это случилось?

– Очень просто. Но я бы хотел рассказать все по порядку, с самого начала.

– Разумеется, – быстро кивнул молодой человек, сложил платок вчетверо и провел им по губам.

– Все началось с несчастья… – начал вампир. – Мой младший брат… погиб. – Он запнулся.

Молодой человек кашлянул, чтобы прочистить горло, еще раз вытер лицо платком и засунул его в карман.

– Может быть, вам больно… вспоминать об этом? – спросил он робко.

– Больно? – отозвался вампир. И покачал головой. – Нет. Однажды я уже рассказывал эту историю. И потом, это было так давно… Мы тогда жили в Луизиане. Взяли ссуду на землю и основали две плантации индиго на Миссисипи, неподалеку от Нового Орлеана…

– Так вот откуда у вас акцент, – тихо сказал юноша.

Вампир недоуменно взглянул на него, потом рассмеялся:

– Я говорю с акцентом?

– Я заметил это еще в баре, когда спросил, кто вы, – торопливо заговорил юноша. – Едва различимая четкость согласных, и все. Но я не догадался, что это французский акцент.

– Ничего, – успокоил его вампир. – Я не столько удивлен, сколько притворяюсь. Просто время от времени я забываю о своем акценте. Но давайте продолжим.

– Конечно, конечно…

– Я говорил о плантациях. Кстати, может быть, из-за них я и стал вампиром. Но об этом после. Мы жили роскошно, но в то же время очень просто. Мы очень любили наш мир. Во Франции нам никогда не было бы так хорошо. Может, то была только выдумка, очарование дикой и девственной природы, но разве это важно? Я помню мебель, выписанную из Европы. – Вампир улыбнулся. – И клавесин… Прелестная вещица. Моя сестра часто играла на нем. Летними вечерами она сидела за клавишами спиной к раскрытым окнам. Помню быструю невесомую музыку и болота, простиравшиеся за окном; бархатистые кипарисы, плывущие на фоне вечернего неба, и звуки болот: голоса животных и пение птиц. В этой глуши мебель розового дерева казалась еще более ценной, а музыка – такой нежной и такой желанной. Мы любили нашу жизнь в глуши, хотя глицинии опутали окошко мансарды и умудрились врасти в белую кирпичную кладку меньше чем за год… Да, мы все любили эту жизнь, все – кроме моего младшего брата. Я не помню, чтобы хоть раз он пожаловался или посетовал, но я чувствовал – у него неладно на душе. Отец к тому

времени уже умер, и я, как глава семьи, должен был постоянно защищать брата от матери и сестры. Они требовали, чтобы он ездил вместе с нами в гости и на вечеринки в Новый Орлеан, а он этого терпеть не мог. Он перестал участвовать в общих развлечениях лет, должно быть, в двенадцать. Для него имели смысл только молитвы, молитвы и жития святых, заключенные в толстые кожаные переплеты.

Я построил ему часовню неподалеку от дома, и он проводил там целые дни – возвращался, когда уже начинало смеркаться. Это смешно: он так отличался от нас, отличался от всех, а я был самым обычным человеком! Ничего сверхъестественного во мне не было. – Вампир улыбнулся. – Иногда по вечерам я приходил за ним к часовне. Он сидел на каменной скамейке в саду, спокойный и отрешенный, а я рассказывал ему о своих бедах: о нерадивых рабах или дурной погоде, о недоверии к надсмотрщику и торговым агентам… Словом, о больших и маленьких заботах, которые составляли сущность моей жизни. Он сидел и слушал, изредка вставлял замечания, всегда очень благожелательные, и всякий раз я покидал его с осознанным чувством, что он разрешил за меня все вопросы. Я думал, что ни в чем не смогу ему отказать, и поклялся, что не буду мешать ему стать священником, пусть это даже разобьет мне сердце. Конечно, я заблуждался.

Вампир замолчал.

Юноша тоже молчал и смотрел на него. Затем, словно пробудившись от глубокой задумчивости, спросил, подбирая слова:

– То есть… Он не захотел стать священником?

Вампир ответил ему долгим взглядом, словно пытаясь постичь смысл сказанного. Потом сказал:

– Нет, это насчет себя я ошибался – когда думал, что не смогу ему отказать. – Он отвел глаза и взглянул в окно. – У него начались видения.

– Настоящие видения? – помедлив, спросил юноша.

– Не знаю, но тогда я ему не поверил. Это случилось впервые, когда брату исполнилось пятнадцать. Он был красив: нежная чистая кожа, огромные голубые глаза. К тому же в противоположность мне он отличался крепким телосложением… Но главное – его глаза. Когда я смотрел в них, мне казалось, что я стою на самом краю света совсем один… на овеваемом ветром песчаном берегу океана, а вокруг тишина, только рокот волн, накатывающих на берег… Да, – продолжал он, по-

прежнему глядя в окно, – у брата начались видения. Сначала он говорил об этом намеками. Он ничего не ел и почти переселился в часовню, но и там все запустил: перестал зажигать свечи, менять покров на алтаре и даже не выметал заносимые ветром листья.

Дни и ночи он стоял на коленях на голом каменном полу перед алтарем. Однажды вечером я встревожился не на шутку. Целый час я смотрел на него из беседки, увитой розами. Брат ни разу не поднялся с колен и не опустил молитвенно сложенных рук. Рабы думали, что он сошел с ума. – Брови вампира удивленно поползли вверх. – Сам я считал, что он просто не в меру усерден, что в своей любви к Богу он зашел слишком далеко. Потом он рассказал мне о видениях подробно. Он говорил, что ему явились святой Доминик и сама Дева Мария. Они сказали, что он должен продать всю нашу собственность в Луизиане – все, что у нас есть, – а вырученные деньги потратить на богоугодные дела во Франции. Сам же он станет великим религиозным лидером и, возродив любовь к Богу в сердцах людей, будет бороться с атеизмом и революцией. Своих денег у него, конечно же, не было – значит, это мне следовало продать плантации и дома в Новом Орлеане, а деньги отдать ему.

Вампир снова умолк. Юноша изумленно глядел на него.

– Простите, – наконец очнулся он. – И что же? Вы продали плантации?

– Нет, – ответил вампир. Его лицо было невозмутимо и спокойно, как и прежде. – Я рассмеялся ему в лицо. Он пришел в ярость. Так приказала сама Дева Мария, кричал он, и кто я такой, чтоб не подчиняться? В самом деле, кто? – повторил вампир тихо, словно заново обдумывая ответ на этот вопрос. – Чем отчаянней он старался убедить меня в своей правоте, тем громче я смеялся. Я сказал, что его слова – полнейшая чушь и бессмыслица, порождение незрелого и даже болезненного ума. Я говорил, что постройка часовни была ошибкой и что я прикажу разрушить ее немедленно, а сам он начнет ходить в школу в Новом Орлеане и забудет про видения и прочий вздор. Не помню точно, что я еще наговорил. В памяти остались только гнев и разочарование, переполнявшие мою душу. Именно это я пытался скрыть за высокомерным смехом и суровой отповедью. Я и впрямь был горько разочарован. Я не поверил ни единому слову брата.

– Вас можно понять, – заметил юноша, воспользовавшись наступившей паузой; его лицо уже не выражало такого откровенного удивления. – Никто бы ему не поверил.

– Можно понять? – Вампир взглянул на него. – Я вел себя отвратительно, как отъявленный эгоист. Попробую объяснить. Я уже говорил, что любил брата. Иногда мне казалось, что он святой. Точнее говоря, я хотел в это верить. Я уважал его мысли и молитвы и твердо решил, что помогу ему принять сан. Но… Если бы мне рассказали, что в Арле или Лурде появился святой, которому является Дева Мария, я бы поверил – ведь я был католиком и искренне верил в святых: ставил свечи перед мраморными статуями в церквах, знал их имена и изображения, разбирался в символах и молитвах, – но я не верил, не мог поверить своему брату. Я не только не верил в его видения, но даже сама суть его слов была мне чужда. Вы спросите – почему? Потому что это был мой брат. Может быть, он святой и уж наверняка особенный, не такой, как все, – но только не Франциск Ассизский. Ни за что на свете: кто угодно, только не мой брат. Вот почему я вел себя как эгоист, понимаете?

Юноша немного подумал и кивнул.

– Может, у него и правда были видения, – сказал вампир.

– То есть… вы не знаете… наверняка?

– Не знаю. Но ничто не могло пошатнуть его убежденности в собственной правоте, я видел это в ту ночь. Обезумев от горя и обиды, он выбежал из комнаты. И через мгновение его не стало.

– Как?

– Очень просто. Он распахнул стеклянную дверь, вышел на галерею, немного постоял на верхней ступеньке каменной лестницы. А потом упал. Я бросился вниз, в сад, но он был уже мертв. Сломал шею. – Вампир потряс головой, заново переживая весь этот ужас, но его лицо оставалось невозмутимым.

– Может быть, он оступился? Вы видели, как он упал?

– Нет, но слуги видели. Они рассказали, что он посмотрел вверх, словно увидел что-то в воздухе, а потом его тело будто подхватило ветром. Одному из них показалось, что он хотел что-то сказать. Я сам ничего точно не знаю – я не смотрел тогда в окно. Я только услышал звук падения. – Он взглянул на диктофон. – Я не мог себе этого

простить. Мне казалось, я виноват в его смерти. Впрочем, так думали все.

– Почему? Ведь были свидетели…

– Прямых обвинений не было. Просто пошли слухи, что между нами что-то произошло, что мы поругались за несколько минут до его гибели. Слуги слышали шум, да и мать тоже. Она умоляла меня объяснить, что случилось: почему брат, всегда такой тихий и мирный, кричал на меня. Потом к ней присоединилась сестра. Естественно, я отказался говорить об этом. Потрясенный, почти убитый смертью брата, я все-таки был исполнен какой-то странной решимости никому не рассказывать о его «видениях». Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он оказался не святым, а фанатиком.

Моя сестра предпочла остаться в постели и не пошла на похороны, а мать рассказала всем в церкви, что в моей комнате произошло что-то ужасное, но я не хочу признаваться, что именно. В конце концов я даже попал на допрос в полицию. Потом ко мне явился священник и умолял, чтобы я, во имя собственного спасения, поведал ему все. Но я молчал. Говорил всем, что это был самый обычный спор между братьями, отвергал обвинения, объяснял, что меня не было на галерее, когда он упал. И все равно все смотрели на меня так, будто это я убил его. Но я и сам чувствовал то же. Два дня я провел в церкви, рядом с гробом, и думал только об этом. Смотрел на лицо брата, пока черные точки не замелькали перед глазами. Довел себя почти до потери сознания. Брат разбил затылок о каменную дорожку, его голова в гробу на подушке была неправильной формы. Я заставлял себя смотреть на него, изучать мельчайшую черточку просто потому, что иначе не смог бы вынести душевную боль и запах уже начавшегося разложения. Меня снова и снова тянуло попытаться открыть ему глаза – я начал сходить с ума. Но одна мысль не покидала меня ни на минуту: я смеялся над ним, не поверил ему, не помог, когда ему было плохо – это я убил его.

– Это было на самом деле? – тихо сказал молодой человек. – Это правда?

– Да, – ответил вампир, – но я хотел бы продолжить. – Он равнодушно скользнул взглядом по собеседнику и снова перевел глаза на окно. Казалось, что юноша со своей молчаливой внутренней борьбой вызывает у него только слабый интерес.

– Но вы не знали наверняка про видения… Как же так, ведь вы вампир, и вы должны…

– Я рассказываю только о том, что знаю, – перебил его вампир. – Только о том, что было. Если вас интересуют видения, то я и сейчас ничего не знаю об этом.

Наступило молчание. Наконец юноша сказал:

– Пожалуйста, продолжайте.

– Я решил продать плантации. Я больше никогда не хотел видеть ни дом, ни часовню. Я сдал их в аренду одному агентству и избавил себя от необходимости приезжать туда снова. Мы с матерью и сестрой переехали в один из наших городских домов в Новом Орлеане. Но образ брата продолжал преследовать меня каждую минуту. Я думал только о том, что его тело гниет сейчас в земле. Его похоронили в Новом Орлеане, на кладбище Сент-Луи, и я старательно избегал этого места, но ничего не помогало. Мои мысли всегда возвращались к брату. Пьяный или трезвый, я видел перед собой его тело, полусгнившее в гробу. Это было невыносимо. Каждую ночь мне снилось, что он стоит на верхней ступеньке, а я стою рядом, держу его за руку, уговариваю спуститься вниз, в спальню, и помолиться за меня, чтобы я обрел веру. Между тем рабы с Пон-дю-Лак – так называлась моя плантация – начали распускать слух, что видели привидение на галерее, и надсмотрщику не удавалось поддерживать дисциплину и порядок. Люди в обществе задавали моей сестре оскорбительные вопросы, и у нее начались истерики. На самом деле она никогда не была истеричкой, но почему-то решила, что это самый лучший способ поведения в подобной ситуации. Я все время пил и старался как можно меньше быть дома. Как человек, который хочет умереть, но боится наложить на себя руки, я будто искал смерти – гулял один по самым темным улицам и аллеям города, напивался до потери сознания в кабаре, только по апатии уклонился от двух дуэлей… Мне искренне хотелось, чтобы меня убили. Кто угодно: пьяные матросы, грабитель, маньяк. Но случилось так, что мне встретился вампир. Он поймал меня ночью в двух шагах от дома, сделал свое дело и оставил умирать на улице.

– Вы хотите сказать… что он высосал вашу кровь?

– Да, – рассмеялся вампир. – Так оно и бывает.

– Но вам удалось выжить…

– Один шаг отделял меня от смерти, но он уже успел насытиться и бросил меня. Меня нашли на улице и отнесли в постель. Я не помнил, что со мной случилось. Может быть, удар от беспробудного пьянства. Я ничего не ел и не пил, не отвечал на вопросы врача. Я ждал прихода смерти с минуты на минуту. Мать послала за священником. В приступе начавшейся лихорадки я рассказал ему все о видениях брата и о нашей ссоре.

Я вцепился в его руку и не отпускал, заставлял поклясться, что он не расскажет об этом никому.

«Нет, я не убивал его, – говорил я. – Но я не могу жить, потому что чувствую себя виновником его смерти».

«Это смешно, – отвечал священник. – С какой стати вы считаете себя ответственным за его смерть? Вы слишком много думаете о себе, вот в чем дело. Вы нужны матери, не говоря уже о сестре. Что же касается вашего брата, то он попал в лапы дьявола». Я был так потрясен, что даже не сумел возразить. «Видения – дело рук дьявола, – продолжал он. – Силы сатаны безграничны. Вся Франция сейчас в его власти, а революция – его величайший триумф». Оказывается, ничто не могло спасти моего брата, кроме молитвы и поста. В то время как близкие пытались удержать его от необдуманных поступков, дьявол восторжествовал в его теле. «Совершенно очевидно, что именно дьявол сбросил вашего брата с лестницы, когда убедился, что его коварный план не удался, – заявил священник. – Вы разговаривали тогда не с братом, а с сатаной».

Эти слова привели меня в бешенство. Он толковал о бесах, о колдовстве среди черных рабов, о похожих случаях в других странах, и, наконец, я взорвался. Я разгромил всю комнату и едва не прикончил его самого.

– В вашем состоянии? – спросил юноша.

– Безумие помогло мне, – ответил вампир. – Я вытворял такое, что было мне не под силу даже здоровому. Я мало что помню, эта суета мне и сейчас представляется фантастической: я выволок его через заднюю дверь, протащил по всему двору и бил головой о кирпичную стену кухни. Обессиленный, я сам едва не отдал Богу душу. Они усмирили меня и пустили мне кровь. Идиоты! Но самое важное, что именно тогда я осознал всю глубину своего эгоизма. Наверное, потому, что в словах священника услышал отзвук собственных слов, а его

высокомерное отношение к брату напоминало мне мои чувства тогда. Как и его болтовня о дьяволе и почти болезненный отказ даже допустить саму мысль, что подлинная святость может быть найдена по соседству.

– Но он действительно верил, что вашим братом овладел дьявол.

– Это обычное человеческое отношение, – мгновенно возразил вампир. – Люди охотнее верят в дьявола, чем в Бога и в добро. Не знаю почему… Может быть, разгадка проста: творить зло гораздо легче. А говорить, что человеком овладел сатана, – все равно что объявить его сумасшедшим. Во всяком случае, я чувствовал, что именно к этому сводится смысл его слов. Не нужно видеть беса своими глазами, чтобы поверить в его существование. Другое дело – святой. Чтобы с кем-то, живущим рядом с тобой, происходили чудеса, подобные видениям моего брата? Нет, наше самолюбие не может допустить подобного!

– Мне это никогда не приходило в голову, – произнес его собеседник. – Что же случилось с вами дальше? Вы сказали, что вам пустили кровь. Это неминуемо должно было привести к смерти.

Вампир рассмеялся:

– Совершенно верно, но случилось непредвиденное. Вечером тот вампир снова вернулся ко мне, и как вы думаете зачем? Ему понадобились мои плантации. Я помню все детали той встречи, словно это произошло вчера. Было уже поздно, моя сестра, дежурившая около постели, заснула. Он вошел с черного хода, открыл двери без единого звука. Он был высокий, светловолосый и белокожий и двигался грациозно, как кошка. Первым делом прикрутил лампу и аккуратно прикрыл платком лицо сестры. Она не проснулась: так и спала спокойно всю ночь рядом с миской воды и полотенцем, которым вытирала мне лицо. Утром, когда она встала, я был уже не я.

Вампир вздохнул, облокотился на ручку кресла и обвел взглядом стены комнаты.

– Сперва я подумал, что родные позвали доктора, чтобы он попытался успокоить меня. И привести в чувство. Но когда он подошел поближе и склонился над постелью, мне сразу стало ясно, что я ошибся. Я разглядел его лицо при свете лампы и понял, что это не просто человек. Его серые глаза горели слишком ярко, да и длинные белые руки явно не были руками человека. Думаю, что в тот момент я догадался, кто передо мной, и все его слова потом уже не были для

меня откровением. Я видел вокруг него неземное свечение. Такого существа мне еще не приходилось встречать. Я чувствовал свою полную ничтожность перед ним. Все мысли и терзания, даже страшная вина перед братом и желание умереть, вдруг словно перестали существовать. Я и сам перестал существовать! – Он прижал кулак к груди. – Передо мной открывалась новая жизнь, новые возможности. Он говорил, и мое изумление росло и росло. Рассказывал о своей жизни, о том, кем я могу стать, и прошлое померкло, превратилось в прах. Он заставил меня увидеть со стороны мою мелочную, себялюбивую, бесполезную жизнь. Я понял, сколь неискренни были мои молитвы, обращаемые к Богу и к святым, чьи имена я затвердил по книгам. Они нисколько не изменили моего жалкого, приземленного существования. И я увидел – вот мои подлинные божества, те же, что у всех: пища и деньги, безопасность и комфорт… Прах земной.

На лице юноши появилась смесь замешательства и удивления.

– И вы решили следовать по его пути? – спросил он.

Вампир ответил не сразу.

– Решил – это не совсем точно. Не скажу, что такой исход был неизбежен. Просто после его слов этот путь оказался единственным для меня. И я пошел по нему, не оглядываясь. Хотя нет, один раз оглянулся.

– Один раз? Что вы имеете в виду?

– Мой последний рассвет. Утро, когда я еще не был вампиром и встретил свой последний рассвет. Я навсегда запомнил именно это утро; те, что были раньше, стерлись из памяти. Вот первый бледный свет коснулся окон, матово засветились кружевные занавески; свет становился ярче и ярче, и солнечные пятна обсыпали кроны деревьев. Взошло солнце, кружевной узор занавесок тенью лег на каменный пол, зайчики запрыгали по голове и плечам спящей сестры. Во сне она согрелась и отбросила платок; солнце светило ей прямо в глаза, и она щурилась, не просыпаясь. Стол, на который она уронила голову и руки, весь был залит светом, вода в миске сияла под солнцем. И наконец, жаркие лучи коснулись моего лица и рук. Я лежал и думал о том, что рассказывал мне ночью вампир. Я навсегда прощался с рассветом и с прошлой жизнью. Потом я встал и вышел из комнаты. Это был мой последний рассвет.

Вампир замолчал и снова посмотрел в окно. В комнате вдруг стало очень тихо, тишина звенела в ушах. Потом по улице с грохотом проехал грузовик, и шнур выключателя задрожал. И опять все стихло.

– Вы скучаете по рассвету? – спросил юноша.

– Да нет, не очень, – отозвался вампир. – На свете и так много интересного… На чем мы остановились? Кажется, вы хотели узнать, как я стал вампиром?

– Да, пожалуйста, расскажите поподробней.

– Это невозможно объяснить, – сказал он. – Я смогу только описать процесс превращения, облечь ощущения в слова. Но вы поймете, что значило случившееся для меня самого.

Молодого человека вдруг словно осенило что-то, и он хотел было задать еще один вопрос, но вампир уже продолжал рассказ:

– Итак, тот вампир, а звали его Лестат, хотел заполучить мои плантации. Слишком прозаическая причина даровать мне вечную жизнь на этом свете. Надо сказать, он не так уж сильно отличался от обычных людей. Он не считал вампиров членами элитарного клуба, хотя на земле их очень мало. У него были и чисто человеческие заботы. Например, слепой отец, который не знал, что его сын – вампир. Ему стало трудно жить в Новом Орлеане, нужно было кормиться самому и заботиться об отце. Вот почему ему понадобились мои плантации.

Мы приехали в Пон-дю-Лак вечером следующего дня. Я поместил старика в спальню и с помощью Лестата продолжил свой путь к новому состоянию. Нельзя сказать, что перемены произошли сразу, но начиная с какого-то момента у меня уже не было дороги назад. Мое превращение состояло из нескольких шагов, первым из которых стало убийство надсмотрщика. Лестат набросился на него, когда тот спал. Я был рядом: стоял настороже и одновременно проходил испытание на прочность – смогу ли я присутствовать при убийстве человека. Это было труднее и мучительнее всего. Я уже говорил вам, что не боялся умереть, хотя мысль о самоубийстве вызывала у меня отвращение. Но сколь низко я ценил свою жизнь, столь же высоко ставил жизни других людей. К тому же после гибели брата ужас смерти прочно утвердился в моей душе. Мне пришлось увидеть, как надсмотрщик, проснувшись, пытается сбросить с себя Лестата, как отчаянно он борется за жизнь в смертельных объятиях вампира… Наконец он обмяк, но умер не сразу:

почти час мы простояли в маленькой спальне и смотрели, как его душа расстается с телом. Это тоже являлось составной частью моего превращения, иначе Лестат ни за что бы не остался в комнате. Затем нам надо было избавиться от трупа. Меня обуял настоящий ужас: я чувствовал, что еще немного – и я не выдержу. У меня начался приступ лихорадки, я с трудом передвигал ноги и, перетаскивая тело, едва сдерживал тошноту. А Лестат только смеялся. Он говорил, что, когда я стану настоящим вампиром, тоже буду смеяться. Но он ошибся: я никогда не смеюсь над смертью, хотя часто бываю ее причиной.

Дорогой, идущей вдоль реки, мы вывезли тело надсмотрщика в поле, сбросили его с повозки, порвали на нем плащ, вытащили из карманов деньги и влили в рот немного виски для запаха. Я хорошо знал его жену – она жила в Новом Орлеане – и представлял себе, как она будет горевать, когда труп найдут. Но еще мучительнее была мысль о том, что она никогда не узнает, что на самом деле случилось с ее мужем, что это не простые грабители подстерегли его пьяным на дороге. Когда мы били безжизненное тело, ломали кости и превращали лицо в кровавое месиво, непреодолимое отвращение поднималось у меня в душе. Вы не должны забывать, что все это время Лестат вел себя не как обычный человек. Мне он казался сверхъестественным существом, вроде ангела. Но постепенно его магическая власть надо мной стала ослабевать. Мое сознание раздвоилось. С одной стороны, как я уже говорил, он просто околдовал меня и подчинил себе мою волю. Мое собственное стремление к разрушению и желание быть проклятым вели меня по тому же пути. Именно они помогли Лестату осуществить задуманное. Но в тот момент речь шла не обо мне. Я помогал разрушить жизнь надсмотрщика, его жены, его семьи. Ужас охватил меня, и, может быть, я ускользнул бы от Лестата и окончательно потерял бы рассудок, но безошибочный инстинкт подсказал ему, что происходит со мной.

Этот инстинкт… – Вампир задумался. – Пожалуй, я мог бы назвать его могучим инстинктом вампира. Для нас малейшее изменение выражения на человеческом лице говорит столько же, сколько оживленная жестикуляция – простым смертным. В Лестате он был развит необычайно сильно. Он поспешно затолкнул меня в экипаж и погнал лошадей домой. «Я хочу умереть, – бормотал я. – Это невыносимо. Ты же можешь убить меня – это в твоих силах. Позволь

мне умереть». Я старался не смотреть на него, чтобы не поддаться чарам его безупречной красоты. Он уговаривал меня, называл по имени и смеялся. Он твердо решил, что плантации должны достаться ему.

– Вы думаете, он не позволил бы вам уйти? – спросил юноша.

– Трудно сказать. Но теперь, хорошо зная Лестата, я думаю, он скорее убил бы меня, чем отпустил. Именно этого я и хотел. Точнее, мне казалось, что хотел. Как только мы добрались до дома, я выскочил из кареты и пошел, словно зомби, к кирпичной лестнице, той самой, с которой упал мой брат. Несколько месяцев дом стоял пустой – надсмотрщик жил в отдельном коттедже, – жаркий и влажный климат Луизианы уже начал свою разрушительную работу. Трещины между кирпичами заросли травой, кое-где даже проглядывали дикие лесные цветы. Помню ощущение ночного холода и сырости, когда, присев на нижние ступеньки лестницы, я положил усталую голову на кирпич, бесцельно перебирая руками крошечные цветочки. Я выдернул целый пучок и зажал в ладони. «Я хочу умереть, убей меня. Убей меня! – повторял я, словно заведенный. – Я стал убийцей и не могу больше жить». Лестат засопел от нетерпения, как бывает, когда выслушиваешь очевидную ложь. И вдруг бросился на меня. В жутком испуге я изо всех сил ударил его ногой в грудь, и его зубы только оцарапали мне горло. Кровь бешено колотилась у меня в висках. Одним движением, настолько стремительным, что я даже не увидел его, он отпрыгнул назад, к низу лестницы. «Мне показалось, ты хотел умереть, Луи», – сказал он.

Услышав имя, молодой человек кашлянул, словно хотел что-то спросить. Вампир сразу понял его и кивнул:

– Да, меня зовут Луи. – И продолжил рассказ: – Если бы я остался один и дошел до крайней черты, может быть, у меня хватило бы смелости покончить с собой, вместо того чтобы скулить и упрашивать других сделать это за меня. Я представлял себе долгие ежедневные страдания, как расплату за грехи, и мысленно тянулся к ножу, искренне надеясь, что внезапная смерть дарует мне вечное прощение. И еще я видел, как стою на верху лестницы, там, где стоял брат, а потом падаю вниз и разбиваюсь о камни.

Но у меня не было времени собраться с духом. План Лестата был рассчитан по минутам. «Послушай, Луи», – сказал он и прилег на

ступеньки рядом со мной, двигаясь изящно и интимно, словно любовник. Я отшатнулся, но он обнял и прижал меня к груди. Никогда я еще не видел его так близко. В тусклом свете его глаза неестественно сияли на белом лице. Предупреждая мое намерение пошевелиться, он поднес пальцы к моим губам и сказал: «Не двигайся. Я собираюсь высосать твою кровь до последней капли и хочу, чтобы ты лежал тихо, так тихо, чтобы ты слышал, как твоя кровь перетекает в меня. Только силой воли и разума ты должен поддерживать в себе жизнь». Я хотел было сопротивляться, но он так крепко прижимал меня к себе, что все мое распростертое тело находилось в его власти. Я оставил жалкие попытки вырваться, и он впился зубами в мою шею.

Вампир говорил, а юноша забивался в кресло все глубже и глубже. Его лицо напряглось, глаза сузились. Он словно ждал нападения.

– Вы когда-нибудь теряли много крови? – спросил вампир. – Вам знакомо это состояние?

Губы юноши обозначили слово «нет», но звука не получилось. Он сипло откашлялся и наконец сказал:

– Нет.

– Тогда слушайте. Наверху, в гостиной, горели свечи, а снаружи, на галерее, ветер раскачивал масляный фонарь. Эти два света смешались в мерцающее золотистое облако. Словно привидение повисло надо мной, зацепившись за перила лестницы… «Не закрывай глаза», – прошептал Лестат. Его губы прикоснулись к моей шее. Мурашки побежали у меня по спине. Как при поцелуе…

Некоторое время вампир стоял молча, задумчиво постукивая пальцами по подбородку.

– На несколько минут меня полностью парализовало от слабости, вызванной большой потерей крови. Мне было страшно, я не мог произнести ни слова. Лестат не выпускал меня. Его объятия были подобны стальному обручу. С удивительной отчетливостью я ощутил, как резким движением он разжал зубы на моей шее, оставив на ней две крошечные раны. Мне они казались огромными и наполненными болью. Затем он склонился ко мне, разжал сжимавшую мое беспомощное тело руку, поднес ее ко рту и прокусил себе запястье. Кровь хлынула потоком мне на рубашку и плащ. Казалось, прошла вечность. Он, не двигаясь, сверкающими глазами смотрел на кровь. Мерцающее облако очутилось у него за спиной, и он сам стал похож

на ужасный призрак. Трудно сказать с уверенностью, но, думаю, я знал, что он собирается сделать. Обессиленный, я лежал и ждал. Вдруг он прижал кровоточащую кисть к моим губам и сказал твердо, даже нетерпеливо: «Пей, Луи!» Я повиновался его приказу, а он продолжал шептать: «Давай, Луи. Поторопись». Я пил, сосал кровь из маленьких дырочек, блаженно, как младенец. Все внимание, все силы моего тела и души сосредоточились на этих маленьких, едва заметных ранках. В тот миг они были для меня единственными источниками жизни. И тогда случилось это… – Вампир нахмурился и откинулся на спинку кресла. – Это невозможно описать словами. – Он перешел на шепот. Юноша будто превратился в глыбу льда.

– Когда я почувствовал вкус крови на губах, мне показалось, что вокруг все исчезло, кроме трепещущего золотистого сияния где-то в вышине, но потом я услышал странный звук, доносившийся издалека. Вначале это был только глухой рокот, но скоро он рассыпался на фрагменты и стал походить на барабанный бой. Он становился все громче и громче, словно огромное существо медленно пробиралось к нам сквозь темный незнакомый лес и било в барабан. Вдруг к нему присоединились звуки второго барабана, как будто другое чудовище шло по следам первого, выбирая свой ритм, никак не связанный с прежним. Шум нарастал, наконец проник в каждую клеточку моего тела. Я чувствовал бешеную пульсацию этого ритма в своих венах: вначале один барабан, затем – другой. И вдруг Лестат убрал руку. Я открыл глаза и едва удержался, чтобы не схватить ее и прижать к губам. Наверное, я бы так и сделал, но тут внезапная догадка пронзила меня, подобно молнии: этот барабанный бой был биением наших сердец. Моего и Лестата. – Вампир вздохнул. – Вы поняли хоть что-нибудь? – обратился он к юноше.

– Нет… то есть да, – запинаясь, пробормотал тот. – Хотя… – Он покачал головой.

– Неудивительно, – сказал вампир, глядя в окно.

– Подождите, подождите! – воскликнул юноша. – Лента кончается, я переверну кассету.

Вампир терпеливо ждал.

– Что же случилось потом? – спросил юноша, вытирая вспотевшее лицо платком.

– Я стал видеть по-другому. Глазами вампира, – равнодушно, почти рассеянно ответил Луи. Потом очнулся и продолжил: – Лестат отступил назад, на нижнюю ступеньку лестницы, но в первый момент я просто не узнал его. Прежде его лицо было абсолютно белым и светилось в темноте. Теперь он предстал передо мной полным жизни и крови, излучающим мощное яркое сияние, источник которого находился внутри его самого. Я огляделся по сторонам и обнаружил, что изменился не только Лестат. Преобразилось все вокруг.

Я вдруг словно прозрел и увидел мир во всем разнообразии цветов и форм. Помню, меня так захватила игра красок на пестрых пуговицах плаща Лестата, что я долго не мог оторвать от них глаз. Потом он вдруг рассмеялся, и мне показалось, что за один миг я излечился от многолетней глухоты. Барабанный ритм сердца по-прежнему звучал у меня в ушах, а теперь к нему присоединились раскаты металлического смеха, они слились в общий гул. Как будто одновременно звонят несколько колоколов. Но скоро я научился разделять звуки и старался слушать каждый в отдельности. Потом они снова перемешались, но я уже безошибочно отличал один от другого, эти мягкие, нарастающие звуки, прерывистые, но бесконечные, слившиеся воедино и такие разные. Перезвоны смеха. – Вампир счастливо улыбнулся. – Перезвон колоколов.

«Перестань таращиться на мои пуговицы, – сказал Лестат. – Пойди лучше в сад, стряхни с себя прах человеческий. И не влюбляйся без памяти в эту ночь, а то заблудишься в трех соснах».

Последнее замечание было и впрямь не лишним: я это понял, едва отошел от дома. Лунный свет на мощеных дорожках сада заворожил меня, я стоял и глядел на них чуть ли не час. Я прошел мимо часовни брата, даже не вспомнив о нем; надо мной шумели дубы, и звуки ночи казались голосами тысячи женщин. Они шептали что-то, манили, звали к себе. Но мое тело переродилось еще не совсем, и, привыкнув к новому зрению и слуху, я почувствовал боль. Все человеческое покидало меня. Человек во мне умирал – начинал жить вампир. И новые, обостренные чувства вампира родили во мне сперва тревогу, а потом и страх перед собственной смертью. Я бросился по ступенькам вверх, в гостиную. Лестат уже деловито разбирал мои счета и бумаги.

«Да ты богач», – приветствовал он мое появление.

«Что со мной происходит?» – закричал я.

«Ты умираешь, только и всего. Перестань валять дурака. Кстати, где у тебя лампы? Я не нашел ни одной, разве что фонарь на улице. Принеси мне его. У тебя столько денег, а ты не можешь раскошелиться на китовый жир».

«Умираю! – кричал я. – Умираю!»

«Это случается с каждым», – сказал Лестат.

Он не хотел мне помочь. Даже сейчас, оглядываясь назад, я презираю его за это. Не потому, что я был напуган, а он не утешил меня. Но он мог бы объяснить, что моя смерть, то есть перемена, происходившая со мной, столь же увлекательна и прекрасна, как ночь, которую я только что чувствовал и видел. Но он этого не сделал. Потому что Лестат был совсем не такой, как я. – В словах вампира не было ни тени самодовольства. Только сожаление, что ничего не изменишь.

– Alors[1], – вздохнул он, – я умирал быстро, а значит, и так же быстро умирал мой страх перед смертью. Жаль только, что я не мог спокойно и внимательно следить за своим превращением. Что я не уделил этому больше внимания. Лестат же вел себя как круглый идиот. «Черт побери! – вдруг выругался он. – Я забыл запасти для тебя еду. Ну что я за дурак!» Я едва не сказал, что придерживаюсь того же мнения. «И спать тебе придется со мной, – продолжал он. – Я не успел приготовить для тебя гроб».

Вампир рассмеялся.

– Слово «гроб» вселило в меня такой ужас, что, наверное, на него ушла вся оставшаяся у меня способность бояться. Но ужас быстро прошел, мне только не хотелось лежать в одном гробу с Лестатом. Сам он пошел попрощаться с отцом и сказать, что вернется к вечеру. «Куда ты идешь? Почему ты вечно пропадаешь по ночам?» – стал допытываться старик, и Лестат потерял терпение. Раньше он держался с отцом исключительно вежливо, пожалуй, даже чересчур, но тут взорвался: «Разве я не забочусь о тебе? Я все для тебя делаю, не то что ты для меня. Ты сейчас живешь так, как я никогда не жил, и если мне охота весь день спать и пьянствовать по ночам, то это, черт возьми, мое право!» Старик униженно заплакал. Только особенное состояние чувств, в котором я тогда пребывал, и страшная физическая слабость не дали мне вмешаться. Я наблюдал за происходящим через открытую дверь и не мог отвести глаз от разноцветного покрывала на постели

отца Лестата и поразительного смешения красок на его лице. Я завороженно смотрел на голубые вены, пульсирующие под розово-серой кожей, пожелтевшие от старости зубы, мелкую дрожь тонких бескровных губ. «Что за сын, что за сын, – бормотал он. Конечно, он и не догадывался, кто его сын на самом деле. – Ну ладно, иди куда хочешь. Наверное, ты завел себе подружку и отправляешься к ней по утрам, когда муж уходит из дома. Только дай мне мои четки. Куда они запропастились?» Лестат опять выругался, но выполнил его просьбу…

– Но… – начал было юноша.

– Да? – отозвался Луи. – Простите, я, кажется, не даю вам и слова вставить.

– Вы сказали про четки. Но ведь на них обычно вешают крест…

– Ах вот в чем дело. – Вампир рассмеялся. – Я знаю, ходят слухи, что мы боимся крестов.

– Я думал, вампиру даже смотреть на крест нельзя.

– Чепуха, мой друг, полная чепуха. Я могу смотреть на все что угодно, так же как и вы. Иногда даже люблю смотреть на распятия.

– Так, значит, и про замочные скважины это все ерунда? Я слышал, что вампиры могут превращаться в дым и просачиваться в запертую комнату.

– Хорошо бы, – смеясь, ответил вампир. – А вообще, недурная идея. Я сам не прочь полазить взад-вперед сквозь замочные скважины: наверное, они приятно щекочут разные места. Нет, – он покачал головой, – это, как вы говорите теперь… бред собачий.

Молодой человек невольно рассмеялся, но быстро посерьезнел.

– Не смейтесь, – сказал вампир. – Есть еще вопросы?

– Да, – слегка покраснев, признался юноша. – Говорят, что вампиру нужно проткнуть колом сердце, чтобы уничтожить.

– То же самое – бред собачий. – Луи старательно произнес согласные буквы, вызвав у юноши смущенную улыбку. – Никаких чудес тут нет. А почему бы вам не закурить? Я вижу, у вас пачка сигарет в кармане.

– Спасибо. – Молодой человек искренне обрадовался. Он засунул сигарету в рот и попытался прикурить, но руки слишком сильно дрожали.

– Позвольте мне, – пришел ему на помощь вампир и, проворно чиркнув спичкой, поднес ее к сигарете. Не сводя глаз с его пальцев,

юноша затянулся.

– Пепельница у стены, – сказал вампир и уселся в кресло.

Заметно нервничая, молодой человек встал, вытряхнул в корзину для мусора старые окурки, поставил пепельницу на стол перед собой и положил на ее край сигарету. На белой папиросной бумаге отпечатались влажные пальцы.

– Это ваша комната? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил вампир. – Просто комната.

– Что было дальше? – вернулся юноша к прерванному разговору. Его собеседник смотрел на клубы дыма вокруг лампочки на потолке.

– Мы поспешили в Новый Орлеан. Там, в жалкой лачуге на окраине, неподалеку от крепостной стены, Лестат хранил свой гроб.

– Вы все-таки согласились спать вместе с ним?

– У меня не было выбора. Я просил его позволить мне лечь в чулане, но он только удивленно рассмеялся. «Разве ты знаешь, что с тобой случится?» – спросил он. «Скажи, этот гроб волшебный? Почему он такой странной формы?» – не отставал я от него, но не услышал в ответ ничего, кроме смеха. Я не мог себе представить, что буду спать в гробу. Я все еще упорствовал, но вдруг понял, что страх прошел. Это было очень странно. Я всегда боялся замкнутого пространства. Я родился и вырос во французских домах с просторными комнатами и окнами от пола до потолка, и взаперти меня охватывал непреодолимый ужас. Мне становилось не по себе даже в исповедальне. Я спорил с Лестатом и вдруг понял, что цепляюсь за старые страхи только по привычке, потому что пока не могу разобраться в своем новом положении, почувствовать себя раскованным и свободным. «Ты плохо себя ведешь, – отчитал меня Лестат. – Скоро наступит рассвет. К твоему сведению, ты умрешь, если не ляжешь со мной. Солнце разрушит кровь, которую я в тебя влил. Не могу понять, чего ты боишься? Ты как человек, который потерял руку, но все еще говорит, что чувствует в ней боль». Это были самые толковые слова, которые я слышал от Лестата, я тут же пришел в себя. «Ну а теперь полезай в гроб, – презрительно приказал он мне, – если, конечно, у тебя есть хоть крупица здравого смысла». И я послушался. Я лежал на Лестате лицом вниз. Это соседство было противно, но страха, к собственному удивлению, я не чувствовал. Лестат задвинул крышку. Я спросил его, умер ли окончательно. У меня зудело и

чесалось все тело. «Еще нет, – ответил он. – Ты умрешь к вечеру. Увидишь и услышишь, что все переменилось, но страшного не будет ничего. А теперь спи».

– Он оказался прав? Когда вы проснулись, вы были уже мертвы?

– Правильнее было бы сказать, что я проснулся обновленным, поскольку, как вы, наверное, заметили, жив я и поныне. Умерло только тело. Оно очистилось еще до того, как я лег спать. И мои чувства еще больше отдалились от нормальных человеческих. Но главное, что я понял на следующий же вечер, пока мы прятали гроб и воровали для меня другой из морга: Лестат мне совершенно не нравится. Я стал почти таким же существом, как он, – конечно, еще не совсем таким, но гораздо ближе, чем до того, как умерло мое тело. Хотя вы не сможете понять этого до конца, ведь вы сейчас такой, каким был я, пока не умер, а для меня живого Лестат был непостижим. Когда я увидел его впервые, это было самое сильное потрясение в моей жизни. Кстати, ваша сигарета догорела.

Юноша положил обгоревший фильтр в пепельницу и достал новую сигарету. На этот раз он справился со спичками.

– Вы хотите сказать, что он потерял все очарование, когда дистанция между вами сократилась?

– Именно так, – удовлетворенно подтвердил вампир и продолжил повествование: – Путешествие назад, в Пон-дю-Лак, подарило мне массу впечатлений, самым скучным и утомительным из которых был Лестат. Мы, как я уже сказал, еще не были с ним на равных. Пользуясь его словами, я все еще боролся с мертвыми частями собственного тела. Я и сам почувствовал это в ту же ночь, когда впервые убил человека.

Вампир протянул руку через стол и осторожно стряхнул пепел с сигареты молодого человека. Юноша смотрел на него с нескрываемым страхом, и вампир извинился:

– Простите, я не хотел вас напугать.

– Нет, это вы простите. Мне показалось, что ваша рука… слишком длинная. Вы дотянулись до другого края стола, не двигаясь с места!

– Нет, – ответил Луи и положил ногу на ногу. – Просто я наклонился вперед так быстро, что вы не успели заметить.

– Вы наклонились вперед? Не может быть! Вы сидели все время в точности как сейчас, откинувшись на спинку кресла.

– Нет, – твердо сказал вампир, – я вовсе не собираюсь вас разыгрывать. Смотрите, я покажу еще раз. – Он повторил движение, и снова испуганный и смущенный юноша посмотрел на него недоуменно. – Опять вы за мной не угнались. Взгляните: эта рука самой обыкновенной длины. – Он воздел руку над столом и поднял указательный палец вверх, словно ангел, несущий Слово Божье. – Вот в чем принципиальная разница между вашим зрением и моим. Мне самому этот жест показался медленным и даже вялым. И еще я отчетливо расслышал шорох, когда мои пальцы коснулись вашей куртки. Я не собирался пугать вас, честное слово. Но это поможет вам понять, сколько нового подарила мне дорога из Нового Орлеана в Пон-дю-Лак.

– Да, – ответил молодой человек потрясенно.

Вампир посмотрел на него долгим взглядом, потом заговорил:

– Я начал рассказывать…

– О вашем первом убийстве.

– Верно. К нашему возвращению плантация походила на потревоженный улей. Был найден труп надсмотрщика, а потом и слепой отец Лестата в моей спальне. Никто не знал, откуда он взялся. В придачу ко всему меня не могли целый день разыскать в городе. Сестра сообщила в полицию, и полицейские приехали в Пон-дю-Лак раньше нас. Уже стемнело. Лестат на скорую руку объяснил мне, что я не должен позволить полицейским видеть себя даже при самом слабом освещении. Поэтому я отвечал на их вопросы в дубовой аллее перед домом, не обращая внимания на просьбы зайти внутрь. Я сказал, что слепой старик – мой гость, что, прибыв прошлой ночью на плантацию, я не застал надсмотрщика и подумал, что он уехал в Новый Орлеан по делам.

Постепенно все улеглось, но управлять плантациями стало трудно. Среди рабов началось брожение, целый день они не работали. В тот год у нас созрел большой урожай сырья, и без надсмотрщика было никак не обойтись. Среди рабов нашлось несколько смышленых парней. Можно было давно передать им работу надсмотрщика, но раньше меня отпугивала их африканская внешность и повадки, и я не хотел знакомиться с ними близко. Теперь же поручил им руководить работой, а лучшему из них пообещал в награду дом надсмотрщика. И еще я забрал с полей двух молодых женщин, чтобы они ухаживали за

отцом Лестата. Я постарался втолковать им, что они не должны нарушать наш покой, что за это они получат больше денег. Я и не догадывался, что именно эти рабы, которых я так тщательно выбирал, первыми заподозрят неладное про меня и Лестата. Я не подумал тогда, что их опыт общения со сверхъестественным куда богаче, чем у белых. Для меня это были дикие люди, разве что чуть-чуть одомашненные работой на господина. Как же страшно я ошибался! Но об этом после. Я собирался рассказать о своем первом убийстве. Его подстроил Лестат. Как обычно, бессмысленно и неумело.

– Неумело? – переспросил юноша.

– Я не должен был начинать с людей. Сам я еще не знал, что могу пить кровь животных вместо человеческой. Когда полиция уехала и рабы успокоились, Лестат потащил меня на болота. Было уже довольно поздно, и в хижинах рабов не горело ни огонька. Вскоре мы потеряли из виду и освещенные окна нашего дома, и я всерьез забеспокоился. Но опять-таки меня мучил не сам страх, а воспоминания о нем. Если б Лестат хотел, он мог бы спокойно объяснить мне, что я нахожусь в полной безопасности – ядовитые змеи и насекомые нам не страшны – и что сейчас лучше всего сосредоточиться на новом умении: видеть в темноте. Вместо этого он предпочел донимать меня бесконечными насмешками и упреками. Его заботило только, как бы поскорее найти жертву и завершить мое посвящение в вампиры.

Нашей конечной целью оказался маленький лагерь беглых рабов. Лестат навещал их и раньше, в результате чего людей в нем уменьшилось примерно на четверть. Он подстерегал тех, кто отходил от костра, или нападал на спящих. Они и не подозревали, куда пропадают товарищи. Больше часа мы ждали в засаде, и вот один из мужчин – а там были только мужчины – отошел от освещенного круга всего на несколько шагов в гущу деревьев. Он расстегнул штаны, оправился и повернулся к нам спиной, чтобы идти назад. И тогда Лестат толкнул меня в бок и прошептал: «Убей его».

Вампир улыбнулся, глядя в широко открытые глаза юноши.

– Я ужаснулся так же, как вы сейчас, и сразу отказался. Раб услышал мой голос и повернулся в нашу сторону, настороженно вглядываясь в темноту. Затем он быстро и молча выхватил из-за пояса длинный нож. Я пригляделся к нему повнимательней: это был

здоровый и крепкий мужчина высокого роста, голый до пояса. Он произнес какую-то фразу на местном французском диалекте и шагнул вперед. Лестат очутился у него за спиной с поразившей меня быстротой, молниеносным движением вцепился ему в горло и в руку, сжимавшую нож. Не видя ничего в кромешной тьме, раб закричал, попытался сбросить Лестата, но тот уже добрался зубами до горла. Парализованный, как от укуса змеи, раб упал на колени, а Лестат жадно и торопливо сосал его кровь, стараясь успеть насытиться до того, как подбегут другие. «Ты мне порядком надоел», – заявил он, когда обернулся ко мне. Все это время я стоял не шелохнувшись. Словно насекомые, надежно укрытые темнотой, мы наблюдали за суетящимися и бегающими вокруг рабами. Они нашли раненого и оттащили его к костру, после чего, рассыпавшись веером, углубились в чащу, пытаясь найти нападавшего. «Пошли, надо поймать еще одного, прежде чем они вернутся», – сказал Лестат. Мы вышли из убежища в тени деревьев и бесшумно последовали за человеком, шедшим немного поодаль от других. Я был потрясен. Я не только не мог, но и не хотел нападать на него. Все могло быть иначе, если б Лестат правильно взялся за дело, и мой первый опыт убийства оказался бы куда богаче во многих отношениях.

– Что вы имеете в виду? – спросил юноша.

– Убийство для вампира – не только убийство. И это не значит просто до отвала насосаться свежей крови. Это значит почувствовать чужую жизнь; почувствовать, как она вместе с кровью медленно покидает тело. Убивая, я каждый раз умираю сам и рождаюсь заново, как в ту ночь, когда я сосал кровь Лестата и стук наших сердец слился воедино. Каждый раз это миг величайшего наслаждения, единственного наслаждения, которое доступно вампиру. – Он говорил очень серьезно, будто спорил с кем-то, отстаивал свое мнение. – До сих пор не могу понять, почему Лестат не чувствовал того же. А может быть, чувствовал, но скрывал. Так или иначе, ему не пришло в голову напомнить мне, как я припал к его окровавленной руке – во имя жизни – и не хотел отпускать ее. Он мог найти хорошее место, где бы я совершил первое убийство тихо и достойно. Но он торопился так, словно за нами кто-то гнался. Он догнал раба, бросился на него сзади, вцепился мертвой хваткой и подставил мне обнаженную шею несчастного. «Ну же! – крикнул он нетерпеливо. – Обратной дороги

нет». Я подчинился, безвольно и с отвращением. Я встал на колени перед согнувшимся в железных руках Лестата, но продолжающим бороться человеком, придавил его плечи ладонями, добираясь до горла. Мои зубы еще не изменились окончательно, и приходилось вырывать целые куски кожи с мясом из живого тела. Но как только рана стала глубокой и кровь хлынула бурным потоком, я припал к ней губами и начал пить… и все вокруг исчезло.

Лестат, болото, далекий шум в лагере – все перестало существовать. Волшебство повторилось, как в первый раз; я чувствовал, как бьется и затихает в моих руках теплое живое тело. И снова зазвучал барабан – удары его сердца, но теперь они четко совпадали с моими, переполняли мою душу и тело, потом ритм стал замедляться и превратился в долгий, тихий, бесконечный гул. Я парил, плыл в невесомости, и вдруг Лестат оттащил меня от жертвы. «Идиот, он давно уже мертв! – с присущей ему вежливостью сказал он. – Нельзя сосать кровь трупа. Запомни!»

На мгновение я словно обезумел. «Нет, – убеждал я Лестата, – его сердце все еще бьется». Меня неудержимо потянуло снова вцепиться в этого раба.

Я шарил руками по его груди и наконец нашел запястье. Я уже хотел прокусить вену, но Лестат отдернул меня за ногу, а потом ударил по лицу. Пощечина ошеломила меня, но не боль от удара, а шок, эмоциональный взрыв. Я очнулся в смятении и обнаружил, что стою, беспомощно прижавшись спиной к кипарису, и смотрю в темноту, а ночь жужжит у меня в ушах, словно рой насекомых. «Ты умрешь, если притронешься к нему, – поучал меня Лестат. – Если пить кровь мертвеца, он сам высосет тебя до последней капли и заберет с собой. Ты и так перебрал, тебе будет плохо».

Его голос действовал мне на нервы, я чуть было не бросился на него с кулаками. Но он оказался прав: скоро у меня действительно жутко разболелся живот, мои внутренности словно затягивало в огромную воронку. Потом я узнал, что так бывает, когда чужая мертвая кровь смешивается с собственной. На обратном пути Лестат бесшумно пробирался по лесу, словно сытый кот, а я плелся сзади, голова разламывалась от боли, и резь в желудке не прошла даже по возвращении в Пон-дю-Лак.

Мы сидели в гостиной, Лестат раскладывал пасьянс. Я смотрел на него с отвращением. Он говорил, что скоро я привыкну и научусь убивать. Я не должен позволять себе переживать так, будто еще не стряхнул с себя «прах бренной человеческой жизни». Впрочем, скоро все наладится. «Ты так думаешь?» – спросил я, хотя его мнение не интересовало меня ни в малейшей степени. Уже тогда я понял, что мы с Лестатом слишком разные. Для меня случившееся было подобно мировому катаклизму. Мой мир переменился, я увидел другими глазами все вокруг, начиная с портрета брата на стене в гостиной и кончая маленькой звездочкой в небе за стеклянной дверью галереи. Я не мог себе представить, что другой вампир может быть к этому равнодушен. И чувствовал, что продолжаю меняться. Все, что видел и слышал, было мне безумно интересно, все трогало мою душу – даже шуршание карт, которые глянцевыми рядами ложились на полированное дерево стола.

Скучный и равнодушный, как простой смертный, он раскладывал пасьянс и чертыхался, глядя на карты. Он пытался внушить мне, что ничего особенного не произошло. Он не понимал, что другой может чувствовать иначе. К утру мне окончательно стало ясно, что я стою гораздо выше его, и я горько усмехнулся шутке судьбы, которая послала мне такого учителя. Ну что ж, пусть научит меня тому, что знает сам, а мне остается только терпеть его вздорный характер и злость на все и вся. Лестат стал мне совершенно безразличен. Но я жаждал новых переживаний, столь же прекрасных и всепоглощающих, как первое убийство. И понял, что, если хочу научиться чувствовать как можно глубже и сильнее, я должен полагаться только на собственные силы. От Лестата не будет толка.

Уже минуло далеко за полночь. Я поднялся и вышел на галерею. Огромная луна стояла высоко над верхушками кипарисов, заливала светом свежепобеленные стены и колонны, чисто подметенный дощатый пол. Ночной воздух был чист и свеж после короткого летнего дождя, и капельки воды переливались всеми цветами радуги на листьях и траве в саду. Я прислонился спиной к колонне, касаясь головой нежных побегов жасмина, чудом уцелевших в борьбе с глицинией. Я думал о бесконечных возможностях, простирающихся передо мной в пространстве и времени. И тогда решил, что буду принимать все с нежностью и благоговением, черпая из каждой новой

встречи то лучшее, что поможет мне двигаться дальше и дальше. Должен признаться, я и сам тогда толком не разбирался в собственных мыслях. Понимаете, я уже не хотел жить очертя голову, потому что боялся растратить попусту волшебный дар вампира – новое, пристальное видение.

– Я понимаю вас, – не задумываясь ответил юноша. – Это похоже на любовь.

Глаза вампира засияли.

– Именно так. Это и есть любовь. – Он улыбнулся. – Я рассказываю так подробно, чтобы вы поняли, что между вампирами может пролегать пропасть, поняли, почему я не пошел по пути Лестата. Я презирал его не потому, что он ничего не чувствовал. Просто не мог понять, как можно терять понапрасну этот дар.

Но в ту же ночь он преподал мне еще один урок.

Он всегда приходил в легкомысленный восторг от роскоши, окружавшей его в Пон-дю-Лак. Например, ему очень нравился изящный фарфоровый сервиз, на котором его отцу подавали ужин. Он любил трогать бархатные портьеры и водить носком туфли вдоль замысловатых узоров на ковре. В самую первую ночь на плантации он вынул из китайского шкафчика хрустальную рюмку и сказал: «Я соскучился по бокалам». В его словах прозвучало какое-то зловещее удовольствие, и я пристально посмотрел на него. Как он мне не нравился! «Я хочу показать тебе маленький фокус, – сказал он, – если ты тоже любишь бокалы». Он поставил рюмку на стол и вышел ко мне на галерею. Вдруг он снова переменился и стал похож на крадущееся животное. Его глаза пронзали ночную темноту вокруг дома. Уставившись куда-то под своды ветвей дуба, он постоял минуту, потом перепрыгнул через перила и, мягко приземлившись, бросился вперед. Когда он показал мне добычу, я вздрогнул. Это была крыса. «Перестань вести себя как круглый идиот, черт возьми! – закричал он, увидев мое лицо. – Ты что, никогда крысы не видел?» Здоровенная полевая крыса с необычайно длинным хвостом отчаянно старалась вырваться на волю. Но он держал ее крепко, так, что она даже не могла кусаться. «Иногда попадаются довольно вкусные крысы», – заметил он, подойдя к столу в гостиной. Резким движением он вспорол ножом горло мерзкой твари и быстро наполнил бокал кровью. Труп крысы полетел обратно в сад, а Лестат триумфально поднял бокал и

посмотрел сквозь него на пламя свечи. «Если прижмет, можно прожить и на крысах, так что перестань корчить такую физиономию, – сказал он мне. – Кошки, курицы, коровы – все сгодится. Когда плывешь на корабле, например, лучше ограничиться крысами, если не хочешь, чтобы из-за начавшейся паники всякие идиоты отыскали твой гроб. Нет, лучше уж очищать судно от проклятых грызунов». Он сделал глоток с таким видом, словно пил бургундское, после чего, скривившись, недовольно буркнул: «Слишком быстро остывает».

«Ты хочешь сказать, что мы можем пить кровь животных?» – Я был потрясен.

«Да. – Он допил бокал до дна и небрежно швырнул его в камин. Я невольно взглянул на осколки. – Ты ведь не возражаешь? – Он указал на них с саркастической усмешкой. – Очень надеюсь, что нет. Потому что все равно ты вряд ли можешь что-нибудь поделать».

«Отчего же, я могу, например, запросто вышвырнуть тебя вместе с отцом из Пон-дю-Лака», – ответил я. Впервые за два дня общения с ним я дал волю своим чувствам.

«Зачем? – спросил он с фальшивой тревогой. – Ведь… ты еще многого не знаешь, верно? – Он рассмеялся. Пробежав пальцами по атласному футляру спинета, он поинтересовался: – Ты играешь?»

Я сказал что-то вроде: «Не трогай!» Это вызвало у него новый приступ веселья.

«Хочу и трогаю! – заявил он. – Кстати, ты даже не знаешь, что может привести к твоей смерти. Было бы обидно умереть именно сейчас».

«Я найду кого-нибудь другого, кто меня научит, – сказал я. – Наверняка ты не единственный на свете. Твоему отцу около семидесяти, значит, ты не так давно стал вампиром. Тебя же учил кто-то…»

«Неужели ты думаешь, что сможешь сам найти других вампиров? Они-то заметят тебя издалека, мой друг, а вот ты их – нет. Так что вряд ли у тебя есть выбор, приятель. Хочешь не хочешь, но именно я – твой учитель, и без меня тебе не обойтись. Не забывай к тому же, что у нас обоих есть о ком позаботиться. Моему отцу нужен доктор, а на тебе – мать и сестра. Не вздумай проболтаться, что ты вампир. Нужно только обеспечить им и моему старику спокойную жизнь. Другими словами, с завтрашнего дня не мешкай – убивай и занимайся своими

плантациями. А теперь пора спать. Для безопасности мы ляжем в одной комнате».

«Ну уж нет, – сказал я. – Ищи себе сам безопасную спальню. Я предпочитаю спать в одиночку».

Он разозлился не на шутку. «Не делай глупостей, Луи, предупреждаю тебя, – сказал он с угрозой. – Ничто тебе не поможет, когда взойдет солнце. Ничто. Отдельные комнаты создают двойные меры предосторожности и двойной риск быть обнаруженным».

Он привел целую кучу доводов, пытаясь запугать меня; но с таким же успехом он мог обращаться к стене. Я внимательно следил за ним, но не слушал. Таинственный ореол вокруг него растаял без следа. Передо мной стоял глупый хрупкий манекен, словно сплетенный из ивовых прутиков, и верещал противным, злым голосом.

«Спокойной ночи, я пошел», – сказал я и аккуратно погасил свечи одну за другой.

«Останься хотя бы сегодня, уже почти рассвело», – не унимался он.

«Запрись покрепче и ложись спать. Я сам позабочусь о себе», – сказал я, взял гроб в охапку и пошел вниз по лестнице. Сверху донесся щелчок замка и легкий шелест портьеры.

Небо побледнело, но звезды еще светили. Прошел легкий дождь, и мокрые пятна темнели на мощеных дорожках сада. Я раздвинул кусты дикой розы и терновника, открыл дверь в часовню брата, вошел и опустил гроб на каменный пол перед аналоем. Почерневшие образа были едва различимы в темноте. «Поль, – тихо обратился я к брату, – первый раз в жизни нет во мне ужаса перед твоей смертью. И первый раз в жизни я так сильно чувствую тебя. Я тоскую по тебе, как никогда раньше».

– Понимаете, – Луи повернулся к юноше, – именно тогда и совершилось мое полное превращение. Я закрыл деревянные ставни на узких решетчатых окнах, запер дверь. Атласная обивка моего нового ложа слабо светилась во тьме. Я улегся в гроб и захлопнул над собой крышку. Вот так я стал вампиром.

Наступило долгое молчание. Потом юноша сказал:

– И вы остались жить с ненавистным Лестатом.

– А что я мог поделать? – ответил Луи. – Тогда я еще всецело зависел от него. Он все время намекал, что я многого не знаю и научить меня всему может только он. Например, он объяснил мне, как путешествовать на корабле. Надо представить дело так, что в гробах мы перевозим останки близких для перезахоронения. Ни у кого не хватило бы наглости проверять нас, и мы могли бы спокойно спать днем, а по ночам охотиться на корабельных крыс. Лестат хорошо знал торговцев и хозяев магазинов. Они всегда нас радушно принимали, несмотря на поздние часы, и предлагали на выбор любые образцы одежды по самой последней парижской моде. Он водил знакомство с мелкими бизнесменами и агентами, которые обделывают свои дела по вечерам за столиками кабаре или ресторанов. В подобных вещах Лестат действительно хорошо разбирался и оказался неплохим учителем. Кем он был при жизни, я не знал, да и не хотел знать. Судя по всему, мы не сильно различались по происхождению, хотя это меня мало волновало. Правда, именно благодаря этому обстоятельству наша совместная жизнь протекала более или менее гладко. Вкус у Лестата был безукоризненный, но мою библиотеку он называл «грудой пыли». «Это все чепуха, игрушки для людей», – твердил он и при этом тратил огромные деньги (мои, естественно) на роскошную мебель для Пон-дю-Лак. Даже я, равнодушный к деньгам, внутренне содрогался. Иногда, очень редко, у нас бывали гости – в основном путники в поисках ночлега. Часто они показывали рекомендательные письма от других плантаторов или чиновников из Нового Орлеана. Лестат радушно принимал их, развлекал и вообще вел себя на редкость вежливо. В такие дни я мог вздохнуть свободнее, потому что обычно мне приходилось сидеть с ним один на один в четырех стенах и молча сносить его злобный цинизм.

– Этих людей он не трогал? – спросил молодой человек.

– Конечно, трогал. Но позвольте открыть вам небольшой секрет. Уж лучше видеть человека мертвым, чем оказать ему неучтивый прием. Кстати, это свойственно не только нам, вампирам, но и военным, генералам, даже королям. Странно, конечно. Но это правда. Я прекрасно знал, что Лестат убивает людей каждую ночь, – знал и молчал. Вот если бы он позволил себе грубость или невежливость по отношению к моей семье, гостям или рабам, я бы живо поставил его на место. Но ничего подобного. Лестат был сама обходительность,

казалось, его даже радуют гости. И он всегда говорил мне, что на содержание своих родных мы не должны жалеть денег. Смешно: он прямо-таки душил старика отца роскошью. Все время напоминал ему, что целую кучу денег истратил на его пижамы и ночные сорочки, что полог над его кроватью специально выписан из Европы, рассказывал, какие благородные вина, французские и испанские, хранятся в наших подвалах, и хвалился, что даже в самые неурожайные годы наша плантация приносит огромный доход. Но иногда он бывал страшно груб с отцом. Дикие вспышки сыновнего гнева пугали старика – он начинал плакать как ребенок. «Я содержу тебя не хуже барона, – орал Лестат. – У тебя есть все, что пожелаешь! Так что перестань приставать ко мне с посещениями церкви и твоих старых друзей. Этот вздор мне осточертел. Твои старые друзья давным-давно умерли. Почему бы тебе не отправиться вслед за ними? Может быть, тогда ты оставишь в покое меня и мой кошелек!»

Отец плакал, бормотал, что уже стар и ему ничего не нужно, что он с радостью остался бы на своей маленькой ферме. Меня часто подмывало спросить: «Где ваша ферма? Откуда вы приехали в Луизиану?» – чтобы узнать, где Лестат повстречался с другим вампиром. Но я не рисковал заводить этот разговор. Старик начал бы плакать, а Лестат наверняка пришел бы в неистовство. Надо сказать, что бóльшую часть времени Лестат вел себя с отцом как ангел. В порыве почти подобострастной заботы он приносил ему ужин на подносе, рассказывал про погоду, про последние городские новости и про мою мать и сестру. Было очевидно, что по образованности и изящным манерам Лестат ушел от отца далеко вперед, но как это случилось и почему, я не мог понять. И я решил не думать об этом и не встревать в их отношения.

Вообще говоря, наша жизнь была довольно сносной, хотя за насмешливой улыбкой Лестата всегда прятался намек на то, что ему ведомы прекрасные и страшные тайны мироздания, о самом существовании которых я даже не подозревал. Он все время хотел унизить меня, презирал мое нежелание стать таким же, как он – хладнокровным убийцей, – высмеивал то полуобморочное состояние, в которое я впадал всякий раз во время убийства. Помню, он зашелся от хохота, когда я с удивлением обнаружил, что вижу свое отражение в зеркале, а кресты и распятия никак на меня не действуют. На мои

постоянные вопросы о Боге и о дьяволе всегда кривил губы в усмешке. «Хотел бы я однажды ночью повстречаться с сатаной, – сказал он как-то со злобной гримасой. – Ему пришлось бы бежать, не останавливаясь, отсюда до западного побережья. Потому что я сам – дьявол». Заметив мой ужас, он громко захохотал.

Скоро моя неприязнь к нему перешла в холодную подозрительность, но я продолжал изучать его с невольным интересом. Часто я ловил себя на том, что не могу отвести взгляд от его руки, ставшей для меня источником новой жизни. Застывал на месте, моя душа словно покидала тело, или, точнее, само тело становилось душой. Это раздражало Лестата. Он не хотел понять меня, моего стремления познать истину. Чтоб привести в чувство, он грубо тряс меня за плечи. Я терпел его выходки спокойно, со странной отрешенностью, которая была мне неведома в прежней жизни, и понял, что такова моя новая природа, природа вампира; часами я сидел один и думал о брате, о его жизни, короткой и плутающей во мгле; я понял, что бессмысленно и суетно тратил душевные силы, когда оплакивал его смерть и бросался на людей, как дикий зверь. Вспоминал свое смятение, свои безумные мысли, словно пляшущие в тумане. Но то были мысли смертного человека. Я стал вампиром, и все переменилось. Осталась только глубокая, бездонная печаль. Это не значит, что я целыми днями сидел и предавался унынию. Вы должны понять меня правильно – я уже не мог терять время понапрасну. Я жадно смотрел на мир вокруг себя, на людей и видел, что каждая жизнь бесценна, что бесплодные терзания и жалкое чувство вины делают ее еще короче и годы тогда бегут как песок сквозь пальцы. Только теперь я по-настоящему узнал свою сестру. Я велел ей все время жить в городе, потому что только там она могла почувствовать силу своей молодости, своей красоты. Хотел, чтобы она вышла замуж, чтобы перестала думать о смерти брата и страдать от разлуки со мной, и не дай ей бог стать сиделкой при нашей матери. Я старался давать им все, исполнял все желания, даже капризы. Сестра смеялась и говорила, что я сильно изменился. По вечерам мы ходили гулять. Узкие деревянные мостовые города выводили нас к дамбе, под сень деревьев. Светила луна, ласковый, теплый воздух был полон запаха цветущих апельсиновых рощ. Мы говорили о ее заветных мыслях и надеждах, и только мне она доверяла свои самые тайные мечты – шепотом, на ухо,

в полутемной гостиной. Я смотрел на нее и думал, что эта нежная, милая, хрупкая плоть, это бесценное творение Божье скоро состарится и умрет и никогда уже не сможет разделить со мной эти прекрасные, неуловимые минуты, которые туманно обещают бессмертие – и обманывают нас. Только ради таких мгновений и стоит жить, думал я, но, прежде чем мы научимся узнавать их и наслаждаться ими, должно пройти полжизни, ничтожной по сравнению с вечностью.

Вот что открылось мне, когда я стал вампиром. Мы с Лестатом были одиноки в мире людей, и ничто человеческое уже не отвлекало меня. А деньги давались нам легко, я объясню почему.

Лестат и раньше знал, как добывать средства к существованию. Он умело выбирал жертву – по богатому платью, по экстравагантным манерам. Но ему всегда не хватало надежного убежища. Вот что мучило его больше всего. Я быстро понял, что за внешностью джентльмена он скрывал полное невежество в финансовых вопросах. Обо мне этого нельзя было сказать – так что мы решили разделить обязанности. Он умел в любую минуту раздобыть наличные деньги, а я умел выгодно их вложить. Обычно Лестат опустошал по укромным уголкам карманы своих жертв. Но кроме того, он играл. В лучших игорных домах он подсаживался к богатым плантаторским сынкам, очаровывал их и с безошибочным чутьем вампира вытягивал золото, доллары и ценные бумаги. Этим он промышлял еще до нашей встречи, но мечтал все-таки о другой жизни. Вот почему он нашел меня, посвятил в вампиры и заполучил таким образом бесплатного финансового агента.

Я постараюсь рассказать вам про тот, старый, Новый Орлеан, и вы поймете, почему нам жилось так легко и просто. Другого такого города в Америке не найти. Населяла его разношерстная публика. Французы и испанцы разных сословий – именно они положили начало местной аристократии. Потом хлынула новая волна иммигрантов – в основном это были ирландцы и немцы. Черные рабы тогда еще не смешались с людьми другой крови и жили обособленно, по древним племенным законам, словно пришельцы из других миров. Быстро рос новый класс – свободные цветные смешанных кровей, – так рождалась ни на кого не похожая каста: ремесленники, художники, поэты. Их женщины словно возродили античную земную красоту. Тысячи индейцев собирались в жаркие летние дни возле плотины. Они продавали

целебные травы и поделки из дерева, камня и кожи. В это фантастическое смешение языков и красок вливались матросы с сотен кораблей. Они сходили на берег, чтобы потратить море денег, покупали на одну ночь прекраснейших женщин всех цветов кожи, наслаждались изысканной французской и испанской кухней и пили европейские вина. Но шли годы, и появилась новая нация: американцы. Город начал расти. Вверх по реке за старым Французским кварталом они выстроили роскошные особняки в греческом стиле: при луне стены их светились, как древние замки. Ну и конечно, плантаторы, без них никак не обойтись. Они наезжали в город целыми семьями, раскатывали в сияющих ландо, скупали в магазинах вечерние туалеты, серебро и драгоценные камни. Нескончаемым потоком текли экипажи по узким улочкам. Люди спешили во Французскую оперу, в городской театр или в собор Святого Людовика. Из распахнутых дверей собора лилась музыка. Торжественная месса плыла над городом, над воскресной суетой, над шумом Французского пассажа, над туманными силуэтами кораблей на волнах Миссисипи. Отгороженная от города плотиной река словно сливалась с небом, и казалось, что корабли, как птицы, парят над землей.

Прекрасный, волшебный город, жить в нем было так сладко. Помню вечерние прогулки в полусвете газовых фонарей… Элегантному, богато одетому вампиру ничего не стоило затеряться в экзотической толпе, разве что иногда послышится шепот: «Посмотрите, вот тот человек… он такой бледный… как светится его кожа… и эта походка… тут что-то не так!» Но прежде, чем прозвучит еще хоть слово, вампир исчезал, растворялся в знакомом городе, темные аллеи звали его на поиски добычи, он видел в темноте, как кошка, он выходил на охоту. Полутемный кабак, где спит пьяный матрос, уронив голову на столик; гостиничный номер с высокими потолками, одинокая женщина дремлет, ее ноги покоятся на расшитом пуфике, колени укрыты кружевной шалью. Маленькая склоненная головка подсвечена тусклым огнем. Она не заметит тени, скользнувшей по лепнине потолка, не увидит, что длинные белые пальцы уже тянутся погасить хрупкое пламя ее свечи.

Я заметил странную вещь. Все люди, которые жили когда-то в Новом Орлеане, мужчины и женщины, – все оставили память о себе. Они запечатлели себя в мраморе, кирпиче и камне, они выстроили

дома, которые стоят и поныне. Нет уже газовых фонарей, в небе над городом летают самолеты, на Кэнал-стрит возвышаются современные офисы. Но прежняя романтика, прежняя красота все же сохранилась. Может быть, не на каждой улице. Но на многих. Я гуляю по Французскому или по Садовому кварталу, светят звезды, и я словно возвращаюсь на сотни лет назад. Такова уж природа зданий, будь то жалкая лачуга или дворец с коринфскими колоннами, обнесенный чугунной решеткой. Оказавшись рядом с ними, заново переживаешь давние чувства. Луна в ночном небе над Новым Орлеаном не изменилась, и так будет всегда, пока стоит город. Душа города осталась прежней. – Вампир печально вздохнул и покачал головой, словно сомневаясь в собственных словах.

– Так о чем мы говорили? – устало сказал он. – Ах да, о деньгах. Итак, Лестат грабил свои жертвы, предоставив мне решение главной задачи – правильное вложение капитала. Я пил только кровь животных, а он убивал людей, по двое-трое за ночь, а иногда и больше. Одной жертвы ему было мало, он только утолял жажду и тут же отправлялся дальше, на охоту. Причем, как он сам выражался, чем лучше человек, тем больше он ему нравился. Он любил начать ночь со свежей, молоденькой девушки, а кульминацией и подлинным триумфом считал убийство юноши примерно вашего возраста. Да, к ним у Лестата была особая страсть.

– Моего возраста? – прошептал молодой человек и в ужасе отшатнулся.

– Да. – Вампир словно не заметил страха на лице собеседника. – Потому что труднее всего расставаться с жизнью, когда она стоит на пороге расцвета. Это мое объяснение. Лестат, конечно, ни о чем таком не задумывался. Он вообще ничего не понимал.

Чтобы рассказать о гнусных привычках Лестата, достаточно одного примера. Неподалеку от нас, вверх по реке, находилась тогда плантация семьи Френьер. Чудесная, плодородная земля, прекрасная почва для сахарного тростника, и Френьеры возлагали на нее большие надежды: как раз в то время впервые начали рафинировать сахар. Может быть, вы знаете, что процесс рафинирования изобрели в Луизиане. Какая горькая ирония: именно та земля, которую я так любил, подарила миру этот страшный яд. В городе только и думали, что о новом открытии, сладкая, гибельная отрава властвовала над

людьми, как наркотик, все прежние ценности померкли перед ней… Но вернемся к нашему разговору. Итак, по соседству с нами жили Френьеры – известный старинный французский род. Родители умерли, осталось шестеро детей: пять дочерей и сын. Троим из девиц судьба уготовила участь старых дев, две другие были еще молоды. Все заботы о семье легли на плечи единственного брата. Он управлял плантацией, пытался найти подходящие партии для сестер и собирал для них приданое. Благосостояние дома висело на волоске. Все зависело от будущего урожая, под который он брал кредиты. Он заключал сделки, решал финансовые вопросы и как мог оберегал внутренний мир семьи от грубой действительности. Именно его Лестат наметил себе в жертвы. Но на этот раз фортуна едва не обманула Лестата. Он обезумел. Он готов был жизнь отдать, только бы заполучить Френьера. А дело вот в чем. Случилось так, что Френьера вызвали на дуэль. На балу он оскорбил молодого испанского креола. Ссора вышла из-за пустяка, но, подобно всем молодым креолам, противник Френьера горел желанием умереть ни за что. Они оба хотели умереть ни за что. В доме у Френьеров поднялся переполох. Конечно, Лестат обо всем узнал. Мы часто охотились на плантациях Френьеров: Лестат на рабов и мелких воришек, а я – на животных.

– Вы убивали только животных? – очнулся юноша.

– Да, но об этом позже. Как правило, насытившись, я не мог отказать себе в излюбленном развлечении вампира – наблюдать за людьми, не подозревающими о его присутствии. Поэтому я знал сестер Френьер так же хорошо, как розовые кусты вокруг часовни, где я спал. Это были замечательные девушки. Каждая из них по-своему не уступала в остроте ума брату, а одна (я назову ее Бабетта) даже намного превосходила. Но они не получили достаточного образования, чтобы самостоятельно вести дела, и – об этом знала вся округа – полностью зависели от брата. Они буквально молились на юношу, считали его полубогом, и никакое другое чувство в их сердцах не могло даже отдаленно сравниться с пылкой и самозабвенной любовью к брату. Отчасти такая сильная привязанность объяснялась инстинктом выживания: если бы Френьера убили на дуэли, их мир рухнул бы. Так что можете себе представить, что творилось в доме вечером накануне дуэли. А Лестат злобно скрежетал зубами при мысли, что Френьер может ускользнуть.

– Если я вас правильно понял… вы сочувствовали сестрам Френьер?

– Всей душой, – ответил вампир. – Их положение виделось мне безнадежным. А юношу мне было искренне жаль. Он заперся в отцовском кабинете и написал завещание. Дуэль назначили на четыре часа утра. Он сам прекрасно понимал, что для семьи последствия его гибели будут ужасны, и жалел, что ввязался в это дело. Но выхода он не видел. Отказаться от дуэли? Но это означало не только навсегда запятнанную честь и изгнание из общества. Противник наверняка продолжал бы его преследовать и в конце концов заставил бы драться. Так что в полночь он отправился в город. Он твердо решил идти до конца по единственно возможному пути и мужественно смотрел в лицо смерти. Ему предстояло убить испанца или умереть самому. На его лице отражались такие глубокие переживания, такая мудрость, такая борьба… Никогда прежде у предчувствующих смерть жертв Лестата я не видел такого выражения. И я первый раз в жизни решил, что пойду против Лестата. Раньше мне удавалось отговорить его от этой мерзкой затеи, но теперь он не остановился бы ни перед чем, лишь бы испанец не успел перебежать ему дорогу.

Следом за Френьером мы поскакали в Новый Орлеан. Лестат хотел только одного – успеть схватить юношу. А я хотел успеть удержать Лестата. Место для дуэли выбрали у северных ворот города, на краю болота. Мы прискакали туда незадолго до четырех, времени до рассвета оставалось мало, и мы рисковали не вернуться вовремя в Пон-дю-Лак. Наши жизни тоже были в опасности. Меня душила ненависть к Лестату. Он совсем обезумел. «Ты должен дать Френьеру шанс», – убеждал я его. Я пытался удержать его силой. Была зима, с болота тянуло промозглой сыростью. Хлестал ледяной дождь. Конечно, непогода страшна для меня не так, как для вас. Я не боялся простудиться или замерзнуть насмерть. Но все равно вампиры чувствуют холод не меньше вашего. В таких случаях хорошо помогает горячая кровь жертвы. Но в ту ночь не холод меня волновал, а темнота, сгустившаяся из-за непроглядных туч. В темноте Френьер был беззащитен перед Лестатом. Стоило ему на шаг отойти от друзей – и его бы уже ничто не спасло.

– Но вы же говорили, что смотрели на мир отрешенно, со стороны…

– Да, верно. – Вампир задумался. – Но ненависть тогда оказалась сильнее. Я ненавидел Лестата. Для него это была только прихоть, прихоть, которая обрекла бы на гибель целую семью. Он презрительно попирал все то, что должен был, как вампир, особенно глубоко чувствовать. Я изо всех сил старался удержать его. Он плевал мне в лицо, выкрикивал оскорбления. Френьер принял шпагу из рук секунданта и шагнул вперед, в сырую траву, навстречу врагу. Они быстро переговорили, и схватка началась. Через мгновение все было кончено. Первым же выпадом Френьер смертельно ранил испанца в грудь. Истекая кровью, тот упал на траву и кричал что-то неразборчивое. Френьер стоял рядом и смотрел на него. Победа не радовала его. Лицо выражало только боль. Секунданты с фонарями подошли к нему и уговаривали немедленно уйти – о раненом позаботятся друзья. Испанец никому не позволял до себя дотронуться. Увидев, что Френьер повернулся спиной и, понурясь, пошел прочь, он выхватил из-за пояса пистолет. В кромешной темноте никто этого не заметил, кроме меня. Я закричал – хотел предупредить Френьера об опасности – и бросился к испанцу. Лестат только этого и ждал. Я растерялся, сам подставил себя под пули, отвлек внимание Френьера. И тогда Лестат, вооруженный долгим опытом, как молния бросился на юношу, схватил его за горло и утащил в заросли кипарисов. Никто даже не понял, что произошло. Прозвучал выстрел, раненый замертво упал на землю. Я понял, что совершил роковую ошибку. Проваливаясь по колено в полузамерзшую болотную жижу, я бросился за Лестатом.

Я нашел их очень скоро. Френьер лежал на узловатых корнях кипариса, его ноги по щиколотку ушли в темную воду болота. Лестат склонился над ним и держал его за руку, все еще сжимающую эфес шпаги. Я попытался оттащить Лестата, но он, не поворачиваясь, встретил меня неуловимым движением правой руки. Я даже не почувствовал удара и очнулся в зловонной грязи. Конечно, Френьер был уже мертв. Глаза его были закрыты, бескровные губы не шевелились. Он как будто спал. «Будь ты проклят!» – крикнул я Лестату. Потом вздрогнул и замолчал: тело юноши начало медленно погружаться в трясину. Лестат ликовал. Он коротко напомнил мне, что меньше чем через час мы должны быть в Пон-дю-Лак, и пообещал, что отомстит мне за все. «Если бы мне не понравилась кровь этого юного плантатора, – сказал он, – я прикончил бы тебя сегодня же. И знаешь

как? Я бы загнал твою лошадь в болото. Тебе осталось бы только вырыть яму и подохнуть!» И он ускакал прочь.

Даже теперь, спустя столько лет, кровь у меня закипает от ненависти. В ту страшную ночь я понял, что для Лестата значит быть вампиром.

– Он просто хладнокровный убийца. – В словах юноши прозвучал отголосок гнева его собеседника. – Для него нет ничего святого.

– Ничего святого. Только месть. Месть самой жизни. Убивая, он мстил. Неудивительно, что у него не было ничего святого. Настоящее видение вампира было ему недоступно, потому что он сосредоточился на маниакальной вендетте всему человечеству, покинутому им когда-то. Ничто, кроме убийства, не могло доставить радость этой черной душе, полной зависти и злобы. Но и убийство не давало ему ни настоящей радости, ни удовлетворения, потому что он хотел только одного: разрушить чужую жизнь. Вот почему он убивал снова и снова. Его сжигала неутолимая жажда мести – низкая, слепая и бесплодная.

Но я хотел рассказать про сестер Френьер. Я добрался до их плантации только в половине шестого. Но не беспокоился, ведь дом был совсем рядом. Проскользнув на верхнюю галерею, я заглянул в незанавешенное окно. Все пять сестер собрались в гостиной. Должно быть, они так и не ложились спать. Тускло горели свечи. Они сидели, точно на похоронах, и ждали известий. Все были одеты в черное. Их бледные лица, исполненные мужества и печали, призрачно светились в обрамлении черных платьев и волос цвета вороного крыла. Только Бабетта казалась собранной и спокойной. Как будто в душе она уже решила взять на себя бремя забот о семье после гибели брата. Мне она напомнила самого Френьера перед поединком. Задача, стоявшая перед ней, была почти невыполнима. Ее жизнь и жизнь семьи могла разрушиться, и виноват в этом был Лестат. И я решился на огромный риск. Показался ей. На секунду вышел на свет. Вы видите, лицо у меня белое и очень гладкое, оно отражает свет, как полированный мрамор.

– Да, – взволнованно сказал юноша. – По-моему, это очень красиво… Интересно, а вы… – Он осекся. – Нет, продолжайте.

– Вы хотели спросить, был ли я хорош собой при жизни? – спросил вампир. Юноша кивнул. – Да, был. Я мало изменился внешне. Но тогда я сам не знал, как выгляжу. Меня окружала сплошная суета, я ничего не замечал, потому что ни на что не смотрел. Даже на свое

отражение в зеркале. Особенно на отражение. Но вернемся к нашему разговору. Решившись показать себя Бабетте, я шагнул к оконному стеклу, когда она случайно обратила туда взгляд.

Мгновенно сестры были оповещены, что она видела странное существо, похожее на привидение. Черные рабыни наотрез отказались пойти посмотреть, в чем дело. Я нетерпеливо ждал и наконец добился своего. Презрев общий страх, Бабетта взяла со стола канделябр, зажгла свечи и одна вышла ко мне на галерею. Ее сестры робко остановились в дверях, словно стая больших черных птиц. Одна из них плакала и говорила, что брат, наверное, погиб и теперь к ним явился его призрак. К счастью, Бабетта, будучи умной и смелой девушкой, не допускала и мысли, будто увиденное могло оказаться всего лишь игрой воображения или привидением. Я подождал, пока она пройдет до конца галереи, прежде чем заговорить, но и тогда позволил ей разглядеть лишь смутный контур моего тела на фоне белой колонны. «Прикажи сестрам вернуться в комнату, – прошептал я. – Я пришел сюда рассказать тебе о судьбе брата, и ты должна слушаться меня». Она замерла на секунду, затем повернулась на голос, пытаясь рассмотреть меня в темноте. «У меня мало времени. Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого», – как можно более убедительно произнес я. Оправившись от испуга, она повиновалась. Она сказала сестрам, что ей просто померещилось, и велела им идти в гостиную и закрыть дверь. Они подчинились с радостью людей, нуждающихся в чьем-то руководстве. Тогда я вышел из тени и приблизился к Бабетте.

Глаза юноши округлились, и он спросил, прижав руку ко рту:

– Она видела вас… так же близко, как я сейчас?

– Вы спрашиваете об этом таким невинным голосом, – улыбнулся вампир. – Да, думаю, именно так оно и было. Впрочем, при свечах я выглядел не так сверхъестественно. Но я даже и не пытался притворяться перед ней и изображать обычного человека. «У меня в запасе несколько минут, – начал я, – но то, что я собираюсь сказать, для тебя очень важно. Твой брат смело дрался на дуэли и вышел победителем, но – увы! – это еще не все. Смерть все же настигла его, подкравшись сзади, как тать в ночи. Несмотря на все свое мужество и великодушие, он оказался бессильным перед ней. Главное, что теперь судьба плантации и дома целиком зависит от тебя. Ты должна занять место брата, не обращая внимания на возмущение и недовольство

общества и призывы к здравому смыслу, а за ними дело не станет. Ты можешь управлять делами и спасти плантацию. Все, что от тебя требуется, – не дать убедить себя в обратном. Не слушай никого. Земля осталась точно такой же, какой была вчера, когда твой брат спал в комнате наверху. Ничего не изменилось, но теперь, когда его больше нет на свете, тебе самой придется браться за дело. Если же ты поступишь наоборот, ты потеряешь и землю, и семью. Тебе и твоим сестрам не останется ничего, кроме жалкого существования на скудный пансион, и вашим уделом окажутся крошки и объедки с роскошного стола жизни, предназначенной для вас. Учись тому, что тебе может пригодиться, и не останавливайся ни перед какими трудностями. Вспоминай мои слова каждый раз, когда у тебя возникнут сомнения в правильности избранного пути, и черпай в них силы, чтобы идти дальше. Твой брат мертв, твоя судьба – в твоих собственных руках».

Я видел по ее лицу, что она вслушивалась в каждое мое слово. Предотвращая неизбежные вопросы, я объяснил ей еще раз, что у меня нет времени. Приложив все свое умение, я постарался уйти так быстро и незаметно, чтобы ей показалось, будто я растаял в воздухе или провалился сквозь землю. Я спустился в сад и взглянул наверх. Некоторое время она стояла, освещенная пламенем свечей, затем прошла по темной галерее, наверное, искала меня между колонн, и в конце концов вернулась в комнату, где ее ждали сестры. – Вампир улыбнулся. – Судя по тому, что по округе не поползли слухи о привидении, явившемся Бабетте Френьер, она сохранила мой визит в тайне. На смену первому взрыву горя, вызванному известием о смерти молодого плантатора, и сочувственным пересудам насчет бедных женщин, оставшихся одинокими, без мужчины, способного позаботиться о них, пришло возмущенное негодование, когда Бабетта ясно дала понять, что намерена сама управлять плантацией и всеми делами. Несмотря на трудности и отсутствие опыта, ей быстро удалось собрать приданое для младшей сестры. Сама она вышла замуж год спустя. Все это время мы с Лестатом почти не разговаривали друг с другом.

– Он по-прежнему жил в Пон-дю-Лак?

– Да. Я не был уверен, что он рассказал мне все, что необходимо знать вампиру для самостоятельной жизни. К тому же мне постоянно

приходилось изворачиваться, чтобы окружающие не догадались, кто я такой на самом деле. Я не присутствовал при обручении сестры, поскольку у меня случился «приступ малярии». Что-то похожее помешало мне приехать на похороны матери. Между тем мы с Лестатом каждый вечер ужинали с его стариком, старательно звенели ножом и вилкой, слушали, как он уговаривает нас доесть все, что лежит на тарелках, и не пить слишком много вина. Десятки раз «жуткие головные боли» вынуждали меня принимать сестру в спальне, закутавшись в одеяло до самого подбородка, и умолять их с мужем терпеть полутьму, объясняя это невыносимыми резями в глазах от света. Я передавал им значительные суммы денег, чтобы они вкладывали их в соответствии с моими указаниями для нашей общей пользы. К счастью, ее муж оказался совершенно безобидным идиотом, чего и следовало ожидать от «продукта» четырех поколений браков между двоюродными братьями и сестрами.

Все шло более или менее хорошо, пока рабы не заподозрили неладное. Лестат, как я уже говорил, убивал направо и налево всех, кто ему нравился. По берегу ходили разговоры о таинственной смерти, унесшей жизни сотен людей. Но не эти слухи явились главной причиной волнений, начавшихся среди моих рабов. Вопреки всем нашим мерам предосторожности, им удалось кое-что подсмотреть и подслушать. В этом я убедился сам однажды вечером, когда играл в «тень» возле их хижин.

Но сначала я должен рассказать вам про этих людей подробнее. Описываемые мною события происходили в тысяча семьсот девяносто пятом году. Уже четыре года мы с Лестатом жили в Пон-дю-Лак относительно тихо и спокойно. Он приносил деньги, я вкладывал их в недвижимость – покупал новые земельные участки и дома в Новом Орлеане и сдавал их в аренду. А работы на плантации служили для нас скорее прикрытием, чем источником доходов. Я говорю «для нас», хотя это в корне неверно: я старательно избегал передавать что-либо в собственность Лестату. В то время рабы еще не стали такими, какими вы знаете их по книгам и фильмам о южных штатах. Это были вовсе не подобострастные темнокожие в грязных серых лохмотьях, говорящие на искаженном английском. Это были настоящие африканцы или островитяне, некоторые приехали из Санто-Доминго. Их кожа была чернее ночи. Чужеземцы, они говорили на языках

африканских племен, на французских диалектах. За полевой работой они пели свои странные песни, и все вокруг казалось тогда экзотическим, незнакомым. В прошлой, смертной жизни это пугало меня. Они были суеверны, чтили свои тайны и традиции. Рабство стало их проклятием, но оно еще не успело стереть национальные черты и отличия, не сделало их безликими, похожими один на другого. Они терпели баптизм и европейскую одежду, навязанные им французскими католическими законами, но по вечерам шили из дешевых тканей яркие и соблазнительные костюмы и мастерили украшения из костей животных и ненужных кусочков металла, отполированных до «золотого» блеска. И поселок рабов в Пон-дю-Лак после наступления темноты превращался по сути в совершенно чужую для белого человека страну, маленький кусочек Африки, и даже самый хладнокровный надсмотрщик не стал бы прогуливаться там без особой нужды. Впрочем, к вампирам это, естественно, не относилось.

Однажды теплым вечером, играя в «тень» у открытой двери дома раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика, я подслушал разговор и понял, что мне и Лестату угрожает опасность: рабы уже точно знали, что мы не обычные люди. Девушки-служанки полушепотом рассказывали, как через дверную щель они видели нас за обеденным столом с пустыми тарелками и стаканами, с улыбками на неестественно бледных лицах, рядом с беззащитным слепым стариком, который целиком в нашей власти. Через замочную скважину им удалось разглядеть гроб Лестата, и однажды он больно укусил одну из них за праздное шатание под окнами его комнаты. «Там нет кровати, – шептала она под дружные кивки остальных. – Он спит в гробу, я видела это собственными глазами».

Что же касается меня, то они подсматривали, как я каждый вечер выхожу из часовни, которая тогда уже мало чем отличалась от бесформенной груды кирпича в зарослях винограда, глицинии и шиповника. Никогда не открывавшиеся ставни поросли мхом, а под сводами потолка качались пауки. Конечно, я притворялся, будто хожу туда предаваться воспоминаниям о Поле, но из их слов я понял, что они больше не верят подобным отговоркам. У них не оставалось сомнений насчет того, кто мы такие. Они считали нас виновными не только в смерти многих рабов, коров и лошадей, чьи трупы находили часто среди полей и болот, но и во всех других страшных

происшествиях. Даже наводнения и ураганы представлялись им оружием Бога, направленным против Луи и Лестата. Хуже всего было то, что они вовсе не собирались спасаться бегством. Они решили, что мы демоны, слуги дьявола, от которых невозможно укрыться, и видели единственный выход в нашей смерти. Последним ударом для меня оказалось то, что там были рабы с плантации Френьеров.

Это означало, что новости неминуемо разойдутся по всему берегу. Я верил, что местные жители не поддадутся панике и не попытаются расправиться с нами в припадке истерии, но дело могло обернуться иначе, и у меня не было ни малейшего желания рисковать. Я поспешил домой сообщить Лестату, что игра в плантаторов закончена и нам придется навсегда распроститься с Пон-дю-Лак и переехать в город.

Как вы понимаете, ему такой оборот событий совершенно не понравился. Его отец тяжело болел, дни старика были сочтены. Да и вообще, он не собирался бежать от каких-то там жалких рабов.

«Я прикончу их всех, – холодно заявил он, – по три-четыре человека за ночь, – на это не уйдет много времени. Остальные сбегут сами, и все обойдется».

«Ты сошел с ума, – ответил я. – В конце концов, я требую, чтобы ты убрался отсюда».

«Ты требуешь, чтобы я убрался! Ты! – Лестат ухмыльнулся. Он распечатал колоду красивых французских карт и строил из них замок на столе в гостиной. – Ты – жалкий трусливый вампир, ты рыскаешь по ночным аллеям в поисках крыс и кошек, часами пялишься на пламя свечи, точно на икону, бродишь, как лунатик, под проливным дождем, воняешь, как древний сундук с ветхим тряпьем. Ты заслужил почетное место в зоопарке, в одной клетке с шимпанзе и орангутанами».

«Побереги свое красноречие для другого случая, – сказал я. – Достаточно того, что твоя глупость и жадность навлекли опасность на нас обоих. Если б не ты, я мог бы спокойно жить в часовне, и пускай бы дом превратился в груду развалин. Мне плевать на него! – Я нисколько не покривил душой. – Но хотел бы я посмотреть, как ты проживешь без роскоши, которая тебе раньше и не снилась. Ты превратил бессмертие в кучу хлама, и, восседая на ней, мы и впрямь выглядим полными идиотами. Но довольно споров. Сходи проведай отца, посмотри, в каком он состоянии и сколько еще продержится.

Ровно столько, и ни днем больше, я разрешаю тебе оставаться здесь, и только при условии, что рабы не попытаются напасть на нас!»

Он сказал, что, если мне так этого хочется, я сам могу проведать старика, ведь именно мне так подходит роль созерцателя. Я не стал с ним препираться и пошел. С первого же взгляда я понял, что старик умирает, и мне стало не по себе. Я более или менее легко перенес смерть матери, тем более что это случилось днем: ее нашли сидящей рядом с коробкой для шитья во дворе. Казалось, она не умерла, а уснула. Теперь же мне пришлось наблюдать медленную агонию умирающего человека в полном сознании. Я искренне полюбил старика – он был добрый, простой и нетребовательный. Днем он слушал пение птиц в саду или дремал в кресле на галерее, согретый лучами теплого солнца Луизианы. По вечерам он ужинал с нами, с радостью принимал участие в разговоре, о чем бы ни заходила речь. Его любимым развлечением были шахматы. Лестат, правда, никогда не играл с ним, зато я – довольно часто. Я помню, как он аккуратно ощупывал каждую фигуру перед ходом; точность, с которой он умудрялся запоминать позицию на доске, меня поражала. В тот вечер, когда я вошел в спальню, он лежал и задыхался. Лоб у него был мокрый, горячий, на простынях темнели пятна пота. Он громко стонал и молил Бога послать ему смерть. Я стоял на пороге и смотрел на него, и вдруг из соседней комнаты донеслись звуки музыки. Оглянулся и увидел Лестата за спинетом. Я подлетел к нему, в ярости с силой захлопнул крышку, едва не прищемив ему пальцы.

«Ты не будешь играть, когда твой отец умирает!» – закричал я.

«Черта с два! – ответил он. – Если захочу, буду играть на барабане!» – Он вытащил из серванта серебряное блюдо и принялся колотить по нему ложкой.

Я просил его прекратить, мне пришлось даже применить силу. Мы снова начали препираться, но вдруг замолчали, услышав жалобный голос старика. Он звал сына. Он хотел поговорить с Лестатом, прежде чем умрет. Я сказал Лестату, что надо выполнить эту, возможно последнюю, просьбу отца, но услышал в ответ: «Даже не подумаю! С какой стати? Я и так слишком долго заботился о нем. С меня хватит». Отведя таким образом душу, он достал из кармана маленькую пилочку для ногтей, уселся на кровати в ногах у старика и занялся своими длинными, острыми ногтями.

Между тем у меня вдруг появилось отчетливое чувство, что вокруг дома собрались рабы. Через секунду я уже не сомневался: они окружили здание со всех сторон, тихо переговаривались друг с другом, заглядывали в окна и прислушивались. Несколько раз мне уже приходилось сталкиваться со странным и недоверчивым отношением некоторых чернокожих, но впервые их собралось так много и они выступали столь открыто. Не придумав ничего лучше, я позвонил в колокольчик. Я решил вызвать Даниэля – раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика. Он жил в коттедже неподалеку от дома. В ожидании его прихода я ходил по комнате и слушал разговор отца и сына в спальне. Лестат, скрестив ноги, сидел на прежнем месте и как ни в чем не бывало продолжал заниматься ногтями.

«Все из-за школы, – слабым голосом сказал старик. – Я знаю, что ты ничего не забыл и не простил… Что я могу сказать в свое оправдание?» – в отчаянии простонал он.

«Скажи хоть что-нибудь, и побыстрей, – отвечал Лестат. – Ты же вот-вот помрешь. – При этих словах старик издал ужасный булькающий звук. Лестат вел себя отвратительно, и мне захотелось выкинуть его из комнаты. – Разве ты сам не знаешь, что скоро протянешь ноги? Даже дурак вроде тебя должен чувствовать подобные вещи».

«Ты никогда не простишь меня? Даже сейчас, даже после того как я умру?»

«Перестань молоть чепуху! Я не понимаю, о чем ты говоришь».

Мое терпение кончилось, а старик волновался все больше и больше. Он умолял Лестата смягчить сердце и сжалиться над ним. Я содрогался, слушая их беседу. Внезапно на пороге гостиной возник Даниэль. Едва взглянув на него, я понял, что для нас в Пон-дю-Лак все кончено. Будь я хоть чуть-чуть повнимательней, наверняка мне удалось бы заметить признаки надвигающейся опасности намного раньше. Даниэль уставился на меня стеклянными глазами, словно перед ним стояло страшное чудовище. «Отец месье Лестата тяжело болен, – сказал я, не обращая внимания на его испуганный вид, – поэтому сегодня ночью все должно быть тихо и спокойно. Рабам следует вернуться в свои хижины и не выходить до утра. Скоро приедет доктор!» Он смотрел на меня, не веря ни единому слову, и затем перевел взгляд, холодный и любопытный, на отворенную дверь

спальни старика. Его лицо так сильно изменилось, что я, встав с кресла, заглянул туда. Лестат, сгорбившись, все еще сидел на постели отца, яростно водил пилочкой по ногтям и корчил отвратительные гримасы, обнажая ужасные, выступающие вперед зубы.

Вампир остановился. Его плечи тряслись от беззвучного смеха. Он смотрел на юношу, а тот смущенно опустил взгляд. Пока вампир говорил, он не отрываясь смотрел ему в рот, но видел только мягкие, тонко очерченные губы, отличающиеся от обычных человеческих неестественной белизной. Лишь мельком ему удалось разглядеть зубы ослепительно жемчужного цвета, и мысль о том, какие они на самом деле, раньше не приходила ему в голову.

– Я думаю, вы догадались, что было потом, – сказал вампир. – Мне пришлось убить Даниэля.

– Что? – спросил юноша.

– Мне пришлось убить его, – повторил вампир. – Если б я позволил ему уйти, он поднял бы на ноги всю округу. Возможно, я смог бы обойтись без кровопролития, но времени оставалось в обрез. Он повернулся и выбежал из комнаты. Я бросился следом и, тотчас настигнув его, потянулся было зубами к горлу, но в следующее мгновение вдруг осознал, что делаю то, чего не позволял себе на протяжении четырех лет, – и остановился. Передо мной стоял человек, готовый защищаться. В руке он сжимал нож. Стряхнув оцепенение, я с легкостью вырвал оружие из его пальцев и, не раздумывая, всадил нож в сердце раба. Он рухнул на колени, истекая кровью и хватаясь за рукоятку, торчащую из груди. Вид и запах крови привели меня в такое исступление, что я, громко застонав от возбуждения, склонился над умирающим Даниэлем. Я хотел утолить проснувшуюся во мне дикую жажду. Но мне не удалось добраться до раны, потому что в тот же самый миг в зеркале на серванте я увидел фигуру Лестата за моей спиной.

«Ну и зачем тебе это понадобилось? – поинтересовался он. Я повернулся к нему, я не хотел, чтобы он застал меня в минуту слабости. – Старик бредит, – продолжал он, – невозможно понять, о чем он говорит».

«Рабы все знают… выйди на улицу, посмотри, что они там делают, – запинаясь, пробормотал я. – Я позабочусь о твоем отце».

«Убей его», – сказал Лестат.

«Ты сошел с ума! – воскликнул я. – Он – твой отец!»

«Я без тебя знаю, что он мой отец! – ответил он. – Потому-то я и прошу тебя. Я не могу сам сделать это! Если б я мог, он был бы мертв уже давным-давно, черт его побери! Мы должны выбраться отсюда. Посмотри, что ты наделал. Через четверть часа появится рыдающая жена этого парня… если, конечно, она не пришлет вместо себя кого-нибудь похуже! Нам нельзя терять ни минуты».

Вампир вздохнул.

– Я понимал, что Лестат прав. Я слышал, что рабы собираются возле коттеджа Даниэля, ждут его возвращения. Он осмелился в одиночку зайти в проклятый дом и не вернулся. Охваченная паникой толпа рабов могла стать неуправляемой. Я попросил Лестата успокоить их силой и властью белого господина, но постараться не встревожить их и не испугать. Я пошел в спальню и закрыл за собой дверь. И пережил еще одно страшное потрясение: увидел отца Лестата.

Он сидел на кровати, наклонясь вперед, и разговаривал с сыном, умолял ответить ему. Он говорил, что лучше его самого понимает глубину и горечь разочарования, пережитого Лестатом. Он походил на живой труп, и только отчаянный порыв воли поддерживал жизнь в этом слабом теле. Лихорадочно блестевшие глаза глубоко ввалились в глазницы, губы дрожали, и желтоватый рот представлял собой ужасное зрелище. Я присел на кровать, глядя на него с болью, и протянул ему руку. Невозможно передать, насколько его вид потряс меня. Когда убиваешь, все происходит очень быстро и почти незаметно для самой жертвы. Но теперь я видел перед собой медленное угасание жизни в теле, изможденном, но все еще отказывающемся сдаться вампиру, годами сосавшему из него соки, имя которому – время.

«Лестат, – сказал он, – не будь жесток ко мне, хотя бы один раз в жизни. Стань на мгновение тем мальчиком, которым ты был когда-то. Сын мой, – повторял он вновь и вновь. – Сын мой, сын мой». Он пробормотал что-то, чего я не разобрал, кажется, о поруганной невинности. Но я заметил, что он вовсе не бредит, наоборот, находится в исключительно ясном сознании. Бремя прошлого навалилось на него неподъемной тяжестью, а настоящее не могло дать ему облегчения. Потому что это была смерть, и с ней он отчаянно боролся. Я знал, что

могу помочь ему, если постараюсь. Я наклонился вперед и тихо прошептал: «Я здесь, отец». Мой голос мало походил на голос Лестата, но он тут же успокоился, и мне даже показалось, что его мучения вот-вот прекратятся. Но вдруг он вцепился в мою руку, как тонущий хватается за соломинку, и судорожно заговорил о каком-то деревенском учителе (имени я не расслышал), что он считал Лестата блестящим учеником и уговаривал отдать его в монастырскую школу. Он проклинал себя за то, что отказался, забрал Лестата домой и сжег его книги. «Ты должен простить меня, Лестат», – плакал он.

Я крепко сжал его руку в своей, надеясь, что это может сойти за ответ, но он повторил: «У тебя есть все, что душа пожелает, но ты холоден и груб, как я в те годы, когда наша жизнь состояла из голода, холода и каторжного труда! Лестат, вспомни, ты был лучшим из всех! Бог простит мне, если ты простишь».

В этот момент подлинный Исав появился в дверях. Я жестом попросил его молчать; но он не обратил внимания, и мне пришлось вскочить с постели, чтобы старик, услышав его голос, доносящийся издалека, не заподозрил неладное. Лестат сказал, что, завидев его, рабы разбежались.

«Убей его, Луи! – Впервые я услышал мольбу в его голосе. Он в ярости заскрипел зубами. – Ну же!»

«Подойди и скажи, что прощаешь ему все, даже то, что он забрал тебя из школы!» – ответил я ему.

«Зачем, – прошептал Лестат с гримасой, сделавшей его лицо похожим на череп, – забрал меня из школы! – Он воздел руки к небу и прорычал: – Проклятье! Убей его!»

«Нет, – повторил я. – Либо ты простишь его, либо убьешь сам. Выбирай».

Старик умолял нас объяснить, в чем причина нашего спора.

«Сын мой, сын мой!» – кричал он, и Лестат начал приплясывать на месте, словно сумасшедший.

Я выглянул на улицу из-за занавесок. Рабы окружили дом. Цепь медленно, но неотвратимо приближалась.

«Ты был Иосифом среди своих братьев, – говорил отец Лестату, – ты был лучшим. Но откуда я мог знать? Я понял это, только когда ты ушел из дома, долгие годы я не видел от них ни заботы, ни утешения.

Ты вернулся и забрал меня с нашей фермы, но ты изменился. Это был уже не ты. Не тот мальчик, которого я знал».

Я схватил Лестата за рукав и силой доволок до кровати. Никогда я не видел его таким слабым и одновременно разъяренным до последней степени. Вырвавшись из моих рук, он склонился над подушкой и глядел на меня с ненавистью. Я непреклонно произнес еще раз: «Прости его!»

«Все в порядке, отец, спи спокойно. Я не держу на тебя зла», – сказал он высоким, натянутым голосом.

Старик повернулся на подушке, что-то тихо сказал с облегчением, но Лестат уже встал. Остановившись в дверях, он сжал голову руками и громко прошептал:

«Они идут! – Потом обернулся ко мне. – Прикончи его. Ради бога!»

Бедный старик не понял, что произошло, и даже не пошевелился. Я только прокусил ему горло и оставил рану открытой: я не хотел утолять свою темную страсть за счет его смерти. Невыносимо было даже думать об этом. Не важно, что тело найдут в таком виде. Я был уже сыт по горло и домом, и Лестатом, и ролью преуспевающего плантатора. Я решил сжечь дом. У меня было много другой собственности, которой я владел под разными именами и держал про запас.

Лестат отправился навстречу рабам. Без присмотра он мог устроить такую бойню, что потом вряд ли отыскался бы хоть один живой свидетель той ночи. Я решил последовать за ним. Прежде жестокость Лестата казалась мне непостижимой, а теперь я сам обнажил клыки на этих людей. Едва завидев меня, они убегали, неуклюжие, охваченные страхом смерти, в животном безумии. Сила вампира безгранична, и скоро мы с Лестатом остались одни. И тогда я взял факел, вернулся в дом и поджег его.

Лестат бросился ко мне.

«Что ты делаешь! – кричал он. – Ты сошел с ума!» Но огонь уже охватил стены и пол, и остановить его было невозможно. «Они же сбежали. Ты сам, своими руками уничтожил такое богатство!» Он бегал кругами по любезной его сердцу гостиной, все еще не веря, что хрупкое великолепие вскоре исчезнет навсегда.

«Вытаскивай гроб, до рассвета осталось всего три часа», – сказал я ему.

Дом превращался в погребальный костер.

– Огонь мог повредить вам? – спросил юноша.

– Еще бы, – ответил вампир.

– Вы укрылись в часовне? Там было безопасно?

– Нет. Около полусотни рабов разбежались по всей округе. Многие не хотели оказаться в положении беглых и поспешили к Френьерам и на плантацию Бель-Жарден, вниз по реке. Мне совершенно не улыбалось оставаться в Пон-дю-Лак. А ехать куда-то уже не было времени.

– Бабетта! – вдруг осенило юношу.

Вампир улыбнулся.

– Да, я пошел к Бабетте. Она по-прежнему жила на плантации вместе с молодым мужем. Я погрузил гроб на повозку и отправился к ней.

– А Лестат?

Вампир вздохнул.

– Он пошел со мной. Он пытался убедить меня поехать с ним в Новый Орлеан, но я сказал, что собираюсь укрыться у Френьеров, и он согласился с моим выбором. Мы могли не успеть добраться до города: уже начинало светать, хотя для обычных человеческих глаз все вокруг по-прежнему скрывала непроглядная тьма.

Я однажды навещал Бабетту уже после гибели ее брата. Я говорил вам, что она вызвала бурю возмущения и негодования среди близких и дальних соседей тем, что не уехала и осталась на плантации не только без мужчины, но даже и без старшей женщины в доме. Ей приходилось содержать дела в порядке, чтобы противостоять общественному остракизму. Само по себе богатство ничего не значило для нее. Семья, продолжение рода… вот что ее заботило. Она научилась управлять плантацией, но такая жизнь угнетала ее, и внутренне она почти сдалась. Однажды вечером в саду я подошел к ней. Не позволяя, как и в первый раз, разглядеть меня, я заставил свой голос звучать как можно более нежно и убедительно, напомнил о своем прошлом визите и сказал, что знаю обо всех ее бедах и печалях. «Не рассчитывай встретить сочувствие у людей, – сказал я. – Они глупы. Нет ничего удивительного, что, по их мнению, ты должна отказаться от плантации

после смерти брата. Распоряжаться чужой судьбой очень легко. Надо бросить им вызов, достойно и с верой в свою правоту». Она слушала меня, не проронив ни единого слова. Я посоветовал ей устроить большой бал в Новом Орлеане под каким-нибудь благовидным, лучше всего религиозным, предлогом. Ей наверняка не составило бы труда договориться с одним из женских монастырей насчет проведения благотворительного вечера. В качестве компаньонов пригласить друзей ее покойной матери, а самое главное – делать все с абсолютной уверенностью. Уверенность и достоинство – вот залог ее успеха.

Бабетта сочла идею гениальной.

«Я не знаю, кто вы такой, да и вряд ли вы скажете, – обратилась она ко мне (я и впрямь не собирался открываться перед ней), – но я думаю, что вы – ангел, посланный мне Господом». И она принялась умолять меня показать лицо. Я сказал «умолять», хотя это слово вряд ли подходит Бабетте. Она никогда никого ни о чем не просила. Дело даже не в гордости, просто мольбы сильных и честных людей в большинстве случаев похожи скорее на… Но я вижу, вы хотите что-то спросить. – Вампир прервал свой рассказ.

– Нет, нет, – смутился молодой человек.

– Спрашивайте, не стесняйтесь. Если бы я хотел скрыть от вас что-то… – Лицо вампира на мгновение потемнело. Он нахмурился, и над левой бровью обозначилась маленькая ямочка, похожая на отпечаток пальца на сырой глине. Странное выражение глубокого страдания исказило его тонкие черты. – Если бы я хотел что-то скрыть от вас, – повторил он, – то не стал бы упоминать об этом вовсе.

Юноша завороженно смотрел в его глаза, на тонкие лучи ресниц, нежную кожу век.

– Спрашивайте, – повторил вампир.

– Вы так говорили про Бабетту, что мне показалось, будто у вас к ней особое чувство.

– Вы думаете, я на это не способен?

– Да нет, наоборот. Взять, например, того же отца Лестата: вы оставались рядом с ним, хотя сами подвергались серьезной опасности. Вам было жаль молодого Френьера, когда Лестат собирался убить его… все это вы объяснили. Но меня волнует другое… Было ли ваше чувство к Бабетте большим, чем просто жалость и сострадание?

– Вы имеете в виду любовь, – сказал вампир. – Почему не назвать вещи своими именами?

– Потому что вы говорили об отчуждении вампиров от обычных людей.

– Разве нельзя сказать того же об ангелах?

Юноша на секунду задумался.

– Да, – ответил он.

– Но разве ангелы не могут любить? Разве они не взирают на лик Божий с беспредельной любовью?

– Любовью или поклонением?

– А это не одно и то же? – задумчиво протянул Луи. – В чем же разница? – Не для юноши был этот вопрос. Луи обращался к себе самому.

– Ангелы знают любовь и гордость… гордыню падения… и ненависть. Чувства существ, отрешенных от мира, сильны и огромны и слиты воедино с волей. – Он не отрываясь смотрел на стол, словно обдумывая заново ответ, и не мог найти верных слов. – Да, это было глубокое чувство. Но не самое сильное в моей жизни. – Он поднял глаза на юношу. – Бабетта была для меня в своем роде идеальным человеческим существом.

Вампир повернулся и посмотрел в окно, складки его плаща мягко пошевелились. Юноша наклонился, проверил ленту, вытащил из портфеля другую кассету, извинился перед собеседником за задержку и вставил ее в диктофон.

– Наверное, мой вопрос слишком личный.

– Ничего подобного. – Вампир резко повернулся к нему. – Это был верный вопрос. Да, я знаю любовь, и я по-своему любил Бабетту. Но это не была главная любовь моей жизни. Она была предтечей.

Но вернемся к моему рассказу. Благотворительный бал Бабетты прошел успешно, и ее возвращение в общество состоялось. Большой капитал стер последние сомнения в умах родителей и поклонников, и вскоре она вышла замуж. Летними вечерами я часто навещал ее, ничем не выдавая своего присутствия, и ее счастье делало счастливым и меня самого.

А теперь я привел к ней Лестата. Он бы давно уже убил всех Френьеров, если бы я не мешал, и сейчас он решил, что наконец-то пробил его час и что я заодно с ним. «Какая польза нам от их смерти? –

я хотел его сразу разуверить. – Ты зовешь меня идиотом, а сам ведешь себя как последний дурак. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты превратил меня в вампира? Ты не смог бы прожить без меня, не справился бы с самой простой проблемой. Годами я делал за тебя все, а ты бил баклуши с чувством самодовольного превосходства. Ты рассказал мне все, что знаешь, и у меня теперь нет ни малейшей надобности в тебе. Наоборот, это я тебе нужен. Так вот, если ты дотронешься хотя бы до одного из Френьеров, я тут же избавлюсь от тебя. Между нами начнется война, и вряд ли стоит объяснять, что в одном мизинце у меня больше здравого смысла, чем у тебя в голове. Так что смотри сам».

Странно, но мои слова его напугали. Он, естественно, стал говорить, что ему известно многое, о чем я еще не знаю: о разных опасностях, подстерегающих вампиров, о каких-то особых типах людей, убийство которых может оказаться гибельным для меня самого, о местах на земном шаре, куда мне не следует попадать по той же причине, и прочую чепуху, вызывавшую у меня едва переносимое раздражение. Впрочем, на этот раз за недостатком времени я не обращал на него особого внимания. Приблизившись к плантации Френьеров, мы увидели свет в доме надсмотрщика. Он пытался успокоить рабов, убежавших с Пон-дю-Лак, и своих собственных. Отблески пожара все еще виднелись на фоне темного неба. Бабетта, полностью одетая и очень деловитая, отправляла повозки с людьми и инструментами на помощь в борьбе с огнем. Испуганных рабов с моей плантации собрали в отдельную группу, и никто тогда еще не верил их рассказам о случившемся. Бабетта знала, что произошло нечто ужасное, и подозревала убийство, но не допускала даже мысли о сверхъестественном. Отдав необходимые распоряжения, она ушла в кабинет – занести запись о пожаре в дневник. Там я и нашел ее. Уже почти рассвело. У меня оставалось в запасе всего несколько минут, чтобы убедить ее помочь нам. Я заговорил, стоя за ее спиной, и запретил ей оборачиваться. Она подчинилась, спокойно выслушала меня. Я объяснил, что мне нужна комната, чтобы передохнуть.

«Я приходил к тебе раньше и ни разу не причинил тебе зла. Все, чего я прошу, – ключ и обещание, что никто не попытается войти в комнату до полуночи. Завтра вечером я расскажу тебе все». Я был на

грани отчаяния: небо на востоке уже начинало светлеть. Лестат стоял с гробами в саду неподалеку от дома.

«Почему вы пришли именно ко мне?» – спросила она.

«А к кому же? – отозвался я. – Разве не я протягивал тебе руку, когда ты больше всего нуждалась в помощи, окруженная слабыми и беззащитными людьми, судьба которых целиком зависела от тебя? Разве не я дважды давал тебе верный совет и потом с радостью следил за твоей счастливой и спокойной жизнью? – Через окно я видел, что Лестата уже охватывает паника. – Дай мне ключ от любой комнаты. И пусть никто не подходит к ней до заката. Я клянусь, тебе не придется пожалеть о сделанном».

«А что, если я откажусь… вдруг вас послал дьявол?» – Она собиралась обернуться.

Я протянул руку и потушил свечу. Она видела мой силуэт на фоне сереющих окон.

«Если ты не поможешь мне, если ты думаешь, что я слуга сатаны, я умру, – ответил я. – Молю тебя, дай ключ. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, понимаешь? – я шагнул к ней, решившись в отчаянии показать свое лицо. Она отпрянула и схватилась за ручку кресла, судорожно глотая воздух. – Не бойся. Уж лучше я умру, чем подниму на тебя руку. Умру, если ты не дашь ключ».

Она согласилась. Уж не знаю, что она подумала, но она дала мне ключ от одного из винных подвалов. Я не сомневался, что она видела, как мы с Лестатом затаскивали туда гробы. Оказавшись в безопасности, по крайней мере временной, я запер дверь и забаррикадировал ее изнутри. На следующий вечер, когда я проснулся, Лестат уже был на ногах.

– Значит, она сдержала слово?

– Более того. Она не только не пыталась открыть дверь, но даже еще раз закрыла ее на ключ снаружи.

– Но она же наверняка слышала рассказы рабов.

– Конечно. Лестат первым обнаружил, что дверь заперта с обратной стороны, и пришел в дикую ярость. Он хотел как можно скорее попасть в Новый Орлеан. Он стал подозревать меня.

«Я терпел тебя только из-за отца, – говорил он, тщетно пытаясь найти выход из запертой клетки. – Учти, теперь я тебе больше не верю».

Он явно меня боялся, даже перестал поворачиваться ко мне спиной, стал угрожать мне и понес уже совершенный вздор. Я сидел, прислушивался к голосам в комнатах над нами и думал, когда же он наконец заткнется. Я вовсе не собирался поверять ему свои чувства к Бабетте и свои надежды на нее.

Но не только об этом я думал. Вы спрашивали, как можно любить кого-то, будучи отчужденным от всего земного. Дело в том, что вампир может думать о нескольких вещах одновременно. Например, о том, что ты в опасности и, возможно, скоро погибнешь, и в то же самое время о чем-то совершенно абстрактном и отвлеченном от действительности. Так было со мной тогда. В глубине души, не облеченная в слова, во мне жила мысль о том, какой прекрасной и возвышенной могла бы стать наша дружба с Лестатом, как мало препятствий стояло на пути к этому и как много нас объединяло. Наверное, любовь к Бабетте навела меня на подобные размышления. Пропасть, разделявшую нас с ней, я мог преодолеть лишь одним способом – взять ее жизнь, слившись в последнем смертельном объятии, удовлетворить одновременно жажду любви и жажду крови. Но моя душа хотела познать Бабетту без убийства, не отнимая у нее ни минуты жизни, ни капли крови… я хотел невозможного. Другое дело – Лестат, будь он хоть немного умнее и порядочнее. Я вспомнил предсмертные слова слепого старика: Лестат – блестящий ученик, влюбленный в книги, отобранные у него и сожженные. Сам я знал только того Лестата, который называл мою библиотеку «грудой пыли» и высмеивал мою страсть к чтению и углубленным размышлениям.

Шум в доме начал стихать. Потом все смолкло, и лишь иногда слышались звуки шагов и скрип половиц. Слабый, неровный свет пробивался сквозь щели в потолке. Лестат ощупывал кирпичные стены с чисто человеческим выражением безысходности и отчаяния на лице. Я понял, что, выбравшись отсюда, мы должны распрощаться друг с другом. Ради этого даже согласился бы переплыть океан. Понял, что мирился с ним только потому, что мне не хватало уверенности в собственных силах. Обманывал себя, что иду на жертвы только во имя спокойной жизни его старика и моей сестры с мужем. На самом же деле я оставался с Лестатом потому, что мне казалось, что он посвящен в тайны, без знания которых вампиру обойтись нельзя, и без него я ничего не узнаю. Но главное, он был единственный, кого я знал из мне

подобных. Он никогда не рассказывал мне, как произошло его обращение или где найти других вампиров. Это все еще волновало меня. Я ненавидел Лестата и хотел расстаться с ним, но кто знает, готов ли я остаться один?

Я сидел и думал, а Лестат гнул свое: я, мол, ему больше не нужен и он не потерпит таких выходок, в особенности дерзких шуток каких-то Френьеров. По его словам, надо быть готовым ко всему, когда отопрут дверь.

«Помни! – говорил он. – Сила и быстрота – вот против чего им не удастся устоять. Ну и, разумеется, страх. Главное – вселить ужас во врагов. Забудь свою сентиментальность! Она может слишком дорого нам обойтись».

«Ты хочешь, чтоб мы разошлись?» – спросил я. Я надеялся, что он скажет «да», потому что боялся сам принимать решения. Точнее говоря, я еще не разобрался в своих мыслях.

«Пока что я хочу добраться до Нового Орлеана! – ответил он. – Я просто предупреждаю, что могу обойтись без тебя. Но сейчас нам лучше держаться вместе. Ты еще не знаешь, что в твоей власти, ты даже не понял, кто ты есть на самом деле. Если эта женщина придет одна, действуй силой убеждения. Но если она приведет других, приготовься стать самим собой».

«Кто же я есть на самом деле? – спросил я. Никогда раньше эта загадка не мучила меня так сильно. – Что значит стать самим собой?»

Лицо Лестата выражало отвращение. Он вскинул руки.

«Приготовься… – оскалился он, демонстрируя чудовищные зубы, – стать убийцей! – Вдруг он поднял глаза наверх, прислушиваясь. – Они ложатся спать, слышишь?»

Наступило долгое молчание. Лестат расхаживал по погребу, а я думал, что скажу Бабетте. Я все еще старался разобраться в своих чувствах к ней. Вдруг из-под двери пробился луч света, и Лестат весь подобрался, готовясь прыгнуть на вошедшего, кто бы им ни был. Дверь отворилась, и вошла Бабетта. Она была одна. Лестат незаметно скользнул ей за спину. Она стояла и пристально смотрела на меня.

Никогда еще она не казалась мне такой красивой. Ее распущенные на ночь волосы темными волнами спадали на белое платье, лицо выражало тревогу и страх. Щеки ее горели, огромные карие глаза стали еще больше. Я уже говорил, что любил в ней честность и силу,

величие ее души, но без чувственной страсти, которую на моем месте могли бы испытывать вы. Но все равно я считал ее самой очаровательной и соблазнительной женщиной из всех, кого я видел. Даже строгое, закрытое платье не могло скрыть мягкости и округлости ее рук и груди. Ее тело представлялось мне прекрасной и таинственной оболочкой загадочной души. Меня неудержимо влекло к ней, но я знал, что стоит поддаться минутной слабости – и ее смерть станет неизбежной. Я отвернулся, мучимый вопросом: а вдруг она увидела мертвое бездушие в моих глазах?

«Ты – тот же самый, кто являлся ко мне прежде, – произнесла она наконец, словно не будучи в этом уверенной до этого. – Ты – хозяин Пон-дю-Лак! Ты!»

Я знал, что ей пришлось выслушать дикие и нелепые рассказы о событиях прошлой ночи, и теперь бессмысленно ее переубеждать. Дважды использовав свою сверхъестественную внешность, чтобы получить возможность поговорить с ней, я не мог увиливать или прятаться на этот раз.

«Я не сделаю тебе ничего дурного, – сказал я. – Дай мне только лошадей и экипаж. Мои остались в поле…»

Бабетта, казалось, даже не слышала моих слов. Она подошла поближе, чтобы поймать меня в круг света от фонаря в своей руке.

Я заметил, что Лестат подкрадывается к ней сзади. Их тени на стене слились; я знал, что сейчас он опасен.

«Ты дашь мне экипаж?» – повторил я.

Она молча смотрела на меня, подняв фонарь над головой. Я хотел опять отвернуться, но вдруг увидел, что ее лицо изменилось. Оно стало неподвижным, ничего не выражало, словно ее загипнотизировали. Потом она закрыла глаза и покачала головой. Мне почудилось, что это я одним своим взглядом, сам того не желая, сделал ее такой.

«Кто ты? – прошептала она. – Ты пришел от дьявола. Значит, и раньше тебя присылал ко мне дьявол!»

«Дьявол!» – повторил я вслед за ней. Ее слова ударили меня куда больней, чем я мог предположить. Меня охватило глубокое отчаяние. Если она верит в то, что говорит, значит, она сочтет мои прежние советы лживыми и негодными. Будущие сомнения могут разрушить ее богатую и счастливую жизнь. Значит, все мои усилия оказались

напрасны. Как и все сильные люди, она страдала от одиночества и несмотря ни на что оставалась чужой для общества, как язычник среди христиан. Вот почему хрупкое равновесие в ее душе легко было нарушить. Ей стоило только начать сомневаться в правильности своего выбора. Она смотрела на меня с ужасом. Лестат схватил ее сзади за руку, и она, вскрикнув от неожиданности, уронила на пол фонарь. Пламя вспыхнуло и побежало по разбрызгавшемуся маслу, а он, не обращая внимания, потащил ее к раскрытой двери.

«Ты дашь нам экипаж и коней, сейчас же! – говорил он ей. – Пошевеливайся и перестань болтать о дьяволе – перед тобой смерть во плоти!»

Затоптав в спешке огонь, я бросился вслед за Лестатом. Я кричал, чтобы он отпустил девушку. Он держал Бабетту за обе руки, она яростно сопротивлялась.

«Ты поднимешь на ноги весь дом, если не заткнешься! – рявкнул он мне. – Я прикончу ее на месте! Нам нужен экипаж… веди нас. Ты сама будешь разговаривать с конюхом!» – Он вытолкнул ее на улицу.

Мы медленно двигались по двору. Мое сердце разрывалось. Я шел сзади. Лестат вел перед собой Бабетту. Она силилась разглядеть что-то в кромешной тьме. Вдруг она заметила слабый огонек в окне наверху и остановилась.

«Вы не получите ничего!» – сказала она.

Я подошел к Лестату и прошептал, что устрою все сам.

«Она выдаст нас, если ты не позволишь мне поговорить с ней».

«Ладно, только поживей, – прошипел он с отвращением. – И не рассусоливай. У нас нет времени на болтовню».

«Ты пока иди к конюшне… и возьми все необходимое. Только ради всего святого никого не убивай!»

Я не знал, послушается он или нет, но, как только я шагнул к Бабетте, он исчез. На ее лице застыла ненависть и решимость. Она сказала:

«Изыди, сатана!»

Я стоял перед ней молча и выдержал ее взгляд. Она ничем не выдала, что слышала слова Лестата. Ненависть в ее глазах обжигала меня, словно раскаленные угли.

«Зачем ты так говоришь? – спросил я. – Разве моя помощь повредила тебе? Что плохого я тебе сделал? Я приходил, чтобы

помочь, когда твои силы были на исходе. Я думал только о тебе, мне самому ничего не было нужно».

Она покачала головой.

«А ты почему так говоришь со мной? Я знаю, что ты наделал в Пон-дю-Лак: ты превратил плантацию в сущий ад! Рассказы рабов полны ужаса! Весь день людей находили на дороге к твоему дому – мой муж сам ездил туда! Он видел своими глазами дом в руинах и трупы рабов повсюду – в саду и на полях! Это дело твоих рук! Почему же со мной ты разговариваешь так нежно и ласково? Что тебе нужно от меня?»

Она медленно отступала к лестнице, держась за колонну. Наверху в освещенном окне я заметил какое-то движение.

«Я не могу ответить на все вопросы сейчас, – сказал я. – Поверь, я никогда не желал тебе зла. Если б у меня оставался выбор, я ни за что не потревожил бы тебя прошлой ночью!»

Вампир замолчал.

Юноша сидел, подавшись вперед, широко раскрыв глаза. Луи смотрел куда-то вверх, погрузившись в свои мысли и воспоминания. Молодой человек вдруг опустил глаза, словно из вежливости. Потом поднял взгляд и опять отвел в сторону. На лицах обоих было написано глубокое страдание. Молодой человек собрался с духом и хотел было заговорить, но умолк, не произнеся и двух слов.

Луи изучающе посмотрел на него, тот вспыхнул и отвернулся, потом поднял голову и встретился с неподвижным взглядом вампира. Судорожно глотнул, но не отвел глаз.

– Ну как? – прошептал вампир. – Такую интересную историю вы хотели услышать?

Беззвучно отодвинув кресло, он подошел к окну. Юноша не шелохнулся, только смотрел на его широкие плечи и длинные складки плаща. Вампир, полуобернувшись, сказал:

– Вы не ответили. Вас интересует другое, не правда ли? Вы ведь пришли сюда взять у меня интервью для какой-нибудь программы на радио.

– Это не важно. Я выброшу кассеты, если захотите! – Молодой человек поднялся, заметно волнуясь. – Не стану утверждать, что

понимаю все, о чем вы рассказываете. Это не так. Но то, что я понял… ни с чем не сравнимо.

Он нерешительно приблизился к вампиру. Тот, казалось, был целиком поглощен происходящим внизу, на улице, но потом медленно отвернулся от окна, поглядел на юношу и улыбнулся – безмятежно, почти ласково. Юноше вдруг стало не по себе. Он засунул руки в карманы и вернулся к столу. Потом, вопросительно глядя на вампира, сказал:

– Может быть, мы продолжим? Пожалуйста…

Вампир скрестил руки на груди и прислонился спиной к оконной раме.

– Зачем? – спросил он. Юноша растерялся.

– Просто мне хочется узнать, что случилось потом. – Он пожал плечами.

– Ну ладно, так и быть, – согласился вампир все с той же улыбкой. Он подошел к своему креслу, уселся напротив и немного подвинул к себе диктофон:

– Замечательное изобретение… Итак, я продолжаю. Вы должны понять – все, чего я хотел теперь от Бабетты, это просто общения. Это желание было сильнее всего, кроме, пожалуй, физической жажды… жажды крови. Я так хотел, чтобы она поняла меня и откликнулась, что в этот миг особенно глубоко почувствовал свое странное одиночество. Наши прежние встречи были коротки, но ясны, как простое рукопожатие. Взять ее за руку. И отпустить на свободу, только и всего. Протянуть руку помощи в минуту отчаяния. А теперь мы были по разные стороны баррикад. В глазах Бабетты я превратился в чудовище и не знал, как это исправить, хотя сделал бы все что угодно. И тогда я сказал ей, что моя помощь пошла ей на пользу, а никакое деяние дьявола не может послужить добру, даже если он сам того хочет.

«Я знаю!» – ответила она, но этим хотела сказать, что теперь доверяет мне не больше, чем дьяволу.

Я попытался приблизиться к ней, но она отступила назад. Протянул руку, чтобы успокоить ее, но она сжалась, вцепившись в перила на крыльце.

«Ладно, – сказал я. Внутри у меня закипал ужасный гнев. – Зачем же ты дала мне убежище прошлой ночью? Почему сегодня ты пришла одна?»

Я заметил тень лукавства на ее лице: у нее была причина, но она не хотела открывать ее мне. Она уже не могла говорить со мной открыто и свободно. Напрасно я об этом мечтал. Вдруг меня охватила слабость. Давно перевалило за полночь, я слышал, что Лестат прокрался в винный погреб за гробами. Пора было уезжать, и пора было… напиться свежей крови.

Но не голод был причиной этой слабости. Хуже. Я вдруг увидел, что эта ночь только звено в цепи тысячи других ночей – бесконечной цепи, уходящей в невидимую даль; и путь мой пролегает сквозь вечную ночь, во тьме, под светом холодных и бездушных звезд. Слабость моя росла, а вместе ней и тоска. Я невольно застонал. В огромной, безжизненной черной пустыне я стоял один. Бабетта – только призрак. Мне словно открылась страшная правда, которой я раньше избегал, потому что смотрел на мир глазами вампира. Влюбленными глазами я видел цвета и формы; влюбленно слушал пение и тишину, все бесконечное многообразие мира… Бабетта шевельнулась, но я не обратил внимания. Потом она вытащила из кармана большую связку ключей и пошла вверх по ступенькам крыльца. Пусть уходит, подумал я. «Посланец дьявола! Изыди, сатана! – шепотом повторил я ее слова и повернулся взглянуть на нее. Она словно примерзла к ступенькам, в ее широко открытых глазах застыло подозрительное и недоверчивое выражение. Она сняла со стены фонарь и держала его крепко, словно мешок с золотом. – Значит, ты думаешь, что меня послал дьявол?»

Она быстро переложила фонарь в левую руку, а правой сотворила крестное знамение. Я разобрал латинские слова. Она побледнела, дуги бровей поползли вверх: она увидела, что ничего не произошло. «Ты, верно, ждала, что я превращусь в горстку пепла? – спросил я, потом медленно приблизился к крыльцу и с тем же чувством отчуждения от всего на свете продолжал: – Или что провалюсь прямиком в преисподнюю? К дьяволу, пославшему меня к тебе? – я был уже возле лестницы. – А что, если скажу тебе, что не знаю о нем ровным счетом ничего, даже не знаю, есть ли он на самом деле или нет?!»

Стоя один в ночи, я словно видел лик дьявола, в нем была эта страшная правда, он – объяснение всему, что случилось со мной. Вот о чем я думал тогда, но она не расслышала меня. Она не слушала меня так, как слушаете вы. Я понял, что дальше говорить бесполезно,

отвернулся от нее и посмотрел на звезды. Я знал, что у Лестата уже все готово и в темноте он ждет меня с экипажем. Снова посмотрел на Бабетту, и мне почудилось, что не она, а мой брат стоит на крыльце и тихим взволнованным голосом говорит что-то очень важное, но его слова затихают, не долетая до меня, как мышиный писк в огромном пустующем доме. Чиркнула спичка, и вспыхнул свет. «Я не знаю, кто прислал меня – дьявол или нет! Не знаю, кто я! – закричал я Бабетте, оглушая сам себя. – Мне суждено дожить до конца света в неведении!» Передо мной снова загорелся огонь, но уже не погас: Бабетта зажгла фонарь и подняла его вверх. Из-за яркого пламени я не мог разглядеть ее лица. На мгновение я ослеп, а потом почувствовал сильный удар в грудь, потерял равновесие и упал. Фонарь врезался в меня всей своей тяжестью, помноженной на силу броска, и осколки разбитого стекла рассыпались по каменным плиткам. Пламя обожгло мне руки и лицо. Из темноты донесся громкий крик Лестата: «Потуши его, сбей его с себя, идиот! Ты же погибнешь!» Через секунду он уже был рядом, хлопал меня курткой. Я лежал, прислонившись головой к колонне, обессиленный болью, но сильнее всего – тем, что Бабетта хотела меня уничтожить, и непониманием, кто же я есть на самом деле.

То, что случилось дальше, заняло считаные секунды. Огонь погас, я поднялся на четвереньки, цепляясь руками за кирпичи. Лестат стоял уже на верхней ступеньке лестницы, и Бабетта была обречена. Я бросился наверх, схватил его за шею и оттащил от девушки. Разъяренный, он повернулся и пнул меня ногой, но я не отпускал его. Мы оба скатились к низу крыльца. Бабетта наблюдала за нами, даже не шелохнувшись. «Черт с ней, поехали!» – проворчал Лестат и с трудом поднялся на ноги. Напрягая полуослепшие глаза, я разглядел, что она держится за шею, по которой тонкой струйкой стекает кровь. «Запомни! – крикнул я, обращаясь к ней. – Я мог бы убить тебя или позволить ему сделать это! Напрасно ты назвала меня дьяволом».

– Вы успели остановить Лестата, – сказал юноша.

– Да, хотя он умел убивать подобно молнии. Но мне удалось спасти только телесную оболочку Бабетты, хотя об этом я узнал гораздо позже.

– Через полтора часа, чуть не загнав лошадей, мы с Лестатом были в Новом Орлеане. Мы остановились в маленьком переулке, не

доезжая квартала до новой испанской гостиницы. Подозвав какого-то старика, Лестат взял его под локоть и сунул в руку пятьдесят долларов. «Закажи для нас номер и шампанское, – приказал Лестат. – Скажи, что тебя попросили два джентльмена и уплатили вперед. Вернешься – получишь еще столько же. Не вздумай удрать, я слежу за тобой». В этом не было никакой нужды: сам вид его горящих глаз загипнотизировал старика. Я не сомневался, что Лестат прикончит бедолагу, как только тот возвратится к нам с ключами от номера. Так и случилось. Я сидел в экипаже и устало смотрел, как тело человека ослабевает в руках Лестата. Наконец оно рухнуло на землю перед входом в гостиницу, точно мешок, набитый камнями. «Спокойной ночи, сиятельный принц, – ухмыльнулся Лестат. – Вот ваши деньги». Он засунул в карман старику банкноты. Собственная шутка пришлась ему по вкусу.

Мы проскользнули в дверь, ведущую во внутренний двор гостиницы, и поднялись по лестнице в роскошный номер. Шампанское уже охлаждалось в ведерке со льдом, рядом на серебряном подносе стояли два бокала. Лестат наполнил бокал вином и долго смотрел на бледно-золотистую жидкость. Я лежал на кушетке и смотрел на него безразлично. Я думал, что должен покинуть его или умереть.

«Умереть – это так чудесно, – думал я. – Да, умереть. Я и раньше хотел смерти. И теперь хочу». Мысль о смерти наполнила мою душу такой чудной ясностью и таким покоем… Мертвым покоем.

«Ты плохо выглядишь! – вдруг сказал Лестат. – Почти рассвело». Он подошел к окну и отдернул занавески. Я увидел море крыш, над ними – темно-голубое небо и величественное созвездие Ориона. «Пора на охоту, не мешкай», – сказал Лестат, поднимая оконную раму. Он перешагнул через подоконник, и его подошвы тихо застучали по крыше соседнего дома. Он собирался найти гробы, по крайней мере один. Нестерпимая жажда мучила меня, подобно лихорадке. Я не выдержал и отправился следом за ним. Я все еще хотел умереть, мысль о смерти ни на минуту не покидала мой разум. Но тело просило свежей крови. Я уже говорил, что еще не убивал людей. Поэтому я побрел по крышам в поисках крыс.

– Но почему? Ведь вы говорили, что только начинать нельзя было с людей. Вы хотите сказать, что для вас это не был вопрос морали? Вы просто так чувствовали?

– Если бы вы спросили меня тогда, ответил бы утвердительно: да, я так чувствовал. Я хотел познавать смерть постепенно, шаг за шагом. Убийство животных дарило мне новые переживания, наслаждения. Я только начал входить во вкус. И решил, что пока не буду трогать людей. Хотел прийти к этому, вооруженный опытом и знаниями. Так я чувствовал тогда. Но по большому счету это был вопрос морали, нравственный выбор. Потому что на самом деле чувство, или, если хотите, эстетика, и мораль – это одно и то же.

– Я не понимаю, – сказал молодой человек. – Я всегда думал, что эстетическое чувство запросто может противоречить морали. Вспомните Нерона – он смотрел, как пылает Рим, и наигрывал на арфе. Или такой распространенный случай: художник ради искусства бросает жену и детей.

– И оба они совершают нравственный выбор. С их точки зрения – с точки зрения творца, – они действуют во имя высшей цели. Не эстетические принципы художника вступают в противоречие с общественной моралью, а нравственные. Непонимание этого часто приводит к трагедии, даже если поводом был пустяк. Художник украл краски из магазина. Он уверен, что совершил аморальный поступок и навсегда погубил свою бессмертную душу. Как будто нравственность души – это хрустальный шар, который можно разбить легким прикосновением. Он впадает в отчаяние и окончательно опускается. Но тогда я ничего об этом не знал. Думал, что убиваю животных, потому что мне так нравится. Старался избегать главного нравственного вопроса: почему на мне лежит эта печать проклятия? Лестат никогда не говорил со мной о дьяволе или о преисподней, но, следуя за ним, я понимал, что проклят. Наверное, то же чувствовал Иуда, просовывая голову в петлю. Вы понимаете меня?

Юноша хотел ответить, но промолчал. И вдруг румянец вспыхнул на его щеках.

– Неужели это правда? – прошептал он. – Неужели он существует?

Вампир положил ногу на ногу.

– Всему свое время. Я буду рассказывать по порядку.

– Да, конечно.

– Той ночью я был страшно возбужден. Напрасно я старался отгородиться от этих мыслей. Они нахлынули на меня с необычайной

силой, и мне не хотелось жить. Я подумал, что все равно скоро умру, и решил напиться свежей крови. Сделать себе последний подарок. С людьми ведь тоже так бывает. Но на самом деле я просто тянул время, потому что боялся умереть. И пошел на охоту. Я уже объяснил вам, что значит для вампира убийство, и вы должны понять, какая огромная разница между человеческой кровью и кровью крысы. Это все равно что небо и земля. Я спустился с крыши вслед за Лестатом и прошел несколько кварталов. Улицы тогда были грязные, и дома стояли, как островки, в окружении сточных канав. И было темно, не то что в современном городе. По вечерам огни фонарей походили на одинокие маяки. Даже при слабом свете забрезжившего утра из темноты проступали только балконы и окна мансард. Для простых смертных оказаться в этих узких улочках в позднее время было все равно что попасть в бочку с дегтем. Меня терзали все те же вопросы. Проклят ли я? Может, и правда меня послал дьявол и я – его творение?

Но если так, то почему в душе я восставал против этого? Почему дрожал, когда Бабетта швырнула в меня горящий фонарь, и отворачивался с омерзением, не желая видеть, как Лестат совершает очередное убийство? Кто я такой? Куда ведет меня этот путь? Меня мучила невыносимая жажда. Жгучая боль пульсировала в венах, стучала в висках. Я понял, что больше не могу. Но не знал, как быть: то ли ничего не делать и умереть голодной смертью, то ли повиноваться безумному желанию убивать. Стоял посреди пустой заброшенной улицы и вдруг услышал детский плач.

Он доносился из соседнего дома. Я подобрался поближе и стал заглядывать в окна. В одном из них я увидел маленькую, измученную, страшно исхудавшую девочку. Должно быть, она плакала очень долго. Я просунул руку под тяжелый деревянный ставень и с трудом поднял его. В темной комнате девочка была одна рядом с трупом женщины. Та была мертва уже несколько дней. Всюду стояли дорожные узлы и сундуки, словно большая семья собиралась уехать. Мать девочки лежала полураздетая, тело уже начало разлагаться. Девочка увидела меня и торопливо заговорила, что я должен помочь им с матерью. На вид ей было не больше пяти лет – худая, лицо выпачкано грязью и слезами. Она умоляла не бросать их, объясняла, что они должны успеть сесть на корабль до того, как придет чума, и что отец уже давно их ждет. Горько и отчаянно рыдая, она принялась трясти мать, пытаясь

пробудить ее к жизни, затем снова взглянула на меня, и слезы потоком хлынули у нее из глаз.

Поймите, меня сжигала жажда свежей крови. Без крови я бы и дня не протянул. У меня был выбор: улицы кишели крысами, где-то неподалеку жалобно выла бездомная собака. Ничего не стоило выбраться из комнаты, быстро насытиться и вернуться назад. Но в моей голове тяжелым колоколом гудел вопрос: проклят ли я? Если да, то почему на ее исхудавшее личико я смотрю с такой жалостью? Почему меня непреодолимо тянет прикоснуться к маленьким слабым ручкам, взять ее на колени (что я и сделал), прижать крошечную головку к груди и гладить мягкие, шелковистые волосы? Зачем все это? Если я проклят, то должен убить ее, должен видеть перед собой только добычу. Если я проклят, то обречен ненавидеть ее.

Я вдруг снова увидел Бабетту, сжимающую фонарь с искаженным от ненависти лицом, потом презренное лицо Лестата, и впервые почувствовал себя… действительно проклятым на веки вечные. И я наклонился к нежной шее и впился в нее зубами. Почувствовал на губах вкус горячей, свежей крови, услышал тонкий вскрик и прошептал: «Не бойся, всего лишь миг – и твоя боль исчезнет навсегда». И так крепко прижал ее к своему жадному рту, что уже не мог произнести ни звука. Четыре года я не пробовал человеческой крови, и вот теперь, когда наконец отважился, снова услышал тот же безумный ритм, барабанный бой ее сердца. Сердца, принадлежащего не мужчине, не животному, но ребенку. Я сосал ее кровь, а оно билось все быстрее и быстрее, оно отказывалось сдаваться, словно маленький молоточек отчаянно стучал в дверь: «Я не умру, не умру, не могу умереть…» Я поднялся, все еще сжимая ее в объятиях. Мой собственный пульс учащался вместе с биением ее сердца. Комната качалась перед глазами, я захлебывался в бурном, слишком стремительном для меня потоке крови. Невольно я взглянул на ее беспомощно склоненную голову, на открытый рот, и дальше вниз, на лицо ее матери. И мне показалось, что уловил блеск глаз под слегка приподнятыми веками, словно в них еще теплилась жизнь! В ужасе я отбросил девочку на пол. Она осталась лежать неподвижно, как сломанная кукла. Я отвернулся, чтобы не видеть ни ее, ни ее матери, и хотел было бежать куда глаза глядят, но застыл на месте. В окне появилась знакомая фигура. Конечно же, это был Лестат. Он стоял на

грязной мостовой и хохотал, согнувшись пополам, словно в диком танце. «Луи, Луи», – дразнил он меня и шутливо грозил длинным белым пальцем. Потом он быстро залез внутрь, отпихнул меня в сторону, схватил с постели смердящее тело и пустился плясать по комнате.

– Господи! – прошептал юноша.

– Да, на вашем месте я сказал бы то же самое. Спотыкаясь о ребенка и что-то напевая, он в неистовой пляске таскал труп за собой по всем углам. Спутанные волосы женщины разлетались в стороны, голова откинулась назад, и изо рта полилась черная, омерзительная жидкость. Только тогда он выпустил ее. Я не выдержал этого кошмара, выскочил через окно и побежал прочь от проклятого дома. Он бросился за мной. «Ты что, боишься меня, Луи? – кричал он. – Ты боишься? Девочка еще жива, она еще дышит. Давай вернемся и превратим ее в вампира. Она пригодится нам, Луи. Подумай, мы будем покупать ей нарядные платьица и чудесные игрушки! Луи, подожди, Луи! Скажи только слово, и я вернусь за ней!» Он бежал за мной всю дорогу – по улицам, а потом по крышам, где я надеялся отстать от него. Добравшись до нашей комнаты, я прыгнул внутрь, повернулся и в ярости захлопнул окно перед самым его носом. Он ударился о него с разбегу. С растопыренными руками Лестат походил на птицу, пытающуюся пролететь сквозь стекло. Он тряс раму, а я в исступлении бегал кругами по комнате и придумывал способ прикончить его. Я представлял себе, как под солнечными лучами его тело сгорает и рассыпается в прах. Я обезумел. Он разбил окно и пролез в комнату. Между нами завязалась настоящая драка. Только мысль о преисподней остановила меня: мы, два существа, обреченные на вечные муки, сцепились сейчас в слепой ненависти друг к другу. Я растерялся, ослабил хватку и через минуту, поверженный, уже лежал на полу и смотрел на него. Лестат стоял надо мной, тяжело дыша, но взгляд его был холоден. «Ты дурак, Луи, – сказал он спокойно. Его хладнокровие отрезвило меня. – Уже восходит солнце». Щурясь, он посмотрел за окно. Прежде я не видел его таким. Он словно стал лучше – не знаю, драка тому причиной или что другое. «Полезай в гроб, – сказал он совершенно беззлобно, – а завтра ночью… мы поговорим».

Его слова поразили меня. Поговорим! Я не мог себе это представить. Мы никогда по-настоящему не разговаривали. Впрочем,

кажется, я достаточно ясно описал вам наши бесконечные ссоры.

– Ему нужны были только ваши дома и деньги или он тоже боялся одиночества? – спросил юноша.

– Я и сам задавался этим вопросом. Мне даже иногда казалось, что Лестат хочет убить меня, но я не знал как. Я многого не знал. Например, почему каждый вечер я просыпаюсь в определенный час, а иногда чуть раньше – словно кто-то заводит во мне часы и пробуждает от мертвого сна. Этого Лестат мне не объяснил. Сам он часто просыпался раньше меня. В технических вопросах он меня превосходил. В то утро я захлопнул крышку гроба со страхом: а вдруг не проснусь? Вообще говоря, так бывало всегда. Это все равно что засыпать под наркозом перед операцией. Случайная ошибка хирурга – и ты уже никогда не проснешься.

– Но как же он мог вас убить? Разве что вывел бы на солнечный свет. Но тогда он и сам бы погиб.

– Вы правы. Но можно было поступить иначе. Проснувшись раньше меня, он мог бы заколотить мой гроб гвоздями. Или поджечь его. В том-то и дело: я не имел представления, на что он способен. А вдруг ему известно такое, чего я еще не знаю? Но делать было нечего. Солнце уже вставало, мысли о мертвой женщине и ребенке не давали мне покоя. Поэтому я не стал с ним спорить и улегся спать в предчувствии кошмарных снов.

– Вы видите сны! – изумился молодой человек.

– Довольно часто, – сказал вампир. – Чаще, чем хотелось бы. Долгие и очень отчетливые, а временами – чудовищные кошмары. До превращения я таких не видел. Поначалу они так захватывали меня, что я не хотел просыпаться; подолгу лежал в гробу и думал о том, что приснилось. Я пытался отыскать в них скрытый смысл, неуловимый, как и в снах людей. Например, мне снился брат, как будто он где-то рядом, но пребывает в странном состоянии между жизнью и смертью. Часто я видел Бабетту. И часто – да почти всегда – все происходило на фоне безжизненной черной пустыни, той бесконечной ночи, которую я увидел, стоя возле крыльца Бабетты. Люди во сне двигались и разговаривали, заключенные на необитаемом острове моей проклятой души. Не помню, что именно мне снилось в тот день, – потому, наверное, что следующий вечер слишком хорошо врезался в память. Я

вижу, вам тоже интересно узнать, что произошло тогда между Лестатом и мной.

Я говорил, что накануне Лестат поразил меня своим вдумчивым покоем. Но на следующий вечер все стало как прежде. Я встал из гроба и в приоткрытую дверь гостиной увидел его в компании двух женщин. Немногочисленные свечи, расставленные по низким столикам и резному буфету, едва рассеивали полумрак. Лестат на кушетке целовался с одной из женщин, пьяной и очень красивой. Она была похожа на куклу. Аккуратно причесанные волосы спадали на обнаженные плечи и полуоткрытую грудь. Другая потягивала вино, расположившись за столом с остатками ужина. Значит, они втроем уже успели поесть. Лестат, конечно, притворялся… Не поверите, как легко вампиру обвести вокруг пальца обычных людей, сидящих с ним за одним столом, делая вид, будто он ест и пьет не меньше других. Я не мог себе представить, что Лестат задумал, кроме того, разумеется, что этих двух девушек он наметил нам в жертвы. Та, с которой он сидел, уже начала подшучивать над ним, приставала с расспросами: почему его поцелуи так холодны, почему у него нет не то что влечения, но даже и всякого интереса к ней. Ее подруга успела соскучиться, и мысль о том, что мне придется составить ей компанию, заставила меня отказаться от первоначального намерения войти в комнату. Она наблюдала за вяло обнимающейся парочкой черными, слегка раскосыми глазами и, казалось, получала удовольствие от происходящего. Когда же Лестат встал, подошел к ней и положил руки на ее неприкрытые плечи, она просияла. Наклонившись, чтобы поцеловать ее, он вдруг заметил меня за дверью. Секунду он смотрел на меня, но тут же отвернулся и продолжил беседу с дамами как ни в чем не бывало. Потом подошел к столу и задул свечу.

«Здесь и так темно», – сказала первая женщина.

«Оставь нас одних, если тебе не нравится», – отозвалась другая.

Лестат уселся в кресло и жестом поманил ее к себе. Она подошла и устроилась у него на коленях, обняв за шею и поглаживая его золотистые волосы.

«У тебя ледяная кожа», – сказала она вдруг и отстранилась.

«Не всегда», – возразил Лестат, притянул ее к себе и прижался лицом к белой восхитительной шее.

Я смотрел завороженно. Я всегда знал, что Лестат жестокий и хитрый, но только теперь понял, как он умен и коварен: он вдруг вонзил зубы в шею девушки, надавливая на ее горло пальцами и крепко прижимая к себе. В считаные мгновения он утолил жажду. Другая женщина ничего не заметила.

«Твоей подруге не следует пить», – обратился он к ней и выскользнул из кресла, усадив безжизненное тело так, что казалось, будто девушка спит, подложив руки под склоненную на стол голову.

«Такую дуру еще поискать надо», – презрительно бросила та.

Она стояла у окна и смотрела на городские огни. В те времена дома в Новом Орлеане были невысокие – вы, наверное, знаете. И в тихие, ясные вечера, вроде того, о котором я рассказываю, с верхних этажей новой гостиницы открывался чудесный вид: улочки, освещенные газовыми фонарями. В полумраке звезды казались ярче и ближе, как это бывает в море.

«Я могу тебя согреть получше, чем она», – сказала девушка и повернулась лицом к Лестату.

Должен признаться, я вздохнул с облегчением: сейчас ему, по всей видимости, придется прикончить и ее, не прибегая к моей помощи. Но его план оказался не так прост.

«Ты думаешь?» – спросил он, взяв ее за руку.

«Да в этом, как я погляжу, нет нужды», – удивилась она.

– Его согрела свежая кровь?

– О да. После убийства тело вампира становится ничуть не холоднее, чем ваше. – Луи с улыбкой взглянул на юношу и продолжил: – На лице Лестата проступила краска, и оно совершенно преобразилось. Он притянул девушку к себе, и та, поцеловав его, рассмеялась. «Твоя страсть, – сказала она, – обжигает, словно раскаленные угли».

«Да, но твоя милая подружка дорого заплатила за это. Кажется… – Лестат пожал плечами, – я сильно ее утомил».

Он отступил назад, как бы приглашая женщину подойти вслед за ним к столу, что она и сделала с выражением превосходства на тонком лице. Без особого интереса она взглянула на подругу, и вдруг ей на глаза попалась салфетка, на которой темнели крошечные красные пятнышки. В недоумении она подняла ее с пола, пытаясь разглядеть, что бы это могло быть.

«Распусти волосы, – тихо сказал Лестат. Она равнодушно подчинилась, и светлая волна рассыпалась по шее и плечам. – Какие они мягкие, – прошептал Лестат, дотрагиваясь до них. – Именно такой я представляю тебя на постели с шелковым покрывалом».

«Хорошенькое у тебя воображение», – фыркнула она, игриво поворачиваясь к нему спиной.

«Ты знаешь, про какую постель я говорю?» – поинтересовался он.

Она, рассмеявшись, ответила, что, вероятно, его собственную. Полуобернувшись, она смотрела на него, а он, не сводя с нее глаз, легонько толкнул тело ее подруги, отчего оно упало с кресла и осталось лежать неподвижно, лицом вниз. Едва не задохнувшись от удивления и испуга, девушка поспешно отскочила в сторону, задев низенький столик. Свеча на нем упала и погасла.

«Главное – это потушить свет…» – тихо пробормотал Лестат и, не обращая внимания на сопротивление девушки, похожей на мотылька, бьющегося о стекло, прижал ее к себе и впился зубами в хрупкую, нежную шею.

– О чем же вы думали? – спросил юноша. – Вы не хотели остановить его, как в случае с Френьером?

– Нет, – ответил вампир. – Да я и не сумел бы предотвратить подобный исход. Не забывайте, я знал, что он убивает людей каждую ночь. В отличие от меня кровь животных его нисколько не удовлетворяла. Она годилась только, когда не оставалось ничего лучшего. И потом, хотя мне было жалко женщин, я думал совсем о другом. В моих мыслях царил хаос. А в груди все еще стучал маленький молоточек – сердце голодного ребенка, и мучительные сомнения по поводу странной раздвоенности моей души ничуть не утихли. Я злился, что Лестат сделал меня зрителем отвратительного представления, нарочно дождался моего пробуждения, прежде чем убить девушек. Смешанное чувство ненависти и собственной слабости вспыхнуло во мне с невиданной силой, и в который раз я спрашивал себя, достанет ли у меня смелости расстаться с ним.

Тем временем, усадив очаровательных женщин за стол, Лестат прошелся по комнате и зажег одну за другой свечи. Комната стала походить на свадебную гостиную.

«Входи, Луи, – позвал он меня. – Я хотел позаботиться о компании и для тебя, да передумал, вспомнив о твоем своеобразном вкусе. Как

жаль, что мадемуазель Френьер любит кидаться горящими фонарями. Подобная привычка может испортить вечеринку, ты не находишь? Особенно если дело происходит в гостинице».

Я вошел в комнату и бросил невольный взгляд на девушек. Темноволосая полулежала, уронив голову на грудь. Ее лицо уже успело застыть и превратилось в ослепительно белую маску. Ее белокурая подруга откинулась на спинку дамасского кресла. Казалось, она просто спит, и я не мог понять, мертва она или нет. Две раны – следы зубов Лестата на горле и над левой грудью – все еще сильно кровоточили. Лестат поднял ее безжизненную руку, сделал ножом надрез и, наполнив два бокала, предложил мне присесть к столу.

«Я ухожу от тебя, – объявил я ему, – и хочу, чтобы ты знал об этом».

«Я так и думал, – ответил он, усаживаясь в кресло. – Не сомневаюсь, по этому случаю ты приготовил красочную речь. Ну что ж, поведай мне, что я за чудовище, какой пошлый, вульгарный злодей».

«Я не собираюсь судить тебя. Ты мне безразличен. Но хочу понять, кто я такой, а твоим словам больше не доверяю. Для тебя знания – орудие власти надо мной. – Я не ждал откровенного ответа. От него я вообще ничего не ждал, скорее, прислушивался к собственным словам. Но вдруг его лицо снова переменилось, стало таким, как ночью. Он слушал меня. Я растерялся. И с болью в душе подумал, что нас все равно разделяет пропасть. – Зачем же ты стал вампиром? – не выдержал я. – Почему ты такой? Мстительный, злобный… ты можешь разрушить человеческую жизнь просто так, ради удовольствия. Эта девушка… зачем ты убил ее? Тебе хватило бы одной. Зачем напугал ее перед смертью и теперь издеваешься над трупом, словно искушая Бога своим святотатством?»

Он ни разу не перебил меня, и в наступившей паузе я опять почувствовал, что теряюсь. Лестат задумчиво глядел на меня большими ясными глазами. Я вспомнил, что уже видел их такими, но вот когда? Уж точно не во время наших разговоров.

«Как ты думаешь, что значит – быть вампиром?» – сказал он искренне и серьезно.

«Не стану притворяться, что знаю, я же не ты. И что же это значит?»

Он не ответил. Словно почувствовал в моих словах раздражение и насмешку. Он сидел и смотрел на меня серьезным, спокойным взглядом. Я сказал:

«Я расстанусь с тобой и постараюсь найти разгадку. Если понадобится, я весь мир объеду и найду других вампиров. Ведь где-то же они есть, наверное, их много. И, даст Бог, встречу таких же, как я, – таких, которые любят знания и с помощью своей силы стремятся разгадать тайны, великие тайны, недоступные для тебя. И если ты ничего не скажешь, я дойду до всего сам – или они мне помогут».

Он покачал головой:

«Луи! Ты все еще слишком привязан к земной жизни, к миру смертных! Ты гоняешься за призраками себя самого. Молодой Френьер, его сестра… ты видишь в них себя, каким был и каким хочешь остаться и по сей день. Благодаря любви к миру смертных ты мертв для мира вампиров!»

Я тут же возразил:

«Мой нынешний мир – самое сильное переживание в моей жизни. Раньше моя жизнь была мрачной и запутанной; я словно скитался во мраке, брел, как слепец, на ощупь, от стены к стене. Только когда я стал вампиром, я по-настоящему увидел, понял и полюбил жизнь; увидел людей, их живую плоть и трепещущую душу. Я вообще не знал, что такое жизнь, пока не почувствовал ее красный, горячий поток на своих губах, на своих ладонях!»

Я вдруг понял, что опять смотрю на женщин: кожа темноволосой уже начала приобретать жуткий синеватый оттенок, но грудь другой едва заметно вздымалась, и воскликнул:

«Смотри, она еще жива!»

«Я знаю, оставь их, – отозвался Лестат. Он сковырнул ножом корку с раны на кисти белокурой женщины и снова наполнил свой бокал. – То, что ты говоришь, не лишено смысла, – сказал он и сделал глоток. – Ты мыслитель, Луи, а я – нет. Я учился не по книгам, а по рассказам других. Да и в школе недоучился. Но я не глуп, и сейчас ты должен выслушать меня, потому что тебе угрожает серьезная опасность. Ты не знаешь, кто ты есть теперь. Как взрослый, который оглядывается на свое безоблачное детство и жалеет, что ребенком его не ценил. Ты же не можешь вернуться в детскую, играть в свои старые игрушки и ждать, что на тебя прольется дождь заботы и ласки, только

потому, что теперь увидел их истинную прелесть. Дорога в мир смертных закрыта для тебя навсегда. Ты прозрел. А с новыми глазами ты уже не сможешь вернуться в теплый человеческий мир».

«Все это я знаю и сам! – ответил я. – Но кто же я есть теперь? Если могу прожить, питаясь кровью животных, то почему бы мне не довольствоваться этим, вместо того чтобы нести людям горе и смерть!»

«Но ты же не можешь сказать, что счастлив, верно? – возразил он. – Словно нищий, ты ловишь по ночам крыс, а потом бродишь под окнами Бабетты, исполненный заботы и нежности, но беспомощный, как богиня, влюбившаяся в спящего Эндимиона. Допустим даже, что ты мог бы заключить ее в объятия, не вызывая ужаса и отвращения, и что с того? Тебе пришлось бы в течение недолгих лет наблюдать за ее мучениями и страданиями – неизбежными спутниками людей, и в конце концов она бы умерла на твоих руках. Разве это счастье? Нет, Луи, – безумие, напрасная трата сил и времени. Ты должен стать настоящим вампиром и научиться убивать. Бьюсь об заклад, если сегодня ты выйдешь на улицу и встретишь женщину, такую же прекрасную и богатую, как Бабетта, высосешь ее кровь и она бездыханной упадет к твоим ногам, у тебя отпадет охота вздыхать о профиле мадемуазель Френьер в лунном свете или прислушиваться к звуку ее голоса, стоя под окнами гостиной. Ты наконец насытишься, Луи, наконец почувствуешь себя вампиром, а когда проголодаешься, тебе захочется повторить. Кровь в бокале останется красной, рисунок на обоях будет так же изыскан и прост. Ты будешь видеть луну и пламя свечи, не потеряешь ничего, но с той же остротой, с тем же благоговением увидишь смерть, всю ее красоту, потому что познать жизнь можно только на ее границе со смертью. Разве ты не понимаешь, Луи? Один ты в этом мире можешь наслаждаться смертью, наслаждаться безнаказанно. Один… в лунном свете… и тебе одному дано право разить, подобно руке Божьей!»

Он откинулся в кресле и, осушив стакан, обвел глазами девушку, еще живую, но лежащую без сознания. Ее грудь тяжело вздымалась. Ее веки задрожали, она приходила в себя и тихо стонала. Никогда Лестат не говорил со мной так, я не думал, что он на это способен.

«Вампир – убийца, – сказал он. – Хищник. Всевидящие глаза даны ему в знак избранности, обособленности от мира. Ему дарована

возможность наблюдать человеческую жизнь во всей ее полноте. Без слезливой жалости, но с заставляющим трепетать душу восторгом, потому что именно он ставит в ней точку, он – орудие божественного промысла».

«Это ты так думаешь», – сказал я.

Девушка снова застонала, ее голова качнулась, а лицо стало белее мела.

«Так оно и есть, – ответил Лестат. – Ты тешишь себя надеждой отыскать других вампиров. Но они – тоже убийцы! Ты, с такой трепетной душой, им не нужен. Они увидят тебя издалека и сразу поймут, что ты собой представляешь. Тогда – берегись: они недоверчивы и постараются найти способ уничтожить тебя. Даже если б ты был такой, как я, они поступили бы так же; одиноким хищникам улиц общество нужно не больше, чем тигру в джунглях. Они ревниво берегут свои секреты и сторожат свою территорию, очерченную невидимыми границами. Собраться вместе их заставляют только соображения безопасности, и один обязательно становится рабом другого. Так же, как у нас с тобой».

«Я никогда не был твоим рабом», – возразил я, хотя прекрасно знал, что он говорит правду.

«Только так нас становится больше… только через рабство. Ты в состоянии указать другой путь?» – спросил он и опять потянулся к кисти девушки.

Почувствовав прикосновение острой стали, она медленно открыла глаза. Он поднес бокал к свежей ране. Она моргала, старалась не дать векам снова опуститься. Казалось, ее взор застилает пелена.

«Ты, верно, устала? – сказал ей Лестат. Она посмотрела на него невидящим взглядом. – Устала! – повторил он, наклоняясь и вглядываясь ей в глаза. – Тебе хочется спать».

«Да…» – еле слышно простонала она.

Он поднял ее на руки и отнес в спальню. Там, около стены, по соседству с кроватью, застеленной бархатным покрывалом, стояли на ковре наши гробы. Не обращая внимания на постель, Лестат аккуратно уложил ее в свой гроб. Стоя на пороге комнаты, я наблюдал за происходящим.

«Что ты делаешь?» – спросил я его. Девушка оглядывалась по сторонам, как испуганный ребенок.

«Нет… нет…» – жалобно стонала она. Лестат взялся за крышку, и она закричала. Он захлопнул гроб, но она продолжала кричать.

«Зачем ты делаешь это, Лестат?» – спросил я.

«Потому что мне так нравится. – Он взглянул на меня. – Я же не заставляю тебя радоваться вместе со мной. Ты же эстет, придумай что-нибудь другое. Убивай быстро, если хочешь. Но убивай. Пойми наконец, ты – убийца!» – Он раздраженно махнул рукой.

Девушка перестала кричать, Лестат пододвинул к гробу кресло на изогнутых ножках, сел и закинул ногу на ногу, глядя на черную лакированную крышку. Этот гроб был не такой, как теперешние, не прямоугольный ровный ящик. Он сужался к обоим концам, причем самое широкое место приходилось туда, где лежат скрещенные на груди руки покойника. По форме он напоминал человеческое тело. Вдруг крышка открылась, и девушка села в гробу, изумленно глядя широко раскрытыми глазами, ее синие губы дрожали.

«Ложись, милая, – сказал Лестат, силой заставляя ее лечь. Она смотрела на него молча, с ужасом, близкая к истерике, а он добавил: – Ты ведь уже мертва».

Не в силах подняться, девушка вскрикнула. Она извивалась, как рыба, выброшенная на песок, будто хотела выбраться наружу через дно или стенки.

«Это гроб, это гроб! – кричала она. – Выпустите меня отсюда!»

«Рано или поздно мы все очутимся в таком ящике, – заметил он. – Лежи себе тихо, золотко. Немногим удается опробовать свою последнюю постель заранее. Тебе повезло».

Я не знаю, слушала она его или нет, но, увидев меня в дверях, перестала сопротивляться. Она перевела взгляд на Лестата и снова на меня.

«Помогите!» – сказала она мне.

Лестат повернулся ко мне.

«Я думал, ты почувствуешь все инстинктивно, как это было со мной. Когда я помог тебе совершить первое убийство, думал, что ты захочешь еще и еще, что будешь видеть в каждом человеке полную чашу, которая ждет, чтобы ты выпил ее до дна. Я ошибся. Долгое время я не пытался исправить тебя, потому что твоя слабость была удобной для меня. Я смотрел, как ты играешь в «тень» по ночам или неподвижно стоишь и мокнешь под дождем, и говорил себе: «Он

простофиля, им легко управлять». Но ты и правда слабый, Луи. Это заметно не только вампиру, но и смертным. В случае с Бабеттой мы подвергались серьезной опасности. Ты как будто хочешь, чтобы мы оба погибли».

«Я не могу видеть, что ты делаешь». – Я отвернулся. Глаза девушки прожигали меня насквозь. Она неотрывно смотрела на меня.

«Еще как можешь! – сказал Лестат. – Я видел тебя с той девочкой. Ты вампир, такой же, как я!»

Он встал и направился ко мне, но девушка снова поднялась, и ему пришлось вернуться, чтобы уложить ее на место.

«А может, нам сделать ее вампиром? – обратился он ко мне. – Она станет одной из нас».

«Нет!» – тут же ответил я.

«Почему? Потому что она всего лишь шлюха? Должен заметить, чертовски дорогая шлюха».

«Она сможет выжить или уже поздно?» – спросил я.

«Как трогательно! – съязвил он. – Она умрет».

«Тогда убей ее».

Девушка начала кричать, громко и бессвязно. Лестат сидел рядом, точно окаменевший, я, не выдержав, снова отвернулся. Судорожно всхлипывая, она уткнулась лицом в атласную обивку гроба. Рассудок почти покинул ее, она плакала и молилась. То закрывая лицо руками, то обхватывая голову, она молила Деву Марию спасти ее, размазывала кровь по волосам, одежде, атласу. Я подошел к гробу и наклонился к ней. Я сразу понял, что она действительно умирает; ее глаза еще горели, но кожа вокруг них уже подернулась мертвой синевой. Вдруг она улыбнулась.

«Вы спасете меня, правда? – прошептала она. – Вы не позволите мне умереть?»

Лестат взял ее ладонь в свою руку и произнес:

«Поздно, милая, тебе уже никто не сможет помочь. Только взгляни на свои раны».

И он прикоснулся к двум пунктирным точкам у нее на шее.

Она схватилась обеими руками за горло, открыв от ужаса рот. Крик замер у нее на губах. Я смотрел на Лестата, силясь понять, как он может получать удовольствие от всего этого. Его лицо, ровное и

гладкое, как у меня сейчас, но более оживленное благодаря выпитой крови, было холодно и спокойно.

Он не взирал на нее с жадной злобой театрального злодея, утоляющего жестокость мучениями жертвы. Он просто стоял и смотрел.

«Я не хотела быть плохой, – бормотала она в отчаянии. – Я грешила не по своей воле. Вы не дадите мне умереть вот так, без покаяния! – Она начала рыдать без слез. – Позвольте мне уйти, я должна повидать священника перед смертью. Пустите меня».

«Зачем? – улыбнулся Лестат, словно ему в голову пришла хорошая шутка. – Мой друг как раз священник. Ты присутствуешь на собственных похоронах, милая. Ты пошла на званый ужин и умерла, но Бог дает тебе шанс освободиться от грехов, понимаешь? Расскажи ему все без утайки».

Вначале она покачала головой, но затем, глядя на меня умоляюще, спросила:

«Это правда?»

«Я вижу, ты не собираешься исповедоваться, – заметил Лестат. – Тогда мне придется закрыть крышку».

«Прекрати издеваться над ней, Лестат!» – крикнул я.

Девушка снова зарыдала, и я почувствовал, что больше не могу это выносить. Я склонился над ней и взял ее руку. И решил прекратить страдания несчастной, как только она закончит исповедь.

«Я не могу припомнить сейчас свои грехи», – обратилась она ко мне.

«Это не важно. Просто скажи Богу от чистого сердца, что раскаиваешься в них, – ответил я. – Потом ты умрешь и обретешь покой».

Успокоенная моими словами, она легла на спину и закрыла глаза. И тогда я вонзил зубы в ее кровоточащую кисть. Она слегка пошевелилась, точно во сне, и прошептала чье-то имя. Скоро ритм ее сердца стал замедляться. Завороженный, я заставил себя оторваться от раны. Прислонился к косяку, голова у меня кружилась. Словно во сне, я видел ее, лежащую неподвижно. Лестат сидел, точно плакальщик у гроба, горела свеча.

«Луи, – позвал меня Лестат. Его лицо было совершенно спокойно. – Неужели ты так и не понял? Ты обретешь покой в душе

только тогда, когда научишься делать это каждую ночь. У тебя нет выбора!»

Его голос звучал тихо, почти нежно. Он встал и положил мне руки на плечи. Я вышел в гостиную, избегая его прикосновения, но не решаясь оттолкнуть его. Лестат пошел следом.

«Пойдем вместе, – сказал он. – Уже поздно, а ты еще голоден. Позволь показать тебе, кто ты на самом деле. Прости, что я не помог тебе раньше. Пошли!»

«Нет, Лестат. Это не для меня, – ответил я. – Ты выбрал не того компаньона».

«Но, Луи, ты даже не пробовал!» – сказал он.

Вампир остановился и изучающе посмотрел на собеседника. Тот изумленно молчал.

– Лестат не ошибся: я был еще голоден. Потрясенный увиденным, я безропотно позволил вывести себя из гостиницы через черный ход. Ступив на узенькую улочку, мы тут же оказались в гуще толпы. Люди шли из танцевального зала на Конде-стрит, в соседних гостиницах проходили званые вечера, и на каждом шагу встречались семьи плантаторов в полном составе. В этой невообразимой толчее мы с трудом протискивались вперед. Мне казалось, что я схожу с ума; впервые с тех пор, как я оставил смертную жизнь, у меня на сердце лежала такая страшная тяжесть. Потому что Лестат сказал правду. Я знал, что только в миг убийства моя душа обретает мир и покой, что кровь животных вместо человеческой только усугубляет жажду, что именно эта жажда толкает меня к людям и я смотрю на их жизнь словно сквозь стекло. Я так и не стал вампиром. Из глубины своей боли я задавал себе детские, нелепые вопросы: а вдруг еще можно вернуться назад? можно стать человеком? Теплая кровь девушки струилась по моим венам и наполняла меня силой, но я все равно терзался сомнениями. Лица проходивших людей напоминали огоньки свечей в темном, безбрежном море ночи, и мне казалось, что я тону в нем, мучимый тоской и жаждой. Я кружил по улицам, смотрел на звезды и повторял про себя: «Это правда: только убийство дает мне облегчение. Но эта правда невыносима».

И вдруг я очнулся. Улица, на которой мы очутились, была тиха и пустынна. Она пролегала рядом с крепостной стеной, вдали от старого

города. Здесь не было фонарей. Лишь кое-где в окнах горел свет, слышались отдаленные голоса и смех. На самой же улице не было ни души. Легкий и влажный ветер с реки вливался в горячий ночной воздух. Лестат стоял рядом, неподвижный, точно каменное изваяние. За длинными рядами низких остроконечных крыш вздымались тени могучих дубов, и их кроны, покачиваясь, рождали мириады звуков, заполнявших все пространство от мостовой до низко висящих звезд. Боль на мгновение оставила меня. Я закрыл глаза и слушал легкое пение ветерка и тихий плеск воды. Мне удалось забыться… ненадолго. Я знал, что это скоро кончится, что покой, словно птица, выскользнет из рук и улетит прочь, а я в отчаянии брошусь следом, тщетно пытаясь обрести его вновь, более одинокий, чем любое из существ, сотворенных Богом. В тот же миг я услышал голос, тяжелым рокотом ворвавшийся в волшебную паутину звуков ночи: «Делай то, что велит твоя природа. Призрак, за которым ты гонишься, всего лишь тень настоящего. Отбрось сомнения и следуй своим путем». Все исчезло. Я стоял потрясенный. Подобно девушке из гостиницы, я готов был согласиться на все что угодно. Лестат кивнул мне, и я машинально повторил его движение.

«Твои мучения ужасны, – сказал он. – Ты так сильно чувствуешь боль, потому что ты – вампир. Ты же не хочешь, чтобы так продолжалось дальше?»

«Да», – ответил я. Он сжал мою руку.

«Тогда не отворачивайся от того, что тебе суждено. Пойдем».

Он быстро повел меня по улице, оборачиваясь и с улыбкой протягивая руку каждый раз, когда я отставал. Я снова был зачарован его близостью, как в ту ночь, когда он вошел в мою жизнь и убедил стать вампиром.

«Зло – абстрактное понятие, – шептал он. – Мы бессмертны, и перед нами открыты двери обильных пиров и празднеств, радость которых недоступна человеческому разуму и рождает у смертных скорбь и тоску. Бог берет без разбору богатых и бедных. Так станем поступать и мы, потому что нет на свете существ, стоящих ближе к нему, чем мы – демоны, не заключенные в смердящих кругах ада, но вольные гулять по его царству где вздумается. Ты знаешь, чего я хочу сегодня ночью? Ребенка. Во мне проснулось материнское чувство… я хочу ребенка!»

Мне следовало догадаться, что он имеет в виду, но он словно заколдовал меня. Он играл со мной, как с человеком, вел за собой и повторял:

«Твоя боль скоро пройдет!»

Мы завернули за угол и вышли на улицу, освещенную яркими окнами. Здесь сдавались комнаты для приезжих и матросов. Вслед за Лестатом я вошел в узкую дверь и очутился в пустом каменном коридоре. Там было так тихо, что собственное дыхание напомнило мне шум ветра. Лестат прокрался вперед, и его тень появилась в пятне света, упавшем из открытой двери, рядом с другой тенью, тенью человека. Я увидел головы, склонившиеся друг к другу, и услышал шепот, похожий на шуршание сухих листьев, такой тихий, что нельзя было разобрать ни слова.

«В чем дело?» – спросил я, когда он вернулся, и подошел к нему поближе. Я боялся, что вспыхнувшее во мне возбуждение может угаснуть. Я увидел снова страшную ночную пустыню одиночества и вины.

«Она там! – сказал он. – Та, которую ты ранил. Твоя дочь».

«Я не понимаю, о чем ты говоришь!»

«Ты спас ее, – прошептал он. – И я это знал. Ты оставил окно открытым. Прохожие услышали детский плач, нашли ее и принесли сюда».

«Девочка! Она здесь!» – я чуть не задохнулся. Но он уже вел меня за собой, в длинную палату, заставленную деревянными кроватями. На них под тонкими белыми одеялами лежали дети. В дальнем конце, склонившись над маленьким столиком перед единственной свечой, сидела больничная няня. Мы медленно пошли по проходу между рядами коек.

«Голодные дети, сироты, – говорил Лестат. – Дети чумы и лихорадки».

И вдруг он остановился. На кровати перед нами я увидел ту девочку. К нам подошел мужчина в белом халате. Он что-то прошептал Лестату, тот ответил так же тихо, чтобы не разбудить малышей. В соседней комнате кто-то заплакал, няня встала и поспешила туда.

Доктор склонился над девочкой, завернул ее в одеяло и взял на руки. Лестат вынул из кармана деньги и положил их на постель. Врач говорил, как он рад, что мы пришли за ней, потому что все дети в его

больнице – сироты. Они приплыли в город на кораблях. И некоторые, совсем маленькие, даже не могли узнать тело матери среди мертвых тел. Он не сомневался, что Лестат – отец ребенка.

Мгновения спустя мы уже были на улице, и Лестат с девочкой на руках поспешил назад к гостинице. Я бежал за ним. Белый сверток у его груди светился на фоне черного плаща, и даже моим глазам – глазам вампира – временами казалось, будто одеяло летит по ночному городу само по себе, словно лист, уносимый ветром. Мне удалось догнать его только возле фонарей на площади. Девочка покоилась на его плече. Ее бледное личико не утратило детскую припухлость, несмотря на потерю крови и близость смерти. Она приоткрыла глаза, или, точнее, веки сами собой слегка приоткрылись, и под длинными изогнутыми ресницами я увидел две белые узкие полоски.

«Что ты задумал? Куда ты ее несешь?» – спрашивал я, хотя точно знал, что он несет ее в наш номер, только не понимал зачем.

Все было по-прежнему. Тела девушек лежали там же, где мы их оставили: одно на кресле, другое – в гробу, словно приготовленное для похорон. Лестат даже не взглянул на них. Я смотрел на него. Свечи уже догорели, и темноту гостиной нарушал только свет уличных фонарей и луны. Лестат уложил девочку на кровать и уселся рядом.

«Подойди сюда, Луи, – позвал он меня. – Ты ведь все еще голоден, я знаю».

Его голос звучал спокойно и убедительно, как и весь вечер. Он крепко сжал мою руку, я почувствовал тепло его ладони.

«Взгляни на нее, Луи. Она так нежна и мила, даже смерть не властна над молодой, свежей плотью. Ее жажда жизни невероятна! Помнишь, как ты хотел ее, когда впервые увидел?»

Я изо всех сил старался не поддаться очарованию его слов. Не хотел убивать ее ни тогда, ни теперь. Боролся с собой, моя душа рвалась на части: я вспомнил вдруг, как маленькое детское сердце билось в такт с моим, и я умирал от желания пережить это снова. Я повернулся спиной к девочке и выбежал бы из комнаты, но Лестат проворно преградил мне дорогу; я вспомнил лицо ее матери, как в ужасе я бросил девочку на пол и как он плясал за окном. Но теперь он не смеялся надо мной, он говорил, и мои мысли путались.

«Ты хочешь ее, Луи. Пойми, раз ступив на этот путь, можно убивать кого угодно. Ты хотел ее и прошлой ночью, но тебе помешала

слабость. Вот почему она еще жива».

Я знал, что он прав; вспомнил, какое блаженство было прижать ее к себе, слушать и слушать стук ее сердца.

«Она слишком сильна для меня, – сказал я. – Ее сердце… не хочет сдаваться».

Лестат улыбнулся.

«Слишком сильна? – Он притянул меня поближе. – Возьми ее, Луи. Я знаю, ты хочешь ее».

И я сдался. Подошел к кровати, посмотрел на нее. Она едва дышала, маленькая рука запуталась в прядях длинных золотых волос. Невыносимо… я смотрел на нее и хотел, чтобы она осталась жить, и хотел ее крови. И чем дольше я смотрел, тем явственней чувствовал вкус ее кожи, прижимал мягкое и нежное тело к груди воображаемым движением руки, скользящей вдоль хрупкой спины. Да, вот такая она была – мягкая и нежная. Я убеждал себя, что ей лучше умереть; иначе что ее ждет в этой жизни? Но лгал самому себе. Просто хотел ее крови. Я взял ее на руки и обнял, прижался щекой к ее горячей щеке. Вдыхал ее сладкий запах, такой живой и сильный. Потревоженная, она застонала во сне, и я понял, что не смогу больше ждать. Я должен убить ее, пока она не проснулась. Потянулся к ее горлу и услышал далекие слова Лестата:

«Только маленькую ранку. Посмотри, какое хрупкое горло».

Не стану рассказывать вам, что я пережил тогда. Скажу только, что это захватило меня, как и прежде, как и всегда; но в этот раз гораздо сильнее.

Стоя на коленях перед кроватью, я жадно сосал кровь и слушал биение маленького сердца, которое не замедляло ритм, не хотело остановиться. Я не отрывался от ранки. Ждал, что оно вот-вот остановится, как вдруг Лестат схватил меня и оттащил от девочки.

«Но она еще жива», – прошептал я и очнулся.

Комната медленно выплыла из темноты. Я сидел и смотрел на девочку, прижавшись к изголовью, сжимая в кулаках бархатное покрывало. Я не мог шевельнуться от слабости. Лестат взял ее на руки и заговорил с ней. Он назвал ее по имени.

«Клодия, ты слышишь меня? Очнись, Клодия. – Потом он вынес ее в гостиную. Голос его звучал так тихо и так нежно, что я едва

разбирал слова. – Ты больна, ты слышишь меня? Ты должна слушаться меня, если хочешь поправиться».

Мое сознание прояснилось, и я стал понимать, что происходит: Лестат разрезал себе руку, и сейчас она пьет его кровь.

«Еще, еще, милая, – говорил он. – Ты должна напиться как следует, если хочешь выздороветь».

«Будь ты проклят!» – закричал я с порога гостиной, но он только прошипел что-то в ответ и взглянул на меня сверкающими глазами.

Он сидел на кушетке. Девочка впилась в его запястье. Маленькая белая ручка мертвой хваткой вцепилась в рукав его сюртука. Грудь Лестата тяжело вздымалась, лицо исказилось до неузнаваемости – никогда я не видел его таким. Он застонал, но шепотом велел ей продолжать. Я было шагнул вперед, но встретил его взгляд и остановился.

«Не подходи, убью», – словно хотел сказать он.

«Но зачем, Лестат?» – прошептал я.

Он уже хотел оттолкнуть девочку. Она сопротивлялась, не давала Лестату отвести руку от губ и яростно рычала.

«Довольно, перестань!» – сказал он.

Я видел, что ему больно. Наконец он сумел высвободиться и схватил ее за плечи обеими руками. Она отчаянно пыталась добраться зубами до его запястья, но он держал ее слишком крепко. Вдруг девочка успокоилась и молча, с детским изумлением уставилась на Лестата. Он медленно отступил назад и вытянул перед собой руку, защищаясь. Потом прижал платок к ране на запястье, подошел к шнурку звонка и дернул, не сводя с нее глаз.

«Что ты наделал, Лестат?» – повторял я.

От ее прежней болезненной бледности не осталось и следа. Живая, полная сил, она сидела на кровати, вытянув ножки на бархатном покрывале. Ее белая сорочка, мягкая и тонкая, казалась мне ангельским одеянием. Она смотрела на Лестата.

«Кого угодно, только не меня, – сказал он ей. – Никогда, ты слышишь? я покажу тебе, что надо делать!» я попытался заставить его посмотреть на меня, ответить мне, но он оттолкнул меня, я отлетел к стене и больно ударился. И тут в дверь постучали. Я знал, что собирается сделать Лестат, и бросился к нему опять, но результат

оказался прежним: я даже не успел заметить молниеносного движения его руки. И упал в кресло. Он открыл дверь.

«Пожалуйста, входите. У нас произошла маленькая неприятность», – услышал я его голос.

В комнату вошел молодой негр. Лестат закрыл дверь и накинулся на него сзади – тот не успел и глазом моргнуть. Склонившись над распростертым телом, Лестат вцепился в его горло и знаком поманил к себе девочку. Соскользнув с кровати, она встала на колени перед лежащим юношей, торопливо вцепилась в его запястье, протянутое Лестатом. Сперва она пыталась грызть живую плоть, но Лестат объяснил ей, что надо делать, а потом сел рядом и предоставил ей в одиночку довершить начатое. Но он не сводил глаз с груди жертвы, и когда пришло время, наклонился к девочке и сказал:

«Довольно, он умирает… Ты не должна пить кровь после того, как остановится сердце, иначе ты снова заболеешь и умрешь. Понятно?»

Но она уже насытилась и села на пол рядом с Лестатом, скрестив ноги. Через считаные минуты юноша уже был мертв. Слабость и усталость охватили меня; казалось, эта ночь длится тысячу лет. Я смотрел на них. Девочка все теснее прижималась к Лестату, он обнял ее, равнодушно глядя на труп слуги. Потом поднял глаза и посмотрел на меня.

«Где мама?» – тихо спросила девочка. Голосок ее был нежен, как она сама, звенел, как серебряный колокольчик, мягко и чувственно. Ее глаза, большие и ясные, напоминали мне Бабетту, и странное предчувствие родилось у меня в груди. Но я не мог разобраться в своих мыслях. Лестат встал, подхватил ее на руки и подошел ко мне.

«Она – наша дочь, – сказал он. – Теперь ты будешь жить с нами».

Он улыбнулся ей, но его глаза оставались холодными, словно все это была только странная шутка. Потом он посмотрел на меня с осуждением и укоризной и подтолкнул девочку ко мне. Она очутилась у меня на коленях, я обнял ее нежные плечи, бархатистая кожа коснулась моей щеки, теплая, как кожица сливы, согретой солнцем; огромные сияющие глаза смотрели с недоверчивым любопытством.

«Это Луи, а я – Лестат», – представил он нас и сел на кушетку.

Она огляделась и сказала, что эта комната ей очень нравится, но где же мама? Она хочет к маме… Лестат взял расческу и принялся

расчесывать ей волосы, осторожно, чтобы не сделать больно. Распутанные локоны сияли, как шелк. Никогда я не видел такого красивого ребенка, а теперь ее красота засветилась холодным огнем, огнем вампира. Ее глаза стали глазами взрослой женщины.

«Она будет белой и холодной, как мы, – подумал я, – но останется прежней».

И я понял, что Лестат говорил о смерти. Две крошечные пунктирные ранки на ее шее еще слегка кровоточили, и я поднял с пола платок Лестата и приложил к ним.

«Мама оставила тебя с нами. Она хочет, чтобы ты была счастлива, – обратился к ней Лестат с тем же поразительным самообладанием. – Она знает, что с нами тебе будет хорошо».

«Мне хочется еще», – сказала она, поворачиваясь к трупу юноши.

«Нет, на сегодня хватит. Придется подождать до завтра», – ответил он и пошел в спальню к своему гробу.

Девочка спрыгнула с моих колен. За ней следом поднялся на ноги и я. Она стояла и смотрела, как Лестат укладывает все три трупа на кровать и закрывает их одеялом до подбородка.

«Они заболели?» – спросила она.

«Да, Клодия, – отозвался он. – Они заболели и умерли. Они всегда умирают, когда мы высасываем их кровь».

Лестат подошел к ней и снова взял на руки, и я вдруг понял, что теперь она точно стала одной из нас. Она менялась на глазах, и я чувствовал, что все больше и больше очарован ею, каждым ее жестом и словом. Из обычного ребенка она превратилась в ребенка-вампира.

«Кстати, Луи собирался покинуть нас, – будто невзначай заметил Лестат, обводя нас взглядом по очереди. – Он хотел уйти от нас навсегда. Но теперь передумал, потому что хочет заботиться о тебе и сделать тебя счастливой. – Он опять посмотрел на меня. – Ведь так, Луи?»

«Мерзавец! – прошептал я. – Ты просто отъявленный негодяй!»

«Произносить такие слова в присутствии дочери!» – ехидно сказал он.

«Я – не ваша дочь, – вдруг вставила она своим серебряным голоском. – Я – мамина дочь».

«Нет, милая, теперь уже нет, – покачал головой Лестат. Он взглянул за окно, закрыл двери спальни и повернул в замке ключ. – С

этого дня ты – наша дочь, моя и Луи. С кем бы ты хотела спать? С ним или со мной? – Потом, окинув меня взглядом, он добавил: – Я думаю, тебе лучше лечь с ним. В конце концов, когда я устаю… я не такой добрый».

Вампир остановился. Молодой человек долго молчал.

– Ребенок-вампир! – хрипло прошептал он наконец.

Луи пристально посмотрел на него, словно что-то насторожило его, потом перевел глаза на диктофон, разглядывая необычный для него предмет, будто диковинное чудо.

Лента почти кончилась. Юноша быстро открыл портфель, достал чистую кассету, неловко вставил ее на место прежней. И нажал кнопку записи. Они начинали разговор в темноте, но зимой в Сан-Франциско темнеет рано, и теперь не было еще и десяти. Вампир встрепенулся, улыбнулся и спокойно спросил:

– Можно продолжать?

Юноша кивнул.

– Он превратил девочку в вампира, чтобы удержать вас?

– Трудно сказать наверняка. Я убежден, что Лестат, даже будучи наедине с самим собой, предпочел бы не доискиваться до истинных мотивов своих поступков. Он относится к числу тех, кто действует не раздумывая. Только очень серьезные обстоятельства могли подвигнуть его на открытое выражение своих мыслей и чувств, как это было при нашем разговоре в ту ночь. Мое твердое намерение расстаться вынудило Лестата найти искреннее объяснение своего образа жизни. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что подсознательно он сам стремился узнать, что толкает его на убийства, он хотел заново увидеть свою жизнь. Но, конечно, он хотел, чтобы я остался, потому что в одиночку он никогда не жил так, как со мной. К тому же я не передал ему во владение никакой собственности. Это приводило его в бешенство и в то же время держало на привязи. Тут он не сумел меня переубедить. – Вампир неожиданно рассмеялся. – В других случаях он оказался удачлив! Подумать только: он мог уговорить меня убить ребенка, но не расстаться с деньгами. – Он покачал головой. – Впрочем, я руководствовался не жадностью, а страхом перед ним.

– Вы говорите о Лестате в прошедшем времени. Он умер?

– Не знаю, – неохотно ответил вампир. – Может, его и впрямь нет в живых, но об этом разговор впереди. Мы ведь говорили о Клодии. Была еще одна причина, которая двигала Лестатом в ту ночь: Лестат никому не верил. Он был как кошка – одинокий хищник; он и сам признавался в этом. Но в ту ночь он почти открылся передо мной – потому что говорил правду, без насмешек и раздражения, без своей вечной озлобленности. Это был беспрецедентный случай. Стоя рядом с ним на темной улице у крепостной стены, я впервые с момента моей смерти почувствовал, что не один.

И скоро я понял, зачем он превратил Клодию в вампира. Причиной тому была месть.

– Он мстил не только вам, но и всему миру? – спросил юноша.

– Да. Я уже говорил: все, что делал Лестат, в конечном счете сводилось к мести.

– Вы думаете, это началось, когда отец забрал его из школы?

– Я не знаю. Сомневаюсь. Лучше я буду рассказывать дальше.

– Да, конечно. Сейчас только десять часов. – Юноша показал на свои часы.

Вампир взглянул на них и улыбнулся. Юноша изменился в лице, словно что-то испугало его.

– Вы все еще боитесь меня? – спросил Луи.

Молодой человек ничего не ответил, только сжался в кресле.

– Глупо было бы не бояться, – сказал вампир. – Но все же не бойтесь. Итак, я продолжаю?

– Пожалуйста, – еле слышно отозвался юноша и указал на диктофон.

– Легко себе представить, как изменилась наша жизнь с появлением мадемуазель Клодии. Ее тело умерло, но чувства пробуждались. Так было когда-то и со мной. И я с радостью следил за тем, как она менялась. Первое время я еще не понимал, как она мне нужна, как я хочу говорить с ней и быть с ней рядом. Пока что я хотел только оградить ее от Лестата. По утрам брал ее к себе в гроб и вообще старался не оставлять с ним наедине. Лестат был доволен, что я боюсь за нее.

«Голодный ребенок – это страшно, – как-то сказал он. – Но голодный вампир – еще страшней. Если запереть ее и оставить умирать от голода, ее вопли услышат даже в самом Париже».

Но он говорил это нарочно, чтобы напугать меня и удержать при себе. Я боялся остаться один и не хотел обрекать Клодию на неизвестность. В конце концов, она ребенок, и о ней надо заботиться. А заботиться о ней было одно удовольствие. Она быстро забыла пять лет жизни среди людей, по крайней мере, казалось, что забыла. Сама она хранила таинственное молчание на сей счет. Временами она замыкалась в себе, и я начинал подозревать, что она потеряла рассудок из-за болезни и шока от превращения в вампира, что она потеряла способность мыслить.

Но это было не так. Просто она была не такая, как мы с Лестатом, и часто я не мог понять ее. Она оставалась ребенком, но обрела душу свирепого убийцы, в погоне за кровью не останавливалась ни перед чем и добивалась своего с требовательностью. Шло время, Лестат по-прежнему пытался убедить меня, что он представляет собой угрозу для Клодии, но сам относился к ней с неизменной нежностью и любовью, гордился ее красотой, учил ее искусству убивать и рассказывал о нашей вечной жизни.

В городе свирепствовали болезни, и Лестат водил Клодию гулять по смердящим кладбищам, где жертвы лихорадки лежали в грязи, сваленные в кучи, а стук лопат, роющих могилы, не смолкал ни днем ни ночью.

«Это – смерть, – объяснял он ей, указывая на полуразложившийся труп. – Она не страшна нам. Наши тела всегда будут такие, как теперь, свежие и здоровые. Но мы должны не задумываясь нести смерть другим, потому что от этого зависит наша жизнь».

Клодия молча взирала вокруг ясными, загадочными глазами.

В те ранние годы она еще ничего не понимала и поэтому ничего не боялась. Молчаливая и прекрасная, она часами играла в куклы, одевала и раздевала их. Молчаливая и прекрасная, она убивала. И я, преображенный словами Лестата, тоже стал охотиться на людей.

Не подумайте, что только убийства смягчали мою боль. Тихие, темные вечера с Лестатом и его отцом в доме на плантации канули в прошлое, и теперь вокруг меня было множество людей. Уличный шум не затихал ни днем, ни ночью; двери кабаре никогда не закрывались; танцы длились до рассвета; из распахнутых окон лилась музыка, слышался смех… И всюду люди, люди… Мои жертвы, трепещущие и живые. Стремясь к разнообразию, я менял места и способы убийства.

Зорко глядя по сторонам, крадучись, как кошка, я шел сквозь шумный, веселый, цветущий город, и жертвы сами находили меня, соблазняли, приглашали поужинать или прокатиться в экипаже, зазывали в публичный дом. Я задерживался у них ненадолго, только чтобы получить свое, и шел дальше. И тоска тоже ненадолго оставляла меня, а город казался бесконечной вереницей новых лиц, очаровательных незнакомок и незнакомцев. Да, именно так, потому что я убивал только незнакомцев, людей, с которыми не сказал и двух слов. Подбирался к ним поближе, только чтобы насладиться земной красотой, неповторимым выражением лица, живым и страстным голосом, и старался убить поскорей, прежде чем меня снова захлестнет волна страха, тоски и отвращения к себе.

Клодия и Лестат охотились по-другому. Они сами присматривали жертву, завлекали, часами вели милые беседы и веселились, глядя, как несчастный человек радуется жизни и не подозревает, что встретился сейчас с верной смертью. Для меня это все еще было невыносимо. Я радовался только, что город быстро растет, старался затеряться в толпе, как в лесу, и плыл по течению.

Мы жили тогда на Рю-Рояль, в одном из моих городских домов. Это было роскошное здание в испанском стиле. Первый этаж я сдал портному под мастерскую, а мы поселились в просторных апартаментах наверху. За домом раскинулся сад, глухие стены отгораживали нас от улицы, окна закрывались крепкими ставнями, а въезд для экипажа был забран решеткой. Новое убежище оказалось куда надежней и шикарней, чем Пон-дю-Лак. Мы набрали штат слуг из вольноотпущенных рабов, на рассвете они расходились по домам. Лестат покупал привезенные из Франции и Испании заморские диковины: хрустальные люстры, восточные ковры, шелковые ширмы с вышитыми райскими птицами, канареек в золотых клетках, стройные мраморные статуи греческих богов и китайские вазы с тонким рисунком. Роскошь прельщала меня не больше, чем прежде. Но и я был очарован новыми для нас произведениями искусств, работой художников и мастеровых. Я подолгу рассматривал причудливые узоры на коврах или игру красок на холстах фламандских художников в изменчивом свете масляной лампы.

Клодия же относилась к этому как к чуду, с благоговейным трепетом неиспорченного ребенка. Лестат нанял художника, и тот

превратил стены в волшебный лес с единорогами, золотыми птицами и тропическими деревьями, ветви которых склонялись под тяжестью плодов над веселыми, блестящими на солнце радужными ручейками. Ее восторгу не было предела.

Клодия была хороша сама по себе: округлые щечки, прекрасные золотые волосы, но старания бесчисленных модельеров, сапожников и портных превратили ее в картинку из модного журнала. С утонченным вкусом они одели ее с ног до головы: очаровательные шляпки, изящные кружевные перчатки, прямые белые платья с буфами и голубыми атласными ленточками, бархатные пальто и расклешенные накидки. Мы оба – и Лестат, и я – играли с ней, точно с чудесной куклой, старались исполнить все ее капризы. По ее настоянию я отказался от привычки одеваться в черное и стал носить элегантные камзолы, мягкие серые плащи, шелковые галстуки и модные шляпы. Лестат же всегда считал черный цвет самым подходящим для вампира во все времена (возможно, единственный эстетический принцип, которого он твердо придерживался), но никогда не возражал против любого проявления изысканного вкуса или роскоши. Он получал особое удовольствие, когда мы втроем отправлялась во Французскую оперу или в городской театр. К моему немалому удивлению, он оказался страстным поклонником Шекспира, хотя в Опере частенько дремал, убаюканный музыкой, и просыпался под занавес, как раз вовремя, чтобы успеть пригласить поужинать какую-нибудь очаровательную даму. За трапезой он делал все, чтобы она в него влюбилась, потом без тени сожаления отправлял на небеса или в преисподнюю, а Клодии приносил очередной подарок – кольцо с бриллиантом.

Между тем я потихоньку занимался образованием девочки, шепотом вливал в ее крохотные ушки понимание того, что наша вечная жизнь лишится всякого смысла, если мы не будем ценить величественную красоту, сотворенную руками смертных. Я пытался понять глубину ее молчаливого взгляда, когда она брала из моих рук книги, негромким голосом повторяла за мной стихи, когда легкой и уверенной рукой наигрывала на фортепиано странные песни собственного сочинения. Она часами разглядывала иллюстрации в какой-нибудь книжке или слушала отрывки, которые я ей читал вслух, и сидела так тихо и неподвижно, что меня охватывало непонятное,

тревожное чувство. Я откладывал книгу в сторону и, не отрываясь, смотрел на нее, пока кукла, встрепенувшись, не возвращалась к жизни и не просила меня нежным голоском почитать еще.

Вскоре я стал замечать большие странности, хотя внешне она осталась прежним пухленьким и немногословным ребенком. Часто она усаживалась на подлокотник кресла и заглядывала мне через плечо в страницы трудов Аристотеля, или Боэция, или нового романа, привезенного из Европы. Иногда она с безошибочным слухом играла на фортепиано произведение Моцарта, лишь накануне услышанное ею впервые, с пугающей сосредоточенностью подбирала в течение долгих часов сначала мелодию, а затем – аккомпанемент и, наконец, исполняла все вместе. Для меня Клодия была величайшей загадкой. Я не мог сказать с уверенностью, что она знает и умеет, а что – нет. Страшнее всего было смотреть, как она убивает. Она сидела на темной площади одна и поджидала, пока кто-нибудь из поздних прохожих не сжалится над бедным ребенком. Ее взгляд, устремленный в темноту, был такой пустой и отчужденный, какого я не видел даже у Лестата. Она притворялась, что боится, шепотом умоляла о помощи. Прохожий, восхищенный ее красотой, ласково и доверчиво брал ее на руки. Она прижималась к нему всем телом, стискивала зубы, обнимала за шею, ее глаза горели неутолимой жаждой. Первое время она убивала быстро, сразу; но потом научилась играть с людьми, вела их в магазин игрушек или в кафе, где они покупали ей чай или горячий шоколад, стараясь согреть ее, оживить ее бледные щеки… Она отодвигала чашку и ждала, ждала, ждала; и упивалась их добротой, как кровью.

Насытившись, она возвращалась ко мне и снова становилась прилежной ученицей. Мы проводили вместе долгие предрассветные часы, она все быстрее и быстрее впитывала новые знания и делила со мной глубокое и тихое понимание, недоступное Лестату. Перед восходом солнца она ложилась спать в мой гроб, и я чувствовал, как бьется рядом с моим ее маленькое сердечко. Часто тайком от нее я смотрел, как она рисует или играет на фортепиано, и вспоминал то ни с чем не сравнимое чувство, которое я пережил, когда убивал ее, когда пил ее кровь, когда сжимал это хрупкое тело в роковых объятиях. С тех пор в них успело побывать множество людей, и все они давно гнили в земле, а она продолжала жить, обнимала меня слабыми ручками, прижимала ангельский лобик к моим губам, приближала огромные

сияющие глаза к моим, наши ресницы соприкасались, и, громко смеясь, мы пускались кружить по комнате в безумном вальсе. Не знаю, на кого мы походили больше: на отца и дочь или двух влюбленных. Слава богу, Лестат никогда не ревновал, он только молча улыбался и ждал, когда она сама подойдет к нему. Он вел ее на улицу, я смотрел им вслед из окна, они махали мне на прощание. Они шли охотиться, соблазнять, убивать – только это их объединяло.

Так прошли годы и годы. Долгие годы минули, прежде чем я понял, что Клодия… что ее тело… Но я вижу, вы уже догадались, о чем я хочу сказать. Вы удивлены, что я не сумел заметить этого раньше, правда? Ведь это было так очевидно. Но для меня время течет иначе. Вам, людям, череда дней представляется неразрывной, туго натянутой цепью. А для меня это темное колыхание волн, над которыми всходит и заходит луна…

– Она не росла! – воскликнул юноша.

Вампир кивнул.

– Ей суждено было навсегда остаться ребенком-демоном, – тихо и удивленно сказал он. – И я внешне тот же молодой человек, каким был, когда умер. И Лестат. Но душа Клодии изменилась. Это была душа вампира, женщины-вампира. Она становилась женщиной. Она стала больше говорить, хотя по-прежнему любила молча размышлять и могла часами слушать меня, не прерывая. С ее кукольного личика смотрели недетские глаза. Она отбросила невинность, как сломанную игрушку. Она стала нетерпеливей. В тонкой кружевной сорочке, расшитой жемчугом, она раскидывалась на кушетке, и в этом была какая-то жуткая чувственность. Она превращалась в опытную соблазнительницу, настоящую женщину. В ее голоске, по-прежнему чистом и мелодичном, явственно зазвучали женские нотки, и порой это шокировало. Она вела себя непредсказуемо. То целыми днями молчала, то вдруг принималась язвительно высмеивать предсказания Лестата по поводу грядущей войны. Прихлебывая кровь из хрустального бокала, она говорила, что в доме мало книг, что надо непременно их достать, пусть даже украсть; говорила про какую-то даму, которая живет в роскошном поместье за городом и собирает книги, как драгоценные камни или как бабочек, и спрашивала, смогу ли я провести ее в спальню к этой женщине.

В такие минуты ее непредсказуемость пугала меня всерьез. Но стоило ей забраться ко мне на колени, и я забывал про все страхи. Запустив маленькие пальчики в мои волосы, она тихонько шептала сквозь дремоту, что я никогда не стану взрослым, как она, и не пойму, что убийство куда серьезнее, чем книги и музыка.

«У тебя на уме одна музыка…» – сонно бормотала она.

«Ах ты, кукла», – звал я ее. Она и была волшебной куклой, не больше и не меньше. Насмешливый и глубокий ум, круглые щечки и крохотный кукольный ротик.

«Давай я одену тебя и причешу волосы», – говорил я ей по привычке. Тень усталости и скуки пробегала по ее лицу, но она улыбалась.

«Делай как хочешь, – выдыхала она мне в ухо, и я наклонялся застегнуть жемчужные пуговицы на ее платье. – Только пойдем сегодня вместе, Луи. Я никогда не видела, как ты убиваешь».

Потом она сказала, что хочет свой гроб. Это больно ранило меня, но я не подал виду. Как истинный джентльмен, я согласился и вышел из комнаты. Мы столько лет спали вместе, и мне стало казаться, что она – часть меня самого. Тем же вечером я наткнулся на нее возле монастыря урсулинок. Одинокая фигурка в темноте, бедный бездомный ребенок… Она бросилась навстречу, прильнула ко мне с отчаянием человека и, вцепившись в мою руку, прошептала так тихо, что на моем месте вы не расслышали бы ни слова и даже не почувствовали бы ее легкого дыхания:

«Я не стану спать в нем, если это так тебя огорчает. Мы всегда будем вместе, Луи. Но понимаешь, я обязательно должна увидеть детский гробик».

Она придумала план: вдвоем мы пойдем в погребальную контору и разыграем трагедию в один акт. Я оставлю ее в приемной, выведу гробовщика в другую комнату и шепотом объясню, что она умирает, что я люблю ее больше жизни и хочу заказать самый лучший гроб, и, главное, чтобы она ни о чем не догадалась. Потрясенный гробовщик согласится и приступит к работе. Он будет представлять себе ее в гробу, ее маленькую головку на белом атласе, и первый раз за долгие годы слезы польются из его глаз…

«Зачем все это, Клодия?» – отговаривал я ее. Мне было противно играть в кошки-мышки с беззащитным человеком. Но, как безнадежно

влюбленный, я ни в чем не мог ей отказать. И мы зашли в мастерскую. Клодия уселась на диванчик в гостиной, развязала ленточки на шляпке и сложила ручки на коленях с таким видом, будто не имеет никакого представления, о чем я шепчусь с гробовщиком. Хозяин конторы, учтивый и респектабельный старик негр, поспешно оттащил меня в сторону, чтобы «малышка» не услышала нас случайно.

«Почему она должна умереть?» – спрашивал он с мольбой, обращаясь ко мне, словно к Господу Богу.

«У нее больное сердце, ей не суждено жить», – сказал я, и эти слова отозвались в моей душе какой-то странной тревогой.

Я видел на узком морщинистом лице старика глубокое и искреннее сострадание. Передо мной вдруг всплыла смутная и неопределенная картина: необычный свет, движение, звук… кажется, детский плач в удушливой смрадной комнате. Старик отпирал двери кладовок, показывал мне гробы – черные, лакированные, инкрустированные серебром. Именно такой и хотела Клодия. Вдруг я обнаружил, что пячусь к выходу. Я торопливо схватил Клодию за руку и вывел на улицу.

«Мы обо всем договорились, пойдем, – сказал я ей. – Кажется, я начинаю сходить с ума!»

Я задыхался, жадно глотал свежий вечерний воздух. Она посмотрела на меня холодным изучающим взглядом, потом втиснула маленькую ручку в перчатке в мою ладонь и терпеливо повторила:

«Я так хочу, Луи».

Несколько дней спустя они с Лестатом отправились за готовым гробом. Они убили гробовщика и оставили мертвое тело посреди пыльных бумаг на столе. Так в нашей спальне появился детский гроб. Сначала она подолгу разглядывала его, внимательно, словно это было живое существо, и казалось, что ей открываются какие-то новые и новые тайны. Но она ни разу в нем не спала. Спала только со мной.

Она менялась с каждым днем, в ней просыпались и другие, не менее странные желания и прихоти, хотя сейчас я уже не могу вспомнить все по порядку. Например, она перестала убивать всех подряд. Она питала особое пристрастие к бедным и часто упрашивала меня или Лестата отвезти ее в экипаже в иммигрантские кварталы на берегу реки. Она обожала женщин и детей, о чем с неподдельной радостью рассказывал мне Лестат. Я сам почти никогда с ней не ездил,

мне было противно, и ничто не могло меня переубедить. К одной семье Клодия особенно привязалась и по очереди убила их всех. Она полюбила одно кладбище в пригороде Лафайет и часто бродила там меж каменных надгробий в поисках жертв – несчастные бездомные оборванцы, напившись на последние гроши дешевого красного вина, спали в полусгнивших каменных склепах. Лестат был в восторге; он видел в ней только убийцу. «Инфанта-смерть» называл он ее восхищенно. Или иначе – «сестренка-смерть», «лапочка-смерть». Для меня у него тоже было прозвище.

«О, милосердная смерть!» – восклицал он, заламывая руки.

Так взывают к небесам экзальтированные дамы: «О, боже милосердный!» В такие минуты мне хотелось его задушить. Но мы не ссорились. Мы просто не вмешивались в жизнь друг друга. По всем стенам от пола до потолка тянулись книжные полки, мерцали кожаные переплеты. Это был наш мир – мой и Клодии, а Лестат купался в роскоши и покупал новые и новые безделушки. Так мы и жили, пока Клодия не начала задавать вопросы.

Молодой человек нетерпеливо ждал продолжения. Но вампир молчал. Он молитвенно сложил руки; его белые пальцы светились, как шпиль колокольни. Казалось, он совсем забыл о собеседнике, с головой уйдя в воспоминания. Наконец он очнулся и заговорил:

– Я должен был знать, что рано или поздно это случится. Должен был заметить признаки приближающихся перемен. Мы с Клодией были так близки, я так сильно любил ее; просыпался на закате рядом с ней, только она и смерть делили мое одиночество. Но я жил тогда в постоянном страхе; мне казалось, что мы ходим по краю огромной черной пропасти, стоит сделать один неверный шаг, стоит только задуматься, забыться – и разверзнется страшная бездна; и действительный мир исчезал перед моими глазами, земля расступалась, черная трещина пересекала Рю-Рояль, дома рассыпались в пыль и прах; или хуже – город становился прозрачным, неживым, как театральный занавес из тонкого шелка… Но я отвлекся, простите. О чем же я говорил? Ах да, я не заметил в Клодии этих тревожных перемен, не хотел ничего замечать, отчаянно цеплялся за счастье, которое она дарила мне каждую минуту.

А перемены были. Она невзлюбила Лестата и часами разглядывала его с холодным вниманием. Часто она не отвечала на его вопросы, и невозможно было понять – то ли она просто не расслышала, то ли вообще не желает разговаривать с ним. Он принимал это как оскорбление, и хрупкий мир в нашем доме стал рушиться. Лестат не требовал любви, но не мог смириться с тем, что его присутствие игнорируют. Однажды он набросился на нее и хотел отшлепать. Я вынужден был противостоять ему впервые за долгие годы, впервые с тех пор, как она поселилась с нами.

«Она больше не ребенок, – шептал я ему. – Она стала женщиной, хотя я не знаю, как это объяснить».

Я уговаривал его не принимать это близко к сердцу, и он с притворным презрением, в свою очередь, перестал ее замечать. Но однажды он пришел ко мне не на шутку встревоженный: она шла за ним по пятам, хотя отказалась идти на промысел вместе.

«Что с ней творится?» – возмущенно обращался он ко мне, будто это я произвел ее на свет и должен все про нее знать.

Однажды вечером пропали наши лучшие служанки – мать и дочь. Кучер, посланный к ним домой, вернулся с известием, что их нигде не нашли. Вскоре раздался стук в парадную дверь: на пороге стоял отец семейства. Увидев меня, он отступил назад. Он смотрел на меня с мрачным подозрением. Все смертные рано или поздно начинали так на нас смотреть, и этот взгляд не сулил им ничего, кроме смерти. Так бледность предвещает скорый конец больному лихорадкой. Я постарался объяснить ему, что здесь их нет – ни той, ни другой, – что мы сами собираемся начать поиски.

«Это ее работа! – злобно прошипел Лестат, когда, выпроводив гостя, я запер ворота. – Она что-то сделала с ними, она всех нас подставила. Я заставлю ее все рассказать!»

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел по лестнице в дом. Я знал, что Клодия ушла, незаметно выскользнув на улицу, когда я стоял у ворот. И знал кое-что еще: слабый запах гниения доносился из заколоченной кухни на другом конце двора, и я догадывался, что это значит. Могильный смрад тяжелой струей примешивался к аромату жимолости. Услышав шаги Лестата, уже спускавшегося вниз, я подошел к низенькой кирпичной постройке и взялся за полусгнившую дверь. Здесь никогда не готовили еду, никто не входил сюда, и

жимолость облепила стены. Кухня напомнила мне старый каменный склеп. Дверь легко поддалась, гвозди рассыпались в ржавую пыль; мы вошли в смрадную темноту. Я услышал сдавленный всхлип Лестата. Они лежали на полу – мать и дочь. Голова дочери покоилась на материнской груди, мать обнимала ее за плечи. Вокруг кишели черви. Навстречу нам поднялась туча москитов, и я отогнал их в судорожном отвращении. Муравьи ползали по закрытым глазам и губам трупов, влажные следы улиток серебрились в лунном свете, как русла маленьких рек.

«Черт ее возьми!» – выругался Лестат. Я крепко схватил его за руку и не отпускал.

«Что ты собираешься с ней сделать? – спросил я. – Что ты можешь с ней сделать? Она давно уже не ребенок и не станет беспрекословно нам подчиняться. Мы должны объяснить ей, научить ее, как себя вести».

«Она все прекрасно знает сама! – Он отступил назад, отряхивая плащ. – Ничуть не хуже нас с тобой! Все эти годы она понимала, чем можно рисковать, а чем нельзя! я не позволю ей заниматься подобными вещами без моего разрешения! Не потерплю этого!»

«Ты что, считаешь себя нашим мэтром? Разве ты учил ее поступать так? Или, может быть, она сотворила это с моего тихого благословения? Сильно сомневаюсь. Она видит себя равной нам, а нас – равными друг другу. Мы должны поговорить с ней по-хорошему, научить ее уважать то, что принадлежит нам. И нам самим не помешает этому поучиться».

Мне показалось, что он меня понял, хотя и не подал виду. Повернулся и ушел. В городе он сумел развеяться и возвратился сытый и усталый. Клодии еще не было. Он лег на кушетку и поинтересовался:

«Ты похоронил их?»

«С ними все кончено, – ответил я, стараясь даже не думать о том, что их останки сгорели в кухонной печи. – Но остались еще отец и брат, с ними надо разобраться», – добавил я с опаской: вдруг он вспылит?

Я хотел поскорее покончить с этим делом и обо всем забыть. Но Лестат сказал, что отца и брата уже нет в живых: сегодня к ним на ужин пожаловала смерть, забрала свое и помолилась за упокой их душ.

«Вино, – проворчал он и провел пальцами по губам. – Они были пьяные. По дороге домой я выстукивал тростью по оградам забавную мелодию. – Он рассмеялся. – Но я не люблю вина. У меня от него голова кружится. А у тебя?»

Он посмотрел на меня, и я вынужден был улыбнуться в ответ, чтобы не испортить ему настроение. Вино развеселило его, он смотрел на меня спокойно и добродушно. Я наклонился и прошептал:

«Я слышу шаги Клодии. Будь с ней помягче, все уже позади».

Отворилась дверь, и она вошла. Ленты ее шляпки развязались, маленькие ботинки облепила грязь. Я настороженно следил за ними – Лестат лежал и ухмылялся, она, казалось, его не замечала. Клодия прижимала к груди букет белых хризантем, такой огромный, что рядом с ним казалась совсем маленькой. Она тряхнула головой, шляпка упала на ковер; золотистые волосы рассыпались, в них запутались белые перья хризантем.

«Завтра День всех святых, – сказала она мне. – Ты помнишь?»

«Да, конечно», – ответил я.

В этот день все набожные жители Нового Орлеана отправлялись на кладбища приводить в порядок могилы любимых и близких. Они белили оштукатуренные стены склепов, обновляли надписи на могильных плитах, осыпали надгробия цветами. Как раз неподалеку от нашего дома было кладбище Сент-Луи. Там хоронили самых знатных людей Луизианы, там лежал и мой брат. Возле могил стояли маленькие чугунные скамейки, чтобы можно было посидеть и поговорить об ушедших близких, встретиться с другими семьями. Это был большой праздник. Праздник смерти – на взгляд досужего чужестранца, а на самом деле – торжество будущей жизни.

«Я купила цветы», – тихо и загадочно сказала Клодия. Ее непроницаемый взгляд не выражал ничего.

«Для тех двоих, что ты оставила на кухне, надо полагать!» – злобно сказал Лестат.

Она впервые обернулась в его сторону, но ничего не ответила. Только молча разглядывала его, точно никогда раньше не встречала. Потом сделала несколько шагов к кушетке и снова остановилась. Я шагнул вперед, кожей чувствуя ярость Лестата, ее холодное презрение. Клодия переводила взгляд с меня на него. Потом она спросила:

«Кто из вас двоих? Кто сделал меня такой?»

Ее слова ошеломили меня как ничто другое, хотя я знал, что они неизбежны, что именно так должен сломаться лед ее долгого молчания. Но она обращалась не ко мне, она не сводила глаз с Лестата.

«Ты говоришь, мы всегда были такие, – сказала Клодия тихо и сдержанно, детским голоском, но серьезно, как взрослая женщина. – Ты говоришь, мы – вампиры, а они – смертные. Но так было не всегда. У Луи была сестра – смертная, я помню ее. Он хранит ее портрет; я видела, как он подолгу на него смотрит. Когда-то он был таким же, как она. И я тоже. Если нет, то почему же тогда мое тело не растет?»

Она развела руками, и хризантемы упали на пол. Я позвал ее шепотом, чтобы отвлечь, но было уже поздно. В глазах Лестата вспыхнула злобная радость.

«Это ты сделал нас такими?» – Ее вопрос прозвучал обвинением.

Его брови поползли вверх, изображая притворное удивление.

«Какими – такими? – поинтересовался он. – Могу себе представить, во что бы ты превратилась сейчас, если бы осталась человеком. – Лестат подобрал колени и наклонился вперед, глядя на нее сузившимися глазами. – Ты знаешь, сколько лет прошло с тех пор? Расшевели свое воображение, или мне придется привести сюда дряхлую безобразную старуху, чтобы ты могла воочию лицезреть, кем стала бы, если б не я».

Клодия отвернулась от него и застыла, словно не зная, что делать. Потом подошла к креслу у камина, забралась в него и по-детски беспомощно свернулась в клубочек. Маленькая и хрупкая, она смотрела на угли, и ее глаза жили своей жизнью, отдельной от тела. В них не было страха, только спокойная решимость.

«Если б не я, ты, может быть, уже оказалась бы на том свете, – продолжал Лестат. Ее холодное молчание задело его за живое. Он опустил ноги на пол. – Ты слышишь меня? Почему ты задаешь мне этот вопрос сейчас? Ты же всегда знала, что ты вампир». – И он разразился знакомой проповедью: надо знать свое естество и следовать ему, убивать и не задавать лишних вопросов. Но на этот раз в его словах не было смысла: Клодия и так всегда убивала без всяких сомнений.

Она выпрямилась в кресле и медленно, словно нехотя, повернулась к нему; она разглядывала Лестата, как марионетку в руках клоуна.

«Так, значит, это сделал ты, верно? – прищурившись, сказала она. – Но как ты это сделал?»

«С какой стати я стану раскрывать перед тобой секреты своей силы?»

«Но почему только твоей? – безжалостно глядя на него, ледяным голосом спросила Клодия. Вдруг в ней вспыхнула ярость, и она закричала: – Как ты сделал это?»

Это было как удар тока. Лестат вскочил, и в ту же секунду я очутился между ними, лицом к нему.

«Останови ее! – сказал он мне, сжав кулаки так, что побелели суставы. – Сделай с ней что-нибудь! Она становится совершенно невыносимой!»

Он направился было к двери, но потом развернулся и вплотную подошел к Клодии; он возвышался над ней, как башня, его огромная тень закрыла ее фигурку. Она смотрела на него равнодушно и отчужденно, без тени страха.

«Я могу уничтожить сотворенное мною. Это касается и тебя, и его. – Он указал на меня пальцем. – Радуйся, что я сделал тебя такой. – Он оскалился. – Или я разорву тебя на мелкие кусочки!»

– Итак, мир в доме был нарушен, хотя со стороны могло показаться, что все спокойно. Дни шли своей чередой, Клодия больше не задавала вопросов, она с головой погрузилась в изучение книг по оккультизму, про ведьм, колдунов и вампиров. Как вы сами понимаете, последние вызывали у нее особый интерес. Она читала все подряд: мифы, легенды, даже романы ужасов, засиживалась с книгой до рассвета, и я шел за ней, чтобы отвести в спальню.

Лестат тем временем нанял новую горничную и дворецкого. Пригласил рабочих и выстроил во дворе огромный фонтан: нимфа с раковиной в руке, из которой бьет вода. Он даже купил золотых рыбок и водяные лилии, и белые цветки покачивались на беспокойной воде.

Примерно тогда же его заметили на Наядс-роуд – это дорога, которая ведет в городок Кэролтон. Какая-то женщина застала его на месте преступления, когда он расправлялся с очередной жертвой. История попала в газеты; его появление связывали со знаменитым на весь город «домом с привидениями». Некоторое время он, к собственному удовольствию, пробыл «призраком с Наядс-роуд», но

скоро перекочевал на последние страницы. Тогда он устроил новое зверское убийство в публичном месте, чтобы еще раз расшевелить воображение обывателей. Лестат рисковал, но я видел, что во всех его действиях проглядывает безотчетный страх. Он совсем замкнулся, стал еще подозрительнее и все время выпытывал у меня, где Клодия, куда она ушла, что делает.

«С ней все в порядке», – уверял я его, хотя сам видел, что она все больше отдаляется от меня, и мучился, как отвергнутый жених. Теперь она бывала со мной не чаще, чем с ним. Иногда даже выходила из комнаты, не дослушав, что я говорю.

«Да уж пусть лучше постарается, чтобы у нее все было в порядке», – раздраженно бросал он в ответ.

«Что ты собираешься с ней сделать?» – пугался я за нее.

Он смотрел на меня холодными серыми глазами.

«Присматривай за ней как следует, Луи. Поговори с ней, объясни что к чему! – говорил он. – Все было так хорошо, и вдруг эта никому не нужная история».

Но я ждал, что она сама придет ко мне. И дождался. Однажды вечером я проснулся рано, но в доме уже было темно. Я открыл глаза и увидел Клодию. Она стояла у окна в белом платье с буфами и розовым поясом и смотрела на вечернюю уличную суету. Лестат был дома, в своей комнате, он умывался: я слышал, как льется вода из кувшина. Тонкий запах его одеколона то накатывал, то стихал, как волны музыки из соседнего кафе.

«Он не расскажет мне ничего, – сказала она тихо, не поворачивая головы, и я сначала не понял, что она обращается ко мне. Я встал, подошел к ней и опустился на пол у ее ног; Клодия смотрела на меня с надеждой: – Но ты ведь объяснишь мне, как это было, правда?»

«Ты уверена, что хочешь узнать именно это? – я старался поймать ее взгляд. – Может быть, ты хочешь понять, почему выбор пал на тебя? Или узнать, какой ты была прежде? я не понимаю, что тебе нужно, что значит: как это было? Может, ты сама хочешь попробовать это сделать?»

«Что – это? я даже не знаю, о чем ты говоришь, – холодно прервала меня Клодия. Вдруг она повернулась и прижала ладони к моим щекам. – Пойдем сегодня на улицу вместе, – шепнула она страстно, как влюбленная. – Пойдем сегодня убивать, и ты расскажешь

мне все, что знаешь. Кто мы? Почему мы не похожи на них?» – Она кивком головы указала на окно.

«Я не могу тебе ответить, – сказал я. Клодия вся напряглась, словно пыталась лучше расслышать, потом покачала головой, но я продолжал: – Я и сам ничего не знаю. Да, я могу тебе рассказать, как стал вампиром… Да, это сделал Лестат. Но я не понимаю, что скрывается за его действиями, как на самом деле это происходит!» С ее лица не сходило все то же мучительное выражение, и впервые я увидел в ее глазах тень страха. Или другого чувства, которое было черней и глубже, чем страх. «Клодия, – сказал я и взял ее руки в свои. – Несмотря ни на что, Лестат может дать тебе один мудрый совет: перестань мучить себя и других. Долгие годы мы вместе постигали жизнь людей, их мир, но я не хочу, чтобы ты разделила со мной этот ужас, эту тревогу. Говорю тебе еще раз: ни у меня, ни у Лестата нет ответа на твой вопрос».

На мгновение она словно обезумела. Я понимал, что мои слова не могут ее успокоить, но такого не ждал: она вцепилась в свои волосы, будто хотела выдернуть прядь. Потом поняла, что это глупо и нелепо, и опустила руки. Но в мое сердце закралось дурное предчувствие. Клодия вновь обратила взор за окно и застыла, глядя на сумрачное, беззвездное небо. Сильный ветер с реки гнал стаи облаков. Вдруг ее губы дрогнули, она резко повернулась ко мне и прошептала:

«Значит, он сделал меня такой… он, а не ты!»

Что-то в ее голосе меня испугало, и я даже сам не заметил, как очутился в другом углу, у камина. Я зажег свечу и поставил ее перед высоким зеркалом. То, что я вдруг увидел, ужаснуло меня. Из темноты выступила жуткая, таинственная маска, потом видение стало объемным и превратилось в древний череп. Я пристально разглядывал его. Отполированный временем, он почти блестел, но все еще хранил слабый запах земли.

«Почему ты не отвечаешь?» – спросила Клодия.

Я услышал, как открылась дверь спальни Лестата. Обычно, проснувшись, он сразу же шел на охоту, а я, наоборот, старался первые вечерние часы провести в тишине, чтобы успокоиться; голод рос во мне, и когда жажда становилась невыносимой, я слепо следовал за ней и не думал уже ни о чем… Просто шел убивать.

Я снова услышал голос Клодии, чистый, словно колокольный звон, и мое сердце забилось в ответ.

«Да, это он, и никто другой! – говорила она. – Он сам так сказал. Но ты что-то скрываешь от меня. Лестат говорил, что без тебя ничего бы не случилось!»

Я стоял и смотрел на череп, ее слова хлестали меня, обжигали, как удары бича, и я повернулся и встретил их в лицо. Словно молния, меня пронзила леденящая мысль: если б не бессмертие, от меня не осталось бы ничего, кроме этого черепа, и невольно содрогнулся. Я посмотрел на Клодию: ее огромные глаза горели на белом лице, как два черных огня. Кукла, у которой кто-то вырвал зрачки и заменил их отблеском адского пламени. Я шел к ней, шептал ее имя, хотел что-то объяснить, но слова умирали, едва слетев с моих губ, и терялись в складках ее платья. Ее маленькая перчатка упала на пол и светилась в темноте; на секунду мне показалось, что это отрубленная кисть.

«Что с тобой?.. – Клодия вглядывалась в мое лицо. – Что с тобой творится? Почему ты так смотришь в зеркало и на перчатку?» – Ее голос звучал нежно и ласково, но… что-то в нем было не так: какая-то задняя мысль, непонятный расчет, едва уловимое отчуждение.

«Ты нужна мне. – Я сам не понимал, что говорю. – Я не смогу без тебя. Ты – мой единственный друг в этом бессмертии».

«Но ведь наверняка есть и другие! Не может быть, чтобы, кроме нас троих, на всей земле не было ни одного вампира! – Она повторила мои давние слова, они возвращались ко мне на гребне ее стремления добраться до сути вещей; до смысла ее собственного существования. Но в ее голосе не было моей боли – только безжалостная настойчивость, желание во что бы то ни стало получить немедленный ответ. – Разве ты не такой же, как я? – Она взглянула на меня. – Ведь это ты научил меня всему, что я знаю!»

«Не всему. Убивать тебя учил Лестат. – Я наклонился и поднял перчатку с пола. – Знаешь что… давай выйдем отсюда. Я хочу подышать воздухом…» – бессвязно говорил я, пытаясь натянуть перчатку на ее маленькую ручку. Я приподнял ее золотистые волосы и бережно расправил их поверх пальто.

«Но именно ты научил меня видеть! – возразила она. – От тебя я впервые услышала слова «глаза вампира». Ты научил меня пить красоту этого мира, как кровь, но жаждать не только крови…»

«Я имел в виду совсем другое. Ты поняла мои слова не так… – Она вцепилась мне в рукав, пыталась поймать мой взгляд. – Идем, – позвал я ее. – Я хочу что-то тебе показать…»

Я взял ее за руку, мы быстро пошли по коридору, по винтовой лестнице спустились вниз, пересекли темный двор. Сам не зная, что хочу ей показать, куда веду ее, я понимал только, что должен идти вперед, повинуясь своему инстинкту, инстинкту вампира.

Мы быстро шли через весенний город, небо прояснилось, оно было бледно-лиловое, в вышине слабо мерцали маленькие звезды; мы миновали пышные сады нашего квартала и очутились на узких бедных улочках, но и здесь воздух был напоен ароматом цветов; они пробивались сквозь камни, огромные олеандры раскрыли свои мощные соцветия: розовые и белые, они были похожи на жутковатые сорняки в пустынном поле. Торопливые шаги Клодии звучали как стаккато, она почти бежала рядом со мной, но ни разу не попросила сбавить шаг. Наконец мы остановились. Она смотрела на меня снизу вверх, спокойно, с бесконечным терпением. Эта улица… Темная и узкая; старые французские домишки с покатыми крышами чудом уцелели среди испанских особняков. Древние, маленькие лачуги – штукатурка осыпалась со стен, кирпичная кладка заросла мхом. Тот дом я мог найти с закрытыми глазами, я всегда это знал, но всегда старался обойти его стороной, чтобы только не видеть темного перекрестка без фонарей, не видеть низенького окна, где тогда плакала Клодия. Теперь в доме было тихо. Он глубже ушел в землю, плесень доходила почти до окон, наверху пустые рамы слуховых окошек были кое-как забиты тряпьем. Улочку пересекали веревки с бельем. Я подошел к дому, тронул ставни.

«Здесь я впервые тебя увидел, – сказал я. Я хотел объяснить ей все, хотел, чтобы она поняла. Она смотрела на меня холодным и чужим взглядом. – Я услышал твой плач. Ты была там, внутри, рядом с трупом матери. Она умерла несколько дней назад, но ты этого не понимала. Ты цеплялась за нее, что-то лепетала… И плакала так жалобно; бледная, голодная, ты горела в лихорадке, пыталась разбудить ее, обнимала безжизненное тело в поисках убежища от холода и страха. Уже почти рассвело… – я стиснул веки руками. – Я открыл ставни… залез в комнату. Мое сердце разрывалось от жалости, но кроме жалости… было другое чувство».

Ее губы задрожали, глаза округлились.

«Ты… пил мою кровь?» – прошептала она.

«Да!» – ответил я.

Наступило молчание, невыносимо долгое и мучительное. Неподвижная, будто каменное изваяние, Клодия стояла в тени, и лунный свет отражался в ее огромных глазах. Вдруг налетел порыв ветра, и, словно подхваченная им, она повернулась и бросилась прочь. Она бежала, бежала, бежала… я стоял как пригвожденный и слушал затихающий вдали стук маленьких каблучков. Жуткий, непреодолимый страх поднялся из глубин моей души, он все нарастал; наконец я опомнился и побежал за ней следом. Я ни на секунду не допускал мысли, что могу потерять ее. Я уговаривал себя: вот сейчас догоню ее и скажу, как люблю ее, как хочу быть всегда с ней рядом, оберегать ее, заботиться о ней. Я бежал по темным улицам и не мог найти ее, чувствовал, что она с каждым мгновением удаляется от меня. Мое голодное сердце бешено колотилось, я резко остановился, и мне показалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди. Клодия стояла, тяжело дыша, прислонившись к фонарному столбу, и молча смотрела на меня, как на чужого. Я тоже молча обнял ее за талию и взял на руки.

«Ты убил меня! – прошептала она. – Ты отнял мою жизнь!»

«Да. – Я прижимал ее к себе и чувствовал, как бьется ее сердце. – Но нет, я только пытался ее отнять. Твое сердце было не такое, как у всех. Оно не сдавалось, оно билось и билось, и мне пришлось оторваться от тебя, потому что иначе я умер бы сам – так бешено колотился мой пульс. Лестат застал меня врасплох. Как же он веселился: Луи, этот сентиментальный дурак, пьет кровь золотоволосой малышки, кровь невинного младенца! Люди нашли тебя и положили в больницу, но он принес тебя обратно; я тогда думал, что он хочет только помочь мне узнать себя. «Возьми ее жизнь, прикончи ее», – говорил он. И меня снова непреодолимо потянуло к тебе. Я знаю, что сейчас теряю тебя навсегда, читаю приговор в твоих глазах; ты смотришь на меня так холодно, так отчужденно, как на смертного человека. Но все равно скажу: да, я снова попытался убить тебя; ты была мне нужна – твое сильное сердце, твои щеки, твоя кожа, розовая и душистая. Помню твой запах, запах человеческого ребенка, сладкий, с примесью соли и пыли. Я держал тебя в руках, снова вернулся к тебе, снова пил твою кровь. Знал: еще немного, и я сам

умру, твое сердце убьет меня, но мне было уже все равно. Тогда Лестат, оттолкнув меня, прокусил себе запястье и дал тебе напиться своей крови. Ты пила, пила и едва не убила и его: он уже шатался от слабости. Так ты стала вампиром. В ту ночь ты впервые попробовала вкус человеческой крови и с тех пор пьешь ее каждую ночь».

Она слушала меня с каменным лицом. Ее тело казалось мне безжизненным, мягким, как воск, и лишь в глазах светились знакомые огоньки. Теперь она знала все. Я опустил ее на землю.

«Я отобрал у тебя жизнь, – сказал я. – Лестат вернул ее тебе».

«Вот как, – выдохнула она. – Так знай: я ненавижу вас обоих!»

Луи остановился.

– Зачем же вы рассказали ей? – помолчав, спросил юноша.

– Разве я мог не рассказать? – удивленно сказал вампир. – Она должна была все узнать, взвесить все за и против. Она стала вампиром не так, как я. Я напал на нее беззащитную, убил ее, лишил человеческой жизни. Хотя какая разница? Рано или поздно все люди умирают. Она просто яснее увидела то, что знает каждый: смерть неизбежна. Если только не выберешь вот это! – И он развел руками.

– И вы потеряли ее? Она ушла?

– Ушла! Куда она могла уйти? Она была всего лишь ребенком. Где бы она нашла убежище? Только в легендах вампиры прячутся в заброшенных склепах среди костей, червей и муравьев, а ночами бродят по кладбищам и наводят страх на окрестности. Но главное даже не это. Она, как и мы с Лестатом, не вынесла бы жизни в одиночестве. Мы были нужны друг другу! Нас окружала пустыня людей, которые бредут по жизни как слепые, живут в вечных заботах и в конце концов неизбежно сочетаются брачными узами со смертью.

«Мы скованы ненавистью» – так говорила Клодия позже с присущим ей хладнокровием. Когда в ту ночь я вернулся домой, она была уже там. Она сидела у потухшего камина и обрывала маленькие цветки с длинной лавандовой ветки. Я был так счастлив, что вижу ее! Готов был для нее делать все. Она тихим голосом попросила, чтобы я рассказал ей все, что знаю. И я с радостью согласился, тем более что самое страшное уже было сказано. Рассказал ей о себе все, как сейчас рассказываю вам; рассказал, как Лестат нашел меня; и про ту ночь, когда он забрал ее из больницы. Она ничего не спрашивала, только

иногда поднимала взгляд от своих цветов. Потом я сидел, выжатый, опустошенный, снова смотрел в зеркало, на этот жуткий череп, и слушал, как лепестки тихо падают на складки ее платья. И вдруг она сказала:

«Луи, я ни в чем тебя не виню».

Я очнулся. Она соскользнула с высокого кресла и подошла ко мне, в руках у нее были цветы.

«Как по-твоему, похоже это на запах живого ребенка? – прошептала она. – Луи. Любовь моя».

Я обнял ее, положил голову ей на грудь, стиснул ее хрупкие плечи; она гладила меня по голове, утешала, успокаивала.

«Ты видел меня живую», – сказала она.

Я поднял глаза. Клодия улыбнулась, но потом ее губы снова замерли, она смотрела мимо меня, вдаль, словно прислушивалась к далекой, прекрасной музыке.

«Ты подарил мне свой бессмертный поцелуй. – Она как будто обращалась не ко мне, а к себе. – Ты полюбил меня любовью вампира».

«Сейчас я люблю тебя человеческой любовью, – сказал я. – Если только во мне осталось что-то от человека».

«Да, осталось, – задумчиво протянула она. – И в этом твоя слабость. Вот почему тебе было так плохо, когда я сказала словами людей: я ненавижу тебя; вот почему ты так смотришь на меня. Человеческое… Во мне нет ничего человеческого, и никакие истории про труп матери и гостиничный номер, где ребенок превращается в монстра, не способны меня изменить. Вот и сейчас ты смотришь на меня с ужасом. Но все равно я умею говорить на твоем языке; во мне живет твоя страсть к познанию истины, твое стремление проникнуть иглой разума в самое сердце мира. Ты больше человек, а я больше вампир; и во мне живет твое второе я, твоя душа вампира. Только теперь я это поняла. Я как будто спала эти шестьдесят пять лет. И наконец проснулась».

«И наконец проснулась…» я слушал ее, и мне не хотелось верить, но она говорила так убежденно и назвала точную цифру – ровно шестьдесят пять лет минуло с той ночи, когда я решил уйти от Лестата и не мог; когда я увидел и полюбил ее и с ней забыл про свою боль, про свои страшные вопросы. И вот теперь она повторяет их. И ждет

ответа. Роняя цветки, она медленно вышла на середину комнаты, потом переломила длинный стебель лаванды и поднесла его к губам. Теперь она действительно все знала.

«Так вот зачем он сделал меня вампиром, – сказала она. – Чтобы у тебя появился друг. Иначе он бы не смог удержать тебя. Ты был одинок, а он сам ничего не мог дать тебе. Как и мне, впрочем… Хотя еще недавно он мне нравился. Мне нравилась его походка, и как он стучит тростью по мостовой, как укачивает меня на руках. И как он убивает – легко, непринужденно, как я сама. Но теперь он перестал мне нравиться. А ты его вообще никогда не любил. Мы были его марионетками. Ты заботился о нем, платил по его счетам, а я помогала ему держать тебя на привязи. Пришло время расстаться с ним».

«Пришло время расстаться с ним!..»

Я уже забыл, что когда-то сам мечтал об этом. Привык к Лестату, смирился с его присутствием, как с плохой погодой. Вдруг с улицы донесся приглушенный шум. Экипаж уже въехал во внутренний двор, и, значит, скоро мы услышим его знакомые шаги на черной лестнице. Я вдруг подумал, что всякий раз, когда он приезжает домой, в моей душе поднимается непонятная тревога, туманное желание. И вдруг меня словно окатила прохладная морская волна: уйти от него, освободиться от него навсегда. Я встал и шепотом сказал ей, что он приехал.

«Знаю, – улыбнулась она. – Я услышала его, еще когда он был за дальним углом».

«Он никогда не отпустит нас», – прошептал я, хотя понял скрытое значение ее слов. Я ничего не должен бояться. С ее обостренным чутьем нас трудно застать врасплох. Она всегда настороже. Но ее самоуверенность встревожила меня, и я сказал:

«Ты плохо знаешь Лестата. Он не отпустит нас».

Клодия безмятежно улыбнулась и ответила:

«Да неужели?»

Мы решили не откладывать дело в долгий ящик и придумали план. На следующий день я вызвал своего поверенного – он, как всегда, жаловался, что трудно работать в потемках при свече. Я дал ему подробные и точные указания. Мы с Клодией отплывем в Европу на первом же корабле, где найдутся места, независимо от порта

отплытия. И главное, мы повезем с собой ценный груз. Его надо забрать из дома накануне отплытия и погрузить на судно, но не в багажный отсек, а в нашу каюту. Кроме того, я отдал распоряжения, касающиеся Лестата. Я передал ему права на получение арендной платы за несколько магазинов и городских домов и на владение маленькой строительной компанией в Фобур-Мариньи. С легкой душой я подписал бумаги: мне хотелось купить нашу свободу, убедить Лестата, что мы хотим только вместе попутешествовать, а он будет жить по-прежнему и ни в чем себе не отказывать. У него появятся свои деньги, и я буду ему уже не нужен. Все эти годы он зависел от меня материально: я оплачивал счета как его банкир, но он ничуть не смущался, только язвительно благодарил. Он не хотел признаться, что зависит от меня. Я надеялся, что его жадность возьмет верх над подозрительностью, но в глубине души не мог побороть страх: я был уверен, что он с легкостью прочитает истину в моих глазах. И не верил, что нам удастся ускользнуть от него. Понимаете, я действовал так, словно ни на секунду не сомневался в успехе нашего предприятия, но на самом деле ни во что не верил.

Клодия же играла с огнем. Ее хладнокровие меня изумляло. Она читала свои книжки про вампиров, задавала Лестату вопросы, оставалась совершенно невозмутимой при его желчных выпадах. Иногда она спрашивала об одном и том же по нескольку раз, только меняла формулировку вопроса, и собирала по крупинкам знания, когда он поневоле проговаривался.

«Кто превратил тебя в вампира? – спрашивала она, не поднимая глаз от книги, и лишь чуть опускала веки, выслушивая свирепую отповедь. – Почему ты никогда не говоришь о нем?» – продолжала она как ни в чем не бывало, словно его ярость волновала ее не больше, чем дуновение легкого ветерка.

«Вы оба такие жадные! – говорил он, бегая взад и вперед по гостиной и злобно поглядывая на Клодию. Она удобно устроилась в уголке с книгами. – Вам мало одного бессмертия! Вы обязательно хотите заглянуть подаренному Богом коню в зубы! Да предложи я его первому встречному с улицы, и он без лишних вопросов с радостью накинулся бы на столь щедрый дар…»

«С тобой, по всей видимости, именно так и произошло?» – тихо спросила Клодия, едва шевеля губами.

«…Но вам необходимо докопаться до смысла, – последнее слово он произнес с особым презрением. – Вам надоела жизнь? Этому нетрудно помочь. Я могу отнять ее легче, чем подарил! – Он повернулся, загородив спиной свечу. Вокруг его головы светился яркий ореол и затенял лицо, только белели высокие скулы. – Ты хочешь смерти?»

«Знание – это не смерть», – прошептала Клодия.

«Отвечай мне! Ты хочешь смерти?»

«Ты, разумеется, можешь подарить мне ее. Все на свете берет начало в тебе. Ты повелеваешь и жизнью, и смертью», – открыто издевалась Клодия.

«Да, именно так».

«Ты не знаешь ровным счетом ничего, – сказала она серьезно и так тихо, что даже слабый шум улицы почти заглушил ее слова, и мне пришлось напрячь слух, чтобы расслышать. – Допустим, что вампир, превративший тебя в себе подобного, ничего не знал, равно как и его предшественник, и так далее, до самого первого вампира на земле. Из ничего рождается только ничего! Значит, мы можем знать только то, что никто ничего не знает».

«Да!» – вдруг выкрикнул Лестат, и в его голосе прозвучали новые странные ноты.

Наступило молчание. Лестат медленно обернулся назад, его словно встревожило мое присутствие. Так оборачивается одинокий прохожий, почувствовав вдруг за спиной мое дыхание: взгляд, полный страшных предчувствий, и сдавленный вздох – он видит мое лицо, бледную маску смерти. Лестат смотрел на меня, чуть шевеля губами, и я увидел, что он боится. Лестат боялся!

Клодия посмотрела на него пустым равнодушным взглядом.

«Ты заразил ее этим…» – прошептал он.

Чиркнула спичка. Лестат зажег свечи на каминной полке и лампы по всей комнате, и хрупкий огонек Клодии утонул в ярком свете. Лестат стоял, прислонившись спиной к мраморной обивке камина, и переводил глаза с одного светильника на другой, словно это помогало ему успокоиться.

«Я ухожу», – сказал он.

Когда его шаги во дворе затихли, Клодия поднялась и вышла на середину комнаты. Она остановилась и потянулась: выгнула спину,

вытянула вверх руки со сжатыми кулачками, крепко зажмурила глаза, а потом открыла их, словно просыпаясь. В этом было что-то бесстыдное и оскорбительное: в гостиной еще звучало эхо последних испуганных слов Лестата. Казалось, они взывают к Клодии. Я хотел отвернуться, чтобы не смотреть на нее, но она уже стояла у моего кресла. Она заставила меня отложить книгу, которую я так и не начал читать.

«Пошли и мы на улицу», – сказала она.

«Ты была права. Он не знает ничего. Ему нечего нам рассказать», – отозвался я.

«Неужели ты в этом сомневался? – удивленно сказала она. – Но мы найдем других вампиров, таких же, как ты и я. В Европе. Там их должно быть очень много, это написано во всех книгах, и в хрониках, и в легендах. Думаю, именно там родина вампиров, если у них вообще есть родина. Хватит нам прозябать здесь, с ним. Пошли. Пусть разум подчинится плоти».

Сладкая дрожь охватила меня. «Пусть разум подчинится плоти…»

«Отложи книги, пойдем убивать», – прошептала она.

Мы спустились по лестнице – я следом за ней, – через двор и узкий переулок вышли на улицу, параллельную Рю-Рояль. Там она повернулась и потянулась ко мне. Я сразу понял ее, взял на руки и понес дальше. Она не устала: просто ей захотелось быть поближе ко мне.

«Я еще ничего не сказал ему про наше путешествие и про деньги», – сказал я, но мысли Клодии были заняты другим. Я шел неторопливо с невесомой ношей на руках.

«Он убил того, другого вампира», – вдруг сказала она.

«С чего ты взяла?» – изумленно спросил я, но меня встревожил не смысл ее слов; я чувствовал, что она медленно подводит меня к какой-то мысли.

«Так и было, я знаю, – убежденно сказала она. – Тот вампир сделал его своим рабом, и Лестат прикончил его, потому что не хотел с этим мириться. И я не хочу. Но он поспешил, тот не успел рассказать ему всего. Тогда Лестат со страху превратил в вампира тебя, чтобы ты стал его рабом».

«Нет… – прошептал я. Она прижималась холодной щекой к моему виску. Ей нужно было напиться свежей крови, чтобы

согреться. – Я никогда не был его рабом – только сообщником, слепым исполнителем его воли».

Впервые я открыто признался в этом перед Клодией, да и перед самим собой. Во мне росла лихорадочная жажда крови, и голодные спазмы уже сжимали мои внутренности. Кровь стучала в висках, вены набухли, и все тело мучительно горело, как от пытки.

«Нет, ты был рабом, – настаивала Клодия. Она говорила тихо и монотонно, будто размышляла вслух, искала ключевые слова для разгадки некоего ребуса. – Но я освобожу нас обоих».

Я остановился, но она сжала мое плечо рукой, побуждая идти дальше. Мы вышли на широкую аллею, миновали собор, впереди горели огни Джексон-сквер. Мимо нас в канале, проложенном посреди аллеи, с шумом проносилась вода и сверкала серебром в лунном свете.

«Я убью его», – сказала Клодия.

Потрясенный, я машинально дошел до конца аллеи и остановился. Она скользнула вниз вдоль моего плеча, словно ей легче было очутиться на земле, не прибегая к неуклюжей помощи моих рук. Но я все же помог ей, опустил ее на тротуар и сказал: «Нет». И снова мне показалось, что здания особняков вокруг нас и даже собор сотканы из тонкого шелка, что их монументальная прочность иллюзорна и они трепещут от ветра, как полотнища, а в земле, единственно реальной в моем кошмарном видении, вот-вот разверзнется зияющая трещина.

«Клодия», – задыхаясь, выговорил я и отвернулся.

«Что мешает убить его? – Ее голос рос, становился пронзительным и резким. – Мне он не нужен! Какая от него польза? Только страдания, и я не желаю их больше терпеть!»

«Если б он в самом деле был нам не нужен!» – возразил я. Но напрасный труд: я понял – ее не переубедить. Она не дослушала меня и пошла прочь, точь-в-точь как маленькая девочка на воскресной прогулке с родителями, которая притворяется, что гуляет сама по себе.

«Клодия, подожди! – догнал я ее в два шага, обнял, но ее тело, обычно мягкое и податливое, показалось мне сделанным из стали. – Клодия, ты не сможешь убить его!» – прошептал я.

Она молча вырвалась и, стуча каблучками по булыжнику, выбежала из аллеи на улицу. Мимо пронесся кабриолет и, обдав меня смехом и цоканьем копыт, исчез за поворотом. И снова все стихло. Я

пошел за Клодией по длинной пустой улице. Она стояла у ворот Джексон-сквер, вцепившись в кованую железную решетку. Я подошел и встал рядом.

«Что бы ты ни думала и ни говорила, одно я знаю наверняка: тебе не удастся убить его», – сказал я.

«Почему? Ты думаешь, он такой сильный?» – Она не сводила глаз со статуи на площади, освещенной двумя фонарями.

«Он сильней, чем ты думаешь, чем ты можешь себе представить! Как ты собираешься это сделать? Ты не знаешь, на что он способен». – Я снова попытался отговорить ее, хотя понимал, что это бесполезно. Она уперлась, как ребенок у витрины магазина игрушек. Вдруг Клодия просунула язык между зубов и быстрым, странным движением провела его трепещущим кончиком по нижней губе. Я вздрогнул и почувствовал вкус крови, и мне показалось, будто я уже держу в руках податливое, безжизненное тело. Во мне с новой силой вспыхнула жажда крови. До меня доносились запахи и голоса людей, они прогуливались по площади вокруг базарных рядов, вдоль плотины. Я хотел было взять ее на руки, встряхнуть, заставить посмотреть на меня, выслушать меня, но она сама обратила ко мне огромные влажные глаза и сказала: «Я люблю тебя, Луи».

«Тогда послушай меня, Клодия, умоляю тебя, – прошептал я и взял ее руку. Человеческие голоса переполняли мой слух, они шептали что-то, потом зазвучали все громче и громче и заглушили смешанный гул ночи. – Он уничтожит тебя. Подумай, нет ни одного надежного способа справиться с ним. Если ты вступишь с ним в поединок, он окажется для тебя роковым. А я этого не вынесу».

Клодия едва заметно усмехнулась.

«Нет, Луи, – зашептала она в ответ, – я смогу его убить. Я скажу тебе кое-что по секрету».

Я покачал головой, но она сильней прижалась ко мне и опустила веки, ее длинные ресницы почти легли на круглые щечки.

«Дело в том, Луи, что я хочу убить его. Я жажду его смерти!»

Я безмолвно опустился на колени подле нее. Она изучающе смотрела на меня в упор, как часто бывало прежде. Помедлив, она продолжала:

«Я убиваю людей каждую ночь. Я завлекаю их в сети, притягиваю к себе в ненасытной жажде, в бесконечном поиске чего-то… не знаю

чего… – Она прижала пальцы к губам, приоткрыла рот, ее зубы ослепительно сверкали. – Но мне на них наплевать. Мне все равно, откуда они пришли и куда направляются, если только наши пути не пересекутся. Иное дело – Лестат: я не люблю его! я хочу, чтобы он был мертв, и он умрет. Вот тогда я получу настоящее удовольствие».

«Клодия, опомнись, он бессмертен. Бессмертен. Ему не страшны болезни. Время не властно над ним. Ты посягаешь на жизнь, которой суждено длиться, пока существует мир!»

«Именно так! – В ее голосе мне почудился благоговейный страх. – Жизнь, длящаяся столетия. Сколько сил должно быть накоплено в ней. Ты думаешь, она перейдет в меня, когда я напьюсь его крови?»

Я потерял терпение. Вскочил на ноги и отвернулся, чтобы не видеть ее. Я услышал, как кто-то шепчет, что эти отец и дочь, должно быть, сильно привязаны друг к другу… И вдруг понял, что люди нас заметили, что это говорят про нас.

«Но зачем, Клодия? – сказал я. – В этом сейчас нет нужды. Это бессмысленно, это…»

«Что? Это жестоко? Он – убийца, – прошипела она. – Одинокий хищник! – Она с издевкой повторила слова Лестата. – Не пытайся помешать мне или узнать день, который я намечу. Не вздумай вставать между нами… – Она подняла руку, приказывая мне молчать, маленькие пальцы стальной хваткой вцепились в мою ладонь. – Если ты вмешаешься – я погибну. Меня ничто не остановит».

Она повернулась, взметнув ленты шляпки, и быстро зашагала прочь. Скоро стук ее каблучков затих. Я пошел куда глаза глядят, не разбирая дороги; хотел раствориться в ночном городе. Голод уже начал заглушать во мне голос разума, мучительный голод; но я не хотел прекращать эту пытку. Я хотел, чтобы она длилась, чтобы жажда крови захватила меня целиком и чтобы я уже ни о чем не мог думать, кроме убийства; я медленно шел по улицам навстречу будущей жертве – жажда вела меня – и говорил себе: эта ниточка тянет меня по лабиринту, но я разматываю клубок, и она тянет меня… На Рю-Конти я остановился: из окон дома доносился глухой шум. Я прислушался и узнал его. В гостиной наверху шла дуэль – слышался топот ног по голому дощатому полу и серебряный перезвон шпаг. Я перешел улицу и поглядел в незанавешенное окно. Двое юношей фехтовали: изящно, точно в танце, они приближались к смерти – одна рука откинута назад,

другая метит шпагой в сердце соперника. Я вспомнил молодого Френьера, как он сделал свой последний выпад… я надолго задумался и очнулся, только когда кто-то вышел из дома и спустился по узкой деревянной лестнице на тротуар. Это был юноша, почти мальчик, на гладкой коже его щек едва начал пробиваться первый пушок. Его лицо раскраснелось после поединка, на нем были щегольский серый плащ и рубашка с кружевными манжетами. Я почувствовал запах одеколона и жар молодого тела: он вышел из круга света у входа в дом и приблизился ко мне. Он смеялся и шепотом разговаривал сам с собой; с досадой потряс головой, пытаясь откинуть темные волосы, липнущие на глаза. Вдруг он замер – заметил мою неподвижную фигуру. Он сощурился и посмотрел на меня, потом нервно рассмеялся.

«Извините, – сказал он по-французски. – Вы меня напугали!» – Он собрался было отвесить галантный поклон и следовать дальше своею дорогой, но вдруг ужас отразился на его лице. Я услышал, как громко и часто заколотилось его сердце, и почувствовал резкий запах пота – признак внезапного напряжения мышц.

«Вы увидели мое лицо в свете фонаря, – обратился я к нему, – и оно напомнило вам маску смерти».

Он с трудом разлепил губы, но не сумел выдавить ни звука, только кивнул, оцепенело глядя на меня.

«Уходите отсюда! – приказал я ему. – Быстро!»

Вампир замолчал ненадолго, потом вдруг шевельнулся, словно собираясь продолжить рассказ, но вместо этого откинулся в кресле, вытянул под столом длинные ноги и сжал виски, точно хотел унять боль.

Юноша медленно распрямился, расправил плечи. Проверил кассету и взглянул на собеседника.

– Но вы все же убили кого-то в ту ночь? – спросил он.

– Да, как и во все другие ночи.

– Почему же вы позволили ему уйти?

– Не знаю, – отозвался вампир, но его ответ прозвучал как «оставим это». Он добавил: – Я вижу, вы замерзли и устали.

– Это не важно, – поспешно сказал парень. – Здесь и правда немного холодно, но мне все равно. Вы ведь не мерзнете?

– Нет. – Вампир улыбнулся. Его плечи вздрогнули от беззвучного смеха.

На минуту он, казалось, погрузился в свои мысли, а юноша внимательно изучал его лицо. Затем вампир посмотрел на часы на руке собеседника.

– Ей не удалось осуществить задуманное? – тихо спросил тот.

– А вы как думаете? – Луи выпрямился в кресле и пытливо глядел на него.

– Я думаю, что он ее… как вы сказали сами, уничтожил, – ответил молодой человек и судорожно глотнул воздух. – Я прав?

– Вы думаете, она не смогла справиться с Лестатом?

– Но он был так силен… вы говорили, что не знаете, что в его власти, какие тайны он хранит.

Вампир ответил ему долгим, загадочным взглядом. Молодой человек не выдержал и отвернулся – так горели глаза напротив.

– Почему бы вам не выпить, ведь у вас в кармане бутылка, – сказал вампир. – Это поможет согреться.

– Я как раз собирался… Просто подумал… – Юноша замялся.

– Что это невежливо? – рассмеялся Луи и вдруг хлопнул себя ладонью по колену.

– Да, – пожал плечами тот, смущенно улыбаясь. Он вытащил из кармана плоскую бутылку, открутил желтую крышку и сделал глоток, после чего вопросительно посмотрел на вампира.

– Нет, спасибо, – отмахнулся тот.

Его лицо посерьезнело, он глубоко вздохнул и продолжил рассказ.

– Незадолго до того у Лестата появился друг – музыкант. Он жил на Рю-Дюмейн. Мы видели его на концерте в доме мадам Ле Клэр, на той же, в то время очень престижной и фешенебельной, улице. Собственно говоря, именно мадам Ле Клэр, чей салон частенько посещал Лестат, нашла бедному юноше комнату в особняке по соседству. Лестат познакомился с ними и стал наносить регулярные визиты. Я уже говорил, что он любил играть со своими жертвами, входил к ним в доверие, заводил с ними дружбу, заставлял себя полюбить. Но кончалось все одинаково, и я не сомневался, что он всего лишь забавляется с молодым музыкантом, хотя их дружба длилась дольше, чем любое другое из его знакомств на моей памяти. Юноша писал действительно хорошую музыку; Лестат нередко

приносил домой ноты с отрывками из его новых вещей и играл их на большом рояле у нас в гостиной. У молодого человека был несомненный талант, но музыка приносила ему сущие гроши, желающих платить за нее находилось немного – это была странная, беспокойная музыка. Лестат встречался с ним чуть не каждый вечер, помогал ему деньгами, водил по ресторанам, которые были юноше не по карману, и даже покупал ему бумагу и перья.

Их знакомство, повторюсь, длилось необычайно долго для Лестата. Я силился понять, то ли он действительно нашел человека, сумевшего ему понравиться, вопреки всем его предубеждениям против смертных, то ли просто задумал особенно изощренную и жестокую подлость. Неоднократно он говорил мне и Клодии, что собирается убить юношу, но всякий раз ему что-то мешало. Естественно, я ни о чем его не спрашивал, не хотел, чтобы на мою голову обрушилась буря ярости. Только подумать: Лестата приворожил какой-то там смертный! Да скажи я ему такое, и он был разнес на части всю мебель в гостиной.

На следующий вечер после того, как Клодия сообщила мне, что хочет убить Лестата, он вдруг ни с того ни с сего принялся уговаривать меня пойти вместе с ним на квартиру к его другу. Он вел себя весьма дружелюбно, как всегда, когда хотел, чтобы я составил ему компанию. Собираясь в театр или оперу, он всегда упрашивал меня пойти вместе. Только на «Макбет» я ходил с ним по меньшей мере раз пятнадцать. Мы видели все постановки этой трагедии в Новом Орлеане, включая даже любительские. Возвращаясь из театра домой, Лестат вслух повторял отдельные, особенно понравившиеся ему строки и иногда даже кричал, обращаясь к поздним прохожим, угрожающе вытянув указательный палец: «Завтра, завтра, завтра!» – пока они не переходили на другую сторону улицы, сочтя его пьяным. Но все его благодушие улетучивалось бесследно, стоило мне всего лишь намекнуть, что мне тоже приятно его общество, и следующего подобного случая приходилось ждать месяцами, а то и годами. В тот вечер он даже снизошел до того, что положил руку мне на плечо. Я скучно и вяло выдумывал самые жалкие отговорки, звучавшие совершенно неправдоподобно, поскольку мои мысли были целиком заняты Клодией, нашим планом и грядущими несчастиями. Меня до глубины души поражало, как он умудряется не замечать этого. В конце

концов он понял, что напрасно теряет время, в раздражении поднял с пола какую-то книгу и швырнул ею в меня:

«Ну и читай свои чертовы книги! Крыса!» – и с оскорбленным видом вышел из комнаты.

Это встревожило меня до крайности. Я предпочел бы, чтобы он встретил мой отказ по обыкновению холодно и презрительно. Я решил еще раз попробовать отговорить Клодию, хотя у меня уже не было сил и я знал, что ничего не смогу поделать. Но дверь в ее комнату была заперта, она еще не вернулась. За весь вечер я видел ее лишь мельком, когда говорил с Лестатом. Она одевалась перед зеркалом в прихожей. На ней было платье с буфами и лиловой ленточкой на груди, из-под него выглядывали кружевные чулочки и ослепительно белые туфельки. Уходя, она бросила на меня холодный взгляд.

Я проголодался и тоже отправился на улицу. Я вернулся домой через пару часов, сытый и слишком ленивый, чтобы предаваться унылым размышлениям. Но едва переступил порог, во мне появилось и начало расти чувство, что Клодия задумала сделать это сегодня.

Не знаю, как я это понял. Скорее всего, меня встревожило что-то в доме. Я слышал шаги Клодии во второй гостиной. Дверь туда была заперта. И мне показалось, что ей отвечает другой голос, тихо, шепотом. Еще ни разу ни я, ни Клодия не приводили людей сюда, только Лестат время от времени таскал в дом уличных женщин. Скоро я уже был твердо уверен, что там кто-то есть, хотя не мог уловить ни отчетливого запаха, ни громких слов. Но потом я почувствовал аромат изысканной пищи и вина. В хрустальной вазе на рояле стоял букет хризантем. Для Клодии эти цветы символизировали смерть.

Вскоре появился Лестат. Он что-то тихо напевал себе под нос, отстукивая тростью ритм по перилам винтовой лестницы. Он вошел в длинный холл, его лицо разрумянилось, губы порозовели. Сел к спинету и поставил ноты на пюпитр.

«Убил я его или нет? – спросил он, указывая на меня пальцем. – Догадайся!»

«Нет, – отрешенно ответил я. – Ты ведь звал меня с собой, значит, не собирался убивать его».

«Ага! Но я мог сделать это со злости, из-за того, что ты не пошел со мной!» – сказал он и поднял крышку инструмента. Теперь он будет так болтать до рассвета, подумал я. Он был необычайно оживлен. Я

смотрел, как он разбирает ноты, и спрашивал себя в который раз: может ли он умереть? Неужели она решится его убить? Я почти собрался с духом пойти к Клодии и сказать, что мы должны отказаться от наших планов, от путешествия и всего остального, и продолжать жить так, как жили до сих пор. Но внутренний голос подсказывал мне, что назад дороги нет и что с того самого дня, когда она начала задавать вопросы, развязка – все равно какая – стала неизбежной. И непреодолимая тяжесть приковала меня к креслу.

Лестат заиграл. У него был превосходный слух, в прежней жизни он мог бы стать отличным пианистом. Но он играл без чувства, не погружался в музыку, а вытягивал ее из инструмента, как фокусник; правда, виртуозно, потому что он был вампиром и его способности превышали человеческие. Он играл без души, холодно и точно.

«Так убил я его или нет?» – повторил он.

«Нет», – снова ответил я, но с таким же успехом мог утверждать и обратное. Я думал только о том, как бы не выдать себя.

«Ты прав, я его не тронул, – сказал он. – Наша близость приятно возбуждает меня, и я не хочу пока лишаться удовольствия обдумывать каждый раз заново, как убью его. Убью, но не сейчас, и тогда я найду другого смертного, похожего на него. Если бы у него были братья… я занялся бы ими по очереди. Вся семья вымерла бы от таинственной лихорадки, иссушающей тело! – продекламировал он тоном аукциониста. – Кстати, у Клодии тоже страсть к семьям, да ты и сам, наверное, знаешь. Ах да, к вопросу о семьях, я чуть было не забыл. Ходят слухи, будто на плантации Френьеров завелись привидения. Рабы и надсмотрщики разбегаются кто куда».

Я не хотел его слушать. Бабетта умерла, она сошла с ума. Она бродила по руинам Пон-дю-Лак, утверждала, что видела там дьявола и хочет отыскать, где он прячется. До меня дошли слухи о ее безумии, а потом я узнал, что она умерла. Пока она была жива, я иногда подумывал навестить ее и попытаться как-то исправить содеянное, но потом говорил себе, что все устроится само собой. Я был уже не тот – жизнь ночного убийцы стерла воспоминания о былых привязанностях, о любви к Бабетте и к сестре. Я следил за трагедией, как зритель из ложи, и не видел смысла перешагивать через рампу и вмешиваться в ход действия.

«Не надо об этом», – сказал я Лестату.

«Как угодно. Впрочем, я говорил о плантации, а вовсе не о женщине твоей мечты! – Он ухмыльнулся. – Хотя, ты знаешь, на поверку все получилось в точности как я предсказывал. Но вернемся к моему юному другу…»

«Я бы предпочел, чтобы ты не отвлекался от музыки», – сказал я тихо и ненавязчиво, но стараясь, чтобы мой голос звучал убедительно. Как ни странно, иногда мне это удавалось, и он слушался меня. Вот и теперь он презрительно хмыкнул, как будто хотел сказать: «Ты – дурак», но вернулся к нотам. И тут скрипнула дверь, и я услышал шаги Клодии в холле.

«Не ходи сюда, Клодия, – мысленно молил я, – не ходи, или все мы погибнем». Но она неизбежно приближалась, задержалась у зеркала в прихожей, я услышал, что она выдвинула ящик комода, достала гребешок и теперь причесывается; почувствовал запах ее цветочных духов, и вот она сама, вся в белом, появилась в дверях. Неслышно ступая по ковру, подошла к спинету, поставила локти на деревянную панель, подперла рукой подбородок и посмотрела на Лестата.

«Это еще что! – проворчал он, перевернул страницу и уронил руки на колени. – Уйди. Ты меня раздражаешь!» – Он даже не взглянул на Клодию.

«Неужели?» – нежно пропела она.

«Да, – отрезал он. – Кстати, я хотел сказать тебе, что нашел кое-кого получше на роль вампира».

Я замер.

«Ты меня поняла?» – спросил он.

«Ты хочешь напугать меня?»

«Беда в том, что ты единственный ребенок, – ответил он. – Тебе нужен брат. Но еще больше он нужен мне самому. Вы оба мне надоели. Два ненасытных чудовища, вечно в раздумьях и терзаниях… Не даете покоя ни мне, ни себе. Мне это осточертело».

«Втроем мы могли бы заселить вампирами весь мир», – сказала Клодия.

«Да ну? – Лестат торжествующе улыбнулся. – Думаешь, у тебя получится? Ах да, конечно, Луи рассказал тебе, как это бывает, но ведь он сам не знает ничего. Это не в вашей власти».

Слова Лестата встревожили Клодию. Этого она не ожидала услышать. И посмотрела на него долгим взглядом: мне показалось, что она ему не верит.

«Откуда же у тебя такая власть?» – Она говорила спокойно, но с неуловимым сарказмом.

«Это, моя дорогая, один из тех секретов, которые тебе, возможно, никогда не удастся узнать. Даже в Эребе существует своя аристократия».

«Ты лжешь. – Клодия коротко рассмеялась. Лестат отвернулся и коснулся клавиш, а она сказала как бы невзначай: – Но ты расстроил мои планы».

«Твои планы?» – озадаченно переспросил он.

«Ну да. Я пришла сюда, чтобы помириться с тобой, хоть ты и великий лжец. Все-таки ты – мой отец. – Клодия глубоко вздохнула. – И я не хочу больше ссориться. Мне хочется, чтобы вернулись старые добрые времена».

Наступил его черед не поверить ее словам. Он перевел взгляд на меня, затем опять на нее.

«Что ж, это возможно, – протянул он. – Только перестань приставать ко мне с расспросами, ходить следом за мной по улицам и искать других вампиров в каждом темном переулке. Забудь про них, их нет! Ты живешь и будешь жить здесь со мной! – Он замялся, смутившись собственной запальчивости. – Я позабочусь о тебе, и тебе ничего не нужно».

«Но ты ничего не знаешь. Вот почему ты злишься, когда я задаю вопросы. Мы все выяснили, осталось только помириться. Ради такого случая я приготовила для тебя подарочек».

«Надеюсь, это женщина с прелестями, которых у тебя никогда не будет».

Он оглядел Клодию с ног до головы. Она изменилась в лице и почти потеряла самообладание, чего с ней никогда не случалось, но тут же взяла себя в руки, тряхнула головой и потянула его за рукав.

«Я говорю правду. Мне надоело ругаться с тобой. Ненависть – это ад, оставим его людям. Ты можешь принять подарок или нет, это не важно. Прошу только об одном: давай покончим с грызней, а то Луи не выдержит и покинет нас обоих».

Она убрала его руки с клавиш, опустила крышку и повернула его на винтовом стуле лицом к двери.

«Ты это серьезно? Что за подарок?»

«Ты еще голоден, я вижу по твоим глазам, по твоей коже. Конечно, ведь еще рано. Но я предоставляю тебе шанс отведать изысканное блюдо. Страдания невинных да падут на мою голову», – прошептала она и вышла из комнаты. Лестат посмотрел на меня с настороженным любопытством: он ждал объяснений, но я молчал и был как во сне. Он встал и следом за Клодией спустился в холл. И в следующий миг я услышал его долгий восхищенный стон, в котором смешались голод и вожделение.

Я медленно пошел за ними. Сперва я увидел спину Лестата, склонившегося над кушеткой. Два маленьких мальчика уютно свернулись там среди бархатных подушек. Они спали спокойным, глубоким детским сном, полуоткрыв розовые губки. Безмятежные круглые личики, нежная, светящаяся кожа; темные волосы одного прилипли к вспотевшему лбу. На них была одинаковая убогая одежда, и я понял, что это сироты из приюта. Они только что поужинали, и на столе стояли приборы из лучшего фарфорового сервиза рядом с полупустой бутылкой, розовые пятна вина расползлись по скатерти между грязных тарелок и вилок. Но я сразу почувствовал незнакомый и неприятный запах. Я подошел поближе, чтобы получше разглядеть спящих. Их шеи были обнажены, но нетронуты. Лестат опустился на кушетку рядом с темноволосым. Лет семи от роду, этот ребенок словно сошел с фрески какого-нибудь собора; он был красив безупречной, бесполой, ангельской красотой. Лестат нежно провел пальцами по его бледному горлу, коснулся шелковистых губ, вздохнул и застонал, словно от сладостной боли.

«О Клодия… – прошептал он. – Ты превзошла себя. Где ты их отыскала?»

Она не ответила, отступила и села в кресло, откинулась на подушки и положила ноги на пуфик, из-под юбки показались кончики ее белых туфель и маленькие, изящные накладные банты. Она смотрела на Лестата.

«Я напоила их, – сказала она. – Хватило наперстка, и они уснули. Я думала о тебе… Думала: если поделюсь с ним, может быть, он меня простит».

Лестат растаял. Он дотянулся до ее маленькой ножки в кружевном чулочке, погладил ее.

«Ты просто прелесть! – и рассмеялся, но тут же оборвал себя, чтобы не разбудить обреченных детей. Он жестом подозвал Клодию, ласково и призывно сказал: – Иди сюда. Я возьму этого, а ты – другого».

Она подошла, села рядом с ним, Лестат обнял ее, прижал к себе. Потом погладил влажные волосы мальчика, пробежав пальцами по сомкнутым векам и длинным ресницам; мягко опустил ладонь на лицо ребенка, легко касаясь висков, щек и лба. Казалось, он забыл, что мы здесь. Потом он убрал руку и замер: словно от страсти у него закружилась голова. Он поднял глаза, посмотрел в потолок; снова опустил взгляд на желанную, лакомую жертву и легонько повернул голову ребенка на подушке, чтобы рассмотреть его со всех сторон. Брови мальчика чуть напряглись, он тихо застонал.

Клодия, не сводя глаз с Лестата, медленно расстегнула пуговицы на курточке своего малыша, просунула руку под ветхую нижнюю рубашку, коснулась обнаженного тела. Лестат последовал ее примеру, его рука скользнула под рубашку мальчика; но он уже не мог сдерживаться, крепко обнял ребенка, опустился с ним на пол, уткнулся лицом в его шею. Его губы коснулись груди мальчика, маленького соска; он прижал его к себе еще сильнее и вонзил зубы в его горло. Голова ребенка откинулась назад, кудри разметались, он снова застонал, его веки дрогнули… И замерли навсегда. Лестат стоял на коленях, его спина напряглась, он медленно раскачивался вместе с бессильным телом и громко, сладостно стонал в такт. Вдруг словно судорога прошла по нему, казалось, он хочет оттолкнуть ребенка, но потом снова обнял его, поднял, положил на подушки и опять приник к его горлу, но сосал теперь тихо, нежно, почти беззвучно.

Наконец все было кончено. Он стоял на коленях, откинув голову, его белокурые волосы спутались и растрепались. Он медленно опустился на пол, прислонился к ножке кушетки и прошептал: «Боже». Кровь прилила к его щекам, даже руки порозовели. Он бессильно уронил их на колени.

Клодия даже не шевельнулась. Она лежала рядом с нетронутым ребенком, прекрасная, как ангел Боттичелли. Обессиленное тело жертвы сжалось, высохло; шея походила на сломанный стебелек,

голова на подушке была повернута под неестественным углом – углом смерти.

Но что-то было не так. Лестат смотрел в потолок. Он лежал чересчур неподвижно, полуоткрыв рот; язык застрял у него между зубами, у него даже не было сил облизнуть губы. Он затрясся, плечи его содрогнулись… и тяжело опустились. Но он не мог шевельнуться. Ясные серые глаза помутнели. Он что-то простонал. Я шагнул к нему, но Клодия грозно прошептала:

«Назад!»

«Луи… – сказал он. – Луи…»

Я и сейчас слышу этот голос.

«Тебе не понравилось угощение, Лестат?!» – спросила она.

«Странный вкус, – задыхаясь, выдавил он, глаза его расширились, будто каждое слово давалось ему с неимоверным усилием. Он не мог шевельнуть даже пальцем. – Клодия!»

Тяжело дыша, он посмотрел на нее.

«Тебе не понравился вкус детской крови?» – тихо сказала она.

«Луи… – прошептал Лестат. На мгновение ему удалось приподнять голову, но он тут же уронил ее на подушку. – Луи, это… полынь! Слишком много полыни в крови. Она отравила их и меня, Луи…»

Он попытался поднять руку. Я подошел поближе к столу.

«Не двигайся!» – приказала она, встала и склонилась над Лестатом. Она жадно вглядывалась в его лицо, точно так же, как он смотрел на мальчика.

«Да, отец, полынь и настойка опия!» – сказала она.

«Демон! – прошептал он, тщетно стараясь подняться. – Луи… положи меня в гроб. Положи меня в гроб!» – еле слышно прохрипел он. Его рука задрожала, приподнялась и снова безжизненно упала.

«Я положу тебя в гроб, отец, – сказала Клодия нежно, словно пытаясь облегчить ему мучения. – Но ты уже никогда не встанешь». – И она вытащила из-под подушки длинный кухонный нож.

«Клодия! Остановись!» – воскликнул я, но ее глаза сверкнули в ответ дикой злобой. Я никогда не видел ее такой; я замер, как парализованный. Она быстрым движением рассекла Лестату горло, он коротко, сдавленно вскрикнул: «Боже!»

Кровь хлынула потоком на его рубашку и плащ. У людей не бывает столько крови; в ней смешались кровь мальчика и кровь предыдущих жертв; он крутил головой, извивался, и страшная булькающая рана становилась все больше. Клодия вонзила нож ему в грудь. Он качнулся вперед, судорожно схватился за рукоятку ножа, но непослушные пальцы соскользнули. Его рот распахнулся, обнажились клыки, волосы падали ему на лоб, он бросил на меня отчаянный взгляд:

«Луи! Луи!» – и, задыхаясь, упал на ковер.

Клодия стояла над ним и смотрела сверху вниз. Вокруг все было залито кровью. Он стонал, пытаясь приподняться на руках. И вдруг Клодия бросилась на него, схватила его за шею, вцепилась в его горло. Он сопротивлялся.

«Луи, Луи…» – хрипел он, стараясь сбросить ее с себя, она падала, но не отпускала его, снова взбиралась на него, падала и снова взбиралась…

Наконец она оторвалась от него, быстро встала на ноги, прижала ладонь ко рту; на мгновение ее глаза затуманились. Я отвернулся, чтобы не видеть ни ее, ни его, меня била дрожь, это было невыносимо…

«Луи! – сказала она, но я только мотнул головой, на миг мне показалось, что стены дома качаются. – Луи, – повторила она. – Смотри, что с ним творится…»

Лестат неподвижно лежал на спине. Его тело сморщивалось и высыхало на глазах. Кожа становилась толще, пошла морщинами и побелела так, что стали видны даже самые маленькие сосуды. Я задыхался, но не мог отвести глаз, даже когда начали проступать кости и губы поползли в стороны, обнажая ужасные зубы, а нос превратился в две зияющие дырки. Но глаза оставались прежними, они дико смотрели в потолок, зрачки бешено вращались. Потом кожа потрескалась, становясь все тоньше, и истлела на наших глазах. Глазные яблоки закатились, белки потускнели. Шапка светлых волнистых волос, плащ, пара начищенных до блеска ботинок – вот и все, что осталось от Лестата.

Я стоял и беспомощно смотрел на этот ужас.

– Кажется, прошла вечность. Мы молча смотрели на останки. Кровь уже успела впитаться в ковер, и цветочный узор потемнел. Кровь была повсюду – липкая и черная на паркетном полу, – пятна темнели на платье Клодии, на ее белых туфельках, на лице. Она попыталась вытереть лицо и руки салфеткой, но из этого ничего не вышло. Потом она сказала:

«Луи, ты должен помочь мне вытащить его отсюда!»

«Нет!» – я повернулся спиной к ней и к трупу.

«Ты сошел с ума, Луи? Тело не может оставаться здесь! – воскликнула она. – Да и мальчики тоже. Ты обязан помочь мне! Мне больше не к кому обратиться, Луи!»

Я понимал, что Клодия права, но не мог ничего с собой поделать. Ей пришлось понукать меня, тащить за собой почти на каждом шагу: мое тело отказывалось повиноваться. Мы спустились во двор, заглянули на кухню и обнаружили там, в печи, кости горничных. Мы совершенно забыли про них, и это была глупая опасная беспечность. Клодия выгребла их, положила в мешок и перетащила в экипаж. Я сам запряг лошадей, успокоил пьяного кучера и погнал прочь из города в сторону Байю-Сент-Жан, к огромному черному болоту, простиравшемуся до озера Поншатрен. Клодия молча сидела рядом со мной на козлах. Мы оставили позади городские ворота с газовым фонарем, миновали деревенские домики предместий. Изрытая глубокими колеями дорога начала сужаться. По обе стороны потянулись болота, скрытые глухой стеной кипарисов и дикого винограда.

Я никак не мог решиться дотронуться до Лестата; Клодия сама завернула тело в простыню и осыпала его белоснежными хризантемами. Это было ужасно. Я хоронил его последним. Сверток показался мне почти невесомым, я чувствовал сладкий запах тления. Я положил его на плечо и ступил в черную болотную воду. У меня хлюпало в ботинках, но я все шел и шел: хотел похоронить его подальше от детей. Сам не знаю зачем, я заходил все глубже и остановился, только когда светлая лента дороги почти скрылась из виду и небо в просвете над ней начало тревожно бледнеть. Я опустил тело вниз, в болотную жижу. И стоял, потрясенный, и смотрел, как илистая вода смыкается над белым бесформенным свертком. Я медленно приходил в себя. Спасительное оцепенение, которое хранило

меня всю дорогу от Рю-Рояль, исчезло без следа. Я смотрел на воду и говорил себе, что передо мной Лестат. Его тайная сила, волшебный дар превращения – все умерло, кануло в бездну. И вдруг неведомая грозная сила потянула меня вниз, за ним, в вечную темноту, откуда нет возврата. Я будто слышал властный голос, он звучал громко и отчетливо, по сравнению с ним человеческая речь могла показаться невнятным бормотанием: «Ты знаешь, что должен сделать. Сойди во тьму и покончи со всем раз и навсегда».

Но вдруг донесся голосок Клодии, она звала меня по имени. Я обернулся и сквозь сплетение ветвей увидел ее фигурку, далекую и крошечную, словно белый огонек, мерцающий на дороге.

На рассвете мы улеглись в гроб, она прижалась к моей груди, обняла меня и прошептала, что любит, что теперь мы навсегда свободны.

«Я люблю тебя, Луи», – повторяла она снова и снова, и наконец кромешная тьма сжалилась надо мной и усыпила мой разум.

Вечером, когда я проснулся, Клодия разбирала вещи Лестата. Она действовала сосредоточенно и методично, но я видел, что в душе у нее клокочет ярость. Она опустошала шкатулки и ящики комодов, сваливала все в кучу на ковре, снимала с плечиков костюмы, выворачивала карманы, бросала на пол монеты, театральные билеты и обрывки бумаги, рылась в дорожных сундуках. Я завороженно наблюдал за ней, стоя на пороге комнаты, время от времени поглядывая на гроб Лестата, увитый траурными лентами и кусками черной ткани. Мне вдруг захотелось открыть его и увидеть внутри Лестата, живого и невредимого.

«Ничего! – наконец сказала Клодия и раздраженно скомкала попавшуюся под руку одежду. – Ни намека на то, откуда он явился и кто превратил его в вампира!»

Она посмотрела на меня, ища сочувствия, но я отвернулся, избегая ее взгляда, и пошел в свой кабинет. Там хранились мои книги и вещи, оставшиеся от матери и сестры. Я сел на кровать. Я слышал, что она идет за мной, но даже не поднял головы.

«Он заслужил смерть!» – сказала она.

«Тогда и мы заслуживаем ее. Каждую ночь, – ответил я. – Оставь меня. – Я плохо понимал, что говорю. В моей голове беспорядочно теснились обрывки мыслей. – Я буду заботиться о тебе, потому что

иначе ты не выживешь, но не хочу больше видеть тебя рядом с собой. Спи в своем ящике и не приближайся ко мне».

«Но я же предупреждала тебя. Ты знал, что я собираюсь сделать…» – Никогда еще ее голос не звучал так тонко и беззащитно.

Я взглянул на нее с удивлением, но без сочувствия. Она совершенно преобразилась. Кукольное личико выражало ужасное волнение.

«Я говорила тебе, Луи! – лепетала она трясущимися губами. – Я поступила так ради нас обоих, чтобы мы наконец обрели свободу».

Я не мог смотреть на нее. Эта красота, эта видимость невинности… и такое страшное страдание на лице. Я выбежал из комнаты, может быть, даже толкнул ее, не помню. И уже на лестнице вдруг услышал странный звук.

Это случилось впервые за долгие годы, впервые с той ночи, когда я нашел ее, живую, льнущую к телу матери. Она плакала!

Против воли я повернул назад. Клодия плакала так горько, так безысходно, словно не надеялась, что кто-нибудь ее услышит. Я вошел в комнату. Она лежала на кровати, где я обычно сидел с книгой. Она свернулась в клубочек, все ее тело содрогалось от рыданий. Сердце у меня разрывалось. Даже живым ребенком она плакала не так горько. Я медленно, тихо опустился рядом с ней, положил руку ей на плечо. Она подняла голову, ее губы дрожали, из широко раскрытых глаз катились слезы. Эти слезы отливали кровью, кровь была у нее на руках, но Клодия ничего не замечала. Она откинула волосы со лба, ее душили рыдания.

«Луи… – прошептала она, – если ты уйдешь… если я потеряю тебя, у меня не останется ничего… Ради тебя я бы оставила все как прежде… Но сделанного не воротишь».

Она обхватила меня руками, всхлипывая, прижалась к моей груди. Я не хотел даже прикасаться к ней, но в следующую минуту уже сжимал ее в объятиях, гладил растрепанные волосы.

«Я не могу жить без тебя… – шептала она. – Мне легче умереть, чем расстаться с тобой. Когда ты смотрел на меня таким ужасным взглядом, мне казалось, что я умираю. Если ты разлюбишь меня, я умру, умру так же, как он!»

Она плакала все громче, все безнадежней, и я не выдержал, обнял ее и поцеловал нежную шею, щеки, похожие на спелые яблоки из

райского сада.

«Все хорошо, милая, – успокаивал я ее. – Все будет хорошо…»

Я качал ее на руках медленно, плавно, и она наконец затихла, только шептала, что мы теперь будем счастливы и свободны навсегда, что начинается новая, прекрасная жизнь.

– Новая, прекрасная жизнь… Что означает смерть для того, кому суждено дожить до конца света? Да и что такое «конец света», как не пустая фраза, потому что никто толком не знает, что представляет собой этот свет? Я пожил в двух столетиях. Видел, как новое поколение создает новые прекрасные иллюзии, а следующее их безжалостно развенчивает. Я сам давно перестал строить воздушные замки и жил сегодняшним днем; вечно юный и вечно древний, я представлялся самому себе чем-то вроде часов, тикающих в пустоте: лицо-циферблат выкрашено в белый цвет, глаза глядят в никуда; вырезанные из слоновой кости руки-стрелки показывают время ни для кого… в лучах первородного света, который существовал еще до начала мира, до того, как Господь отделил свет от тьмы. Тик-так – тикают самые точные часы в пустой комнате размером со вселенную.

Я шел по улицам один, мои ладони хранили запах волос Клодии, запах ее платья; вечерняя темнота расступалась перед моими глазами на много шагов вперед. Вдруг я понял, что стою перед собором. Что такое смерть, если тебе суждено дожить до конца света? Я подумал о смерти брата, вспомнил его четки, запах ладана и воска; вспомнил, как его отпевали, и мне захотелось снова услышать пение хора, стройные голоса женщин, стук четок. Все это было как будто вчера, так ясно и осязаемо… Я шагнул вперед, навстречу темной громаде собора.

Двери были не заперты, в щель пробивался слабый, мерцающий свет. Была суббота, люди пришли исповедаться перед воскресной мессой и причастием. Я заглянул внутрь. Тускло горели свечи. Вдали из теней выплывал алтарь, осыпанный белыми цветами. Раньше на месте этого собора была маленькая церковь, именно в ней отпевали брата. Я вдруг понял, что с тех пор ни разу не бывал в храме, не поднимался по каменным ступеням… Толкнул дверь и вошел.

Страха не было. Наоборот, я ждал с надеждой, что стены содрогнутся, что пол уйдет у меня из-под ног. Я вступил под темные своды и увидел далеко впереди, на алтаре, слабый блеск дароносицы.

И вспомнил, что однажды чуть было не зашел сюда во время службы; окна тогда ярко светились и пение плыло над Джексон-сквер. Но в тот раз я не решился войти – подумал: а вдруг в храме меня подстерегает опасность, о которой не успел рассказать Лестат, вдруг провалюсь сквозь землю или меня поразит удар молнии. Меня и тогда тянуло войти, но я заставил себя даже не думать об этом и пошел прочь от искушения, от распахнутых дверей и хора, слившего сотни голосов воедино. Я нес тогда Клодии подарок, куклу в подвенечном уборе: взял ее из темной витрины магазина; она была в большой красивой коробке, перевязанной лентами. Кукла для Клодии. Я вспомнил, как прижимал ее к груди и, шагая прочь, слышал за спиной тяжелое дыхание органа, и глаза у меня болели от слепящего света тысячи свечей.

Я вспомнил тот день и как я тогда боялся даже взглянуть на алтарь, услышать звуки Pange Lingua[2]. И снова подумал о брате. Вдруг я увидел гроб, он плыл по проходу, следом шли скорбящие. Теперь я ничего не боялся, но хотел, чтобы мне стало страшно, чтобы что-то случилось… я медленно пробирался вперед вдоль темных каменных стен. Было сыро и холодно, хотя на улице стояла жара. И опять вспомнил про куклу. Где она сейчас? Клодия годами с ней играла. Я вдруг понял, что судорожно шарю в воздухе руками в поисках этой куклы и не могу, не могу ее найти, как в кошмарном сне, когда двери не открываются, не задвигается ящик комода, а ты снова и снова бессмысленно бьешься головой о стену и не можешь понять, почему ничего не получается, почему шаль, наброшенная на спинку стула, рождает в тебе смертельный ужас.

Я очнулся. Длинная очередь прихожан выстроилась в исповедальню. Вот из кабинки вышла женщина. Мужчина, первый в очереди, отчего-то замешкался. Я заметил его краем глаза, даже сейчас глаза вампира не подвели меня. Обратившись к нему лицом, чтобы получше рассмотреть, встретился с его пристальным взглядом и поспешно повернулся спиной. Я услышал, как закрылась за ним дверь исповедальни, прошел вперед по проходу, устало опустился на пустую скамью и едва удержался, чтобы по старой привычке не преклонить колени. Меня, как простого смертного, терзали сомнения. Я закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Просто смотри и слушай, повторял я себе. Полумрак собора полнился звуками: шепот

молящихся, тихий стук четок, вздохи женщины, преклонившей колени перед распятием. Запах крыс поднимался из-под деревянных скамеек. Одна шуршала где-то подле резного деревянного алтаря, у статуи Девы Марии. На алтаре золотом блестели подсвечники; стебель хризантемы сломался под тяжестью огромного цветка, капли воды сияли на белых, спутанных лепестках. Горький запах хризантем плыл над алтарем, над статуями Мадонны, Христа и святых. Я смотрел на статуи и не мог отвести глаз: эти безжизненные лица, слепые взгляды, пустые руки, неподвижные складки одежды… Вдруг меня свела страшная судорога, я качнулся вперед, схватился за спинку скамейки, чтобы не упасть.

«Это же кладбище, – подумал я, – мертвые гипсовые фигуры, полые каменные ангелы». – Я поднял голову, и там, над алтарем, передо мной возникло видение, необычайно ясное и живое. Я увидел себя: вот я поднимаюсь по ступеням алтаря, открываю дароносицу, мои руки, руки чудовища, берут ковчежец со Святыми Дарами и бросают белые облатки на ковер; я попираю их ногами, топчу, и Тело Христово превращается в прах. Я встал, но видение не исчезло, и я уже знал, в чем его смысл.

В этом храме не было Бога, только статуи, эти каменные истуканы; сверхъестественные же силы воплощались только во мне. Я здесь один, высшее, бессмертное существо, и спокойно стою под этой крышей. Одиночество, граничащее с безумием. Собор рассыпался на глазах, как карточный домик, статуи святых качались и падали. Крысы жадно грызли Тело Христово, бегали по скамьям. Огромная крыса с чудовищным хвостом вцепилась в полусгнивший парчовый покров алтаря, подсвечники падали на осклизлые камни пола. Я стоял и смотрел. Невредимый. Бессмертный. Я коснулся гипсовой руки Девы Марии, и она рассыпалась в пыль у меня в ладони.

Я стоял посреди руин города, посреди огромной пустыни, даже река застыла, и вмерзли в лед обломки кораблей… И увидел: прямо ко мне между этих развалин медленно движется похоронная процессия; страшные, бледные мужчины и женщины, их черные одежды развеваются, глаза горят адским пламенем. Впереди на катафалке катился гроб. По мраморным глыбам разрушенного собора сновали крысы. Процессия приближалась, и я узнал Клодию; ее глаза смотрели из-под густой черной вуали, рука, затянутая в перчатку, сжимала

молитвенник в черном переплете, другую руку она опустила на гроб. Я заглянул в гроб и похолодел: под стеклянной крышкой лежал скелет Лестата; сморщенная кожа вросла в кости, зияли пустые дыры глазниц, спутанные пряди светлых волос покоились на белой атласной подушке.

Процессия остановилась. Сопровождающие беззвучно расселись по пыльным скамьям. Клодия вышла вперед, повернулась к ним лицом, открыла молитвенник. Откинув вуаль, она пристально посмотрела на меня, ее палец указывал на раскрытую страницу книги.

«И ныне проклят ты от земли… – прошептала она, и эхо руин стократно усилило ее голос. – И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле… за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро»[3].

Я закричал, страшный крик поднялся из глубин моей души, словно черный клубок подкатил к горлу и сорвался с губ с сокрушительной силой; я зашатался, едва не упал. Ужасный вздох пронесся над скамейками, ропот нарастал; бледные чудовища обступили меня и теснили к гробу; чтобы устоять на ногах, мне пришлось повернуться, опереться о гроб руками и взглянуть вниз, но под стеклянной крышкой лежали не останки Лестата, а мой брат. И вдруг все стихло, словно спала пелена и чудовища растворились в ее бесшумных складках. Я остался один с братом. Он был юный, белокурый, прекрасный, близкий и теплый, совсем как живой. Его словно создали заново, с точностью до мельчайших черт; в воспоминаниях я не видел его таким. Волосы открывали высокий лоб, глаза были закрыты, словно он спал, тонкие пальцы сжимали распятие, губы были розовые, нежные, как шелк… Мне захотелось коснуться его, тронуть теплую кожу; я протянул руку… И все кончилось. Видение исчезло.

Я сидел на скамейке в соборе. Был субботний вечер. Густой запах воска стоял в неподвижном воздухе. Женщина перед распятием уже давно ушла, и темнота начала сгущаться со всех сторон. Юноша в одежде послушника длинным золотым шестом гасил свечи, одну за одной. Я не двигался. Он кинул на меня взгляд и быстро отвернулся, чтобы не тревожить человека во время молитвы. Он подошел к

следующей свече, и вдруг чья-то рука коснулась моего плеча. Два человека были от меня так близко, а я даже не услышал их шагов, не заметил их присутствия… Я отметил про себя, что это тревожный знак, что чутье изменило мне, и это опасно, но мне было уже все равно. Я поднял глаза и увидел перед собой седого священника.

«Вы хотите исповедаться? – спросил он. – Я чуть было не запер храм, но вовремя спохватился».

Он близоруко щурился за толстыми стеклами очков. Единственным источником света оставались маленькие свечи перед образами в подсвечниках из красного стекла. Они горели очень ровно, и огромные тени колонн и статуй на стенах казались неподвижными.

«Вас что-то мучает, не могу ли я помочь?» – сказал он.

«Слишком поздно, слишком поздно», – прошептал я и встал, чтобы уйти.

Он не заметил во мне ничего необыкновенного, доверчиво повернулся спиной и доброжелательно сказал:

«Да нет, еще довольно рано. Вы будете исповедоваться?»

Я смотрел на него и сдерживал улыбку. Но потом подумал: а почему бы нет? И пошел вслед за ним в исповедальню, хотя понимал, что ничего не получится, что это безумие. Но все равно опустился на колени, положил руки на скамейку. Он зашел за перегородку, открыл окошко, я увидел в темноте его туманный силуэт. Я молча глядел на него, потом осенил себя крестным знамением и сказал:

«Я прошу благословения, отец мой, но я грешил так долго и так много, что не знаю, как положить этому конец, как признаться перед Богом в своих преступлениях».

«Сын мой, – прошептал он в ответ. – Бог бесконечно милостив. Открой перед ним сердце, покайся в своих грехах».

«Отец, я совершал убийства, множество убийств. Женщина, найденная мертвой на Джексон-сквер два дня назад, тысячи других до нее – по одному и по двое за ночь в течение семидесяти лет – все они умерли от моих рук. Словно отвратительная старуха с косой, я бродил по улицам Нового Орлеана и отнимал человеческие жизни, чтобы продлить собственное существование. Я не простой человек, отец. Я бессмертен, и на мне лежит вечное проклятие, проклятие падших ангелов. Я – вампир».

Священник повернулся ко мне лицом:

«Что это, шутка? Развлечение? Ты пришел сюда, чтоб поиздеваться над стариком!»

И он захлопнул окошко.

Я быстро поднялся с колен, зашел за перегородку.

«Юноша, есть ли в тебе страх Божий? – спросил он. – Тебе известно, какое наказание ждет богохульников?» – Он взглянул на меня.

Я медленно приблизился к нему, он смотрел на меня с негодованием, но вдруг смешался и отступил назад. В соборе было пусто и темно. Ризничий уже ушел, свечи горели только вдали, перед алтарем, слабый золотистый ореол светился вокруг седой головы старика.

«Раз так, то не будет и тебе милосердия!» – сказал я, сжал его плечи, точно в тисках, и притянул к себе.

Он увидел меня вблизи и в ужасе открыл рот.

«Теперь ты понимаешь, кто я такой! Ответь, почему Бог, если он существует, позволяет мне беспрепятственно разгуливать по земле? – обратился я к нему. – И ты еще называешь меня богохульником!»

Он уронил молитвенник, царапал ногтями мои ладони, пытаясь освободиться, четки постукивали в складках его сутаны. С таким же успехом он мог бороться с одной из этих каменных статуй. Я раскрыл губы, обнажил смертоносные клыки.

«Почему он терпит мое существование?» – повторил я вопрос.

Его лицо исказилось от страха, злобы и презрения. Я был взбешен: с такой же ненавистью смотрела на меня Бабетта. Он прошипел, дрожа от смертельного ужаса:

«Пусти меня, сатана!»

Я отпустил его и злорадно смотрел, как он, спотыкаясь и путаясь в сутане, ковыляет по проходу. Я догнал его стремительно, как молния, вытянул руки, обхватил; мой черный плащ заслонил ему свет. Он отбивался, проклинал меня, молил Бога о помощи. У подножия алтаря я бросил его на пол, повернул лицом к себе, чтобы он видел меня, и вонзил зубы в его горло.

Вампир замолчал.

Юноша давно уже собирался закурить, но застыл, точно манекен, с сигаретой в одной руке и спичкой в другой. Он смотрел на

собеседника. Тот глядел в пол. Вдруг поднял голову, взял со стола коробок, зажег спичку. Молодой человек наклонился вперед, быстро затянулся и выпустил дым. Потом, не сводя глаз с вампира, откупорил бутылку и сделал большой глоток.

– Я уже не помнил Европу, – сказал вампир. – Даже переезд в Америку стерся из моей памяти. То, что я родился во Франции, было для меня всего лишь фактом из биографии. Но все же меня неудержимо тянуло туда. Я говорил и читал по-французски и в свое время с нетерпением ждал парижских газет с последними сообщениями о событиях Революции и победах Наполеона.

Помню, как я негодовал, когда он продал Луизиану, французскую колонию, Соединенным Штатам. Я давно перестал сознавать себя французом, даже не помню когда; но я страстно хотел увидеть и узнать Европу, и не только потому, что любил европейскую философию и литературу. Я всегда чувствовал себя европейцем, а не американцем и хотел вернуться к своим корням.

Я начал готовиться к предстоящему путешествию: разбирал сундуки и шкафы, выбрасывал ненужные вещи. Мне было нужно немного, большинство вещей можно было оставить дома до нашего возвращения.

Я твердо верил, что рано или поздно вернусь в Новый Орлеан; может быть, перееду в новый дом, чтобы начать новую жизнь, но вернусь, потому что не хотел прощаться с городом навсегда. Не мог и не хотел. И решил пока не думать об этом, устремился сердцем и помыслами к Европе.

Только теперь я начал понимать, что, если пожелаю, могу увидеть весь мир, потому что, как говорила Клодия, наконец обрел свободу.

Она уже все обдумала. Сначала мы поедем в Центральную Европу. Там, считала она, больше всего вампиров. Там мы найдем ответ, узнаем, как жить дальше. Но больше всего она хотела встретиться и объединиться с вампирами «своей породы». Она часто повторяла эти слова – «моей породы», и ее голос звучал как-то особенно; я не смогу этого передать. Она повторяла, и я чувствовал, что нас разделяет пропасть. В начале нашей совместной жизни я думал, что она похожа на Лестата, ведь она переняла его инстинкт убивать, хотя в остальном разделяла мои взгляды… Теперь я понимал, что в ней меньше человеческого, чем в нас обоих. Меньше, чем мы

могли представить. Она не понимала людей, их жизнь была ей чужда, неинтересна. Наверное, поэтому она держалась за меня. Я был не ее породы, но ближе меня у нее никого не было.

– Разве вы не могли, – вдруг сказал юноша, – научить ее чувствовать по-человечески? Ведь вы многому ее научили.

– Зачем? – искренне удивился вампир. – Чтобы она мучилась, как я? Согласен, я должен был поговорить с ней, должен был предотвратить смерть Лестата. Ради себя самого. Но сам ничего не понимал. Однажды сбившись с пути истинного, я уже не был уверен ни в чем.

Молодой человек кивнул.

– Извините, я не хотел вас перебить, вы собирались сказать что-то важное…

– Ничего особенно важного. Я только хотел сказать, что думал о будущем путешествии и почти забыл про смерть Лестата. Меня, как и Клодию, вдохновляла возможность встречи с другими вампирами. Я хотел снова обрести Бога. Не подумайте, я ни одной секунды не отрицал его существования. Просто потерял его. Бродил, как потерянный, со своим бессмертием, по этому миру смертных.

Но наши приключения в Новом Орлеане еще не закончились. Все началось с музыканта, друга Лестата. Он приходил к нам в тот вечер, когда я был в соборе, никого не застал и вернулся на следующий день. Слуги уже разошлись, и мне самому пришлось отворять дверь.

Я был потрясен. Он страшно похудел, на бледном лице лихорадочно блестели влажные глаза. Он не скрывал отчаяния. Я сказал, что Лестат уехал из города. Он сперва отказался поверить, а потом начал говорить, что Лестат не мог уехать просто так, что должен был оставить записку или что-нибудь еще. Потом он повернулся и пошел по Рю-Рояль, разговаривая с самим собой и ничего вокруг не замечая. Я догнал его около фонарного столба.

«Подождите, он оставил для вас кое-что», – обратился я к юноше, нащупывая бумажник.

Я не знал, сколько у меня с собой денег, но решил отдать ему все, думал, что это его хоть немного успокоит. Я вытащил банкноты – несколько сотен долларов – и вложил их ему в руку, такую худую, что сквозь бледную кожу просвечивали голубые прожилки сосудов. Он очень оживился, но скоро я понял, что дело не в деньгах.

«Значит, он вспомнил обо мне! – воскликнул он, сжимая деньги, словно драгоценную реликвию. – Наверняка он говорил вам еще что-нибудь про меня!»

Огромные глаза умоляюще смотрели на меня. Я ответил не сразу, потому что вдруг увидел две ранки у него на шее, две маленькие пунктирные царапинки – справа, повыше грязного воротничка. Он стоял, сжимая деньги в трясущейся руке и не обращая внимания на вечернюю уличную толчею, на людей вокруг нас.

«Спрячьте деньги, – прошептал я. – Он просил передать, чтобы вы не бросали музыку».

Он явно ждал чего-то еще.

«Да? И это – все?» – спросил он.

Я не знал, что еще сказать. Был готов придумать что угодно, лишь бы он успокоился и больше не приходил к нам. Мне больно было говорить о Лестате, слова замирали на губах. И я не мог понять, откуда взялись эти ранки. В конце концов я понес полную чушь: Лестат просил передать ему привет и наилучшие пожелания, он уехал на пароходе в Сент-Луис, потому что скоро будет война и он должен спешно закончить какие-то дела, но обещал вернуться… Музыкант с жадностью ловил каждое слово. Он весь дрожал, пот выступал у него на лбу, он не хотел меня отпускать. Наконец он прикусил губу и сказал:

«Но почему он уехал?»

Все мои старания были напрасны.

«Что случилось? – спросил я напрямик. – Что вам нужно от него? Не сомневаюсь, он хотел бы, чтобы я…»

«Он был моим другом!» – перебил он меня. Его голос дрожал от обиды.

«Вы нездоровы, – сказал я. – У вас что-то вот здесь… – я указал на ранки, внимательно следя за каждым его движением, – на горле». Он даже не понял, о чем я говорю, нащупал пораненное место и потер его ладонью.

«Не знаю. Должно быть, москиты. Их полно кругом. – Он отвернулся и добавил: – Больше он ничего не говорил?»

Я долго стоял и смотрел ему вслед. Толпа расступалась перед тощей, нелепой, черной фигурой. Дома я рассказал Клодии о странных ранках на шее музыканта.

Это была наша последняя ночь в Новом Орлеане. Завтра, ближе к полуночи, мы поднимемся на борт корабля; на рассвете следующего дня он отплывет в Европу. Мы решили вместе погулять по городу. Она шла рядом со мной, тихая и нежная; теперь ее глаза всегда были печальны, словно пролитые слезы оставили в них свой след.

«Откуда же эти ранки? – спросила она. – Лестат пил его кровь во сне или с его согласия? Я просто теряюсь в догадках…»

«Наверное, одно из двух».

Я сам ничего не мог понять.

Я вспомнил, как Лестат сказал Клодии, что нашел человека, который будет лучшим вампиром. Неужели он говорил всерьез?

«Теперь это уже не важно, Луи», – напомнила она. Нам предстояло проститься с городом. Мы свернули с Рю-Рояль, пошли прочь от толпы. Город обнимал меня, я внимал ему всей душой и не хотел верить, что это наша последняя ночь.

Старый французский город давным-давно сгорел, на его месте выросли особняки в испанском стиле – они сохранились и по сей день. Мы медленно шли по узким улочкам, где не разъехаться двум экипажам; за побеленными оградами и парадными воротами угадывались райские сады, роскошные, как наш собственный; казалось, их полумрак полон прекрасных тайн и обещаний; высокие банановые пальмы качались над галереями, садовые дорожки терялись в зарослях папоротника и цветов. Наверху, на балконе, смутно вырисовывались фигуры людей, теплый речной ветер заглушал их голоса и шелест веера в руках женщины… Стены домов заросли глицинией и страстоцветом, мы касались их плечами, останавливались, чтобы сорвать особенно прекрасную розу или ветку жимолости. В высоких окнах отблеск свечей метался по лепнине потолка или радужно сияли хрустальные светильники; вот стройная женщина в вечернем туалете облокотилась на перильца балкона; драгоценные камни сверкали у нее на шее, терпкий запах ее духов смешивался с благоуханием ночи.

У нас были любимые улицы, сады, уголки, но нас неудержимо потянуло на окраину старого города, туда, где начинались бескрайние болота. Мимо нас по Байю-роад проезжали экипаж за экипажем – семьи плантаторов спешили в оперу или в театр.

Огни города остались позади, запах садов утонул в густых испарениях болот. Вид высоких, раскачивающихся деревьев, обросших мхом, навеял воспоминания об ужасной кончине Лестата. Меня мутило. Когда-то так же ясно я представлял себе разлагающееся в гробу тело брата. Вот и теперь я видел перед собой труп Лестата, завернутый в простыню, в зловонной жиже меж корней дубов и кипарисов, уже обглоданный червями и болотными тварями. Хотя – кто знает? – может, они инстинктивно чувствовали, что высохшие останки скрывают в себе смертоносный яд, и не прикоснулись к ним.

Мы повернули и быстро пошли назад, в самое сердце старого города.

Клодия нежно пожала мою руку – она хотела успокоить меня. Она прижимала к груди огромный букет цветов, которые собрала в городе, вдыхала его запах. Вдруг она прошептала так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы разобрать слова:

«Луи, ты все еще терзаешь себя, а ведь тебе известно лучшее лекарство. Пусть разум… пусть разум подчинится плоти. – Клодия выпустила мою ладонь, шагнула в сторону и на прощание шепнула еще раз: – Забудь Лестата. Пусть разум подчинится плоти…»

Мне вспомнились строчки из книги стихов, которую я держал в руках, когда она впервые произнесла эти слова:

Рот красен, желто-золотой
Ужасный взор горит:
Пугает кожа белизной,
То Жизнь по Смерти, дух ночной,
Что сердце леденит[4].

Она улыбнулась из-за угла, и через мгновение ее желтое платье растворилось в темноте. Моя подруга, моя вечная подруга.

Я свернул на Рю-Дюмейн и медленно побрел мимо темных окон. Свет фонаря за моей спиной слабел, я уходил от него все дальше и дальше, и тени кружевных чугунных решеток на мостовой расплывались, тускнели и наконец слились с темнотой. Подошел к особняку мадам Ле Клэр и прислушался. Наверху слабо взвизгивали скрипки, звенел смех. Я отошел в тень дома напротив, остановился и

долго смотрел, как прогуливаются по освещенным комнатам поздние гости: мужчина с бокалом золотистого вина переходил от окна к окну, придерживая темные шторы и обращая взор к луне.

Прямо передо мной, в кирпичной стене, была распахнута дверь, и в дальнем конце двора горел свет. Я беззвучно пересек узкую улочку и почувствовал тяжелый запах кухни. Чуть помедлив, я зашел внутрь. Кто-то быстро промелькнул по двору, стукнула задняя дверь. Я огляделся и заметил женскую фигуру возле кухонной плиты. Это была высокая худая негритянка с тонким, выразительным лицом. Ее кожа блестела, как полированный черный мрамор. Она помешивала варево в большой кастрюле. Я уловил сладкий запах специй, свежего майорана и лаврового листа; но вдруг тошнотворной волной накатил смрад мясной похлебки, кровь и плоть разлагались и булькали, над кастрюлей поднимался удушливый пар. Я подошел поближе. Девушка отложила длинную железную ложку, выпрямилась, уперлась руками в великолепные, точеные бедра, белый фартук подчеркивал тонкую, изящную талию. Кипящая жижа плескалась через край, и брызги шипели на раскаленных углях. Я вдохнул соблазнительный душный запах девушки, заглушающий даже странную смесь ароматов готовящейся пищи. Теперь я стоял совсем близко, прислонившись спиной к стене дома, увитой диким виноградом. Наверху скрипки заиграли вальс и пол заскрипел – начались танцы. Девушка подошла к двери и, грациозно изогнув длинную шею, всмотрелась в темноту двора.

«Месье! – Она заметила меня и вышла в круг света, падавшего из окна верхнего этажа. Я разглядел большую округлую грудь, тонкие шелковистые руки и холодную красоту лица. – Вы пришли на вечеринку, месье? Тогда вам надо пройти наверх…»

«Нет, моя прелесть, я пришел не на вечеринку. – Я выступил из тени. – Я пришел за тобой».

– На следующий вечер, когда я проснулся, все уже было готово к отъезду: наши вещи и ящик с гробом отправлены на пароход, слуги распущены по домам, мебель накрыта белыми чехлами. Билеты, банковские чеки и документы лежали в плоском черном бумажнике.

«Значит, мы и вправду уезжаем», – подумал я.

Я предпочел бы сегодня не убивать, но это было невозможно – нам предстояло путешествие, и я постарался насытиться, правда небрежно и наспех. Так же поступила и Клодия. Скоро нам нужно было выходить. Я сидел дома один и ждал ее. Почему-то она задерживалась, и я, по обыкновению, волновался. Боялся за нее, хотя не раз убеждался в том, что она может околдовать кого угодно. Часто, оказываясь слишком далеко от дома, она упрашивала прохожих помочь ей. Те с радостью соглашались и приносили ее прямо к нашему порогу, передавали в руки отца, и я щедро благодарил их за возвращение блудной дочери.

Наконец я услышал быстрые шаги. Она бежала, и я подумал, что она перепутала время и решила, что опаздывает. Я посмотрел на часы: в запасе целый час. Но, взглянув на нее, я понял: что-то не так.

«Луи, двери!» – выдохнула она с порога, прижимая руку к тяжело вздымающейся груди, и пробежала мимо меня по коридору. Я последовал за ней, запер двери на галерею, повинуясь ее отчаянным жестам.

«Что случилось? – спрашивал я. – Что с тобой?»

Но она захлопнула распахнутые окна, закрыла дверь на узенький балкончик, подняла колпак светильника и быстро задула огонь. Теперь только уличные фонари слабо освещали комнату. Она отдышалась, держась за сердце, потом взяла меня за руку и потянула к окну.

«Он шел за мной, – прошептала она. – Я слышала его шаги всю дорогу до дома, но сперва ничего не поняла. – Она перевела дыхание. Яркая вспышка в окне напротив осветила ее смертельно бледное лицо. – Луи, это тот музыкант!»

«Ну и что? – ответил я. – Должно быть, он встречал тебя раньше с Лестатом».

«Луи, он стоит там, внизу. Посмотри в окно. Попробуй разглядеть его».

Она была потрясена, даже напугана. Я ступил на балкон, не отпуская ее ладони. Она спряталась за штору, крепко сжимая мою руку. Она тоже боялась за меня. До полуночи оставалось не более часа, и Рю-Рояль опустела: магазины закрылись, экипажи возле театра только что разъехались. Где-то справа хлопнула дверь, и какая-то парочка быстро зашагала к перекрестку. Лицо женщины скрывала большая белая шляпа. Их шаги замерли вдали, и снова все стихло. Я

никого не видел и не чувствовал ничьего присутствия. Клодия тяжело дышала за моей спиной. Вдруг поблизости что-то шевельнулось. Я вздрогнул, но тут же догадался, что это птицы на подоконнике внизу. Клодия тоже вздрогнула и подобралась поближе ко мне.

«Там никого нет…» – начал было я шепотом, но вдруг осекся.

Я увидел музыканта! Он стоял у входа в мебельный магазин так тихо и неподвижно, что я едва не проглядел его. Должно быть, этого он и хотел. Он повернул в мою сторону лицо, блеснувшее в темноте, точно вспышка белого света. Тревога и растерянность бесследно исчезли с окаменевших черт, на бледной коже чернели огромные глаза. Он смотрел на меня. Сомнений не оставалось: он стал вампиром.

«Я вижу его», – прошептал я, едва шевеля губами. Клодия прижалась ко мне, ее рука дрожала в моей ладони, сердце бешено колотилось.

Она тоже увидела его и задохнулась. Я смотрел вниз, он не двигался, но вдруг кровь застыла у меня в жилах. Я услышал шаги, скрипнули ворота; они приближались, эти размеренные, громкие, гулкие, знакомые шаги на лестнице… Клодия зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Вампир внизу не двинулся с места. И я узнал эти шаги. Они принадлежали Лестату. Он добрался до входной двери, дернул за ручку, но она не поддавалась; он тряс ее, бился в дверь, будто хотел сорвать ее с петель. Клодия забилась в угол, согнулась, словно от колик, ее безумный взгляд метался между мной и вампиром за окном. Грохот за дверью нарастал, и я услышал голос.

«Луи! – кричал Лестат. – Луи!»

Он ревел, как раненый зверь. И вдруг окно гостиной разлетелось на осколки, звякнула задвижка. Я торопливо схватил лампу со стола, ломая спички, зажег огонь.

«Закрой окно и отойди подальше! – крикнул я Клодии, и она подчинилась, выведенная из оцепенения четкими словами приказа. – Зажги остальные лампы. Скорей».

Она вскрикнула, чиркая спичкой: Лестат был уже в холле.

Спустя мгновение он предстал перед нами. У меня перехватило дыхание, и я невольно отступил назад. Да, это был Лестат собственной персоной, целый и невредимый. Наклонив вперед голову, выпучив глаза, он покачивался, как пьяный, упираясь в косяк, чтобы не упасть.

Его кожа была словно клубок шрамов после страшных ожогов; мутные глаза налились кровью.

«Не подходи… ради всего святого, – прошептал я. – Я брошу лампу, и ты сгоришь заживо».

И тут же услышал царапающий звук: сообщник Лестата карабкался по стене. Его пальцы обхватили прутья балконной решетки. Он всем телом навалился на балконную дверь, стекло разбилось, Клодия пронзительно закричала.

Невозможно описать, что было дальше. Помню, что запустил лампой в Лестата, она разбилась у его ног, и пламя охватило ковер. В руках у меня оказался факел – длинный кусок покрывала, которое я стянул с дивана и поджег. Я боролся с Лестатом, отбивался руками и ногами. Клодия отчаянно кричала. Разбилась еще одна лампа, и пламя побежало по шторам. На Лестате задымилась одежда, пропитавшаяся керосином, он яростно хлопал себя по спине и бокам, неловко пытался затушить пламя. Он еще не оправился после смерти, ему трудно было сохранять равновесие, но, когда его стальные объятия сомкнулись вокруг меня, мне пришлось укусить его за пальцы, чтобы освободиться. На улице поднялся шум, раздались крики. Загудел колокол, возвещая о пожаре. Комната походила на преисподнюю. В яркой вспышке света я увидел Клодию, она дралась с музыкантом. Тот никак не мог поймать ее, он еще не успел войти в силу, а она вертелась, как птичка, и выскальзывала из его неуклюжих рук. Мы с Лестатом катались по полу в клубах пламени, удушливый жар обжигал мне лицо. Клодия вдруг собралась с духом, отбросила страх, схватила кочергу и ударила его; она била куда попало, он ослабил хватку, и я, наконец, с трудом вырвался из его рук. Она била его, била и рычала, как бешеный зверь. Его лицо исказилось от боли, он прижимал к себе перебитую руку. Его сообщник лежал на ковре с проломленным черепом.

Плохо помню, что случилось потом. Кажется, я выхватил кочергу из рук Клодии и ударил его в висок. Но его ничто не могло остановить. Одежда на мне и на Клодии уже начала дымиться, я подхватил ее на руки и бросился вниз по лестнице, собственным телом гася огонь на ее платье. Я снял плащ и сбил с него пламя. Навстречу нам бежали люди, огромная толпа уже заполонила двор, кто-то забрался на крышу кирпичной кухни. Я нес Клодию на руках, проталкивался плечами

через невообразимую толчею, не отвечая на вопросы и крепко прижимая ее к себе. Наконец мы вырвались из толпы, она судорожно всхлипывала у меня над ухом, и я побежал. Я бежал как слепой, не разбирая дороги, свернул в первый узенький проулок; бежал и бежал, пока все не стихло, остались только мои шаги и ее дыхание. Я остановился. Мы снова были одни – мужчина и ребенок, обожженные и израненные. Мы молча и жадно вдыхали тихий ночной воздух.

Часть II

Всю ночь я простоял на палубе французского корабля «Марианна» и всматривался в лица пассажиров, которые поднимались по трапу. На набережной толпился народ, в каютах допоздна шумели вечеринки, палубы ходили ходуном. Но к рассвету все стало стихать, экипажи разъехались от причала. На борт поднялись последние пассажиры. Но Лестат и его сообщник, если они выжили в огне (а я в этом не сомневался), не добрались до судна. Наш багаж уже давно был на корабле, и все, что могло навести их на след, наверняка сгорело. Но все же я смотрел на трап, и Клодия, надежно запертая в каюте, не отрывалась от иллюминатора. Однако Лестат так и не появился.

Мы отплыли, как я и надеялся, еще до рассвета. Провожающие махали вслед с зеленого склона над набережной. Корабль вздрогнул, плавно отчалил и величественно заскользил по волнам Миссисипи.

Огни Нового Орлеана удалялись, тускнели, и скоро позади осталось только бледное свечение на фоне мерцающих облаков. Я устал от воспоминаний, но все же стоял и смотрел на огни, пока они не скрылись за горизонтом, потому что знал, что, может быть, никогда уже сюда не вернусь. Было почти утро, когда мимо проплывал пирс усадьбы Френьеров и Пон-дю-Лак, и я уже мог различить зеленую стену тополей и кипарисов, вырастающую из темноты вдоль берега. Далее оставаться на палубе становилось опасно.

Я повернул ключ в замке каюты и почувствовал страшное опустошение. Ни разу за долгие годы жизни в нашей веселой семейке мне не было так безысходно страшно, и этому страху не было конца. Я забывался только на считаные минуты, когда разум и тело уже не могли выносить жуткого напряжения и слабость пересиливала страх; но легче не становилось. Лестат был сейчас за много миль от нас, но его воскресение пробудило во мне прежний тайный ужас. Клодия сказала:

«Мы в безопасности, Луи, все хорошо».

И я в ответ шепнул: «Да».

Но видел перед собой Лестата, эти выпученные глаза, это покрытое рубцами тело. Как смог он вернуться, как ему удалось

победить смерть? Разве можно воскреснуть из этих ссохшихся останков? Каков бы ни был ответ, что он означал не только для него, но и для Клодии, и для меня? Мы были в безопасности от него, но были ли мы в безопасности от самих себя?

На корабле стали происходить непонятные вещи. Люди удивлялись: живых крыс не было, только их трупы, высушенные и невесомые, будто пролежавшие уже несколько дней. И началась странная лихорадка. Человек чувствовал боль и слабость в горле, непонятные пятнышки появлялись то тут, то там, а иногда пятен не было вообще, просто открывались старые раны и начинали болеть. Человек засыпал и не просыпался. Пока мы пересекали Атлантику, несколько трупов похоронили в море. Я избегал общества, якобы опасаясь лихорадки; не хотелось сидеть в курительной комнате, слушать истории из жизни и досужие человеческие разговоры. «Ел» я тоже в одиночестве. Клодия, наоборот, любила ранними вечерами смотреть, как люди прогуливаются по палубе, а потом тихо говорила мне: «Думаю, вон та будет следующей жертвой…»

Я откладывал книгу и смотрел в иллюминатор, море нежно укачивало меня, звезды сияли так ярко и так близко, как никогда не бывает на земле; они как будто касались волн. Я сидел в темной каюте один, и мне казалось, что небо опускается, чтобы соединиться с водой, что небеса и земля вот-вот сойдутся воедино, закроется страшная пропасть, и откроется великая тайна, и хаос сменится гармонией. Но кто же явит миру это откровение? Бог? Или сатана? Я вдруг подумал, какой покой обрету, когда узнаю дьявола, увижу его лицо; пусть это будет страшная встреча, но я наконец узнаю, что всецело принадлежу ему, кончится мучительное неведение, и я перешагну грань, которая навсегда отделила меня от человеческого естества.

Мне казалось, что корабль движется навстречу этой тайне. Нас обнимал бескрайний простор, и не было ему конца, и сердце замирало от красоты и величия мира. И вдруг я понял, что «обрести покой» – это совсем не то; наоборот, это ужасно. Разве можно найти покой в вечном проклятии? И что такое мои мучения по сравнению с адским неугасимым пламенем? Тихое колыхание волн под вечными звездами и сами звезды – что общего у них с дьяволом? И образы, памятные с детства, всегда неподвижные в безумном водовороте смертной жизни:

ангел смотрит в лицо Господа, и строгий Лик Божий – вот где вечный покой, – и мирная гладь морская – только прикосновение к нему.

Но даже в эти мгновения, когда корабль спал и спал весь мир, небеса и преисподняя казались мне только выдумкой, плодом человеческого воображения. Узнать, существуют ли они на самом деле, поверить все равно во что – в рай или ад, – только это, наверное, могло успокоить меня.

Клодия, как и Лестат, всегда любила, чтоб было светло. Она проснулась и зажгла все лампы. У одной пассажирки она позаимствовала прелестную колоду карт в стиле Марии-Антуанетты: на ярко-малиновом фоне рубашек расцветали золотые лилии. Она раскладывала пасьянс и все время спрашивала меня про Лестата, как он мог выжить, и я поневоле стал отвечать. Она уже оправилась от потрясения. Если и помнила, как кричала в огне, то сейчас не хотела думать об этом; а слезы, которые она проливала у меня на руках, казалось, совсем стерлись из ее памяти. Она стала прежней – решительной, хладнокровной. И спокойной. Ничего не боялась и ни о чем не жалела.

«Надо было сжечь его, – сказала она. – Мы, как дураки, поверили, что он умер».

«Но как он сумел выжить? – спросил я. – Ты же видела эти останки».

Я действительно ничего не понимал и с радостью бы забыл все это, но ничего не получалось. Клодия размышляла вслух:

«Предположим, он перестал бороться, но был еще жив; заключенный в беспомощный труп, но в полном сознании…»

«В полном сознании!» – прошептал я.

«Представь, он оказался в болоте и услышал, что мы уезжаем, и нашел в себе силы двигаться. Темнота вокруг кишела живыми существами. Однажды я видела, как он поймал в саду маленькую ящерицу, оторвал ей голову и смотрел, как она умирает. Воля к жизни в нем безгранична. Его руки всегда цепко хватали все, что движется».

«Воля к жизни? – сказал я. – Думаю, дело не в этом…»

«Он напился крови, набрался сил, дополз до дороги и нашел еще кого-то. Быть может, припав к земле, он подстерег проезжающий экипаж, а может, полз, собирая кровь повсюду, где только можно, пока не добрался до лачуги иммигрантов или до какой-нибудь усадьбы.

Представляю себе, как он выглядел! – Она прищурилась и посмотрела на лампу под потолком. Голос ее был приглушен и ничего не выражал. – Что он сделал потом? Мне это совершенно ясно. До рассвета он бы не успел вернуться в Новый Орлеан и, скорее всего, пошел на кладбище в Олд-Байю. Благотворительная больница каждый день доставляет туда гробы. Я прямо вижу, как он раскапывает свежую могилу, вываливает в грязь труп из гроба и прячется в нем. До следующей ночи его никто не потревожит. Да… так оно и было, я уверена».

Я долго думал и согласился, что, наверное, она права. Клодия выложила на стол еще одну карту, посмотрела на круглое лицо седовласого короля и задумчиво добавила:

«На его месте я поступила бы именно так. Почему ты так смотришь?» – Она собрала карты; маленькие пальцы старались аккуратно сложить колоду; потом она перетасовала их.

«Ты уверена, что, если бы мы сожгли его, он бы умер?»

«Конечно, уверена: если нечему воскресать, то ничего и не воскреснет. К чему ты клонишь?» – Она сдала карты себе и мне на небольшом дубовом столике, но я к ним не притронулся.

«Не знаю… – прошептал я. – Наверное, не было никакой воли к жизни… В этом нет нужды».

Клодия спокойно смотрела на меня, и я не мог догадаться, о чем она думает, поняла ли она, о чем я говорю.

«Наверное, он просто не мог умереть… А что, если он и мы… и правда бессмертны?»

Она смотрела на меня и молчала.

«Сознание в этом ужасном теле… – Я отвел глаза. – Если так, то почему бы сознанию не присутствовать в чем угодно: в огне, солнечном свете… Какая разница?»

«Луи, ты просто боишься, – мягко сказал Клодия, – и не хочешь побороть страх. Ты не понимаешь: страх опасен. Мы узнаем ответ. Мы найдем тех, кто владеет этими знаниями издревле, с тех пор как вампиры появились на земле. Это наше право, право первородства, а Лестат лишил нас его и поэтому заслужил смерть».

«Но он не умер…» – сказал я.

«Он мертв, – ответила она. – Никто не мог выйти из этого дома, кругом были люди, так что он погиб, как и этот припадочный эстет, его

друг. Сознание… Разве это важно?»

Она собрала карты и отложила их, жестом попросила меня подать со столика возле койки ее книги. С ними она не расставалась. Это были разные сведения о вампирах, она штудировала их, как учебники. Там не было ни английских романов ужасов, ни рассказов Эдгара По, никакой фантастики, только сухие отчеты о появлении вампиров в Восточной Европе. Она молилась на свои книги, как на Библию; вычитала, что в этих странах останки вампиров сжигали, но сперва отрубали голову и втыкали в сердце кол. Она читала их и перечитывала; пока мы пересекали Атлантику, она выучила почти наизусть записки путешественников, ученых и миссионеров. И составила план нашего путешествия по суше, без бумаги и карандаша – все держала в голове. Мы не будем заезжать в блистательные европейские страны, мы сойдем на побережье Черного моря, в Варне, углубимся в Карпаты и там, среди глухих деревушек, начнем свои поиски.

Не о том мечтал я. Мне хотелось повидать другой мир, обрести другие знания, и Клодия пока не могла меня понять. Я так давно хотел увидеть Европу, ее древние страны, великие города; но Клодия настояла на своем. Корабль прошел Гибралтарский пролив, и мы уже плыли по Средиземному морю.

Я ждал встречи с его голубыми волнами, но это было ночное море, и я напрасно мучился, пытаясь вспомнить, каким оно было в годы моего детства. Средиземное море стало для меня черным навсегда. В короткие холодные предрассветные часы, когда даже Клодия засыпала, утомленная чтением и голодом, потому что из осторожности мы почти всегда голодали, я опускал к самой воде фонарь, но ничего не мог разглядеть, кроме черных волн, и только отраженный луч глядел на меня из глубин немигающим глазом, как будто хотел сказать: «Луи, лишь черная тьма – твой удел. Это не твое море. Прекрасные сказания человечества, их вечные ценности – это все не для тебя».

И с тоской я думал о встрече с вампирами Старого Света, с такой горечью, что воздух, казалось, терял свою свежесть. Какую тайну, какую истину могут нам открыть эти ночные чудовища? Зачем нам эти страшные знания, зачем вообще их искать? О чем может поведать один проклятый другому?

Я так и не сошел на берег в Пирее, но в мыслях бродил по Акрополю, глядел на луну над развалинами Парфенона, измеряя собственное ничтожество величием его колонн; гулял по улицам, которыми ходили греки, погибшие при Марафоне, слушал шелест древних олив. То были памятники бессмертным, а не живым мертвецам. Эти тайны выдержали проверку временем, и я только начинал постигать их. Но я все равно возвращался к цели наших поисков, снова и снова спрашивал себя, стоит ли нам открыто задавать вопросы, ведь это огромный риск: ответ может быть непредсказуем, страшен, трагичен. Мне ли этого не знать? Я присутствовал при смерти собственного тела, видел, как все человеческое во мне увядает и умирает, чтобы снова связать меня неразрывной цепью с миром, в котором я – изгнанник, мертвый призрак с живым сердцем.

Я вспомнил зимнюю ночь в Новом Орлеане, когда бродил по кладбищу Сент-Луи и вдруг увидел сестру. Она состарилась, сгорбилась; она несла букет белых роз, бережно завернутый в пергамент, и, склонив седую голову, медленно брела сквозь зловещую тьму к могиле своего брата Луи. Рядом лежал и наш младший брат. Она шла проведать того Луи, который сгорел в Пон-дю-Лак и оставил огромное наследство своему неизвестному крестнику и тезке. Она принесла брату Луи белые розы, словно я умер только вчера и не прошло полвека, словно ее, как и меня, все еще мучили воспоминания. Глубокая печаль заострила черты ее прекрасного лица, согнула ее хрупкие плечи. И я ничего не мог сделать. Не мог коснуться ее серебристых волос, прошептать, как люблю ее. Я не хотел, чтобы ее горе сменилось смертельным ужасом. И оставил ее наедине с печалью, оставил навсегда.

Я слишком много и долго мечтал, но я был узником этого корабля и этого тела, которое зависит от каждого восхода солнца, как никакое другое. Мое сердце стремилось в горы Восточной Европы в надежде найти ответы на вопросы: почему Бог допускает такие страдания? Почему Бог позволил им начаться и как можно положить им конец? Пока я не узнаю ответы, у меня не хватит мужества покончить с этим. И наконец Средиземное море сменилось Черным.

Вампир вздохнул. Юноша сидел, подперев щеку ладонью, его глаза покраснели от усталости, но он ждал продолжения.

– Вы думаете, я с вами играю? – спросил Луи, на мгновение нахмурив брови.

– Нет, – поспешно ответил юноша. – И я не буду ничего спрашивать. Вы сами расскажете, когда захотите.

Вдруг из глубины дома донесся приглушенный шум – это был старый дом в викторианском стиле, – кто-то тяжело ступал по дряхлым половицам. Впервые посторонний звук вмешался в разговор, юноша посмотрел на дверь, удивленно огляделся, словно только что вспомнил, где находится. Вампир не шевельнулся. Он смотрел в пустоту; в мыслях он был далеко отсюда.

– Та деревня… я уже не помню, как она называлась. Она находилась в нескольких милях от побережья, мы добрались туда в экипаже. Что это был за экипаж! Клодия постаралась на славу. Этого и следовало ожидать, но меня такие вещи всегда заставали врасплох. В Варне я заметил, что она опять переменилась. Это была моя дочь, но в равной мере и дочь Лестата. Она переняла мое отношение к деньгам, а у Лестата научилась тратить их направо и налево. Она наняла самый роскошный черный дилижанс, который отыскался в Варне; на его кожаных сиденьях можно было разместить целый отряд путешественников, не говоря уже о мужчине, ребенке и резном дубовом ящике. Сзади были прикреплены два сундука с самой лучшей одеждой, какую только можно было достать в местных магазинах. Огромные колеса на мягких рессорах с пугающей легкостью и быстротой катили весь этот груз по извилистым горным дорогам. Это было волнующее переживание. Наши лошади неслись по незнакомой, странной стране, и мерно покачивался дилижанс.

Нас окружала пустынная местность, мрачная, как любой сельский ландшафт. Неясные очертания замков и развалин рождали во мне незнакомую тревогу, да и местное население не внушало доверия. В маленьких деревушках нам негде было укрыться от их глаз; и мы понимали, что это очень опасно.

В Новом Орлеане не было нужды скрывать следы убийств: наши жертвы терялись в гибельном море чумы, лихорадки и преступности. Но сейчас нам приходилось покрывать большие расстояния, чтобы оставаться незамеченными. Здешний простой люд, которому оживленные улицы Нового Орлеана, наверное, показались бы сущим адом, свято верил, что мертвые ходят по земле и пьют кровь живых.

Они знали наши имена: вампир, дьявол. Мы были в курсе всех местных слухов и не хотели сами их порождать.

Мы переезжали из селения в селение, поспешно, всегда без попутчиков, стараясь не привлекать внимания людей. На постоялых дворах я сидел у камина, Клодия у меня на руках притворялась спящей. Я прислушивался к разговорам местных крестьян и приезжих: вдруг кто-то заговорит по-немецки или по-французски и речь зайдет про вампиров; но мне удавалось услышать только неясные слухи или старые легенды – и ничего определенного.

И наконец мы добрались до той деревни, до поворотной точки нашего путешествия. Свежий воздух, ночная прохлада – все это стерлось из моей памяти. Даже сейчас я вспоминаю те места с невольным содроганием.

Предыдущую ночь мы провели на уединенной ферме и ничего не успели узнать. Но эта деревня сразу нас насторожила. Мы приехали не слишком поздно, но на улице не было ни души. Все ставни были захлопнуты, мертвый фонарь качался на ветру у входа на постоялый двор. Неубранный мусор на крыльце, сухие цветы в витрине запертого магазина, пустой бочонок перекатывался по темному двору гостиницы – казалось, здесь свирепствует чума.

Я помог Клодии выйти из экипажа и вдруг заметил под дверью гостиницы тусклую полоску света.

«Скорее набрось капюшон, – прошептала Клодия. – Сюда идут». Кто-то внутри отодвигал щеколду.

Вначале я увидел только свет и очертания женской фигуры в дверном проеме; потом женщина шагнула вперед, и фонарь нашего экипажа осветил ее лицо.

«Нам нужна комната на ночь, – сказал я по-немецки. – И стойло для лошадей. Они выбились из сил».

«Ночь – неподходящее время для путешествий, – сказала она странным, безжизненным голосом. – Особенно с ребенком».

За ее спиной я разглядел комнату: там, у огня, тихо переговаривались люди. В основном крестьяне; только один мужчина был одет примерно как я: сшитый на заказ костюм, плащ; но его одежда помялась и запылилась. Огонь очага освещал его рыжие волосы. Это был иностранец, как и мы, и только он один не встретил нас настороженным взглядом. Его голова покачивалась, как у пьяного.

«Моя дочь устала, – сказал я женщине. – Нам негде больше остановиться…» – И вдруг услышал тихий шепот Клодии: «Луи, посмотри… там, над дверью… чеснок и распятие!»

Такого я никогда не видел: маленькая бронзовая фигура Христа на деревянном кресте, свежие и высохшие гирлянды чеснока обвивали распятие. Женщина проследила за моим взглядом, потом пристально посмотрела на меня. Я увидел, как она измучена: темные волосы не прибраны, глаза покраснели, дрожащая рука теребит платок на груди. Я шагнул на порог, она, помедлив, распахнула дверь; я прошел мимо нее, она что-то прошептала, и я догадался, что это молитва, хотя не понимал славянских слов.

В маленькой, тускло освещенной комнате были люди, много людей, мужчины и женщины; они сидели на скамьях вдоль грубых дощатых стен и даже на полу. Казалось, здесь собралась вся деревня. Младенец спал на руках у матери, другой ребенок, постарше, устроился на ступеньках лестницы, подложив под голову руки. И всюду чеснок: на гвоздях и крючках по стенам, в горшках, мисках и кувшинах, на столах. Только очаг освещал комнату, изменчивые тени ложились на мрачные лица. Люди молча смотрели на нас.

Никто не двинулся, не предложил нам сесть. Наконец хозяйка сказала по-немецки, что я могу отвести лошадей в стойло. Она долго смотрела на меня красными, безумными глазами; потом ее лицо смягчилось. Она сказала, что посветит мне с порога фонарем, только надо оставить ребенка здесь и поторопиться.

Но меня встревожил странный запах; я различил его сквозь чад очага и винный дух. Это был запах смерти. Рука Клодии дрогнула у меня на груди, маленький палец указал на дверь возле лестницы. Запах доносился оттуда.

Я отвел лошадей. Женщина принесла мне стакан вина и миску с супом. Я присел, Клодия устроилась у меня на коленях. Она отвернулась от огня и не сводила глаз с таинственной двери. Все по-прежнему смотрели на нас. Все, кроме иностранца. Я рассмотрел его получше. С первого взгляда он показался мне гораздо старше. Но я ошибся: он был просто очень измучен. Худое приятное лицо, светлая веснушчатая кожа. Почти мальчик. Большие голубые глаза смотрели на огонь, брови и ресницы золотились от света, взгляд был открытый и

детский. Но что-то мучило его, не давало покоя. И он был сильно пьян. Вдруг он повернулся ко мне лицом, и я увидел, что он плачет.

«Вы говорите по-английски?» – прозвучал в тишине его голос.

«Да», – ответил я.

Он победным взглядом обвел каменные лица.

«Вы говорите по-английски! – воскликнул он, его губы скривились в горькой усмешке. Он поднял глаза к потолку, потом снова повернулся ко мне: – Бегите из этой страны! Запрягайте коней, загоните их насмерть, только бегите отсюда!»

Его плечи болезненно затряслись, он прижал ладонь ко рту. Хозяйка холодно сказала по-немецки:

«Вы сможете уехать завтра утром».

Она стояла у стены, сложив руки на грязном фартуке.

«Что случилось?» – спросил я у нее шепотом.

Потом посмотрел на молодого человека, но он ответил мне стеклянным взглядом. Все молчали. В камине тяжело ухнуло полено.

«Расскажите мне, что случилось», – попросил я англичанина.

Он поднялся. На минуту мне показалось, что он упадет, но он только качнулся, оперся о край стола и наклонился ко мне. Его черный пиджак и манжеты сорочки были забрызганы вином.

«Вы хотите это увидеть?» – Он прерывисто вздохнул, заглянул мне в глаза.

«Оставьте ребенка здесь!» – повелительно сказала женщина.

«Она спит», – ответил я, поднялся и последовал за молодым человеком к той двери, что у лестницы.

Люди поспешно отодвинулись от двери, и мы вошли в маленький зальчик.

Единственная свеча горела на буфете, и первым делом я заметил ряд искусно расписанных тарелок на буфетной полке. Маленькое окно было занавешено, на стене тускло отсвечивала картина: Дева Мария с младенцем Иисусом. Посреди комнаты стоял большой дубовый стол. На нем лежала молодая женщина со сложенными на груди белыми руками. Рыжеватые волосы разметались вокруг шеи и по плечам. Прелестное лицо уже застыло маской смерти. Свисающие с запястья янтарные четки чуть поблескивали на фоне темного шерстяного платья. Рядом лежали красная фетровая шляпа с широкими мягкими полями и вуалью и пара черных перчаток. Вещи будто ждали, что

хозяйка вот-вот проснется. Англичанин подошел поближе, аккуратно поправил шляпу, достал из кармана большой платок и уткнулся в него лицом. Он едва сдерживал рыдания.

«Знаете, что они хотят с ней сделать? – прошептал он, взглянув на меня. – Как вы думаете?»

Хозяйка подошла, тронула его за руку, но он грубо оттолкнул ее.

«Не знаете? – прокричал он свирепо. – Варвары!»

«Прекратите!» – глухо проговорила женщина.

Он сжал зубы и тряхнул головой. Волосы упали ему на глаза.

«Не подходите к ней, – сказал он хозяйке по-немецки, – и ко мне тоже».

В соседней комнате шептались. Англичанин еще раз взглянул на мертвую, его глаза наполнились слезами.

«Такая невинная, – нежно прошептал он и, вдруг задохнувшись, потряс кулаком в потолок: – Будь ты проклят… Бог! Я ненавижу тебя!»

«Господи», – выдохнула женщина и быстро перекрестилась.

«Посмотрите», – сказал молодой человек и расстегнул кружевной воротничок платья, бережно, словно не мог и не хотел прикасаться к мертвому телу.

Да, это были они. Сколько раз я их видел… Там, на горле, на пожелтевшей коже, темнели две маленькие отчетливые ранки. Англичанин покачнулся, закрыл лицо руками.

«Мне кажется, я схожу с ума!» – произнес он.

«Идемте отсюда». – Хозяйка вцепилась в молодого человека, щеки ее вспыхнули.

«Оставьте его, – остановил я ее. – Я позабочусь о нем».

«Если так будет продолжаться, я выброшу вас отсюда, прямо сейчас». – Губы женщины дрожали, она сама держалась из последних сил. Потом повернулась, закуталась в платок и бесшумно вышла из комнаты. Люди в дверях расступились и пропустили ее.

Англичанин плакал.

Я знал, что должен остаться с ним, но не только затем, чтобы выведать что-нибудь у него; мое сердце тяжело билось от волнения: невыносимо было видеть, как он страдает. Безжалостная судьба столкнула нас в ту ночь.

«Я побуду с вами», – предложил я и принес два стула. Англичанин сел и уставился на свечу.

Я закрыл дверь, и стены отступили в темноту; огонь свечи озарял его склоненную голову. Облокотившись на буфет, он вытер глаза носовым платком, достал из кармана оплетенную бутылку и предложил мне. Я отказался.

«Расскажите мне, что случилось».

Он кивнул.

«Надеюсь, вы добавите хоть немного здравого смысла этим людям. Вы ведь француз?»

«Да», – подтвердил я.

Он горячо сжал мою руку. Он был так пьян, что не почувствовал ее холода. Сказал, что его зовут Морган, что я нужен ему сейчас как никто и никогда. Я держал его руку, она дрожала, как в лихорадке, и я… Не знаю почему, но я открыл ему свое имя, которое почти никому не доверял. Но он словно не слышал меня, смотрел на мертвую женщину, его губы сложились в слабое подобие улыбки, глаза наполнились слезами. Эти слезы растрогали бы даже камень.

«Это я ее погубил! Я привез ее сюда».

Он удивленно поднял брови.

«Нет, – поспешно возразил я. – Вы не виноваты. Скажите, кто это сделал?»

Он замешкался, будто сбившись с мысли.

«Я никогда не выезжал из Англии. Понимаете, я художник… Господи, разве это важно… Мои картины, альбом… Я так любил свою работу! – Его голос сорвался, он обвел глазами комнату; долго, молча смотрел на умершую, потом нежно прошептал: – Эмили!»

И на мгновение передо мной открылись сокровенные глубины его сердца.

Постепенно события стали проясняться. Морган и Эмили только что поженились и отправились в свадебное путешествие. Они поездили по Германии, потом добрались сюда на попутных дилижансах. Морган искал места для этюдов; кто-то сказал ему, что возле этой глухой деревеньки сохранился старинный монастырь. Но молодые так и не успели его увидеть. Трагедия подстерегла их раньше.

Оказалось, что дилижансы в эту сторону не идут, и Морган нанял крестьянина с телегой. На кладбище при въезде в деревню толпился народ. Едва увидев это, крестьянин остановил повозку и отказался ехать дальше.

«Сперва я решил, что там похороны, – рассказывал Морган. – Люди в парадной одежде, с цветами – это, признаюсь, заинтриговало меня. Так захотелось разглядеть происходящее поближе! Мы отпустили парня, сгрузили на землю багаж. Деревня была в двух шагах от нас. На самом деле, конечно, затея была в большей степени моя, нежели Эмили, но она всегда во всем меня поддерживала. Я оставил ее сидеть на чемоданах, а сам взобрался на холм. Вы не видели по дороге кладбище? Наверняка видели. Слава богу, что вы доехали целыми и невредимыми. Хотя лучше бы вы скакали мимо, не останавливаясь, – не важно, что кони устали…»

Он опять замолчал.

«Так в чем же была опасность?» – мягко, но настойчиво спросил я.

«А… опасность. Варвары!» – прошептал Морган, оглядываясь на дверь. Он еще раз глотнул из бутылки.

«Так вот, не было никаких похорон. Я сам это видел, – продолжал он. – Люди не стали даже разговаривать со мной – вы же знаете, какие они, – но никто не возражал против моего присутствия. Я все вам расскажу, только вы мне, конечно, не поверите. Но вы должны, должны мне верить, иначе я сойду с ума».

«Я верю вам, продолжайте», – сказал я.

«Я сразу заметил, что на кладбище много свежих могил. На одних стояли новенькие деревянные кресты, на других просто могильные холмики, осыпанные свежими цветами. У крестьян тоже были цветы, будто они пришли возложить их на могилы. Но никто не двигался. Все взгляды были устремлены на двух мужчин, которые держали под уздцы белого коня. О, что это было за животное! Конь бил копытом, перебирал ногами, бросался из стороны в сторону, словно ни минуты не желал стоять на месте. Великолепный породистый жеребец, белый как снег. И вдруг – не знаю, как и почему это произошло, никто не произнес ни слова – один мужчина, должно быть самый главный, со всей силы ударил коня черенком лопаты, и тот, не разбирая дороги, понесся на холм. Я был уверен, что вижу этого красавца в последний раз. Но я ошибся. Жеребец замедлил бег, развернулся и мимо старых могил спустился вниз к свежим. Люди молча следили за ним. Конь рысью проскакал по насыпанным холмикам, сминая цветы, но никто

даже не двинулся, чтобы взять его под уздцы. Наконец животное остановилось прямо на одной могиле».

Морган вытер глаза, но слез уже не было. Казалось, он, как и я, зачарован рассказом.

«Вот что случилось дальше, – продолжал англичанин. – Конь стоял и не двигался. Вдруг из толпы донесся крик. Нет, даже не крик, а общий стон. Потом снова все стихло. Мужчина, который был за главного, пробился вперед и прокричал что-то другим. Но тут одна из женщин вскрикнула и бросилась на могилу прямо под копыта лошади. Я подошел поближе и прочитал на надгробии имя. Это была молодая девушка, она умерла полгода назад: дата смерти была начертана там же. Тем временем несколько мужчин пытались поднять и оттащить несчастную женщину. Она упала на колени в грязь и обхватила камень, будто собиралась вырвать его из земли. Я уже хотел было уйти, но не смог. Должен был понять, что происходит. Эмили ничего не грозило: никто даже внимания на нас не обратил. Женщину наконец подняли с земли, мужчины лопатами начали раскапывать могилу. Скоро один из них оказался на дне, и в нависшей тишине слышались только звуки вонзающегося в грунт железа и отбрасываемой земли. Не могу описать, что это было. Солнце в зените, на небе ни облачка, все стоят, держатся за руки, даже та бедная женщина…»

Его взгляд упал на Эмили, он запнулся. Я ждал. Он снова приложился к бутылке, и я почувствовал запах виски. Слава богу, подумал я, у него еще есть чем залить горе.

«С таким же успехом могла быть и полночь, – произнес он очень тихо, глядя на меня. – Такое было впечатление. А потом… этот мужчина внутри могилы ударил лопатой по крышке гроба! Наверх полетели обломки досок – он бросал их направо и налево. И вдруг он страшно закричал! Люди бросились к могиле и тут же с воплями отшатнулись. Некоторые пытались протиснуться сквозь толпу и убежать, а обезумевшая женщина упала на колени и билась в руках мужчин. Я должен был подойти и посмотреть, вряд ли что-нибудь могло удержать меня тогда. Я наклонился над могилой… Никогда я такого не видел, и не приведи Господь увидеть еще раз. А теперь вы мне просто обязаны поверить! Крестьянин стоял в могиле посреди обломков, а перед ним в гробу лежала мертвая девушка. Я вам говорю… я вам говорю, она была свежая, розовая. – Его голос

надломился, глаза расширились, скрюченные пальцы хватали воздух, умоляя меня поверить его словам. – Совсем как живая! Она шесть месяцев пролежала в земле. Ее саван был откинут, руки покоились на груди. Она как будто спала».

Морган тяжело вздохнул, оперся локтями на колени и обхватил руками голову. Он сидел и смотрел в пустоту.

«Клянусь вам, это правда, – сказал он наконец. – Тот мужчина, что стоял в могиле, поднял ее руку, и она подалась так же легко, как и моя сейчас! Он рассмотрел ногти девушки и что-то прокричал; безумная женщина пинала мужчин, державших ее, и земля из-под их ног падала прямо на лицо и волосы мертвой. О, если б вы видели, как прелестно было лицо и что они сделали потом!»

«Так что же они сделали?» – спросил я, хотя уже знал ответ.

«Говорю вам… Невозможно поверить, пока не увидишь своими глазами. – Он наклонился ко мне, поднял брови, будто доверяя страшный секрет. – Но мы многого в мире не знаем».

«Вы правы», – ответил я.

«Так вот, они достали кол, деревянный, тот мужчина внизу взял молоток и приставил острие к сердцу девушки. Я не поверил своим глазам! Одним страшным ударом он вогнал кол в лежащее тело. Я будто окаменел, не мог сдвинуться с места. И этот зверь потянулся за лопатой, размахнулся и ударил острием по горлу покойницы. Голова отлетела примерно вот так».

Морган закрыл глаза, дернулся и уронил голову набок.

Я смотрел на него, но видел только женщину в могиле, ее отрубленную голову. Тошнотворный комок подкатил к горлу, я не мог вздохнуть, меня выворачивало наизнанку. И вдруг моего запястья коснулись губы Клодии. Она внимательно смотрела на Моргана и, по-видимому, вошла сюда уже давно.

Он медленно поднял на меня безумные глаза.

«То же самое они хотят сделать и с НЕЙ, – сказал он. – С Эмили! Ну да я не позволю им это. – Он непреклонно мотнул головой. – Не позволю, и вы, Луи, должны мне помочь».

Губы англичанина дрожали, лицо скривилось от отчаяния, и я почувствовал невольное отвращение.

«Луи, в наших жилах течет одна кровь. Я имею в виду… мы же цивилизованные люди, а не эти дикари!»

«Постарайтесь успокоиться, Морган, – сказал я и протянул к нему руку. – Я хочу, чтобы вы мне рассказали, что же случилось после с вами и Эмили…»

Морган пытался достать бутылку, я помог ему вытащить ее из кармана и открыл пробку.

«Вы настоящий друг, Луи, – благодарно кивнул Морган. – Я поскорее увел Эмили оттуда. Они собирались сжечь труп прямо на кладбище. Она не должна была это видеть… – Он схватился за голову. – Мы не могли найти экипаж, чтобы уехать: никто не хотел везти нас в такую даль. До ближайшего спокойного места два дня пути».

«Но как же местные жители все это объясняют?» – настаивал я, потому что видел: молодой человек долго не продержится.

«Вампиры! – воскликнул Морган и расплескал виски. – Вампиры, Луи, можете ли вы в это поверить?! – Он указал бутылкой на дверь. – Нашествие вампиров! Они все говорили шепотом, будто сам дьявол подслушивал за дверью: Господь смилостивился, и мы ее остановили! Та несчастная девушка с кладбища; оказывается, это она каждую ночь выбиралась из могилы и охотилась за ними! – Он снова присосался к бутылке и простонал: – О боже…»

Я смотрел, как он пьет, и терпеливо ждал.

«А Эмили… – продолжал Морган, – ей все это казалось чарующим, как огонь в очаге, как славный ужин или стакан хорошего вина. Она не видела мертвой девушки, не видела, что с ней сделали. – В его голосе звучало отчаяние. – Как я хотел выбраться отсюда! Я предлагал им деньги, говорил, раз все кончилось, можно нас увезти и подзаработать».

«Но ничего не кончилось…» – прошептал я.

Его грубы дрогнули, слезы навернулись на глаза.

«Как это случилось?» – задал я вопрос.

«Не знаю», – выдохнул Морган, покачал головой и прижался лбом к бутылке, словно искал прохлады.

«Вампир пробрался на постоялый двор?»

«Мне сказали, что она сама вышла к нему. – Слезы текли по его щекам. – Все было заперто! За дверями и окнами все время следили, но наутро поднялся крик: Эмили ушла. Окно было распахнуто. Я выбежал, даже толком не одевшись, и нашел ее на улице, позади

дома… Эмили лежала под персиковыми деревьями, у нее в руках была пустая чашка. Они сказали, что вампир выманил ее, она хотела дать ему попить…»

Бутылка выскользнула из его рук. Он ссутулился, зажал уши ладонями, уронил голову на грудь.

Я сидел, смотрел на него и не знал, что сказать.

Он тихо плакал, говорил, что эти люди хотят осквернить его жену, они считают, что она тоже стала вампиром…

«Нет, – сказал я ему, – это не так». Но он уже не слушал меня. Чуть не падая, он подался вперед, потянулся к свече и, потеряв равновесие, толкнул ее так, что горячий воск затушил то немногое, что осталось от фитиля. Мы оказались в темноте, и он безвольно уронил голову на руки.

Теперь казалось, что весь свет в комнате собрался в глазах Клодии. Я сидел в некоторой растерянности, надеясь, что Морган не проснется, но, когда тишина стала затягиваться, вошла хозяйка. Ее свеча осветила пьяного спящего англичанина.

«Теперь выйдите, – сказала она мне. Вокруг нее толпились темные фигуры, женские и мужские; старая деревянная гостиница наполнилась шарканьем шагов. – Ступайте к огню».

«Что вы собираетесь делать? – Я поднял Клодию и прижал к себе. – Я хочу знать, что вы решили предпринять!»

«Идите к огню», – приказала женщина.

«Остановитесь, не делайте этого», – сказал я.

Глаза хозяйки сузились, она процедила сквозь зубы:

«Выйдите отсюда!»

«Морган», – позвал я англичанина, но он не услышал меня.

«Оставьте его», – с яростью сказала женщина.

«Но это же глупо! Разве вы не понимаете – эта женщина уже умерла!» – взывал я к ней.

«Луи, – прошептала Клодия неслышно для остальных, обняв меня за шею, – оставь этих людей».

Крестьяне входили в комнату, устремив на нас мрачные взоры, и становились вокруг стола.

«Но откуда они? – прошептал я. – Вы же обыскали кладбище! Если это вампиры, то где они прячутся от вас? Эта женщина уже не причинит вам вреда. Лучше уж устройте охоту на вампиров».

«Днем, – мрачно кивнула хозяйка. – Мы их поймаем днем».

«Где? Там, на кладбище? Будете разрывать могилы?»

Она мотнула головой.

«Развалины, – ответила женщина. – Мы ошиблись: они прятались там всегда, еще во времена моего деда. И сейчас ОНИ там. Если придется, мы разберем это место камень за камнем. Но сейчас… уходите из комнаты. Мы вышвырнем вас вон, прямо в темноту! – Она вытащила из-под фартука зажатый в кулаке кол и подняла его в мерцающем пламени свечи. – Слышите меня, уходите!» – повторила она. За ее спиной, молча сверкая глазами, сгрудились мужчины.

«Да… – ответил я. – Прочь отсюда. Так будет лучше».

Я прошел мимо, чуть не отбросив ее в сторону. Остальные отступили назад. Я взялся за щеколду и одним быстрым движением отодвинул ее.

«Нет! – закричала женщина на своем гортанном немецком. Она с ужасом смотрела на щеколду. – Вы не понимаете, что делаете!»

«Где эти развалины? – холодно спросил я. – Надо ехать налево или направо?»

«Нет, нет!» – Она отчаянно мотала головой.

Я открыл дверь, мне в лицо ударил холодный воздух. Одна из женщин около стены что-то зло и отрывисто сказала. Всхлипнул во сне ребенок.

«Я ухожу. Мне нужно только одно. Скажите мне, где эти развалины, чтобы мы держались от них подальше. Ну, говорите».

«Вы не знаете, что делаете», – бормотала она.

Я взял хозяйку за запястье и медленно потянул за собой. Доски пола заскрипели, она упиралась. Мужчины подвинулись было ближе, но, когда женщина ступила на порог в темноту, остановились. Она вскинула голову, и волосы упали на ее дикие, расширенные глаза, свирепо глядевшие на мою руку.

«Говорите же», – сказал я.

Она смотрела уже не на меня, а на Клодию. Клодия повернулась к ней, и отблески огня освещали лицо девочки. Я знал, что женщина не видит сейчас ни пухлых щечек, ни детских губ, а только глаза, полные темной дьявольской мудрости. Хозяйка нервно покусывала губы.

«К северу или к югу?»

«К северу…» – прошептала она.

«Направо или налево?»

«Налево».

«Как далеко отсюда?»

Ее рука отчаянно вырывалась.

«Три мили», – выдохнула женщина.

Я отпустил ее. Женщина отшатнулась к двери, глядя на меня со страхом и непониманием. Я уже повернулся, чтобы идти, но вдруг она окликнула меня. Я обернулся. Она сорвала распятие с притолоки над своей головой и протянула мне. Из темного кошмара моей памяти выплыли Бабетта, ее слова: «Изыди, сатана!», ее ненависть. Но на лице женщины было написано только отчаяние.

«Во имя Господа, возьмите! – сказала она. – И поезжайте быстрее».

Двери захлопнулись, мы с Клодией остались одни в кромешной темноте.

– Несколько минут – и мрак ночи сомкнулся над слабыми фонарями нашей кареты, будто бы никогда и не существовала эта деревня. Экипаж кренился на поворотах, скрипя рессорами, тусклая луна на мгновение освещала бледные контуры за соснами. Я все время думал о Моргане, слышал его голос. И с ужасом ждал встречи с существом, убившим Эмили, с чудовищем, с одним из НАС. Клодия же пребывала в неистовом возбуждении. Если бы она умела править лошадьми, то наверняка взяла бы поводья в свои руки. Она все время просила меня гнать быстрей, ее задевали низкие ветви, хлестали по лицу, но рука на моем поясе была тверда как сталь.

Помню, дорога резко свернула, звякнули фонари, и Клодия прокричала сквозь ветер:

«Смотри, Луи, это здесь!»

Я резко натянул поводья, Клодия упала на колени, привалилась ко мне. Карета остановилась, слегка покачиваясь, как корабль в море.

Луна выплыла из-за облака и осветила высоко над нами тусклые очертания башни, в длинном узком окне просвечивало мутное небо. Экипаж уже замер на рессорах, а я еще сидел, вцепившись в сиденье, и пытался унять головокружение. Тихо заржала лошадь, и наступила тишина.

«Идем, Луи», – сказала Клодия.

Я прошептал что-то, наверное, слова отказа. С ужасной отчетливостью я чувствовал присутствие Моргана, слышал его тихий, бесстрастный голос. Но никого не было вокруг нас. Только шум ветра и мягкий шелест листьев.

«Как ты думаешь, ОН знает, что мы здесь?» – спросил я и не узнал сквозь ветер свой голос. Я сидел в этом тесном пространстве и не видел выхода, а густой лес вокруг казался ненастоящим. Наверное, я вздрогнул – Клодия очень нежно коснулась моей руки. Стройные сосны возвышались за ее спиной, шум листьев все нарастал, будто гигантский рот с силой выдувал воздух.

«Они закопают ее прямо на перекрестке? Что они с ней сделают? С англичанкой!» – прошептал я.

«О Луи, – сказала Клодия. – Если б я была такая большая, как ты, и если б у тебя было мое сердце!»

Она наклонила ко мне голову, будто хотела укусить, я отпрянул было назад, но почувствовал лишь осторожное прикосновение ее губ, нежно вобравших мое дыхание. Я ласково обнял Клодию.

«Я поведу тебя, – сказала она. – Возьми меня на руки и помоги спуститься. Назад нам дороги нет». Казалось, прошла вечность. Ее губы касались моего лица. И вдруг она отодвинулась, унося теплоту своего маленького тела, на мгновение сжала мою руку и грациозно и легко, словно паря в воздухе, спрыгнула вниз. Она стояла на дороге в дрожащем снопе фонаря и смотрела на меня.

«Спускайся, Луи», – позвала она и отступила в темноту. Я быстро снял с крючка фонарь и через секунду уже стоял рядом с ней в высокой траве.

«Разве ты не чувствуешь? – прошептал я. – Опасность… Она разлита в воздухе».

Неуловимая улыбка мелькнула на губах Клодии. Она повернулась к склону холма, луч фонаря высветил дорогу наверх, проходившую между деревьями. Маленькой белой рукой она накинула капюшон и двинулась вперед.

«Подожди…»

«Страх твой – враг твой», – ответила Клодия и не остановилась.

Она шла вперед твердым шагом, груды камней сменили высокую траву, лес сгущался, огромные ветви зловеще шумели высоко над

головой. Луна зашла, башня скрылась в темноте за высокими кронами деревьев, слабый ветер уже не доносил запах лошадей.

«Будь настороже», – шепнула Клодия, неумолимо продвигаясь вперед. Только на секунду она остановилась: дикий виноград обвивал камни и сплетался над головой, и с первого взгляда казалось, что это беседка. Но руины были древние: чума, пожар или набеги чужеземцев опустошили некогда этот город. Остался только монастырь.

Из темноты донесся звук – но не ветер и не шум листьев. Клодия насторожилась, замедлила шаг, потом махнула рукой в сторону. Я посмотрел туда. Горный ручей медленно спускался по склону, петлял между камней и обрывался отвесным, бурлящим водопадом; брызги воды сияли в лунном свете. На фоне водопада мелькнул силуэт Клодии: она схватилась за корень, торчащий из влажной земли, и полезла вверх по откосу, подтягиваясь на руках; ноги в маленьких ботинках нащупывали опору. Ручей был холодный; я вдохнул влажный, свежий воздух, и на мгновение мне стало легче. Я прислушался: журчала вода, листья шелестели на ветру, но больше – ни звука, ни движения. И вдруг страшная догадка поразила меня, руки похолодели: здесь было слишком тихо, безжизненно. Будто лесные звери и птицы нарочно избегали этих мест. Клодия стояла на выступе надо мной; она попыталась дотянуться до фонаря, ее накидка коснулась моего лица. Я поднял фонарь, свет озарил ее замкнутое ангельское лицо. Она протянула мне руку, чтобы помочь подняться в гору. Мы двинулись дальше, вверх по течению ручья.

«Ты чувствуешь? – прошептал я. – Здесь слишком спокойно».

Но рука Клодии легла на мою, словно успокаивая. Подъем становился все круче, и в бездушной тишине я старался разглядеть каждую новую деталь, выплывавшую из темноты. Вдруг что-то шевельнулось в траве, я бросился к Клодии, рывком притянул ее к себе. Но это всего лишь ящерица скользнула по листьям длинным хвостом. Переполошенные листья улеглись, но Клодия сильнее прижалась ко мне, спряталась под мой плащ и вцепилась в полу пиджака. Так она и вела меня, окутанная моим плащом поверх своей свободной накидки.

Вскоре прохлада реки осталась позади, из-за облаков выглянула луна, и я увидел прямо над нами проход между деревьями. Клодия

схватила фонарь и закрыла его металлическую заслонку. Я дернулся, чтобы остановить ее руку, но она тихо сказала:

«Закрой глаза на минуту, потом медленно открой, и тогда ты все увидишь».

Я взял ее за плечо, зажмурился, холодея, открыл глаза и увидел вдалеке, за деревьями, длинные низкие стены монастыря и квадратную верхушку высокой массивной башни. Еще дальше, над необъятной черной долиной, виднелись шапки горных вершин.

«Идем. Только тихонько, как будто мы невесомы», – сказала Клодия и без колебаний двинулась к стене, навстречу неизвестности.

Мы быстро отыскали проход – черный, еще чернее, чем увитые виноградом стены. В ноздри ударил сырой запах камней. Я поднял голову: крыши не было, высоко в небе, в разрывах облаков, мерцали звезды. Огромная лестница зигзагами уходила вверх к узким окнам, выходящим на долину. Под первым пролетом лестницы темнел вход в остальные помещения монастыря.

Вдруг Клодия словно окаменела, даже кончики ее волос не колыхались. Она прислушивалась. Я же слышал только тихий гул ветра. Клодия медленно и осторожно двинулась вперед, носком ботинка расчищая себе дорогу на мокрой земле. В углу лежал большой плоский камень. Она стукнула по нему каблуком, тот отозвался низким, глухим звуком. Он был такой огромный, и я тут же с жуткой отчетливостью представил себе, как эти крестьяне из деревни окружают камень, поднимают его с помощью гигантского рычага. Взгляд Клодии скользнул по лестнице и остановился на полуразрушенном дверном проеме под ней. В окне наверху мелькнула луна, и вдруг Клодия молча бросилась ко мне и прошептала:

«Ты слышишь?!»

И замерла.

Ни один человек не смог бы услышать это. Звук доносился издалека, но не с той стороны, откуда долгим кружным путем приехали мы, а с вершины холма, прямо из деревни. Сперва это был всего лишь шорох, но постоянный, ритмичный, и мало-помалу стала различима тяжелая, энергичная поступь. Клодия сжала мою руку, мы бесшумно скользнули в проем под лестницей. Передо мной взметнулся подол ее платья.

Неизвестный хромал: шаги приближались, и я слышал, что одна нога ступает твердо, а вторая медленно волочится по земле. Мое сердце тяжело ухало в груди, кровь стучала в висках. Я дрожал и чувствовал, как царапает кожу жесткий край воротничка, как пуговицы цепляются за плащ.

Ветер донес слабый запах. Это был сладкий запах свежей человеческой крови, и против воли жажда охватила меня. Потом я почувствовал запах живой плоти, расслышал сухое, хриплое дыхание. Шаги приблизились к монастырским стенам, и я различил еще один звук: неровный ритм сердца, учащенный от страха пульс. Но под этим сердцем все громче и отчетливее, ровно, как мотор, билось другое, такое же сильное, как мое, и вот в зазубренном проеме, через который вошли мы, я увидел ЕГО.

Сначала появилось огромное плечо и длинная рука со скрюченными пальцами, потом – голова. Через другое плечо было перекинуто тело. Остановившись у полуразрушенного входа, он выпрямился, поправил свою ношу и вгляделся в темноту, в нашу сторону. Контуры его головы вырисовывались на фоне ночного неба; я напряг глаза, но не смог разглядеть его лица, только глаз стеклянно поблескивал в свете луны. Вот сверкнули и зашуршали пуговицы, качнулась рука, и, чуть согнув длинную ногу, он двинулся внутрь, прямо на нас.

Я прижал к себе Клодию, чтобы успеть спрятать ее за спиной и первым встретить это существо. Вдруг я с изумлением понял, что он не видит меня. Он шел с трудом, шатаясь под тяжестью тела. Луна осветила его склоненную голову, волнистую гриву черных волос, ниспадавших на согнутые плечи, и широкий темный рукав его пальто. Странное пальто: карман сильно порван, рукав лопнул по шву и на одном плече просвечивало тело. Человек, которого он нес, пошевелился и жалобно застонал. Темная фигура на миг остановилась, чтобы ударить его свободной рукой. Я шагнул навстречу.

Ни слова не слетело с моих губ, да я и не знал, что сказать. Я стоял прямо перед ним, в лунном свете. Черная кудрявая голова рывком поднялась, и я увидел его глаза.

Он посмотрел на меня, глаза его светились, сверкнули два острых собачьих клыка, глухой, сдавленный крик поднялся из самой глубины его глотки. Мне показалось, что кричу я сам. Он отбросил человека на

камни, тот снова застонал. С тем же криком вампир ринулся на меня, дыша зловонием, скрюченные пальцы вцепились в мех моего плаща. Я упал назад, ударился головой о стену, но мои руки нашли его голову и стиснули грязный спутанный клубок его волос. Мокрая сгнившая ткань пальто тут же лопнула, но рука держала меня мертвой хваткой. Я старался оттолкнуть его голову, клыки уже касались моего горла. Клодия закричала. Что-то ударило его по голове, он остановился, и снова на него обрушился удар. Вампир повернулся, чтобы ответить ей, но я со всей силы послал кулак ему в лицо, и снова Клодия бросила камень. Я навалился на него всем телом и почувствовал, как прогибается подо мной его искалеченная нога. Помню, что снова и снова бил его по голове, выдирал волосы; он царапал меня когтями, пытался добраться клыками до шеи. Мы долго катались по земле, наконец я подмял его под себя, и луна осветила монстра: огромные глаза, выпирающие из голых глазниц, два маленьких отвратительных отверстия вместо носа, разлагающаяся кожа, обтягивающая череп, противные, гнилые, толстые от грязи, слизи и крови лохмотья, висящие на скелете. Я тяжело дышал. Я понял, что боролся с бессмысленным трупом, с ожившим мертвецом. Только и всего.

Откуда-то сверху в лоб ему ударил острый камень, брызнул фонтан крови. Он еще пытался сопротивляться, но следующий камень опустился с такой силой, что было слышно, как затрещали кости. Из-под спутанных волос потекла кровь, впитываясь в траву, грудь подо мной затрепетала, руки чудовища дернулись и застыли. Я поднялся, ловя ртом воздух, сердце было готово выскочить из груди, и каждая мышца ныла после страшной схватки. На мгновение мне показалось, что башня опрокидывается. Опустившись на пол у стены, я смотрел на это существо, в ушах шумела кровь. Я не сразу понял, что Клодия стоит коленями на груди вампира и рассматривает смесь волос и костей, которая была некогда его головой. Она отбрасывала в сторону куски черепа. Так мы повстречались с европейским вампиром, представителем Старого Света. И он был мертв.

Я лежал на широкой лестнице, толстый слой земли холодил голову. И смотрел на бездыханного монстра. Клодия стояла у него в ногах, вяло опустив руки. На секунду она прикрыла глаза, опустила

веки и застыла в лунном свете, как маленькая статуя. Потом она покачнулась.

«Клодия», – окликнул я ее.

Она очнулась. Редко я видел ее такой усталой. Клодия указала на человека, лежавшего неподвижно на полу у противоположной стены башни. Он был еще жив. Я совсем забыл про беднягу: тело мое по-прежнему саднило, а сознание было затуманено зловонием окровавленного трупа. Я догадывался, какая судьба уготована человеку, но мне было уже все равно: до рассвета оставалось не более часа.

«Он шевелится», – сказала Клодия.

Я попытался встать со ступеней. Лучше бы он не шевелился, лучше бы вообще никогда не встал, подумалось мне. Клодия пошла к нему, равнодушно миновала мертвое чудовище, которое чуть не убило нас обоих. Человек лежал перед ней, раскинув в траве ноги. Я ожидал увидеть насмерть перепуганного крестьянина, какого-нибудь жалкого бродягу, которому довелось взглянуть в лицо существа, притащившего его сюда. Я подошел и не сразу понял, кто лежит передо мной. Это был Морган. Луна освещала его бледное лицо и отметины вампира на горле; мутные и бессмысленные глаза глядели в пустоту.

Я подошел поближе, его глаза расширились, он прошептал изумленно:

«Луи! – Губы не слушались его. – Луи…» – повторил Морган и улыбнулся. Он попытался встать на колени и потянулся ко мне. Бледное, искаженное лицо вытянулось, звук застрял в горле. Морган отчаянно тряс головой, его длинные, спутанные рыжие волосы упали на глаза. Я повернулся и бросился прочь.

Клодия догнала меня, схватила за руку и прошипела:

«Ты видишь, небо уже светлеет!»

Морган приподнялся на руках.

«Луи!» – звал он меня.

Казалось, он ничего не видит вокруг, узнал только одно лицо, только одно слово срывалось с его губ. Я зажал уши и попятился; он протягивал ко мне руку, по которой текла кровь, и меня сводил с ума ее запах. Клодия тоже почувствовала его, стремительно бросилась на Моргана и опрокинула его на каменный пол. Молодой человек попытался поднять голову, провел ладонью вокруг ее лица и вдруг

погладил ее золотистые локоны. Клодия вонзила зубы в его горло. Руки Моргана бессильно упали.

Она нагнала меня на границе леса.

«Иди к нему, возьми его», – сказала Клодия.

Я чувствовал запах крови на ее губах, тепло, разлившееся по щекам, горячее прикосновение ее руки и все же не двигался с места.

«Послушай, Луи, – сказала она отчаянно и сердито. – Я оставила его для тебя, но он уже умирает… Осталось мало времени».

Я схватил ее на руки и пошел вниз по длинному склону. Не нужно было прятаться и осторожничать: дверь к секретам Восточной Европы захлопнулась перед нами. В предрассветной темноте я пробирался обратно к дороге.

«Ты выслушаешь меня наконец! – кричала Клодия. – Посмотри на небо, уже светает!»

Но я не слушал ее и быстро шел вниз. Она цеплялась за мои волосы, за плащ. Она чуть не плакала. Я перешел ледяной ручей и побежал по дороге в поисках фонаря кареты.

Когда мы отыскали свой экипаж, небо было уже темно-голубое.

«Дай мне распятие, – крикнул я Клодии, щелкнув кнутом. – Есть только одно место, куда мы можем сейчас поехать».

Карета резко развернулась, Клодия опрокинулась на меня, мы поскакали к деревне. Я смотрел вокруг со странным чувством. Туман поднимался меж бурых деревьев. Воздух был прохладен и свеж, запели птицы, казалось, вот-вот взойдет солнце, но я не волновался. Я знал, что еще рано для восхода. У нас еще есть время. Мне было легко и спокойно. Тело ныло от царапин и порезов, сердце болело от голода, но голова была удивительно ясной. Наконец показались уже слишком отчетливые серые очертания постоялого двора и церковной колокольни. Звезды над нами стремительно гасли.

Через минуту я уже стучался в дверь постоялого двора. Она открылась, я надвинул поглубже капюшон и крепко прижал к себе под плащом Клодию.

«Ваша деревня избавлена от вампира, – сказал я изумленной хозяйке и отдал ей распятие. – Слава богу, он мертв. Его останки в башне. Идите и расскажите остальным».

И я прошел мимо нее в дом.

Крестьяне тут же поднялись, чтобы отправиться к монастырю, но я сказал, что безмерно устал, что должен помолиться и отдохнуть, велел им перенести мой ящик из кареты в какую-нибудь приличную комнату, где можно было бы спокойно поспать. Я предупредил, что будить меня следует, только если приедет посланник от епископа из Варны.

«Когда прибудет святой отец, сообщите ему, что вампир мертв, накормите и напоите его и попросите подождать меня».

Женщина перекрестилась.

«Понимаете, – сказал я, поднимаясь по ступеням, – я не мог открыть вам цель моей миссии, пока вампир…»

«Да, да, – поспешила ответить женщина. – Но ведь вы не священник… У вас ребенок!..»

«Нет, я всего лишь сведущий в этих делах человек, но нечестивцу со мной не справиться», – сказал я и замер: дверь в маленькую комнату под лестницей была открыта, внутри было пусто, остался лишь дубовый стол, накрытый куском белой материи.

«Ваш друг, – сказала женщина, глядя под ноги. – Он совсем сошел с ума… и убежал в ночь».

Я лишь кивнул в ответ…

Закрывая за собой дверь комнаты, я слышал крики людей: казалось, они бегут во всех направлениях, а потом тревожно ударил церковный колокол. Клодия соскользнула с моих рук, я запер замок, пока она мрачно следила за мной. Я осторожно приоткрыл ставни, и бледный луч света просочился в комнату. Она смотрела на меня. Потом подошла ко мне и протянула руку.

«Вот», – сказала Клодия.

От слабости мне казалось, что ее лицо мелькает передо мной и голубизна глаз пляшет на бледных щеках.

«Пей», – прошептала Клодия, подвинулась ближе и поднесла к моим губам теплую и нежную кисть.

«Нет, – ответил я. – Я знаю, что делать. Так бывало уже не раз».

Она плотно закрыла окно, а я опустился на колени возле маленького камина. Древняя отделка давно сгнила под лакированным слоем и легко подалась под моими пальцами. Я пробил ее кулаком, зазубренные края пролома царапали руку. Там, в темноте, я натолкнулся на что-то теплое, пульсирующее и крепко сжал пальцы. В

лицо мне дохнул сырой, холодный воздух, темнота вокруг стала сгущаться, словно ледяной мрак из черной дыры в камине заполнил комнату, и она исчезла, а я пил из нескончаемого источника теплую кровь, которая текла в мое горло, к моему бьющемуся сердцу по венам, согревая меня в холодном сумраке. Поток крови стал ослабевать, но все мое тело умоляло, чтобы он не кончался. Мое сердце тяжело билось, пытаясь заставить другое сердце биться в унисон. Я почувствовал, что поднимаюсь, плыву во мраке. Но бешеное сердцебиение стало успокаиваться, темнота рассеивалась, и в моем затуманенном сознании мелькнуло видение. Оно вздрагивало от шагов по лестнице и половицам, от стука колес и топота лошадиных копыт, оно звенело. Сквозь мерцание в деревянной рамке появилась фигура человека. Я знал его. Высокий, тонкий, с черными волнистыми волосами, зеленые глаза смотрели прямо на меня, его зубы вцепились во что-то большое и мягкое.

Это была крыса, огромная и ужасная, с разинутой пастью и кривым хвостом. Человек закричал, отбросил ее на пол и в ужасе смотрел, как кровь стекает из его открытого рта.

Ослепительный свет ударил в глаза. Я старался открыть их; свет заливал комнату. Клодия была рядом. Она перестала быть маленькой девочкой, она обнимала меня, как мать, и вела за собой. Я положил голову ей на колени, темнота укрыла нас, я прижал ее к себе. Все было кончено. Оцепенение охватило меня, и наступил паралич забвения.

– То же ждало нас в Трансильвании, и в Венгрии, и в Болгарии, и во всех этих странах, где ходят легенды о вампирах и где крестьяне верят, что живые мертвецы бродят по земле. В каждой деревне, где мы встречали вампиров, происходило одно и то же.

– Бессознательный труп? – спросил юноша.

– Всегда, – сказал вампир. – Если мы вообще находили их. Я помню только нескольких. Иногда мы следили за ними издалека. Все похожие друг на друга, с тупо покачивающимися головами, худые, изможденные, одетые в сгнившие лохмотья.

Правда, в одном селении нам попалась женщина, которая умерла совсем недавно, может, пару месяцев назад. Крестьяне часто видели ее, знали ее по имени. Впервые после той истории у нас появилась слабая надежда, но ей не суждено было сбыться. Она бросилась от нас

прочь, в лес, мы бежали за ней, пытались схватить ее за длинные черные волосы. Ее белое погребальное платье пропиталось засохшей кровью, на пальцах налипла могильная грязь, а глаза… они были пусты и бессмысленны – два больших озера, в которых отражалась луна. Никаких тайн, никакой истины – одно отчаяние.

– Но почему? Почему они были такие? – Юноша скривился от отвращения. – Почему они так отличались от вас и Клодии?

– У меня на сей счет была своя теория, у Клодии – своя. Но, честно говоря, я уже отчаялся. Я боялся, что мы убили единственного похожего на нас вампира – Лестата. И все же это казалось немыслимо: неужели он и вправду обладал мудростью чародея и колдовской силой?.. Наверное, думал я, Лестат каким-то образом сумел сохранить разум в борьбе с силами, властвовавшими над этими монстрами. Но все равно, это был только Лестат, такой, каким я его описывал, не было в нем ничего загадочного, и я прекрасно знал пределы его возможностей и его очарования. Я хотел забыть Лестата, но думал о нем постоянно, словно бессонные ночи были специально созданы для того. Иногда я так явственно чувствовал присутствие Лестата, будто он только что вышел из комнаты и звук его голоса еще не утих. Так или иначе, это нарушало мой покой: против своей воли я представлял его лицо – не то, что запомнилось в последнюю ночь при пожаре, а лицо Лестата в другие ночи и особенно в последний вечер, который он провел с нами дома, лениво перебирая пальцами клавиши спинета, склонив голову набок. Слабость, скорее умиротворяющая, нежели мучительная, охватывала меня, и я видел, к чему приводят эти мысли: я хотел, чтобы Лестат был жив! Он был единственным настоящим вампиром, которого я смог найти.

Мысли Клодии были куда более практического характера. Она вновь и вновь заставляла меня рассказывать о той ночи в новоорлеанской гостинице, когда она стала вампиром, и который раз тщательно анализировала этот случай, пытаясь найти ключ к разгадке, отчего существа, встреченные нами на деревенских кладбищах, были лишены разума и что, если бы после вливания крови Лестата она была бы похоронена в могиле, до тех пор пока сверхъестественная тяга к крови не заставила бы ее выбить каменную дверь склепа. Что собой представлял бы ее истощенный мозг? Тело могло бы спасти себя, уже после того как остатки разума покинули его, и бродить по свету,

убивая где попало, как делали эти существа. Так она объясняла поведение европейских монстров. Но что же породило их? От кого они пошли? На этот вопрос Клодия не могла дать ответ, но она надеялась раскрыть эту тайну в будущем. А я уже потерял надежду.

«Они порождают себе подобных, это очевидно, но где это началось?» – спрашивала Клодия.

Позже она задала мне новый вопрос. Почему я не могу повторить сделанное Лестатом? Разве я не способен создать другого вампира? Не знаю почему, но сперва я даже не понял ее. Не хотел понять. Наверное, потому, что для меня это был самый страшный, самый отвратительный вопрос, весь мой разум сопротивлялся ему. Понимаете, самого важного о себе я не знал. Много лет назад, когда я встретился с Бабеттой Френьер и мучился от одиночества, у меня появлялась мысль, что можно совершить это, но я похоронил ее в себе, как грязную страсть. После Бабетты я старался держаться подальше от людей и убивал только незнакомцев, так что Моргану, как и раньше Бабетте, не грозила смерть в моих роковых объятиях. Они оба причинили мне слишком много боли, но я помыслить не мог о том, чтобы убить их. Жизнь через смерть – это чудовищно.

Я ничего не ответил Клодии и отвернулся. Как бы она ни злилась, как бы ни сгорала от нетерпения, этого отчуждения она вынести не могла. Она посмотрела взглядом любящей дочери и придвинулась ближе, чтобы успокоить меня.

«Не думай об этом, Луи», – сказала она позже.

Мы устроились в маленькой уютной загородной гостинице. Я стоял у окна и смотрел на огни Вены. Я жаждал встречи с этим огромным городом, с его цивилизацией, с его размахом. Ночь была ясная, и теплый туман поднимался над Веной.

«Позволь мне успокоить твою совесть, хоть я и не знаю, что это такое», – прошептала она мне на ухо.

«Успокой же ее, Клодия, – попросил я. – Пообещай, что никогда больше не будешь заговаривать со мной о рождении новых вампиров».

«Мне надоели наши сиротские страдания, – сказала она. Мои слова и чувства раздражали Клодию. – Мне нужны конкретные ответы и знания. Скажи мне, Луи, почему ты так уверен, что, сам того не зная, не сотворил где-нибудь себе подобного?»

Пришлось снова притворяться бестолковым. Я смотрел на нее, словно не понимая значения сказанного. Хотел, чтобы она молчала и просто была рядом, чтобы мы добрались до Вены. Я откинул ее волосы со лба, коснулся длинных ресниц и посмотрел вдаль, на огни города.

«В конце концов, что нужно, чтобы создать этих бродячих чудовищ? – продолжала Клодия. – Сколько капель твоей крови должно смешаться с кровью человеческой… и какое сердце сможет выдержать первую атаку?»

Она заглядывала мне в лицо, но я не поворачивался и смотрел в окно.

«Эта бледная Эмили, жалкий англичанин… – сказала Клодия, не обращая внимания на гримасу боли на моем лице. – Их сердца были никуда не годны, страх смерти убил этих людей в той же мере, что и потеря крови. Их убила сама мысль о смерти. Но те, которые выжили? Ты уверен, что не породил клан монстров, которые безотчетно и тщетно пытаются пойти по твоим стопам? Сколько времени отпущено этим неприкаянным, которых ты оставил после себя, – день здесь, неделя там, пока солнце не спалит их дотла или какой-нибудь человек не убьет их, сопротивляясь».

«Прекрати, – взмолился я. – Если б ты знала, как ясно я это вижу. Но такого не может быть! Лестат высосал всю мою кровь и, смешав со своей, вернул обратно. Вот как он это сделал!»

Клодия разглядывала свои руки. Не уверен, но мне показалось, что она вздохнула. Потом подняла глаза, и ее взгляд встретился с моим. Она улыбнулась.

«Не пугайся моих фантазий, – мягко сказала она. – В конце концов, последнее слово всегда за тобой. Разве не так?»

«Не понимаю», – сказал я.

Она холодно усмехнулась и отвернулась.

«Можешь себе представить, – шепнула она так тихо, что я едва расслышал, – шабаш детей-вампиров. Вот все, на что я способна…»

«Клодия», – прошептал я.

«Успокойся, – сказала она резко, но так же тихо. – Я имею в виду: как бы я ни ненавидела Лестата…» – Она запнулась.

«Ну… – прошептал я, – продолжай же…»

«Как бы я ни ненавидела его, с Лестатом мы трое были… совершенны». – Клодия взглянула на меня из-под дрожащих ресниц, словно смущаясь своего повышенного тона.

«Нет, только ты была совершенной… – сказал я ей. – Потому что с самого начала нас было двое рядом с тобой».

Кажется, она улыбнулась. Она склонила голову, ее глаза двигались под ресницами. Потом сказала:

«Вы двое рядом со мной, ты и это так ясно видишь?»

Я ничего не ответил, но одна давно минувшая ночь действительно стояла у меня перед глазами. Той ночью Клодия была в отчаянии, она убежала от Лестата. Он заставлял ее убить женщину, от которой она испуганно отшатнулась на улице. Я не сомневался, что она напомнила девочке мать. Клодия убежала и спряталась; позже я нашел ее в шкафу, она зарылась в груду пиджаков и плащей и крепко обнимала свою куклу. Я отнес ее в кроватку, присел рядом и пел ей песни, а она смотрела на меня, прижимая к себе куклу, словно подсознательно стараясь успокоить боль, неведомую ей самой.

Можете себе представить эту семейную идиллию: полумрак, папочка-вампир поет колыбельную дочке-вампиру. Только у куклы было человеческое лицо.

«Нам надо выбираться отсюда! – вдруг воскликнула Клодия, будто только сейчас ей открылась эта непреложная истина. – Прочь от дорог, оставшихся позади, и от того, что я вижу в твоих глазах, потому что я поспешила высказать то, чего сама еще не понимаю».

«Прости меня», – сказал я так нежно, как только мог, и медленно вернулся в настоящее; прочь от той комнаты из прошлого, от детской кроватки и испуганного нечеловеческого ребенка, от своего голоса. А Лестат, где он теперь? Спичка, что чиркнула за стеной, тень, ожившая на границе света и тьмы…

«Нет, это ты прости меня, – говорила Клодия в номере этой маленькой гостиницы неподалеку от первой столицы Западной Европы. – Мы оба простим друг друга, но его не будем прощать; видишь, что творится с нами без него».

«Просто мы устали, вот и кажется, что все плохо», – сказал я Клодии и самому себе, потому что больше в этом мире не к кому обратиться.

«О да, – сказала она. – И с этим пора покончить. Я поняла, мы с самого начала все делали неправильно. Мы не останемся в Вене. Нам нужен наш народ, наш язык. Мы поедем в Париж».

Часть III

Париж!

Мне вдруг стало радостно и легко. Это было давно забытое предчувствие счастья, и я с изумлением понял, что еще могу радоваться жизни.

Не знаю, сумеете ли вы понять меня. Трудно найти слова, чтобы передать это. Сто лет назад Париж значил для меня совсем не то, что значит сегодня. Но даже сейчас, вспоминая о нем, я переживаю нечто вроде счастья, хотя теперь-то я твердо знаю, что счастье – это не для меня. Я не заслуживаю его, да и не стремлюсь к нему.

Но все равно всякий раз при слове «Париж» сердце мое переполняет радость.

Смертная красота часто причиняет мне боль, и недолговечное великолепие пробуждает во мне неутолимую жажду, вроде той безысходной тоски, которая преследовала меня, когда мы плыли по Средиземному морю. Но Париж… Париж открыл мне свое сердце, и я забыл обо всем. Забыл, что я навеки проклят, что я не человек, а зверь в человеческой одежде и шкуре. Париж захватил меня целиком, исцелил мою боль; о таком я не мог даже мечтать.

Ведь Париж – праматерь Нового Орлеана, он пробудил его к жизни, подарил первых поселенцев. Он стал для Нового Орлеана недостижимым идеалом. Лихорадочная красота и оживленность Нового Орлеана всегда были слишком хрупкими; дикая природа окружала его со всех сторон, и ее первобытная сила подтачивала утонченную и экзотическую жизнь города. Ни одного бревна, ни одного камня нельзя было уберечь от враждебности разрушительной силы, обступившей город вечным кольцом и всегда готовой поглотить его. Ураганы, наводнения, лихорадка, чума… Влажный климат Луизианы неутомимо трудился над каждым зданием, будь оно из дерева или из камня; Новый Орлеан всегда оставался только иллюзией, мечтой, которую слепо, но настойчиво лелеяли его жители.

Париж же самодостаточен; он – особая ниша во вселенной, выдолбленная и хранимая вековой историей. По крайней мере, таким он был во времена Наполеона III: огромные здания, величественные

соборы, широкие блистательные бульвары и узенькие извилистые средневековые улочки – город, необъятный и нерушимый, как сама природа. Все приходилось там ко двору, все принимали его ветреные, зачарованные жители; в шумных галереях, театрах и кафе снова и снова возрождались гении и святость, философия и война, фривольность и изящные искусства; казалось, даже если весь мир погрузится во тьму, здесь, в Париже, все равно будут расцветать ростки красоты и гармонии. Все подчинялись законам этой гармонии – величественные деревья, затенявшие улицы, полноводная Сена, несущая свои волны сквозь самое сердце города. Казалось, земля, политая потом и кровью, перестала быть просто землей, преобразилась – и появился Париж.

Мы ожили. Мы любили друг друга. Страшные ночные скитания по Восточной Европе остались позади, и я был так счастлив, что не стал спорить с Клодией и согласился поселиться в отеле «Сент-Габриэль» на бульваре Капуцинов. Он слыл самым большим отелем в Европе. Роскошью и уютом он напоминал наш дом в Новом Орлеане, но огромные светлые комнаты затмевали все воспоминания. Мы заказали один из самых дорогих номеров, окнами на бульвар. Ранним вечером в свете газовых фонарей по асфальту прогуливались толпы людей, бесконечным потоком текли экипажи, роскошные дамы и кавалеры направлялись в оперу или в оперетту, в театр или на балет, на балы и приемы во дворец Тюильри.

Клодия доказывала необходимость подобных расходов мягко и убедительно, но я стал замечать, что она теряет терпение; ей приходилось отдавать распоряжения только через меня, и это угнетало ее. Она говорила, что гостиница предоставит нам полную свободу; мы без труда сможем скрыть свои ночные привычки и раствориться в экзотической толпе туристов, съехавшихся со всей Европы. Идеальную чистоту в номере поддерживали невидимые слуги. Мы платили огромные деньги за безопасность и покой. Но Клодии этого было мало.

«Это мой мир, – объясняла Клодия. Она сидела в уютном бархатном кресле перед раскрытой балконной дверью и разглядывала длинную череду карет, подъезжающих к входу в гостиницу. – У меня должно быть все, что мне нравится», – добавила она, как будто про себя.

И у нее было все: изумительные обои с розовыми и золотистыми узорами, дамасские кресла и бархатная мебель, изящно расшитые подушечки и шелковые покрывала, кровать с пологом. Каждый день огромные букеты свежих роз менялись на мраморной каминной полке в гостиной и на инкрустированных столиках в ее будуаре. Нежные алые бутоны отражались в высоких зеркалах. Возле окна она устроила настоящую оранжерею из камелий и папоротника.

«Я скучала по цветам, – задумчиво повторяла она, – больше всего я скучала по цветам».

Но одних живых цветов ей тоже было мало, и мы покупали в художественных салонах и галереях картины – великолепные полотна, – подобных я не встречал в Новом Орлеане. Классические натюрморты реалистов, на которых цветы совсем как живые: кажется, тронь – и лепестки опадут на трехмерную скатерть; и работы новомодных художников, разрушавшие представления о линиях и формах. Их яркие, насыщенные краски будили воспоминания о прошлых видениях, и мне чудилось, будто цветы распускаются прямо у меня на глазах. Париж неудержимо вторгался в наши комнаты. Я не хотел перечить Клодии и отказался от мечты найти простое и романтическое пристанище. Скоро я стал чувствовать себя в номере как дома: воздух был полон чудесного запаха цветов, как в нашем саду на Рю-Рояль. По вечерам мы зажигали огни, море света заливало комнаты, все оживало, исчезали даже тени на лепнине высоких потолков; свет отражался от позолоченных витых канделябров, и радужно сияли огромные хрустальные люстры. В этом блистательном мире не было ни темноты, ни вампиров.

Да, я всегда помнил, кто мы и зачем мы здесь, но как сладко было забыться хотя бы на час; представить себе, что мы просто отец и дочь; вот мы садимся в кабриолет и едем прочь от шума и огней без особой цели, а только чтобы погулять, прокатиться по берегу Сены, по мосту въехать в Латинский квартал и бродить по темным узким улочкам в поисках не жертв, но истории, а потом вернуться к себе, к уютному тиканью часов, к колоде карт на игорном столике… Сборники стихов, театральная программка, тихий гул огромной гостиницы, далекое пение скрипки, женская болтовня и потрескивание волос под гребешком – и чудак с последнего этажа каждую ночь повторяет: «Я понимаю, только теперь я понимаю, только теперь…»

«Этого ты хотел?» – спросила однажды Клодия, наверное, только для того, чтобы показать, что она про меня не забыла. Она могла часами не разговаривать со мной и ни словом не обмолвиться о вампирах. Но я чувствовал: что-то не так. В ее молчании не было прежней задумчивой безмятежности: она казалась грустной и неудовлетворенной. Часто мне удавалось уловить раздражение в ее взгляде, хотя оно бесследно исчезало, стоило мне обратиться к ней или поднять глаза, отвечая на вопрос.

«Ты знаешь, чего я хочу. – Я все еще пытался создать видимость собственной воли. – Мансарду где-нибудь возле Сорбонны, не слишком близко и не слишком далеко от шума, от улицы Сен-Мишель. Но я устроил бы там все так же, как здесь, по-твоему».

Ее лицо смягчилось, но она по-прежнему упрямо смотрела мимо меня, словно хотела сказать: «Ты не вылечишь меня. Не приближайся и не спрашивай, чем я недовольна».

Моя память, слишком острая, слишком четкая; время не может вытравить ее, не может сгладить. Страшные картины из прошлого всегда со мной, рядом с сердцем, как портрет в медальоне. Чудовищные живые картины; ни кисть художника, ни фотография не смогли бы запечатлеть их так ясно. И я снова увидел Лестата за клавишами в ту ночь, перед его смертью, и Клодию рядом с ним; вспомнил его злую насмешку и как на мгновение исказилось его лицо. Если б Лестат был внимательнее тогда, может быть, он бы остался жив.

Если он умер, конечно.

Даже безразличный наблюдатель заметил бы, что с Клодией творится неладное, точно грозовая туча собирается у нее на душе. В ней вдруг вспыхнула страсть к кольцам, браслетам и прочим недетским игрушкам. И ее элегантная походка принадлежала не маленькой девочке, но женщине. Часто она прежде меня заходила в модные лавки и требовательно указывала пальчиком на духи или перчатки и всегда расплачивалась за покупки сама. Я чувствовал себя в таких случаях крайне неудобно, но не отставал от нее, боясь не того, что с ней может что-то приключиться в огромном городе, но ее самой. Раньше она всегда играла перед своими жертвами роль потерявшегося ребенка или сиротки. Теперь она преобразилась. В Клодии появилось нечто глубоко порочное, и это шокировало очарованных ею прохожих.

Но я, как правило, не присутствовал при подобных сценах. Она оставляла меня наедине с резными барельефами Нотр-Дам или просто в экипаже на окраине парка.

Однажды ночью я проснулся на своей роскошной постели, оттого что книга попала мне под бок, и обнаружил, что Клодии нигде нет. Я не решился расспрашивать прислугу: мы никогда не разговаривали с горничными и швейцарами, никто не знал наших имен. Я обшарил коридоры гостиницы, окрестные переулки, даже зашел в бальный зал неподалеку, поддавшись необъяснимому ужасу при мысли, что она может быть там одна. Я уже отчаялся, но вдруг увидел ее у входа в отель. Она вошла, и в лучах ярких ламп капли дождя заискрились в золотых локонах, выбившихся из-под шляпки. Она походила на ребенка, спешащего домой после озорной проделки, взрослые вокруг умиленно улыбались. Она прошла мимо, поднялась по широкой лестнице, как будто не заметила меня.

Я вошел в номер, затворил дверь. Клодия развязывала перед зеркалом ленты шляпки. Она тряхнула головой, шляпка упала ей на плечи, волосы рассыпались в золотистом блеске дождинок. Я вздохнул с облегчением: ее детское платье, ленточки – все это было так мирно, так уютно, и в руках она держала прелестную фарфоровую куклу. Она молча поправила на кукле платье. Ручки и ножки под платьем крепились, должно быть, проволочными крючками; они покачивались и звенели, как серебряный колокольчик.

«Это – взрослая кукла, – сказала Клодия, взглянув на меня. – Ты видишь? Взрослая кукла».

Она поставила игрушку на тумбочку перед зеркалом.

«Вижу», – прошептал я.

«Ее сделала для меня одна женщина, – продолжала Клодия. – Вообще-то, она мастерит кукол-девочек, но они все на одно лицо. У нее целая лавка таких. А я попросила ее сделать для меня взрослую куклу».

Ее слова звучали загадочно и вызывающе. Она села в кресло и, чуть морща лоб под мокрыми прядями волос, внимательно разглядывала свое приобретение.

«Ты знаешь, почему она согласилась выполнить мою просьбу?» – спросила она, и мне вдруг захотелось, чтобы в комнате было не так светло, чтобы я мог забиться в какой-нибудь угол, укрыться от ее

пристального взгляда. Но я сидел на огромной кровати, точно на ярко освещенной сцене, а она была передо мной и повсюду, она отражалась в бесчисленных зеркалах, меня обступал хоровод голубых платьев с буфами.

«Потому что ты – очаровательное дитя, и ей захотелось порадовать тебя», – ответил я слабым и чужим голосом.

Она беззвучно рассмеялась.

«Очаровательное дитя, – повторила она, насмешливо взглянув на меня. – Ты все еще считаешь меня ребенком? – Ее лицо вдруг потемнело, она взяла игрушку в руки, наклонила фарфоровую головку к груди. – Да, я похожа на ее кукол. Я и есть кукла. Стоит посмотреть, как она работает, возится со своими куклами, рисует им одинаковые глаза, губы…» Она коснулась собственных губ.

И вдруг словно ветер пронесся по комнате, казалось, что стены качаются, будто земля под гостиницей содрогнулась. Где-то внизу катились экипажи, но это было слишком далеко, в другом мире. И я увидел: вот она сжала руку, стиснула куклу в кулачке; фарфоровые осколки посыпались на пол из окровавленной ладошки. Она тряхнула кукольное платье, и на ковер дождем полетело мелкое крошево. Я в ужасе отвел глаза, но снова увидел ее в зеркалах: она внимательно разглядывала меня с ног до головы, потом шагнула вперед, как из зазеркалья, и подошла к кровати.

«Почему ты отворачиваешься, почему не смотришь на меня? – спросила она тонким, детским голосом. Потом вдруг рассмеялась, в точности как взрослая женщина, и добавила: – Ты думал, я навеки останусь твоей маленькой дочкой? Разве ты отец кукол? Или просто глупец?»

«Почему ты говоришь со мной так?» – спросил я.

«Гм…» – Кажется, она кивнула.

Краешком глаза я наблюдал за ней, она казалась мне подобной яркому пламени, в котором смешались два цвета: золото волос и небесная голубизна платья.

«Что думают о тебе они, – спросил я как можно мягче, – там?»

Я указал на распахнутое окно.

«Разное. – Клодия улыбнулась. – Подчас меня восхищает человеческая способность находить объяснение чему угодно. Тебе

доводилось встречать лилипутов в парках и балаганах, уродцев, которые за деньги развлекают глумливую толпу?»

«Я и сам был всего лишь подмастерьем у фокусника и фигляра! – сказал я вдруг, сам того не желая. – Подмастерьем!» Мне хотелось прикоснуться к Клодии, погладить ее по голове, но я боялся ее гнева, готового вот-вот вспыхнуть.

Она опять улыбнулась, взяла мою руку и накрыла ее крохотной ладошкой.

«Да, подмастерьем! – повторила она и рассмеялась. – Тем не менее я прошу тебя снизойти с непостижимых вершин твоего духа и ответить всего на один вопрос. Что ты чувствовал, когда… спал с женщиной? Как это бывает?»

Сам не помню, как я очутился в прихожей и принялся лихорадочно искать перчатки и шляпу, как человек в минуту помутнения рассудка.

«Ты не помнишь?» – спросила она холодно и спокойно, когда я уже взялся за медную ручку двери.

Я остановился, ее взгляд жег мне спину; мне было стыдно своей слабости. Я повернулся к ней и сам не мог понять, куда собрался идти, зачем, почему здесь стою.

«Это всегда было так торопливо. – Я старался смотреть прямо в ее глаза, ясные, голубые, холодные и такие открытые. – И это редко давало мне радость… все кончалось слишком быстро. Это было как бледная тень убийства».

«А-а-а, – протянула она. – Так же, как боль, которую я причинила тебе сейчас. Это тоже жалкое подобие убийства».

«Да, мадам, – отозвался я. – Я склонен думать, что вы правы». – И, церемонно откланявшись, пожелал ей спокойной ночи.

– Не скоро я сумел замедлить шаг. Я перешел на другой берег Сены, мне хотелось темноты, хотелось убежать, спрятаться от нее, от себя самого, от своего непреодолимого страха перед лицом очевидной истины: я не способен сделать ее счастливой, значит, и сам никогда не буду счастлив.

Ради ее счастья я отдал бы все, даже этот новый мир, который теперь казался мне пустым и бесконечным. Ее слова мучили меня, я снова и снова вспоминал ее глаза, полные горечи и упрека. Темные

старые улочки уводили меня в глубь Латинского квартала; я придумывал для нее какие-то объяснения, что-то шептал, но уже понимал, что невозможно вылечить ее смертельную тоску и мою собственную боль.

В конце концов все мои мысли свелись к одной без конца повторяемой фразе, вроде короткой молитвы. Я шептал ее, шагая в непроглядной тьме по пустынной и тихой средневековой улице, слепо заворачивая за острые углы высоких древних домов. Казалось, что узкая щель между ними вот-вот сомкнется и переулок исчезнет без следа, точно затянется рана.

«Я не могу дать ей счастье. Не могу сделать ее счастливой. Она становится несчастнее с каждым днем». – Я твердил эти слова как молитву, как заклинание против мучительной правды, как будто я мог что-либо изменить, избавить ее от горького разочарования. Ее мечты рухнули, это путешествие привело нас еще в одну темницу; она еще больше отдалилась от меня, ей все заслонила эта тоска и жажда. А я безумно ревновал ее, ревновал даже к хозяйке кукольной лавки, потому что она хотя бы на миг подарила Клодии радость; потому что Клодия прижимала к груди ее тренькающее создание и даже не смотрела в мою сторону.

«Что все это значит? – спрашивал я себя. – Куда это приведет нас?»

Мы жили в Париже уже несколько месяцев, но я, наверное, впервые столь отчетливо понял, как огромен этот город. Никогда меня так сильно не удивляло причудливое соседство извилистых, темных улиц, вроде этой, что вела меня в глубь Латинского квартала, с миром негаснущих огней, веселья и роскоши. И так же впервые я увидел, что все это ни к чему, если она не сможет преодолеть свою тягу к невозможному, горечь и гнев. Я ничего не могу изменить. И она не может, хотя она и сильнее меня. Но она любила меня, я знал это и, даже когда повернулся и пошел прочь, чувствовал ее взгляд, полный бесконечной любви.

Растерянный и усталый, я, кажется, совсем заблудился, и вдруг мой тонкий слух, безошибочный слух вампира, уловил далекие шаги за спиной. Кто-то преследовал меня.

Сначала у меня мелькнула безумная мысль, что это Клодия. Она перехитрила меня и догнала. И тут же ее сменила другая, простая и

слишком грубая после нашего сегодняшнего разговора. Для нее эти шаги тяжелы. Конечно, это всего лишь случайный прохожий движется навстречу смерти.

С тем я и пошел дальше, не оглядываясь, и боль, терзавшая мое сердце, собиралась было вспыхнуть с новой силой, как вдруг внутренний голос настойчиво произнес: «Глупец, прислушайся как следует». И я понял, что шаги позади меня ошеломляюще точно совпадают с моими собственными. Случайность, решил я. Ведь смертный никак бы не смог услышать меня: расстояние было слишком велико для человеческих ушей. Но стоило мне остановиться, чтобы это обдумать, как шаги затихли. Я обернулся и, увидев только пустынную улицу, прошептал: «Луи, ты сам себе морочишь голову». Я двинулся дальше, но шаги не отставали. Я пошел быстрей, и невидимый преследователь тоже прибавил ходу. То, что случилось дальше, было совсем невероятно. Я настороженно прислушивался к шагам за спиной и шел, не разбирая дороги, поэтому споткнулся о кусок черепицы, ударился плечом о стену и чуть не упал, и в ту же секунду услышал, как шедший сзади сбился с шага, эхом отзываясь на мое падение.

Страшная тревога охватила меня. Она была сильнее, чем страх. Меня утешало только то, что мы далеко друг от друга, и я уже твердо знал, что это не человек. Кругом было темно, в окнах ни огонька. Я не знал, что делать. Мне вдруг захотелось окликнуть это существо, подозвать, сказать, что жду его и встречу его во всеоружии. Но побоялся. И я пошел дальше, все быстрее и быстрее, но расстояние между нами не сокращалось. Моя тревога росла, темнота вокруг зловеще сгущалась; я шел и повторял про себя:

«Зачем ты преследуешь меня? Почему ты хочешь, чтобы я тебя слышал?»

Я обогнул угол дома, впереди блеснул свет. Улица начала полого подниматься, и я пошел очень медленно, чтобы не показываться перед ним на свету.

Совсем замедлив шаг, остановился у поворота. Вдруг прямо надо мной с грохотом обрушилась крыша дома. Я отпрыгнул как раз вовремя, но одна черепица все же задела плечо. И снова все стихло. Я смотрел на обломки и настороженно ждал. Потом медленно завернул за поворот, навстречу свету. И там, под газовым фонарем, я увидел черную фигуру и сразу понял, что это вампир.

Он был такой же худой, как я, только выше. Яркий фонарь освещал его бледное лицо; огромные черные глаза изучали меня с нескрываемым интересом. Он шагнул было ко мне, но замер. И вдруг я осознал, что не только его длинные черные волосы зачесаны так же, как у меня; не только его шляпа и плащ как две капли походят на мои, но даже поза и выражение лица в точности повторяют мои собственные. Я судорожно глотнул воздух и медленно обвел его взглядом с ног до головы, стараясь скрыть сердцебиение. Он рассматривал меня так же пристально. Он вдруг моргнул, и я осознал, что передразнивает меня. Это было ужасно. Я хотел заговорить, но слова застряли у меня в горле: его губы зашевелились одновременно с моими, и невозможно было остановить эту мерзкую игру. Его мрачная фигура возвышалась под фонарем, черные пронзительные глаза следили за мной с неотступным вниманием. Это была просто насмешка. Мне стало казаться, что он – настоящий вампир, а я – его отражение в зеркале.

«Умно», – сказал я с отчаяния. Разумеется, он отозвался эхом прежде, чем замер звук моего голоса. Я злился, старался унять предательскую дрожь в коленях, мое лицо невольно растягивалось в некое подобие улыбки. Он тоже улыбнулся, но в его глазах горела животная жестокость, и усмешка получилась мрачной и зловещей.

Я двинулся вперед, и он последовал моему примеру. Я остановился, и он остановился. Но потом нарушил правила игры: медленно, как во сне, поднял правую руку и несколько раз ударил себя кулаком в грудь, изображая торопливый стук моего сердца, и злобно расхохотался. Он смеялся, запрокинув голову и обнажая ужасные клыки; казалось, его смех заполнил всю улицу. Это было отвратительно.

«Ты хочешь причинить мне зло?» – спросил я, но в ответ услышал собственный вопрос, повторенный насмешливым тоном.

«Фигляр! – сказал я резко, почти грубо. – Шут!»

Это слово остановило его. Лицо незнакомца потемнело от гнева.

Я повернулся к нему спиной и пошел прочь; я подумал, что теперь ему придется все же догнать меня, хотя бы для того, чтобы выяснить, кто я такой. Неуловимо и стремительно он обогнал меня и очутился передо мной, словно появился из воздуха. Я снова повернулся к нему

спиной, но он уже стоял на прежнем месте, под фонарем, и только волосы, чуть тронутые ветром, напоминали о том, что он двигался.

«Я искал тебя! Ради этого я и приехал в Париж!» – я заставил себя сказать это. Он не повторил мои слова и не шевельнулся, только пристально посмотрел на меня и пошел ко мне навстречу, изящно, неторопливо, и я понял, что он наконец стал самим собой. Он протянул руку, словно в знак приветствия, и вдруг сильно толкнул меня в грудь. Я потерял равновесие и отлетел назад. Рубашка взмокла и прилипла к телу. Я схватился рукой за стену, чтобы не упасть, потом повернулся к нему, чтобы отразить нападение, но он одним ударом опрокинул меня на землю.

Вряд ли я смогу описать, сколь велика была его сила. Вы поняли бы, если б я вдруг решил напасть на вас. Внезапный удар – но движения моей руки вы бы даже не заметили.

И тогда внутренний голос сказал мне: «Поднимись и покажи ему свою силу». Я быстро поднялся и пошел на него, вытянув руки. Но поймал только воздух, пустоту под фонарным столбом; стоял и оглядывался как последний дурак. Он испытывал меня. Я вглядывался в темноту улицы, во все углы, но его нигде не было.

«Мне не нужны ваши испытания», – думал я, но некому было объяснить, и я не знал, как с этим покончить. Вдруг он вынырнул из темноты и легко швырнул меня на булыжник, к той же стене. Тяжелый башмак ударил меня по ребрам; взбешенный, я вцепился в его ногу, твердую как железо. Он упал, ударился о стену и злобно зарычал. Дальше все смешалось. Я не выпускал его, он старался пнуть меня в живот. Наконец он вырвался, сильные руки подняли меня в воздух. Я прекрасно понимал, что будет дальше: он отшвырнет меня на несколько метров, силы у него хватит. Избитый и покалеченный, я потеряю сознание. Вот что тревожило меня больше всего: могу ли я потерять сознание? Но мне так и не удалось это узнать. Потому что я вдруг понял: кто-то третий встал между нами, вступился за меня и заставил его разжать стальные тиски.

Я поднял глаза и увидел улицу и два смутных силуэта вдали, но они тут же исчезли, растаяли, как гаснет картина на сетчатке закрытых глаз. Остался только тихий шелест черных одежд, шорох камешков под ногами и пустынная ночь. Я сидел на мостовой и задыхался, пот градом катил по лбу и щекам. Я огляделся и посмотрел вверх – на

узкую полосу неба между домами. И вдруг от темной стены медленно отделилась тень. Я разглядел слабое сияние волос, белое застывшее лицо. Странное и загадочное лицо, не такое худое и мрачное, как у первого вампира. Большие темные глаза спокойно смотрели на меня, губы не шевельнулись, но я услышал шепот:

«С тобой все в порядке?»

Но я уже стоял на ногах, готовый к нападению. Он не двигался, словно врос в стену. Я напряг зрение и увидел, что незнакомец шарит в нагрудном кармане жилета. Он достал и протянул мне визитную карточку, ослепительно белую, как и его пальцы. Я не шевельнулся.

«Приходи завтра вечером, – услышал я тот же шепот. Тень скрывала его гладкое, бесстрастное лицо. – Я не сделаю тебе ничего дурного, и тот, другой, тоже. Я не позволю ему».

И он проделал трюк, знакомый каждому вампиру: его рука точно оторвалась от неподвижного тела и вложила карточку в мои пальцы, и багровые буквы вспыхнули под лучом фонаря. В мгновение ока темная фигура по-кошачьи вскарабкалась на крышу и исчезла.

Я остался один и прочитал надпись на карточке. Оглушительный стук моего сердца эхом разносился по узенькой улочке. Я хорошо знал адрес, часто ходил в театры на той же улице, но название изумило меня до крайности: «Театр вампиров». Внизу было указано время – девять часов вечера.

Я перевернул карточку и обнаружил приписку: «Приводи с собой очаровательную малютку. Мы будем рады встрече с вами. Арман».

Я не сомневался: приписка сделана рукой того, кто вручил мне приглашение. До рассвета оставалось совсем мало времени, нужно было добраться до гостиницы и рассказать обо всем Клодии. Я так быстро бежал по ночным улицам и бульварам, что редкие прохожие не успевали заметить промчавшуюся мимо тень.

В Театр вампиров пускали только по приглашениям. Швейцар внимательно изучил мою карточку, прежде чем пустить нас внутрь. Шел дождь. Мужчина и женщина мокли у закрытой билетной кассы; на сморщенных афишах вампиры в накидках, похожих на крылья летучих мышей, тянули руки к обнаженным плечам своих жертв; многочисленные пары спешили войти в переполненное фойе. Я сразу увидел, что в толпе только люди. Ни одного вампира, кроме нас. Даже

швейцар оказался человеком. Мы вошли в театр и очутились в самой гуще светской болтовни и мокрых плащей, женские руки в перчатках поправляли широкие поля шляп и влажные локоны всех цветов и оттенков. Полный лихорадочного возбуждения, я протиснулся в тень, поближе к стене. Мы с Клодией уже утолили голод, но только затем, чтобы наши глаза не горели слишком откровенно, а лица не выглядели чересчур бледными на оживленной и ярко освещенной улице. Поспешно выпитая кровь только растревожила меня, но у нас не было времени. Эта ночь предназначалась не для убийства. То была ночь откровений, чем бы она ни закончилась. Это я уже твердо знал.

Толпа теснила нас со всех сторон, и вдруг открылись двери зала. Молоденький юноша протолкнулся к нам и поманил за собой, указывая мимо плеч и голов на ступеньки лестницы, ведущей наверх. Нам отвели одну из лучших лож в театре, и хотя свежая кровь не сделала мое лицо похожим на человеческое, да и Клодия, которая не слезала с моих рук, не превратилась в обычного ребенка, наш провожатый не обратил на это никакого внимания. Напротив, он гостеприимно улыбался, откинув в сторону портьеру, за которой перед медными поручнями ограждения стояли два кресла.

«У них слуги-люди… Ты думаешь, это допустимо?» – спросила Клодия шепотом.

«Лестат никогда не доверял таким рабам», – ответил я и посмотрел вниз: партер заполнялся, очаровательные шляпки плыли по проходам между обитых шелком кресел. Обнаженные плечи дам светились матовым блеском на балконе, в лучах газовых ламп искрились и сверкали бриллианты.

«Постарайся хоть один раз в жизни проявить хитрость и осторожность, – еле слышно прошептала Клодия, низко наклонив голову, чтобы не было видно лица. – Забудь, что ты джентльмен».

Свет потихоньку стал гаснуть, вначале на балконе, а затем и в партере. В оркестровой яме появились музыканты. Внизу длинного занавеса из зеленого бархата вспыхнул одинокий огонек. Он окреп, вырос, ярко осветил пустую сцену, и зрители растворились в полумраке, только сверкали драгоценные камни на кольцах, браслетах и подвесках. Шум в зале становился глуше, эхо под сводами повторило чей-то одинокий кашель, и наконец все стихло. В ту же секунду раздались неторопливые, ритмичные удары тамбурина, к ним

присоединился тонкий, высокий голос деревянной флейты, вплетавший в резкое металлическое позвякивание бубенцов призрачную мелодию, выплывшую, казалось, из глубины средних веков. Вступили струнные, отрывистыми аккордами подчеркивая мерный звон тамбурина. Пение флейты стало громче, в нем слышались грустные, меланхолические нотки. Музыка очаровывала, влекла за собой, публика сидела притихшая, объединенная потоком печальных звуков, полных неземной красоты и гармонии. Бесшумно поднялся занавес. Свет рампы загорелся сильней, сцена превратилась в густой лес. Лучи играли на густой листве пышных зеленых крон. Сквозь деревья проступали очертания низкого каменистого берега ручейка, вода весело искрилась и сверкала, словно освещенная солнечными лучами. Весь этот живой трехмерный мир был создан мастерской рукой художника на тонком шелковом полотне, слегка трепетавшем при каждом, даже самом слабом, движении воздуха.

Отдельные хлопки, приветствовавшие появление чудесной иллюзии, переросли в короткую бурю аплодисментов. На сцене возникла темная фигура, она быстро двигалась между стволами деревьев и, как по волшебству, очутилась в ярком пятне света. В одной руке актер нес отливавшую серебром небольшую косу, подчеркнуто демонстрируя ее публике, а другой удерживал перед невидимым лицом маску на тоненькой палочке, изображавшую ужасный облик Смерти – голый череп.

В зале раздались негромкие, сдержанные восклицания. Перед ошеломленными зрителями на опушке леса стояла сама Смерть, небрежно поигрывая своим отвратительным орудием. Моя душа отозвалась без страха, но с каким-то иным чувством, подобным тому, которое испытывали зрители, глядя на волшебное очарование хрупких декораций, на мистическую тайну, окутывавшую ярко освещенную сцену, где фигура в широком черном плаще разгуливала с грациозностью грозной пантеры, вызывая в зале невольные возгласы, вздохи и благоговейный шепот.

Движения первого персонажа были полны завораживающей силы, как и четкий ритм музыки. За спиной Смерти показались другие фигуры, темные и призрачные. Первой на свет вышла безобразная старуха, высохшая и согбенная под тяжестью лет. Она с трудом несла большую корзину с цветами и плелась, едва волоча ноги. Ее мелко

трясущаяся голова покачивалась в такт музыке и стремительным движениям ангела Смерти. Увидев его, она попятилась, поставила корзину на землю, опустилась на колени и молитвенно сложила руки. Она казалась измученной и истощенной. Опустила голову в ладони, словно хотела заснуть. Но то и дело, встрепенувшись, она умоляюще тянулась всем телом к черной фигуре Смерти. Та подошла к ней, наклонилась, заглянула в старческое, морщинистое лицо, затененное седыми космами спутанных волос, и отшатнулась, помахав перед собой рукой, точно отгоняя неприятный запах. Публика отозвалась неуверенным смехом. Старая женщина поднялась с колен и приблизилась к Смерти.

Печальная мелодия сменилась разнузданной джигой, они кругами бегали по сцене. Старуха гонялась за Смертью, но та забилась в темноту под могучими стволами и исчезла: накрыла лицо плащом и словно слилась с деревьями. Старуха разочарованно вздохнула, печально подхватила корзину и поплелась со сцены. Музыка замедлилась и смягчилась. Публика смеялась. Мне это все не понравилось. В действие вступили другие, и у каждого была своя мелодия: убогие калеки на костылях и жалкие нищие в рубищах. Все они устремлялись к Смерти, но она ускользала от них, уворачивалась с томными жестами непреодолимого отвращения. В конце концов все они были изгнаны со сцены. Смерть проводила их и, небрежно помахав на прощание рукой, всем своим видом изобразила усталость и скуку.

И только теперь я понял: эта белая рука, которая высекает смех из зала… Она не загримирована. Это рука вампира; вот она поднялась к маске, словно скрывая зевок. Вампир остался на сцене один. Он ловко прислонился к нарисованному дереву, наклонив голову, как будто решил вздремнуть. В тихой музыке слышалось пение птиц, журчанье ручья. Луч света погас, сцена погрузилась в полутьму. Вампир спал.

Но вдруг другой ослепительно яркий луч вспыхнул во мраке, пронзая тонкое полотно декораций, и выхватил из темноты молоденькую девушку. Ее стройная и высокая фигура до пояса куталась в волнистые длинные пряди чудесных золотых волос. По залу пробежал трепет восхищения. Девушка беспомощно барахталась в круге света, словно заблудилась в дремучем лесу. Но она и правда заблудилась: я сразу понял, что она не вампир. Пятна земли на ее

блузке и юбке были настоящие, и никаких следов грима не виднелось на обращенном к свету прекрасном лице. Ее тонкие черты напоминали образы Святой Девы. Ослепленная яркими лучами, она не могла разглядеть зал и зрителей, но сама стояла перед нами как на ладони. Слабый стон слетел с ее губ, эхом вторя тонкому, мечтательному голосу флейты, воспевавшему ее красоту. Темная фигура проснулась, привстала и уставилась на девушку, приветственно и восхищенно взмахнув рукой.

В зале раздались жидкие смешки, но они тут же смолкли. Девушка была слишком прекрасна, ее глаза – слишком тревожны, а спектакль – слишком правдоподобен. И вдруг Смерть отбросила маску в кулисы и показала публике свое бледное светящееся лицо. Она торопливо пригладила чуть растрепавшиеся волосы и поправила плащ, стряхнула с отворотов воображаемую пыль. То была влюбленная Смерть. Послышались аплодисменты: зрители видели в гладком, прекрасно отражающем свет лице еще одну мастерски выполненную сценическую маску. Но то было лицо вампира, и я узнал его: это был злобный отвратительный шут, который напал на меня в Латинском квартале.

Я нащупал в темноте руку Клодии и крепко сжал ее, но она сидела неподвижно, увлеченная действием на сцене. Девушка слепо смотрела в сторону зала, лес раздвинулся, открывая проход, и вампир пошел ей навстречу.

Девушка медленно двигалась на огни, но, заметив темную фигуру, остановилась и испуганно, по-детски, вскрикнула. Она и впрямь походила на ребенка, только крошечные морщинки вокруг глаз выдавали ее подлинный возраст. Небольшая грудь отчетливо вырисовывалась под тонкой материей блузки, длинная пыльная юбка плотно облегала узкие бедра и подчеркивала их изящный, чувственный изгиб. В ее глазах блестели слезы, она попятилась от вампира. Я боялся за нее и желал ее. Девушка была невыносимо прекрасна.

Вдруг позади нее из темноты выступили фигуры в масках смерти, еле различимые в черных одеждах, – только светились во тьме их белые руки. Они приближались к жертве и одну за другой отбрасывали маски на сцену; черепа падали на доски и злобно ухмылялись черному небу. Их было семеро, семеро вампиров, и трое из них – женщины; их

полуоткрытые белые груди сияли над облегающими корсажами, мрачные глаза горели под черными прядями волос. Они обступили жертву, их бледная и холодная красота тускнела перед ее золотыми волосами, нежно-розовой кожей. Зрители замерли, слышались только восхищенные и испуганные вздохи. Круг белых лиц сжимался, и проклятый шут, этот джентльмен-Смерть, повернулся к публике и прижал руки к сердцу, как будто хотел сказать: разве мыслимо устоять перед ней? Ответом ему стал сдержанный шум смешков и страстных вздохов.

Девушка заговорила.

«Я не хочу умирать», – прошептала она. Ее голосок походил на звон серебряного колокольчика.

«Мы – смерть, – ответил он ей, и вампиры отозвались эхом: – Смерть».

Девушка резко повернулась, ее волосы взметнулись роскошным золотым дождем над жалкой, убогой одеждой.

«Помогите, – тихо вскрикнула она, боясь повышать голос. – Кто-нибудь…»

Девушка обращалась к невидимой публике. Клодия негромко рассмеялась. Бедная девушка смутно понимала, что происходит, но все равно она знала больше, чем зрители.

«Я не хочу умирать! Не хочу!» – Ее нежный голосок сорвался, она умоляюще смотрела на высокого шута. Он вышел из круга и приблизился к ней.

«Мы все умираем, – ответил он. – Смерть – это единственное, что объединяет людей». Он жестом обвел оркестрантов, балкон, ложи.

«Нет, – взмолилась девушка. – У меня впереди еще столько лет жизни, столько лет…» Страдание слышалось в ее легком, невесомом голосе, и это делало ее еще более прекрасной; она судорожно мотнула головой, поднесла дрожащую руку к обнаженной шее.

«Столько лет! – повторил за ней фигляр. – Откуда ты знаешь? Смерть не разбирает возраста! Может, уже теперь скрытая болезнь точит тебя изнутри. Или, скажем, на улице какой-нибудь мужчина поджидает тебя, чтобы убить, хотя бы из-за этого золота! – Он протянул руку и коснулся ее волос. Глубокий потусторонний голос звучал торжественно и громко. – Стоит ли говорить, какой удел может быть уготован тебе судьбой?»

«Мне все равно, я не боюсь… – слабо протестовала она. – Только дайте мне шанс…»

«Допустим, мы дадим тебе его, и ты проживешь долгие годы. И что же? Тебе хочется стать беззубой, горбатой старухой?»

Он отвел в сторону ее волосы, выставляя напоказ горло, потом медленно потянул завязки на блузке. Дешевая ткань распахнулась, рукава соскользнули с узких розовых плеч. Она попыталась поймать падающую блузку, но вампир силой удержал ее руки. Толпа отозвалась единым протяжным вздохом. Женщины прятали глаза за стеклами театральных биноклей, мужчины подались вперед в креслах. Под безупречно чистой кожей часто билась голубая жилка, блузка чудом удержалась на крошечных сосках. Вампир крепко держал руку девушки, по ее вспыхнувшим щекам катились слезы. Она, кусая губы, старалась сдержать рыдания.

«Позвольте мне жить, – молила она, пряча лицо. – Мне все равно… Мне все равно, что со мной будет!»

«Все равно? Тогда почему бы тебе не умереть сейчас? Тебя ведь не пугают ужасы, нарисованные мной?»

Девушка беспомощно покачала головой. Он обманул ее, перехитрил. Вместе со страстью во мне закипал гнев. Это было несправедливо, ужасно несправедливо: ей приходилось отстаивать свою жизнь перед лицом его железной логики, бороться за священное право на жизнь, воплощенную в таком прекрасном теле. Но он запутал ее, лишил речи и представил жажду жизни бессмысленной и смешной. Я видел, что она слабеет, умирает изнутри, и ненавидел его еще сильней.

Блузка соскользнула, обнажились маленькие круглые груди. Публика восторженно загудела. Девушка тщетно пыталась освободить руку.

«Допустим, мы позволим тебе уйти отсюда живой… Допустим, что сердце Смерти устояло перед твоей красотой… Кого же ей избрать вместо тебя? Кто-то должен умереть. Не хочешь ли ты помочь нам выбрать этого человека? Человека, который будет стоять здесь, передо мной, вместо тебя и страдать так же, как страдаешь ты? – Он широким жестом указал на зрительный зал. Девушка совсем растерялась. – У тебя есть сестра… мать… ребенок?»

«Нет, – выдохнула она, качнув головой. – Нет…»

«Но ведь кто-то должен занять твое место. Может быть, друг? Выбирай!»

«Я не могу. Нет…» – Девушка извивалась всем телом, стараясь вырваться из его рук.

Вампиры молча взирали на нее. Их неподвижные нечеловеческие лица ничего не выражали.

«Так ты не хочешь помочь нам?» – издевался он.

Я знал: если б девушка согласилась, он бы с презрением ответил, что она ничуть не лучше его, раз обрекает на смерть другого и, следовательно, сама заслуживает смерти.

«Смерть ждет тебя повсюду», – шумно вздохнул он.

Я видел, что он теряет терпение, но зрители не догадывались об этом. Мускулы его гладкого лица напряглись. Он пытался заставить девушку смотреть ему в глаза, но она отворачивалась, пряча взгляд, полный отчаяния и надежды. Я вдыхал пыльный сладкий запах ее кожи, прислушивался к тихому стуку ее сердца.

«Смерть-незнакомка – вот удел человека. – Он наклонился к девушке поближе, стремясь подчинить ее своей воле. – Но ты видела нас, ты познакомилась со Смертью. Теперь ты наша невеста. Ты познаешь любовь самой Смерти!» Он почти целовал ее мокрое испуганное лицо.

Девушка с беспредельным ужасом смотрела на него. Вдруг ее глаза затуманились, губы разжались. Я проследил за ее взглядом: она смотрела мимо своего мучителя на темную фигуру другого вампира. Он медленно выступил из тени и остановился неподалеку от девушки, пристально глядя на нее огромными, темными, невыразимо спокойными глазами. В них не было ни страсти, ни восхищения, но ее взгляд был прикован к нему. Чудесный свет страдания, казалось, обволакивал стройную фигуру, делал ее еще прекрасней и желанней. Именно эта ужасная, неприкрытая боль держала в напряжении публику. Я сам мысленно ласкал ее кожу, острые маленькие груди и зажмурился, чтобы стряхнуть наваждение, но образ девушки стоял у меня перед глазами. То же самое чувствовали все вампиры, окружавшие ее широким кольцом. Она была обречена.

Я открыл глаза. Фигурка девушки слабо мерцала в дымном свете рампы, слезы золотом сияли на щеках. И вдруг новый вампир тихо сказал:

«Это не больно».

Лицо шута окаменело, но зрители этого не заметили. Они видели перед собой только детские черты девушки, ее губы, приоткрывшиеся в невинном изумлении; она тихонько повторила:

«Не больно?»

«Твоя красота для нас – великий дар», – ответил он. Его глубокий голос без труда заполнил весь зал. Он сделал легкий, почти незаметный жест рукой: шут тут же бесшумно отступил назад и застыл одной из терпеливых черных фигур с одинаково голодными и бесстрастными лицами. Неторопливо и грациозно повелитель подошел к девушке. Та стояла безжизненно и покорно, совсем забыв о своей наготе. Ее ресницы затрепетали, влажные губы прошептали:

«Не больно».

Силы едва не покинули меня. Девушка всем телом тянулась к нему, умирала на глазах, покорялась его власти! Мне хотелось громко закричать, вернуть ее к жизни… я хотел ее прямо сейчас! Да, я хотел ее. Вампир приблизился к ней вплотную, потянул узел на ее юбке. Девушка подалась к нему, откинув голову, черная юбка скользнула на пол, обнажая бедра и золотистый, совсем детский завиток волос внизу живота. Вампир раскрыл объятия ей навстречу. Его каштановые волосы колыхнулись, когда золотые локоны упали на черный плащ.

«Не больно… не больно…» – шептал он ей, и она отдавалась ему целиком.

Он развернул ее так, чтоб все видели ее лицо; потянул к себе податливое тело. Пуговицы его черного плаща коснулись ее обнаженной груди, она выгнула спину, бледные руки обвили его шею. Она вздрогнула, застонала и замерла: острые зубы вонзились ей в горло. Ее лицо было спокойно, но полумрак театра гудел от страсти. Белая рука вампира светилась на ее смугловатой ягодице сквозь золотую пелену падающих волос; он поднял ее на руки, не отрываясь от раны, ее горло розовело под его белой щекой. От слабости у меня закружилась голова, моя жажда росла, болью пульсировала в сердце, в венах. Я крепко стиснул медный поручень, металл тихо скрипнул под рукой, и этот слабый звук, недоступный уху человека, вернул меня в действительность, и я вспомнил, где нахожусь.

Я опустил голову. Мне захотелось зажмуриться и ничего не видеть. Мне чудилось, что воздух вокруг благоухает запахом ее

соленой кожи, стройного тела, близкого, горячего и прекрасного. К ней приблизились остальные вампиры. Белая рука дрогнула, объятия разомкнулись. Голова жертвы безвольно откинулась назад, он передал тело холодной мертвой красавице.

Та взяла на руки девушку, принялась гладить и нежно укачивать ее, потом припала к крохотной ранке на горле. Вампиры собрались вокруг бесчувственной жертвы, и она переходила по кругу от одного к другому, провожаемая жадными взглядами зрителей. Вот ее голова упала на плечо мужчине-вампиру, и открылась хрупкая шея под затылком, не менее соблазнительная, чем маленькие круглые ягодицы, безупречная кожа долгих бедер или нежные складки под коленками.

Я откинулся в кресле и почувствовал во рту вкус ее крови. Меня терзала невыносимая жажда. Я не мог отвести взгляд от девушки, но краешком глаза следил за покорившим ее вампиром. Он отошел в сторону и держался особняком, как и прежде. Мне показалось, что его темные глаза отыскали меня в сумрачном зале. Да, он пристально смотрел на меня.

Один за другим вампиры исчезали за кулисами. Нарисованный лес беззвучно вернулся на прежнее место. Девушка, обнаженная, безжизненная и бледная, лежала на шелковой подкладке открытого черного гроба в тени огромных деревьев. Снова зазвучала музыка, мрачная и тревожная, она становилась все громче, а огни рампы медленно гасли. Все вампиры уже покинули сцену, кроме моего знакомца фигляра. Он подобрал косу и маску Смерти и медленно подкрался к спящей девушке. Свет погас, сцена исчезла, и только музыка властвовала теперь над темным залом. Вскоре затихла и она.

Несколько мгновений публика сидела молча и неподвижно.

Потом раздались неуверенные хлопки, и плотину прорвало. Бурная овация охватила зал. Огромные светильники на стенах вспыхнули ярким светом, и люди задвигались, возбужденно переговариваясь друг с другом. Женщина в середине одного из первых рядов торопливо поднялась, сдернула со спинки кресла лисье манто. Кто-то, опустив голову, быстро проталкивался к застеленному дорожкой проходу. Вдруг вся толпа разом, точно по команде, повалила к дверям.

Вскоре шум начал стихать. Последние изысканно одетые и надушенные зрители покидали зал. Чары рассеялись. Двери

распахнулись навстречу свежему дождливому вечеру, и с улицы уже доносился стук копыт и голоса, подзывающие экипажи. Внизу под нами простиралось море кресел, на зеленом шелковом сиденье белела забытая кем-то перчатка.

Я сидел, опираясь локтем о поручень, прятал лицо под рукой, прислушивался и смотрел вниз. Жажда медленно отступала, но я все еще чувствовал вкус ее кожи на губах. Мне казалось, что ее запах примешивается к запаху дождя, а отчаянный стук обреченного сердца гулким эхом отдается под сводами пустующего театра. Я громко вздохнул и посмотрел на Клодию. Она сидела неподвижно, сложив ручки на коленях.

Я не знал, что делать. Казалось, про нас забыли. Я взглянул вниз и увидел швейцара, он поправлял сдвинутые кресла и подбирал программки с пола. Боль, смятение и слепая страсть оставили в моей душе чувство неудовлетворенности и тоски, и я знал только один способ избавиться от него: спрыгнуть в партер и очутиться за спиной у ничего не подозревающего швейцара, утащить его в темноту и забрать его жизнь так, как забрали жизнь девушки на моих глазах всего четверть часа назад. Клодия наклонилась ко мне и шепнула на ухо:

«Терпение, Луи. Терпение».

Я поднял голову и краем глаза заметил неподалеку от нас неподвижную фигуру. Он сумел подобраться совсем близко, обманул мою бдительность и чуткий слух, на которые я полагался всегда, даже в минуты смятения. Но я ошибся и не услышал его приближения. Он стоял молча и неподвижно рядом с занавешенным портьерой входом в ложу и пристально смотрел на нас. Я тотчас узнал в нем вампира с каштановыми волосами, сыгравшего главную роль в спектакле. И мои догадки подтвердились: это он вручил мне приглашение на спектакль. Это был Арман.

Я мог бы испугаться, но он стоял там так неподвижно, его глаза глядели так спокойно и мечтательно; наверное, он уже давно следил за нами. Мы поднялись и двинулись к нему, но он не шевельнулся. Его взгляд словно околдовал меня. Наверное, я должен был радоваться, что это он, а не тот злобный шут, но даже не подумал об этом. Он неторопливо обвел глазами Клодию, не выказывая ни малейших признаков чисто человеческой привычки скрывать откровенно любопытный взгляд. Я положил руку на плечо Клодии и сказал:

«Мы долго искали тебя».

Вдруг мое сердце забилось ровней, и тревога покинула его, утонула в невозмутимом спокойствии, точно обломки кораблекрушения, смытые с берега волной отлива в морскую пучину.

Поверьте, я ничуть не преувеличиваю, скорее наоборот. Это невозможно описать словами. Его глубокие карие глаза говорили, что он знает меня, знает, зачем я здесь; и не нужно ничего объяснять. Клодия молчала.

Наконец он отошел от стены, жестом приветствовал нас и предложил следовать за ним вниз. Его движения были хотя и спокойны, но необычайно стремительны, и рядом с ним я казался карикатурой на человека. На нижнем этаже он отворил дверь в стене, за ней начиналась лестница в подвал под театральным залом, повернулся к нам спиной в знак полного доверия и пошел вниз, едва касаясь ногами ступеней.

Следом за ним мы очутились в громадной темной комнате, наподобие бального зала. Подвал был древнее, чем здание театра. Дверь над нашими головами захлопнулась, и свет пропал раньше, чем я успел рассмотреть помещение. Я услышал шорох одеяний нашего провожатого, потом вспыхнула спичка. Лицо его осветилось, словно пламя факела выросло из крохотного огонька. Из черноты выплыла темная фигура. Это был смертный юноша, почти мальчик. Он приблизился к вампиру, вручил ему свечу. Я вздрогнул: мальчик словно излучал волны чувственного наслаждения, как та девушка на сцене, сладкий запах горячей, пульсирующей крови. Юноша обернулся и посмотрел на меня, спокойно, как и наш провожатый; вампир зажег свечу и шепнул ему:

«Иди».

Свет рассеял темноту даже у дальних стен зала, Арман высоко поднял свечу и медленно пошел вперед, поманив нас за собой. В дрожащем, неровном пламени вокруг нас открылся фантастический мир фресок в глубоких, мрачных тонах. Я всмотрелся в ближайшую картину. То была копия с ужасного «Триумфа смерти» Брейгеля, выполненная в таком грандиозном масштабе, что бесчисленное множество призрачных персонажей возвышалось над нами в полумраке. С содроганием я взирал на омерзительные, кровожадные скелеты, как они сталкивали беспомощные тела умерших в зловонный

ров, тянули за собой телегу, груженную человеческими черепами, обезглавливали трупы, валяющиеся на земле или свисающие с виселиц. В вышине над бескрайним адом безжизненной дымящейся пустыни, над армией уродливых и обезглавленных солдат, спешащих на кровавую бойню, одиноко звонил колокол. Я отвернулся, не в силах сдержать отвращение, но наш спутник взял меня под руку и подвел к следующей фреске, изображавшей падение ангелов. Проклятые существа, сброшенные с божественных высот в пылающую бездну, полную пирующих монстров, казались такими прекрасными и живыми, что я невольно поежился. Арман снова тронул мою руку, но я не шевельнулся, вглядываясь в парящие на недосягаемой высоте фигуры ангелов с трубами. На мгновение чары, окутавшие меня, спали, и во мне возникло то же чувство восхищения, что и при первом посещении Нотр-Дам. Но оно тут же прошло, оставив после себя только смутное сожаление, точно некая призрачная драгоценность выскользнула у меня из рук, прежде чем я успел насладиться обладанием ею.

Пламя свечи выросло и окрепло, из полумрака один за другим выступали кошмарные сюжеты. Нашим глазам предстали вырожденцы и уроды Босха, раздувшиеся в гробах трупы, принадлежащие перу Траини, чудовищные всадники Дюрера и выходящее за всякие мыслимые пределы грандиозное собрание средневековых гравюр, оккультной символики и барельефов. Росписи на потолке изображали корчащиеся тела, рассыпающиеся в прах скелеты, ужасных демонов и наводящие страх орудия пыток. Помещение производило впечатление храма смерти.

Наконец мы вышли на середину зала. Я огляделся по сторонам, и мне почудилось, что нарисованные монстры ожили. Мне показалось, что я падаю в знакомую черную бездну, как бывало в предчувствии видения, комната поплыла перед глазами. Я взял Клодию за руку. Она стояла задумчиво и неподвижно, ее равнодушный и отсутствующий взгляд на секунду встретился с моим, и я понял, что ее надо оставить в покое. Она вырвала крошечную ладошку и быстро пошла прочь от меня. Торопливый стук ее каблучков отдавался громким эхом в огромном зале и барабанным боем у меня в висках. Я сжал лоб ладонью и безмолвно опустил голову, словно боялся поднять глаза и увидеть ужасные, непереносимые страдания. Потом снова взглянул на

вампира. Его лицо как будто парило передо мной во мраке свечи, древние мудрые глаза сияли в кругу темных ресниц. Каменные черты не дрогнули, губы не шевельнулись, но мне показалось, что он улыбается. Я разглядывал его все настойчивей, убежденный, что это всего лишь волшебство, иллюзия и я смогу преодолеть ее. Но чем дольше я смотрел на него, тем явственней видел эту легкую и задумчивую улыбку. Вдруг он ожил перед моими глазами, и я услышал или, точнее, почувствовал, как он что-то шепчет, говорит и даже напевает. Неожиданно приблизившись, он притянул меня к себе, обнял за плечи. Его лицо очутилось так близко, что я разглядел каждый волосок густых ресниц, блестящих в лучах нестерпимо яркого сияния глаз; легкое дыхание коснулось моей кожи.

Я пытался отстраниться от него, но не мог шевельнуться, его рука держала меня мягко, но нерушимо, его свеча вдруг оказалась у меня прямо перед глазами, тепло шло от пламени, все мое холодное тело жаждало этого тепла; я потянулся к свече, но не нашел ее, видел только его лучезарное лицо, белое, гладкое и мужественное. Лестат никогда не был таким. Передо мной стоял другой вампир, в нем соединились мы все, но он был такой же, как я, – существо моей породы.

И вдруг все кончилось.

Я протянул руку, чтобы коснуться его лица, но он был уже далеко, точно и не приближался ко мне. Растерянный и изумленный, я отступил назад.

Где-то вдалеке, над ночным Парижем, зазвонил колокол. Долгий, монотонный звук проник даже в этот подземный зал, и балки перекрытий отозвались протяжным гудением могучих труб величественного органа. Я снова услышал шепот или пение. Оглянувшись, я увидел, что тот смертный юноша здесь и смотрит на меня. Я жадно вдохнул запах жаркой человеческой плоти. Невесомая рука вампира поманила юношу, тот подошел, бесстрашно и возбужденно глядя мне в лицо, и неожиданно обнял меня за плечи.

Это было впервые: человек сам, сознательно шел в мои объятия. Я хотел оттолкнуть мальчика, чтобы спасти, но вдруг увидел синеватое пятно у него на шее. Он сам подставил горло моему жадному рту, приник ко мне всем телом, и я почувствовал, как напряглась его мужская плоть. Сдавленный стон вырвался из моих губ, но он

прижался ко мне теснее, припал губами к моей холодной, безжизненной коже. Я вонзил зубы в его горло, его твердая плоть вжималась в мое бедро; моя страсть оторвала его от пола, и мир перестал существовать, остались лишь ритмичные удары его сердца; как волны, они прокатывались по всему моему телу, невесомый, я раскачивался вместе с ним, упиваясь его плотью, его чувственным восторгом, его сознательной страстью к самоуничтожению.

Я очнулся, задыхаясь; он был уже не со мной, мои руки обнимали пустоту, но губы еще хранили вкус его крови. Юноша лежал на полу рядом с вампиром, смотрел на меня так же спокойно и безразлично, как и его хозяин. Его глаза чуть затуманились от потери крови. Я молча шагнул к нему, не владея собой, его взгляд дразнил меня. Он бросил мне вызов – остался жив! Он должен был умереть, но не умер; мы были так близки, но он выжил! Подавив желание броситься на него, я отвернулся и только тогда заметил других вампиров; они двигались, как тени, возле стены позади меня – едва различимые темные силуэты, – и огоньки свечей в их руках, казалось, скользили по воздуху сами по себе. За их спинами угадывались смутные очертания гигантских фресок: стервятник с человеческим лицом раздирает на части труп, обнаженный мужчина привязан за руку и за ногу к дереву, рядом, с соседней ветви, свисает туловище другого, его отсеченные руки болтаются на веревках, а отрезанная голова торчит на колу возле дерева.

Снова послышалось тихое, воздушное, неземное пение. Голод отступал, но голова еще кружилась, и пламя свечей сливалось перед глазами в широкую горящую дугу. Вдруг кто-то резко толкнул меня в спину, я потерял равновесие и чуть не упал. Я оглянулся и увидел худое, костлявое лицо презренного шута, его длинные белые пальцы тянулись ко мне. Но тот, другой, главный, быстро шагнул вперед и встал между нами. Кажется, он ударил его, но я снова не сумел уловить движение. Словно каменные статуи, они смотрели друг на друга. Кажется, прошла вечность; они стояли неподвижно, лишь слабые дрожащие огоньки в их глазах выдавали присутствие жизни. Помнится, я, спотыкаясь, отошел к стене; точно слепой, натолкнулся на большое дубовое кресло и сел. Я чувствовал, что Клодия где-то рядом, она говорила с кем-то, из полумрака доносился ее тихий нежный голос. Стало жарко, и кровавый пот выступил у меня на лбу.

«Пошли со мной», – сказал Арман; он снова был рядом. Я внимательно следил за его лицом, стараясь уловить движение губ, но – тщетно. Клодия присоединилась к нам, мы вернулись на ту же лестницу и стали спускаться еще ниже, под землю. Клодия шла впереди, и я видел на стене длинную тень ее хрупкой маленькой фигурки. Становилось прохладнее, воздух был свеж и влажен. В щелях между камнями поблескивали капельки воды, они отливали красным золотом в отблесках пламени одинокой свечи нашего проводника.

Наконец мы оказались в маленькой комнате. В глубокой каменной нише жарко горел камин. Напротив него в каменном же алькове стояло широкое низкое ложе, отделенное от комнаты маленькими воротцами из двух медных створок. В первое мгновение все это ясно предстало моему взору: длинные ряды книг вдоль стен, деревянный письменный стол по одну сторону камина и гроб – по другую. Но вдруг у меня закружилась голова, комната поплыла перед глазами, и я зашатался. Вампир положил мне руку на плечо и усадил в глубокое кожаное кресло у камина. Палящий жар коснулся моих ног, и это острое приятное чувство вернуло меня к жизни. Я откинулся на спинку и, прищурив глаза, попытался разглядеть обстановку в комнате. Кровать в алькове показалась мне похожей на сцену. На ней лежал юноша, чью кровь я пил только что. Его голова с расчесанными надвое, слегка вьющимися возле ушей темными волосами покоилась на льняной подушке; в лихорадочном полусне он был похож на изнеженное и бесполое существо с картины Боттичелли. Подле него удобно устроилась Клодия, ее холодная рука белела на его пышущей здоровьем румяной щеке. Она уткнулась лицом в нежную шею юноши. Вампир, скрестив руки на груди, стоял посредине комнаты и по-хозяйски смотрел на них. Клодия наконец оторвалась от мальчика, по его телу пробежала дрожь. Арман взял ее на руки, нежно, совсем как я, и она обвила его шею руками. Губы ее раскраснелись от выпитой крови, а глаза были полуприкрыты, как в обмороке. Он бережно усадил ее на стол, она откинулась назад и грациозно улеглась среди толстых томов в кожаных переплетах, опустила руки на подол бледно-лилового платья. Юноша уткнулся лицом в подушку и уснул; его хозяин затворил медные створки.

Что-то тревожило меня в этой комнате, но я не знал, что именно. Не мог понять, что со мной творится, но одно было очевидно: кто-то

старался изгнать из моей памяти два ужасных переживания – эти страшные, завораживающие фрески и отвратительное убийство, которое я, забыв о стыде и приличиях, едва не совершил на глазах у других.

Я никак не мог разобраться, что угрожает мне теперь и почему мой ум ищет путь к спасению неведомо от чего. Я не сводил глаз с Клодии. Она полулежала на столе в окружении книг и других предметов – там был отполированный до блеска человеческий череп, старинный позолоченный канделябр, раскрытая толстая рукопись на пергаменте; буквы отражали яркий свет свечей. На стене, прямо над головой Клодии, висела гравюра, которую я заметил только теперь: средневековый дьявол с рогами и копытами парит над шабашем поклоняющихся ему ведьм. Золотистые локоны Клодии едва не задевали ее. Она смотрела на хозяина комнаты широко открытыми удивленными глазами. Вдруг мне захотелось броситься к столу и схватить ее на руки, страшная картина мелькнула в моем воспаленном воображении: Клодия, неживая, как сломанная кукла, брошенная навзничь. Я перевел взгляд на дьявола – лучше уж видеть его отвратительную рожу, чем мрачную и неподвижную Клодию.

«Вы не разбудите мальчика, говорите, не бойтесь, – сказал вампир. – Вы явились издалека, и путешествие было долгим и нелегким».

Мое смятение отступало, исчезало бесследно, точно клубы дыма, развеянные порывами ветра. Я уверенно и спокойно смотрел на него. Он неторопливо прошел по комнате и опустился в кресло напротив моего. Клодия тоже смотрела на него, а он переводил взгляд с нее на меня. Его бесстрастное лицо не менялось, глаза смотрели спокойно и мирно, как всегда.

«Как вы знаете, меня зовут Арман, – сказал он. – Это я посылал Сантьяго прошлой ночью вручить вам приглашение на спектакль, а заодно и к нам в гости. Я знаю ваши имена и рад видеть вас у себя дома».

Я собрался с силами и ответил ему; собственный голос показался мне чужим. Я сказал, что мы так боялись оказаться единственными вампирами на свете.

«Но откуда же тогда взялись вы сами?» – спросил он.

Клодия чуть приподняла руку, быстро взглянула на меня. Я не сомневался, что Арман тоже заметил ее движение, но не подал виду. Я сразу понял, что она пыталась сказать.

«Вы не хотите отвечать», – задумчиво проговорил он, и этот тихий, ровный, нечеловеческий голос, эти глубокие глаза снова околдовали меня; а ведь я с таким трудом вырвался только что из этих чар.

«Ты здесь главный?» – спросил я.

«Нет, если понимать слово «главный» так, как понимаешь его ты, – ответил он. – Но если бы кто-то и возглавил наше сообщество, то это был бы я».

«Прости меня… я пришел не затем, чтобы обсуждать, как я стал вампиром, это не тайна для меня и не вызывает вопросов. И если у тебя нет власти, которая требует беспрекословного уважения и подчинения, я не стану говорить об этом».

«А если бы я сказал, что у меня есть такая власть, ты бы подчинился?» – спросил он.

Жаль, что я не могу передать, как он говорил: каждый раз он словно выходил из волшебного состояния созерцания; то же самое теперь происходило и со мной, и мне трудно было преодолеть это волшебство. Он ни разу не пошевелился, но наша беседа казалась очень оживленной. Это и пугало, и притягивало меня, так же как простая, но богатая обстановка его комнаты. Здесь было только самое необходимое: книги, стол, пара кресел у камина, гроб, картины. По сравнению с ней роскошное убранство нашего номера казалось не только пошлым и вульгарным, но и совершенно бессмысленным. Только присутствие спящего юноши оставалось для меня загадкой. Его роли я никак не мог понять.

«Не уверен, – отозвался я, не в силах отвести взгляд от омерзительного портрета сатаны. – Сначала я должен узнать, кто… кто дал тебе эту власть. Другие вампиры… или кто-нибудь еще».

«Кто-нибудь еще, – протянул он. – Что ты имеешь в виду?»

«Вот это!» – Я указал на средневековую гравюру.

«Это всего лишь рисунок», – заметил он.

«И все?»

«И все».

«Значит, не сатана поставил тебя над ними? Не он дал тебе власть вампира?»

«Нет», – спокойно ответил он, и я не мог понять, что он сейчас думает и задумывается ли вообще над моими вопросами.

«А другим вампирам?»

«Нет», – ответил он так же спокойно.

«Значит, мы… – я наклонился вперед, не в силах сдержать волнение, – не дети дьявола?»

«О чем ты? – задал он встречный вопрос. – Разве дьявол сотворил этот мир?»

«Нет, если кто его и создал, то только Бог. Но и дьявола создал Бог, и я хочу знать, а вдруг мы – творения сатаны?»

«Ты совершенно прав, дьявола сотворил Бог, значит, и он – дитя Божье. И все мы тоже. Никаких детей сатаны не существует».

Я не мог скрыть своих чувств и, откинувшись на спинку кресла, снова взглянул на гравюру. На мгновение я забыл о присутствии Армана и задумался, потрясенный его неоспоримой и простой логикой.

«Но почему ты так взволнован? – обратился он ко мне. – Ведь все, что я сказал, для тебя не новость».

«Позволь мне объяснить, – начал я. – Я знаю, ты не просто вампир, ты учитель, и я бесконечно уважаю тебя. Но твоя отрешенность недоступна мне. Я никогда не был и, наверное, никогда не буду таким, как ты».

«Я понимаю тебя. – Арман кивнул. – Я смотрел на тебя во время спектакля и видел, как ты страдал, сочувствовал девушке и жалел ее. Я предложил тебе кровь Дэниса, ты и его жалел. Всякий раз, убивая, ты умираешь сам, потому что думаешь, что заслуживаешь смерти, и ничто не может переубедить тебя. Твоя душа полна любви и стремления к справедливости. Как же ты можешь называть себя творением дьявола?!»

«Я грешен, бесконечно грешен, как и любой вампир на земле! Убил множество людей и буду убивать и дальше. Я принял этого юношу, Дэниса, хотя даже не знал, умрет он или нет».

«Но разве это значит, что ты такой же грешник, как другие вампиры? Разве не существует различных степеней зла? Или ты думаешь, что зло – это огромная, чудовищная пропасть, однажды

соскользнув в которую, ты будешь неизбежно падать в скрытые вечным мраком глубины?»

«Да, так я и думаю. Может, это и неразумно, но вокруг меня только черная пустота, и нет мне утешения».

«Ты просто не хочешь быть честным до конца, – возразил он, и в первый раз я уловил в его голосе проблеск какого-то чувства. – Ты же понимаешь, что добродетель бывает разная. Добродетель ребенка – в его невинности, добродетель монаха – бескорыстие, самопожертвование и служение Богу. Есть добродетель святых и добродетель домашних хозяек. Разве они ничем не отличаются друг от друга?»

«Да, отличаются. Но все они бесконечно далеки от зла», – ответил я.

Раньше я никогда об этом не думал, и только теперь, в разговоре с Арманом, мои самые затаенные чувства обрели форму и превратились в слова. Наверное, мой разум тогда был слишком слаб, и только чужая воля побудила меня связно мыслить, извлекать правду из хаоса страстей и страданий. Чужая воля направляла меня. И я вдруг ясно понял, что больше не одинок. Без всякого внутреннего сопротивления вспомнил прошлое; заново пережил тот миг, когда стоял у лестницы лицом к лицу с Бабеттой, ослепленный ее ненавистью; вспомнил жизнь с Лестатом и вечное раздражение против него; страстную, обреченную привязанность к Клодии – и я понял, что это только маска, под которой я скрывал свое одиночество, что моя любовь к ней имеет те же корни, что и желание убивать. И мой разум проснулся, я снова жадно хотел узнать правду, несмотря на собственные слова: «Вокруг меня только черная пустота, и нет мне утешения».

Я посмотрел на Армана, его огромные карие глаза на сияющем, навеки юном лице пристально изучали меня. Мне почудилось, что мир вокруг пришел в медленное движение; так же было в том зале с фресками – предчувствие видения, – и во мне пробудилось желание такое неистовое, что само обещание его выполнения таило в себе невыносимую возможность разочарования. Меня мучил древний, страшный вопрос: что есть зло?

Я сжал голову руками, как делают люди в минуты страдания, но разве человек в силах унять эту боль?

«Что же такое зло? – Арман словно прочитал мои мысли. – Разве можно один раз сойти с пути истинного и в мгновение ока стать таким же грешником, как выходец из черни, заседающий в революционном трибунале, как самый жестокий из римских императоров? Разве для этого достаточно разок пропустить воскресную мессу или попрать тело Христово? Или украсть краюху хлеба… или переспать с женой соседа?»

«Нет… – я покачал головой. – Нет».

«Если зло существует в этом мире, но не различается по степеням греховности, стало быть, достаточно совершить один-единственный грех, чтобы оказаться навеки проклятым. Разве не к этому сводится смысл твоих слов? Если Бог есть и…»

«Я не знаю, есть ли он, – перебил я Армана. – Но судя по тому, что я видел… Бога нет».

«Значит, нет и греха, и зла тоже нет».

«Это не так, – возразил я. – Потому что если Бога нет, то мы – высшие разумные существа во всей вселенной. Только нам одним дано видеть истинный ход времени, дано понять ценность каждой минуты человеческой жизни. Убийство хотя бы одного человека – вот что такое подлинное зло, и не важно, что он все равно умрет – на следующий день, или через месяц, или спустя много лет… Потому что если Бога нет, то земная жизнь, каждое ее мгновение – это все, что у нас есть».

Арман откинулся назад, словно решив на время прервать беседу. Щурясь, он смотрел на огонь. Впервые он отвел взгляд в сторону, и я смог спокойно рассмотреть его. Он долго сидел молча, и я как будто видел движение его мыслей, они словно плыли по воздуху, как кольца табачного дыма. Я не мог их прочитать, но чувствовал их мощь, их силу. Мне даже виделось свечение вокруг его головы; его лицо казалось молодым, но это ничего не значило, потому что он был бесконечно старый и мудрый. Вряд ли я смогу это описать: чистые, юные черты лица и глаза, невинные, но полные многовекового опыта.

Он поднялся из кресла, непринужденно сцепил руки за спиной и обратил взгляд на Клодию. Я понимал, почему она все время молчала. Наш разговор был не для нее. Но я знал, что и она оказалась во власти могущественных чар Армана. Она ждала своего часа, слушала и запоминала. Их взгляды скрестились. Он владел каждой клеточкой своего тела, поднялся на ноги так легко, без мелких человеческих

жестов и движений, рожденных необходимостью, или привычкой, или неуверенностью в себе. Глядя на Клодию, он застыл в сверхчеловеческой неподвижности, и то же самое произошло с ней: она стала похожа на каменное изваяние, она тоже умела владеть своим телом. Они смотрели друг другу в глаза, и между ними возник контакт, некое высшее понимание, недоступное мне. Я сейчас для них был всего лишь суетным и вечно колеблющимся существом, как любой смертный для меня. Арман повернулся ко мне, и я понял: он уже знает, что она не согласна с моим пониманием зла, хотя они не произнесли ни слова.

Он заговорил, глядя на огонь:

«Значит, есть только одно зло».

«Да», – отозвался я, и этот главный вопрос снова заставил меня забыть обо всем.

«Да, это так», – ответил он, и это было как удар, ввергнувший меня в пучину отчаяния и безысходной тоски.

«Значит, Бога нет… тебе ничего неизвестно о его существовании?»

«Ничего!» – подтвердил он.

«Ничего!» – ошеломленно повторил я, даже не пытаясь скрыть свою наивность и жалкий человеческий страх.

«Ничего».

«И никто из здешних вампиров ничего не знает про Бога или дьявола?»

«Ни один из тех, кого я знаю, – задумчиво протянул он. Отблески пламени прыгали в его глазах. – И насколько могу судить, я – самый старый вампир на земле. Ведь живу уже четыреста лет».

Я изумленно смотрел на него.

Мир вокруг меня померк. Случилось то, чего я всегда так боялся. Я остался один, и не было у меня надежды. «Что ж, пусть будет так, – подумал я, – до самого конца света». Многолетние поиски закончились ничем. Я облокотился на спинку кресла, безразлично глядя на языки пламени в камине.

Я понимал, что бесполезно уезжать от Армана, предпринимать новое путешествие только затем, чтобы еще раз услышать тот же ответ.

«Четыреста лет, – шепотом повторил я его слова. – Четыреста лет».

Я не сводил глаз с раскаленных углей. Одно полено разгоралось с трудом, но огонь побеждал сырое дерево, оно медленно оседало в глубь камина, испещренное крошечными дырочками, через которые выступала смола. Она быстро выгорала, и на месте каждой такой дырочки плясал маленький огненный язычок. И мне показалось, что эти огоньки – лица людей с черными отверстиями ртов, что это огромный хор поет неслышными голосами.

Вдруг Арман резко поднялся, зашелестели складки плаща, он встал на колени у моих ног, обхватил мою голову руками, и горящие глаза смотрели мне в лицо.

«Зло – само понятие о нем – происходит от разочарования и горечи! Неужели ты не понимаешь? – воскликнул он. – Дети сатаны! Дети Бога! Неужели это единственный вопрос, который привел тебя ко мне? Неужели это единственная сила, которая заставляет тебя превращать нас в богов или чертей? Единственно подлинная сила заключена в нас самих. Как ты можешь верить во все эти лживые сказки?»

Он сорвал со стены гравюру так стремительно, что я успел заметить лишь оскаленную пасть дьявола. Она промелькнула передо мной и через мгновение исчезла в огне камина.

Что-то сломалось внутри меня, точно в душе открылись шлюзы, бурный поток чувств вырвался наружу и заставил напрячься каждый мускул моего усталого тела. Я вскочил на ноги и поспешно отступил назад, подальше от него.

«Ты сошел с ума? – спросил я, изумленный собственными гневом и отчаянием. – Мы оба, ты и я, бессмертны, вечны; каждую ночь мы черпаем наше бессмертие в человеческой крови; здесь, на столе, среди заключенного в толстые тома многовекового знания сидит ребенок, такой же демон, как и мы сами. И ты еще спрашиваешь, почему я стараюсь понять смысл нашего существования, почему обращаюсь к сверхъестественным силам, почему ищу их! я видел свое превращение и могу поверить во что угодно! Разве не так? Да, я запутался, я готов принять даже самую невероятную истину из всех когда-либо слышанных мною: в нашем существовании вообще нет никакого смысла!»

Я попятился к двери, прочь от его удивленного лица, руки, парящей в воздухе возле неподвижных губ, пальцев, сжатых так сильно, будто он хотел пронзить ногтями собственную ладонь.

«Не уходи! Вернись», – прошептал он.

«Нет, не сейчас, – сказал я. – Позволь мне уйти. На время… позволь мне уйти… Ничто не изменилось. Просто я должен пережить твои слова…»

На пороге я оглянулся. Клодия смотрела на меня, сложив руки на коленях. Потом нежно и печально улыбнулась, махнула рукой: уходи.

Мне хотелось выбраться из театра, очутиться среди старинных улиц и просто идти куда-нибудь, чтобы прийти в себя. Но у меня не было сил; двигаясь на ощупь в темноте по каменному коридору, я совершенно растерялся. Наверное, просто не мог собраться с духом и сделать над собой усилие, моя собственная воля отказывалась повиноваться мне. Я подумал, что смерть Лестата, если он, конечно, умер, была бессмысленной жертвой. Я часто думал о нем, вспомнил и теперь, но с теплотой и сожалением. Он был такой же потерянный и одинокий, как мы все. Он не прятал от нас никакой тайны, просто сам ничего не знал. Ему нечего было знать. Я не мог разобраться в своих мыслях, но уже начал понимать, что напрасно ненавидел Лестата. Я сидел на ступеньках лестницы в полумраке, спиной к приоткрытой двери зала, и тупо смотрел на собственную расплывчатую тень на грубом, шероховатом полу. Внутренний голос шептал мне: «Усни». И еще отчетливее: «Забудь обо всем». Но я не предпринял ни малейшей попытки встать и вернуться в гостиницу, хотя мне хотелось туда; я вспомнил, как там свежо и спокойно; там, среди милой и недолговечной роскоши, я смогу забыться, опуститься в мягкое бархатное кресло, положить ноги на каминную решетку и смотреть, как языки пламени лижут мраморные изразцы, и видеть в бесчисленных зеркалах не вампира, а усталого и задумчивого человека…

«Беги туда, – уговаривал я сам себя, – беги прочь от всего, что держит тебя здесь». И снова я подумал о Лестате.

«Я был несправедлив к нему. Я напрасно его ненавидел», – повторял я шепотом, стараясь вытянуть мысль из темных глубин сознания, чтобы она обрела законченную форму, понятную для меня

самого. Мой шепот походил на тихое шуршание сухих листьев и эхом отдавался под каменными сводами лестницы.

Вдруг из темноты отозвался другой, нечеловеческий голос, тусклый и ровный:

«О чем ты? Почему ты был несправедлив к нему?»

Я обернулся так резко, что перехватило дыхание. Вампир сидел рядом со мной, совсем близко.

Я не поверил своим глазам: это был тот мрачный шут, которого Арман называл Сантьяго.

Ничто в нем не напоминало прежнего жестокого злодея, хотя совсем недавно именно он напал на меня и Арман его ударил. Его черные волосы слегка растрепались, с губ исчезла коварная ухмылка. Он пристально глядел на меня.

«Это касается только меня одного», – ответил я, и мой страх отступил.

«Но ты назвал имя, я слышал», – сказал он.

«Имя, которое я не желаю повторять», – ответил я, избегая его внимательного взгляда. Я понял, как ему удалось одурачить меня и подобраться так близко: он бесшумно подкрался сзади, согнувшись, и его тень совпала с моей тенью. Я тут же представил, как он скользит вниз по лестнице за моей спиной, и мне стало не по себе. Его присутствие тревожило меня, я ему не доверял. Арман умел гипнотизировать, подчинять своей власти, но он всегда старался быть честным, понимал меня без слов. А этот вампир был насквозь лжив, и я инстинктивно чувствовал его силу, едва ли не равную силе Армана, но разрушительную и грубую.

«Ты приехал в Париж, чтобы отыскать нас, а теперь сидишь один на темной лестнице… – сказал он мирно и дружелюбно. – Почему бы тебе не подняться к нам? Пойдем, расскажи нам о нем; я знаю его, я узнал это имя».

«Ты не знаешь и не можешь его знать. Это был простой человек», – соврал я, повинуясь скорее чутью, чем разуму. Почему-то я не хотел, чтобы он знал о Лестате и его смерти.

«Ты хочешь сказать, что пришел сюда предаваться размышлениям о судьбе какого-то человека и о справедливости по отношению к нему?» – спросил он без малейшего намека на насмешку.

«Я пришел сюда, чтобы побыть одному, не обижайся», – пробормотал я.

«Нехорошо быть одному в таком состоянии. Ты даже не слышал, как я подошел… Ты нравишься мне. Пойдем наверх, к нам». – Он медленно потянул меня за руку, я поднялся.

Вдруг внизу блеснул свет, это открылась дверь комнаты Армана. Послышались шаги – он шел сюда. Сантьяго отпустил меня. Я стоял недоумевая. У лестницы появился Арман, на руках он держал Клодию. Она смотрела вокруг прежним безразличным взглядом. Казалось, она ничего не замечает и думает о своем. Я не мог понять, что с ней происходит. Я взял Клодию из рук Армана, ее нежное тело приникло ко мне, как бывало в гробу перед сном.

Резким и сильным движением руки Арман оттолкнул Сантьяго, тот упал, но тут же поднялся. Арман не дал Сантьяго опомниться и потащил его наверх. Все произошло так быстро, что я успел заметить лишь очертания черных облачений и расслышать шарканье подошв по каменному полу. Через мгновение Арман уже стоял на верхней ступеньке один, и я неторопливо поднялся к нему.

«Вам не удастся сегодня ночью безопасно покинуть театр, – прошептал он, обращаясь ко мне. – Он подозревает вас. Я пригласил вас сюда, и он считает, что имеет право познакомиться с вами поближе. Речь идет о нашей безопасности».

Следом за ним я вошел в зал, он повернулся ко мне и прошептал на ухо:

«Я должен предупредить тебя. Не отвечайте ни на какие вопросы. Говорите как можно меньше о себе. Спрашивайте сами, и перед вами станут распускаться бутоны истины. И главное: храните молчание о своем втором рождении».

Он отошел от нас, но потом обернулся и поманил за собой в полумрак, где уже собралось все общество. Они были похожи на мраморные статуи, их лица и длинные руки светились в темноте, как наши. И я подумал, что мы и они сотканы из одной и той же плоти, – я так долго мечтал об этой встрече. Но теперь эта мысль отчего-то тревожила меня, особенно когда я подошел поближе и разглядел их отражения в высоких зеркалах между ужасными фресками и картинами. Я отыскал свободное кресло с резными ножками и высокой спинкой, сел, и Клодия вдруг очнулась. Она наклонилась ко мне и

прошептала, что я должен слушаться Армана: ничего не говорить про Лестата и наше прошлое. Мне хотелось поговорить с ней без свидетелей, но Сантьяго непрерывно следил за нами и только изредка переводил взгляд на Армана. Вокруг Армана собрались дамы, они обнимали его, и я смотрел на них в смятении. Их стройные фигуры, прекрасные лица, изящные руки, скрывающие нечеловеческую силу, их колдовские взгляды, обращенные к нам в тишине, не волновали и не восхищали меня. Меня мучила ревность. Он поворачивался к каждой, целовал их, и я сходил с ума от ревности и страха, что он забыл про меня. Он подвел их ко мне, чтобы познакомить, но я смутился и не знал, что делать.

Я запомнил только два имени: Эстелла и Селеста. Они обе, изящные, как фарфоровые статуэтки, тут же принялись с развязностью, простительной разве что слепым, ласково ощупывать Клодию, гладить ее сияющие волосы, касаться даже ее губ. Она равнодушно терпела их ласки. И только мы с ней знали, что в ее детском теле прячется острый, проницательный ум взрослой женщины. Я удивлялся, глядя на нее: она поворачивалась к ним лицом, придерживая складки платья, холодно улыбалась в ответ на их восхищенное обожание. Я забыл, что и сам когда-то вел себя с ней как с ребенком, несдержанно: тискал ее, часто брал на руки. В моей голове теснились разные мысли. Я вдруг вспомнил наш разговор предыдущей ночью в гостинице и ее злобные слова о любви между людьми; я все еще не мог прийти в себя после разговора с Арманом, который не открыл мне ничего нового, и внимательно следил за вампирами, вслушивался в их шепот, вглядывался в темноту возле фресок. Я ни о чем никого не спрашивал, но скоро понял, что представляет собой парижское общество вампиров. Мои худшие опасения подтвердились: недавний спектакль был правдой, именно так они и жили.

Я стал прислушиваться к разговору, речь зашла об искусстве. Ради безопасности в доме всегда был полумрак, но его обитатели высоко ценили живопись, и каждую ночь кто-нибудь из них обязательно приносил новую гравюру или работу современного мастера. Селеста, опустив холодную ладонь на мою руку, с презрением говорила о смертных создателях этих произведений. Эстелла посадила себе на колени Клодию и с наивным апломбом утверждала, что они, вампиры,

только собирают эти жуткие картины, а придумывают их люди, которые способны на любую гадость.

«Разве художник, создавая такую картину, творит зло?» – спросила Клодия своим тихим, ничего не выражающим голосом.

Селеста, откинув со лба черные кудри, рассмеялась:

«Всякое воображаемое зло может стать настоящим, – ответила она, и в ее глазах вспыхнули враждебные огоньки. – Впрочем, мы стараемся не уступать людям в разных способах убийства!»

Она возбужденно, даже нервно засмеялась, наклонилась вперед и дотронулась до колена Клодии. Та безучастно встретила ее взгляд и снова погрузилась в молчание. Сантьяго подошел и завел разговор о наших апартаментах в гостинице. По-театральному размахивая руками, он старался убедить нас в том, что жить там очень опасно, как бы между делом демонстрируя удивительно точное знание наших комнат и обстановки. Он даже в деталях описал наши гробы, которые, по его словам, вызывали в нем дрожь отвращения.

«Перебирайтесь сюда! – обратился он ко мне по-детски непринужденно, как тогда на лестнице. – Живите с нами вместе, и не надо будет осторожничать. У нас надежная охрана… Кстати, расскажи мне, откуда вы взялись. – Сантьяго присел на пол возле моего кресла. – Мне знаком твой акцент, ну-ка, скажи что-нибудь».

Смутная тревога закралась в мое сердце: оказывается, я с акцентом говорю по-французски, но в тот момент я думал о другом. Я чувствовал в себе самом отражение его сильной воли и властности, они росли во мне с каждой минутой. Беседа продолжалась.

Эстелла говорила, что только черный цвет подходит вампиру, что пастельное платье Клодии хоть и очаровательно, но безвкусно.

«Мы сливаемся с ночью, – вещала она, – благодаря траурному блеску наших одежд».

Она прижалась щекой к Клодии и рассмеялась, пытаясь смягчить резкость своих слов. Вслед за ней засмеялись Селеста, Сантьяго и все остальные, зал наполнился неземными звуками тонкого серебристого смеха и нечеловеческих голосов. Они отражались от разрисованных стен, и огоньки свечей дрожали.

«Но как спрятать такие локоны?» – лукаво спросила Селеста, перебирая золотые волосы Клодии. Только теперь я обратил внимание, что все вампиры, кроме Армана, красили волосы в черный цвет. И

одевались они только в черное, вот почему мне казалось, будто все мы – мраморные статуи, вырезанные из каменной глыбы одним и тем же резцом и разукрашенные одной и той же кистью. И это тревожило меня, страшно тревожило, но я не мог разобраться почему.

Я встал и отошел к зеркалу, подальше от них, и посмотрел на мрачное общество за моим плечом. Клодия сверкала среди них, точно одинокий бриллиант. Наверное, так же выглядел бы здесь спящий внизу юноша – Дэнис. Я вдруг понял, что с ними мне невыносимо скучно. Все здесь было до отвращения скучно и неинтересно. Одни и те же алчущие глаза, одни и те же плоские шутки, унылый звон медного колокола.

Только жажда знаний отвлекала меня от тоскливых раздумий.

«Вампиры Восточной Европы, – донесся до меня голос Клодии, – это чудовищные создания, что у них общего с нами?»

«Они – мертвецы, призраки, – еле слышно ответил Арман, его голос издалека был тише шепота, но все вокруг расслышали его слова. Наступила мертвая тишина. – В их жилах течет другая кровь, кровь черни. Они превращаются в вампиров так же, как мы, только неумело и неосторожно. В старые времена…» Он осекся. Я увидел отражение его лица в зеркале: оно вдруг застыло суровой маской.

«Расскажи нам про старые времена», – попросила Селеста, ее твердый голос трепетал от возбуждения.

Сантьяго поддержал ее и сказал так же сладострастно:

«Да, в самом деле, расскажи нам про шабаши, про отвары из волшебных трав, способные сделать нас невидимыми. – Он улыбнулся. – И как сжигали на кострах!»

Арман смотрел на Клодию.

«Берегись этих монстров, – сказал он и, окинув внимательным взглядом Селесту и Сантьяго, добавил: – Этих призраков. Они нападут на тебя, как на простого человека».

Селеста передернула плечами, пробормотала что-то презрительным и надменным тоном, как аристократка о вульгарном деревенском родственнике. Но я смотрел на Клодию: ее глаза снова затуманились, и она поспешно отвернулась от Армана.

Беседа возобновилась, и под сводами зала снова зазвучали манерные светские голоса.

Они вспоминали свои ночные убийства, делились впечатлениями, сосредоточенно и спокойно обсуждали детали. Иногда словно молния вспыхивала в полутьме: кто-то призывал к особой жестокости. В дальнем углу одного вампира попрекали за то, что он слишком романтично воспринимает жизнь людей, что ему не хватает смелости и он всегда отказывается от самых захватывающих развлечений. Высокий и худой, он выглядел простовато, постоянно пожимал плечами, медленно выговаривал слова, тупо размышлял вслух: улечься ли в гроб до завтрашнего вечера или остаться здесь. Но не уходил, подвластный воле искусственно созданного общества, превратившего бессмертных в сборище конформистов. Как Лестату удалось разыскать их? Появлялся ли он здесь вообще? Если – да, то почему он ушел? Лестат не стал бы подчиняться чужой воле, он всегда стремился сам встать во главе. Как, должно быть, они восхищались его изобретательностью, кошачьей манерой забавляться со своими жертвами. И слово «упустил»… оно звучало здесь так часто. Не упустить – вот что было для меня жизненно важно, когда я только становился зрелым вампиром. Ты «упустил» возможность убить того ребенка, говорили они. Ты «упустил» шанс напугать ту бедняжку или довести до безумия того человека, хотя это было так просто.

У меня снова разболелась голова, и мне снова захотелось немедленно выбраться на свежий воздух, покинуть это сборище. Но я взглянул на Армана и понял, что не могу уйти. Я не забыл его предостережений, но не они, а нечто иное заставило меня оставаться на месте. Он принимал участие в общем разговоре, вставляя время от времени короткие замечания, или кивал головой, но между ним и остальными всегда сохранялась дистанция. Мое сердце забилось: я заметил, что чаще всего он смотрит на меня, но, как и прежде, равнодушно и отчужденно. Предупреждение об опасности эхом звучало у меня в ушах, но я решил пренебречь им, хотел уйти из театра как можно скорей, стоял и безучастно прислушивался к разговору, и все, что слышал, было скучно, глупо и бесполезно.

«Значит, нет ни законов, ни преступлений?» – спросила Клодия. Я встретил в зеркале ее взгляд.

«Преступление? Какая скука! – воскликнула Эстелла и взглянула на Армана. Тот усмехнулся в ответ. – А скука – это смерть!» –

прокричала она, обнажая клыки. Арман устало поднес руку ко лбу, изображая испуг.

Сантьяго вмешался в разговор.

«Преступление! – сказал он. – Да, есть одно преступление. Мы будем преследовать совершившего его, пока не настигнем и не уничтожим. Догадайся, о чем я говорю. – Он посмотрел на Клодию, потом перевел тяжелый, пристальный взгляд на меня. Лицо Клодии походило на застывшую гипсовую маску. – Вы должны это знать, иначе почему вы храните в тайне имя того, кто посвятил вас в вампиры?»

«Что это значит?» – Клодия слегка округлила глаза.

Наступила гробовая тишина, все смотрели на Сантьяго. Он выставил вперед ногу и, заложив руки за спину, наклонился над Клодией. Глаза его засветились свирепой радостью. Ему приятно было очутиться в центре внимания. Он неторопливо подошел ко мне сзади и, положив руку на мое плечо, вкрадчивым голосом спросил:

«Так ты не догадываешься, что это за преступление? Разве ваш учитель не рассказал тебе?»

Он попытался развернуть меня к себе лицом, потянул за плечо, постукивая пальцем в такт ускоряющемуся ритму моего сердца.

«Преступление, приговор за которое – смерть… Убийство себе подобного, убийство другого вампира!»

«А!» – звонко рассмеялась Клодия. Половицы слабо скрипнули под ее легкой ножкой, она подошла ко мне, окруженная волной бледно-лилового шелка, взяла меня за руку и сказала:

«А я-то боялась, этот смертный грех – родиться на свет из пены морской, как Венера и мы с Луи. Наш учитель! Пошли, Луи, нам пора!»

И она потянула меня к выходу.

Арман засмеялся, но Сантьяго молчал. Мы были уже на пороге, когда Арман поднялся с кресла и сказал:

«Добро пожаловать, завтра и всегда!»

Я перевел дыхание только на улице. Шел дождь, бульвары были пустынны и прекрасны. Ветер гнал по мостовой обрывки бумаг. Раздался глухой, ритмичный стук подков – одинокий экипаж

неторопливо обогнал нас и скрылся под бледно-лиловым небом. Я шел так быстро, что Клодия не поспевала за мной, и я взял ее на руки.

«Мне они не нравятся, – сказала она с ожесточением, когда мы подходили к гостинице. Даже в огромном, ярко освещенном вестибюле отеля в этот предрассветный час царили покой и тишина. Точно привидение, я бесшумно прокрался мимо клерков, спавших за стойками. – Ради того, чтобы разыскать их, я проехала полмира, но теперь не испытываю к ним ничего, кроме презрения и ненависти!»

Клодия яростно сорвала шляпку и молча направилась в гостиную; я последовал за ней. Косые струи дождя хлестали по высоким окнам. Я зажег одну за другой все лампы в комнате, потом свечи в серебряных канделябрах; я подносил их к газовой лампе, как часто делали и Клодия, и Лестат в нашем доме на Рю-Рояль. Потом отыскал обитое коричневым бархатом кресло, о котором мечтал, сидя на лестнице в театре, и опустился в него в полном изнеможении. На мгновение мне почудилось, что комната охвачена огнем, как при пожаре. Я остановил взгляд на пейзаже в позолоченной раме на стене напротив. И смотрел на бледно-голубые деревья, склоняющие кроны над прозрачным ручейком, и колдовские чары наконец развеялись. Им ни за что не добраться до нас, пока мы здесь, мысленно успокаивал я себя, но понимал, что это глупый самообман.

«Я в опасности, я в опасности», – с бессильной яростью твердила Клодия.

«Откуда они могут знать, что мы сделали с ним? Кроме того, не ты, а мы – в опасности! Неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я не считаю себя виноватым в смерти Лестата? Но даже если бы я не был замешан в этом… – Клодия приблизилась ко мне, и я было протянул руки ей навстречу, но тут же опустил их, натолкнувшись на свирепый взгляд огромных глаз. – Неужели ты думаешь, что я покинул бы тебя перед лицом смертельной угрозы?»

Я посмотрел на нее и не поверил своим глазам: Клодия улыбалась.

«Нет, Луи, я знаю, ты меня никогда бы не оставил, – сказала она. – Опасность удерживает тебя возле меня…»

«Любовь – вот что удерживает меня рядом с тобой», – тихо возразил я.

«Любовь? – Она на мгновение задумалась. – Что ты называешь любовью?»

Мое лицо исказилось от боли, она подобралась еще ближе и прижала крошечные ладони к моим щекам. Они были холодны как лед, и я понял, что ни Клодия, ни я не насытились кровью юноши. Она согрела нас только на время.

«Ты привыкла к моей любви и не замечаешь ее, – ответил я. – Узы, соединившие нас, нерасторжимы, как если б мы были обвенчаны перед алтарем в церкви».

Но не успел я договорить, в моей душе зашевелились прежние сомнения. Я вспомнил ее резкие и насмешливые слова о любви прошлой ночью и отвернулся.

«Ты, не задумываясь, бросишь меня, променяешь на Армана, стоит ему только поманить…»

«Никогда!» – возразил я.

«Ты покинул бы меня, потому что ты нужен ему не меньше, чем он тебе. Он давно тебя ждет…»

«Никогда…» – повторил я, встал и направился к гробу.

Дверь номера была заперта изнутри, но она все равно не могла стать преградой на пути тех вампиров. Единственное, что мы смогли сделать, чтобы они не застали нас врасплох, – это вставать каждый вечер как можно раньше. Я обернулся и позвал Клодию, и она сразу же подошла ко мне. Я зарылся лицом в ее волосы и молча попросил простить меня, потому что в глубине души понимал, что она права. Но все равно я любил ее, всегда любил. Я обнял ее, прижал к себе, и она прошептала:

«Ты знаешь, что он повторял мне бессчетное число раз, повторял без слов? Ты знаешь, зачем он лишил меня воли, так что я только завороженно смотрела на него и чувствовала, как он, точно на веревочке, тянет к себе мое сердце?»

«Значит, и с тобой так было… – пробормотал я. – Значит, не я один…»

«Он сделал меня беспомощной!» – сказала она.

Я снова увидел ее на кожаных томах на столе в комнате Армана, ее тоненькую, неприкрытую шею, безжизненные руки.

«Но разве он говорил с тобой?..»

«Без слов, – повторила она. Мне показалось, что свет ламп потускнел, что пламя свечей горит неестественно ровно. Капли дождя монотонно стучали по оконным стеклам. – Ты знаешь, что он сказал

мне? – прошептала она. – Что я должна умереть, чтобы освободить тебя!»

Я покачал головой, но мое проклятое сердце сильно забилось. Я видел, что она верит в то, что говорит. Ее глаза подернулись зеркальной серебристой пленкой.

«Он словно магнитом вытягивает из меня жизнь, – прошептала Клодия; ее губы дрожали, это было невыносимо. Я крепко сжал ее в объятиях, но слезы стояли у нее в глазах. – Точно так же он поступает и с Дэнисом, своим рабом. Будь его воля, он обратил бы в рабство и меня. Но ты – другое дело. Он любит тебя. И хочет, чтобы ты был с ним, и не позволит мне стоять у него на дороге».

«Ты совсем не понимаешь его!» – возразил я, целуя ее щеки, ее губы.

«Нет, Луи, я понимаю его слишком хорошо, – прошептала она. – Это ты заблуждаешься. Тебя ослепляет любовь, чарующий вид его мудрости и силы. Если б ты только знал, как он упивается смертью, то возненавидел бы его куда сильней, чем Лестата. Луи, ты не должен ходить к нему больше, никогда. Повторяю тебе: я в опасности!»

На следующий вечер я все же покинул Клодию и пошел к Арману. Я был уверен, что среди всех вампиров в театре только ему можно доверять. Она не хотела отпускать меня, смотрела на меня с такой тоской, что больно было уходить.

Я привык думать, что Клодии неведома слабость, но сейчас в ее глазах читались страх и какая-то обреченность. Но она все же отпустила меня, и я поспешил к своей цели. Я остановился неподалеку от входа в театр и подождал, пока зрители разойдутся, а швейцары станут запирать двери.

Не знаю, кем они сочли меня. Может, просто одним из актеров, не смывшим грим. Какая разница? Главное, что они пропустили меня. Я миновал нескольких вампиров в зале и очутился возле двери комнаты Армана. Он ждал меня, наверняка уже давно услышал мои шаги, поздоровался и предложил мне сесть. С ним был юноша, он обедал: на столе стояло серебряное блюдо с мясом и рыбой и полупустой графин белого вина.

После вчерашней ночи Дэнис выглядел болезненным и слабым, его щеки лихорадочно горели, и для меня мучительно было видеть его

розовую кожу, вдыхать его жаркий запах. Юноша наполнил бокал вином и поднял его в знак приветствия.

«За моего хозяина», – сказал он с улыбкой, его ясные глаза сверкнули, он взглянул на меня, но тост был поднят в честь Армана.

«За твоего раба», – отозвался тот шепотом с глубоким страстным вздохом.

Дэнис сделал глоток. Арман с видимым наслаждением смотрел на его влажные розовые губы и подвижные мышцы нежной шеи.

Подцепив вилкой с блюда кусок мяса, юноша отсалютовал им, положил в рот и медленно прожевал, глядя на Армана. Вампир смотрел и пировал вместе с ним, но только глазами, и глаза эти были спокойны. Он не мучился и не жаждал невозможного. Его руки лежали на кожаных подлокотниках, он просто сидел и смотрел на мальчика.

И я вспомнил, как терзался, стоя под окнами Бабетты и страстно желая забрать ее жизнь.

Мальчик доел и опустился на колени перед Арманом, обнял его за шею. Казалось, он с наслаждением прикасается к ледяной коже вампира. Мне вдруг вспомнился Лестат, каким я его впервые увидел; как горели его глаза, как светилось в сумерках прекрасное белое лицо… Наверное, таким вы видите меня сейчас.

Наконец юноша отправился спать, и Арман, как и накануне, затворил за ним медные створки. Скоро тот заснул, разморенный едой. Арман вернулся в кресло, устремил на меня ясный, невинный взгляд огромных прекрасных глаз. Он притягивал меня, околдовывал, и я отвернулся. Поленья уже догорели, и вместо желанного огня я увидел мертвую золу.

«Ты говорил, чтобы мы ничего не рассказывали о себе. Почему?» – спросил я и поднял на него глаза. Наверняка он понял, что я избегаю его взгляда, но не обиделся, только взглянул удивленно. Но я не мог противостоять даже этому удивлению и снова отвернулся.

«Вы ведь убили того, кто превратил вас в вампиров. Не потому ли вы здесь без него и даже не желаете произносить вслух его имени? Сантьяго в этом уверен».

«Если это правда или если мы не сумеем убедить вас в обратном, вы попытаетесь уничтожить нас?» – спросил я.

«Я в любом случае не собираюсь делать вам ничего дурного, – спокойно ответил он. – Но я уже говорил: у меня нет абсолютной

власти над ними».

«Но они считают тебя главным. Ты дважды отгонял от меня этого Сантьяго».

«Я старше и сильнее Сантьяго, вот и все. – Он говорил просто, без тени гордости или высокомерия. – Сантьяго моложе тебя».

«Мы не хотим вражды».

«Она уже есть, – сказал он. – Не со мной. Я говорю про них».

«Но почему нас подозревают?»

Арман ответил не сразу. Он задумался, прикрыл глаза, положил подбородок на сжатый кулак. После невыносимо долгой паузы он взглянул на меня.

«Я объясню тебе, – сказал он наконец. – Вы слишком молчаливы. Вампиров на свете не так много, и они живут в постоянном страхе междоусобной войны. Они выбирают себе учеников с большой осторожностью, всякий раз тщательно удостоверяясь, что новообращенный станет с подобающим уважением относиться к себе подобным. В этом доме живет пятнадцать вампиров, это число ревниво оберегается. Кроме того, они с опаской относятся к вампирам, позволяющим себе проявлять слабость. То, что ты безнадежно испорчен, для них совершенно очевидно: ты чувствуешь слишком глубоко и думаешь слишком много. Ты сам говорил мне, что отчужденность вампира от окружающего мира не представляет для тебя особой ценности. Прибавь сюда и таинственного ребенка – девочку, которая никогда не станет взрослой и не сможет сама заботиться о себе. Я не превратил бы Дэниса в вампира, даже если б его жизнь, столь драгоценная для меня, подверглась опасности, потому что его душа и тело еще не окрепли. Он слишком молод и едва пригубил чашу человеческой жизни. «Кто же решился сделать такое с ней?» – спрашивают они. Это был ты или кто-то другой? Иными словами, ты падаешь сюда как снег на голову вместе со своими тайнами и непозволительными слабостями и при этом хранишь полное молчание относительно своего прошлого. Следовательно, рассуждают они, тебе нельзя доверять, и Сантьяго ищет подходящий повод. Но есть и еще одна причина, и она гораздо ближе к истине, чем все перечисленные. Она чрезвычайно проста. Дело в том, что при первой встрече с Сантьяго в Латинском квартале ты, к несчастью, обозвал его шутом».

«А-а-а…» – протянул я, откидываясь в кресле.

«Вот тогда тебе действительно лучше было бы промолчать», – сказал он. Я понял его шутку, и он улыбнулся.

Я молчал и обдумывал услышанное; у меня на душе лежали камнем слова Клодии об Армане – я не мог поверить, что этот мягкий, спокойный взгляд мог приказывать ей: «Умри». И волна отвращения охватывала меня при мысли о вампирах, собравшихся в зале наверху.

Мне вдруг захотелось поделиться с ним своими мыслями, рассказать ему обо всем. Но только не о ее страхе. Я смотрел в его глаза и не мог представить, что он хотел подчинить ее себе, чтобы лишить жизни. Его глаза говорили: «Живи». И еще: «Учись». Как же я хотел спросить его о том, чего не понимаю; рассказать, как долго искал встречи с другими вампирами, и вот теперь, в Париже, обнаружил, что их бессмертное существование свелось к светской болтовне, что они всеми силами стараются сохранить свое жалкое единство и мнимую исключительность. Какая тоска! И вдруг я совершенно отчетливо увидел, что иначе быть не может. Почему, собственно говоря, я думал, что все должно быть по-другому? Чего я мог от них ждать? Какое имел право ненавидеть Лестата, почему позволил ему погибнуть?! Потому что он не хотел объяснить то, что я должен был увидеть сам, найти в себе самом? И я вспомнил слова Армана: «… Единственно подлинная сила заключена в нас самих».

«Послушай, – неожиданно обратился он ко мне, – ты должен держаться от них подальше. У тебя все написано на лице. Оно тебя выдаст. Стоит мне задать вопрос – и ты сам все расскажешь. Посмотри мне в глаза».

Но я не послушался и неотрывно смотрел на маленькую гравюру над столом, до тех пор пока Мадонна с младенцем не стали расплываться неясной гармонией линий и красок. Я знал, что он говорит правду.

«Тогда останови их, объясни, что мы не причиним вреда. Что может тебе помешать? Ты же не считаешь нас своими врагами…»

Арман тихонько вздохнул.

«Я остановил их на время, – сказал он. – Но я не могу остановить их навсегда. Я не хочу такой власти. Такую власть надо будет защищать, у меня появятся враги, и мне придется возиться с ними до конца света. Все, что мне нужно, – это покой и жизненное

пространство. Только это и держит меня здесь. Я принимаю скипетр, но не для того, чтобы управлять, а чтобы стоять в стороне».

«Я должен был догадаться», – сказал я, не отрываясь от картины.

«И ты держись в стороне. Селеста – она одна из самых старых и очень сильна – стала ревновать к девочке из-за ее красоты. Да и Сантьяго, как ты теперь знаешь, только и ждет малейшего доказательства, чтобы объявить вас вне закона».

Я медленно повернул голову и посмотрел на него. Арман сидел так неподвижно, что я ужаснулся: он показался мне неживым. Я снова и снова слышал его слова: «…все, что мне нужно, – это покой и жизненное пространство. Только это и держит меня здесь». Меня снова потянуло к нему, и мне удалось справиться с собой только чудовищным усилием воли. Хотелось все изменить, сделать так, чтобы Клодия могла не бояться этих вампиров, чтобы она была неповинна в преступлении, о котором они все равно в конце концов узнают. И чтобы я наконец обрел свободу и смог бы остаться здесь, с Арманом, пока он рад мне или пока будет меня терпеть. Ради этого я был готов на все.

Я вспомнил, как Дэнис обнимал его, и подумал: вот символ истинной любви, моей собственной любви.

Поймите меня правильно, я говорю вовсе не о физической любви, хотя Арман был красив и прост и никакая близость к нему не могла быть неприятной. Но для вампира существует одна высшая точка страсти – убийство. Я говорю сейчас о другой любви. Я видел в Армане подлинного учителя, каким для меня должен был стать, но так никогда и не стал Лестат. Я уже твердо знал, что Арман не стал бы ничего утаивать от меня. Истина просвечивала бы сквозь него, как солнечный луч сквозь оконное стекло, и, согретый его теплом, я смог бы расти и развиваться дальше. Я закрыл глаза. И услышал его голос, тихий, почти беззвучный, и скорее угадал смысл его слов:

«Разве ты не знаешь, зачем я здесь?»

Я взглянул на него, пытаясь понять: неужели он может читать мои мысли, неужели даже это в его силах? И я наконец окончательно простил Лестата: он был слишком зауряден и прост, он не сумел раскрыть передо мной всю широту наших возможностей, нашу тайную силу; я все еще жаждал знания, и только Арман мог дать его мне. Мое сердце сжималось от боли и тоски. Мне предстояло совершать

чудовищный выбор. Клодия ждала меня. Клодия, моя возлюбленная, моя дочь.

«Что мне делать? – прошептал я. – Уйти от них и, значит, уйти от тебя? После стольких лет…»

«Они для тебя никто», – сказал он.

Я улыбнулся и кивнул в ответ.

«Чего хочешь ты сам?» – мягко и проникновенно спросил он.

«Разве ты не знаешь? – удивился я. – Разве ты не умеешь читать мысли?»

Арман покачал головой.

«Не так, как ты думаешь. Я знаю только, что тебе и девочке угрожает опасность, но ты и сам это знаешь. И еще я знаю, что, хотя она любит тебя, ты одинок и страдаешь».

Я встал. Казалось, что может быть проще: подняться на ноги, выйти из комнаты, быстро и незаметно проскользнуть по пустынным коридорам и лестницам, оказаться на улице? Но мне пришлось собрать воедино все силы, пробудить каждую крупицу той странной особенности нашего естества, которую я называю отчужденностью.

«Прошу тебя об одном: не дай им напасть на нас», – сказал я в дверях, не оборачиваясь и не желая даже слышать его вкрадчивый голос.

«Не уходи», – сказал Арман.

«У меня нет выбора», – ответил я и вышел из комнаты.

Я уже шел по коридору, как вдруг, вздрогнув от неожиданности, услышал за спиной его шаги, его дыхание. Он подошел ко мне вплотную, его глаза очутились прямо напротив моих. Он вложил в мою руку ключ.

«Там дверь, – прошептал он, указывая в дальний конец темного прохода, – лестница выходит в переулок. Только я о ней знаю. Иди туда, и ты сумеешь выбраться из театра незамеченным. Иначе они увидят, что ты чем-то встревожен и расстроен, и это не доведет до добра».

Я повернулся, чтобы уйти, хотя каждая клеточка моего тела хотела остаться с ним.

«Я хочу сказать тебе только одно. – Он приложил ладонь к моей груди. – Твоя сила в тебе самом! Не брезгуй ею. Если тебе доведется столкнуться с кем-нибудь из них на улице, пусть твое лицо застынет

непроницаемой маской. Смотри на них как на людей и повторяй: «Берегись!» Я дарю тебе это слово как талисман. Если когда-нибудь твой взгляд встретится со взглядом Сантьяго или любого другого вампира, говори с ним вежливо про все что угодно, но мысленно повторяй только это слово. Всегда помни об этом. Я говорю с тобой прямо, потому что ты ценишь простоту и честность. В этом твоя сила».

Не помню, как я добрался до потайной двери, отпер замок и поднялся по ступенькам на улицу, не помню, где был Арман, что он делал. Но уже в переулке позади театра я вдруг услышал его тихий, близкий голос: «Приходи ко мне, когда сможешь». Я огляделся, но, конечно, никого не увидел. И вспомнил, что он велел нам не уезжать из гостиницы, чтобы не давать Сантьяго и его компании ни малейшего свидетельства нашей вины, которого они так ждали.

«Видишь ли, – объяснил Арман, – убить вампира – исключительно захватывающее развлечение. Поэтому-то оно и запрещено под страхом смерти».

На свежем воздухе я наконец очнулся. Вокруг был город, асфальт блестел после дождя, узкие высокие дома нависали над улицей. Я обернулся и увидел, что дверь за моей спиной беззвучно закрылась и слилась с темной стеной.

Я знал, что Клодия ждет меня, и, подходя к отелю, заметил в окне наверху маленькую фигурку, окруженную огромными цветами. Но я свернул с освещенного бульвара, чтобы затеряться в темноте переулков, как любил делать в Новом Орлеане.

Нет, я не разлюбил Клодию. Я любил ее так же сильно, как Армана. Вот почему я решил убежать, спрятаться от них обоих и теперь с радостью внимал растущей во мне жажде крови, этой желанной лихорадке, туманящей разум и врачующей боль.

И вот из тумана навстречу мне вынырнул человек. Казалось, он медленно бредет по какому-то фантастическому ландшафту, так глуха и пустынна была ночь. Огни Парижа едва мерцали в непроглядном тумане, я стоял на холме в неведомой стране, в неведомом мире. Пьяный прохожий слепо двигался мне навстречу, в объятия самой смерти. Приблизившись, он вытянул вперед руку, дрожащие пальцы нащупали мое лицо.

Я был голоден, но не безумно и мог бы сказать ему: «Проходи». С моих губ уже готово было сорваться Арманово слово-талисман, но

дерзкая, пьяная рука прохожего обвилась вокруг меня. Он смотрел с восторгом и мольбой, просил пойти к нему домой, потому что он должен написать мой портрет, прямо сейчас; говорил, что там тепло… И я уступил. Я с наслаждением вдыхал резкий приятный запах масляных красок, их пятна пестрели на его свободной блузе. Мы шли куда-то по Монмартру, и я прошептал ему: «Ты же не мертвый, да?»

Мы шли через запущенный сад, прямо по густой, мокрой траве; я повторил: «Ты живой, живой». И он засмеялся. Он трогал мои скулы, щеки и крепко сжал мой подбородок, когда мы вошли в круг света под одиноким фонарем у входа в его жилище. В доме, в ярком свете керосиновых ламп, я разглядел его лицо, раскрасневшееся от вина и ночного холода, и огромные сверкающие глаза в тоненьких красных прожилках.

Он запер дверь, подвел меня к креслу, и прикосновение его теплой руки разожгло во мне голодный огонь. Я огляделся: со всех сторон смотрели человеческие лица, туманные в чаду коптящих ламп. Нас окружал волшебный мир холстов и красок.

«Садитесь, садитесь…» – торопливо бормотал он, лихорадочно подталкивая меня в грудь. Я схватил его за запястье, но тут же отпустил; моя жажда росла, накатывала, как волны.

Наконец он подошел к мольберту. Его глаза посерьезнели, он взял палитру, кисть побежала по холсту. Опустошенный и обессиленный, я смотрел на него, и какая-то неведомая сила, заключенная в этих портретах и в его восхищенном взгляде, уносила меня куда-то, и глаза Армана померкли, и я услышал стук каблучков Клодии по каменной мостовой: она убегала, бежала прочь от меня.

«Ты живой…» – прошептал я.

«Кости, – ответил он, – одни кости…»

И я увидел перед собой маленькое кладбище в Новом Орлеане, там не хватало места, мертвецов хоронили в старых могилах, разрывали их и вытаскивали полуистлевшие кости предшественников. Их сваливали в кучи и сбрасывали в ямы позади склепов. Я закрыл глаза, все мое тело сжигала нестерпимая жажда, сердце яростно требовало свежей крови. Художник подошел ко мне, чтобы поправить наклон головы. То был роковой шаг.

«Спасайся, – шепнул я ему. – Берегись!»

Вдруг что-то случилось с его лицом: влажное сияние глаз потускнело, он страшно побледнел. Выронив кисть из слабеющей руки, художник отшатнулся. В мгновение ока я вскочил и подступил к нему, закусив губу. Мне в уши ударил его отчаянный крик. Мои глаза налились кровью, я почувствовал под руками сильное, сопротивляющееся человеческое тело. Притянув беспомощную жертву к себе, я впился зубами в горячее живое горло и стал пить жадными большими глотками.

«Умри, – прошептал я, выпуская его из объятий. Его голова безжизненно ткнулась в мой плащ. – Умри».

Но он все еще жил и даже пытался разлепить веки, и я снова припал губами к его горлу. Он боролся за жизнь, но скоро его сердце стало замедлять свой ритм, мягкое безвольное тело выскользнуло из моих рук и упало на ковер.

Успокоившись и насытившись, я присел перед ним и вгляделся в затянутые предсмертной пленкой сереющие глаза. Красные пятна выступили у меня на ладонях, и кожа потеплела.

«Я снова смертный, – шепотом сказал я ему. – Твоя кровь оживила меня».

Его веки сомкнулись, я прислонился к стене и взглянул на свой портрет.

Он успел сделать только набросок, холст покрывали размашистые черные линии. Ему удалось превосходно изобразить мое лицо и плечи. Кое-где виднелись и цветные мазки, зеленые на глазах, белые на щеках. Но выражение лица… ужас, ужас! Он точно передал мои черты, но все сверхъестественное из них исчезло. В зеленых глазах, смотревших со свободно очерченного овала лица, застыла странная смесь глупой невинности и невыразимого удивления, на самом деле свидетельствующая о всепоглощающем желании, чего он, естественно, не понял и не мог понять. Передо мной предстал Луи, каким он был добрую сотню лет назад, заслушивавшийся проповедями священника во время торжественной мессы: слегка приоткрытый ленивый рот, небрежная прическа, вялый наклон головы… От вампира не осталось и следа. Я смеялся так, как не смеялся уже давно, закрыв лицо руками, рыдая от хохота. Оторвав ладони от глаз, я обнаружил красные пятна слез, окрашенных человеческой кровью.

«Чудовище, – подумал я, – ты только что убил человека и дальше будешь убивать». Я подхватил картину и направился к двери.

И вдруг человек, безжизненно лежавший на полу, привстал, с громким животным стоном вцепился в мой башмак, скользя пальцами по гладкой коже. Какая-то непостижимая сила, превосходящая мою, подняла его на ноги, он дотянулся и ухватил портрет.

«Отдай! – рычал он, оскаливая зубы. – Отдай!»

Я смотрел то на него, то на собственные руки, с поразительной легкостью державшие вещь, которую он так отчаянно тянул к себе, точно намеревался захватить с собой на небеса или в преисподнюю. Два существа вырывали холст друг у друга из рук: я – нечеловек с человеческой кровью, и он – человек, которого не смогло одолеть зло в моем облике. И тогда, обезумев, я вырвал картину из его скрюченных пальцев и, легко подтащив полумертвое тело к себе, с яростью глубоко вонзил клыки в кровоточащее горло.

В номере я первым делом повесил портрет над каминной полкой и долго стоял перед ним. Клодия была дома, где-то в комнатах, но я чувствовал присутствие кого-то еще. Сперва я подумал, что кто-то из номера над нами, мужчина или женщина, вышел на балкон и поэтому в ночном воздухе разливается неповторимый запах человеческой плоти. Я сам не знал, зачем притащил с собой картину и чего ради боролся за нее с умирающим человеком, и теперь мне было тошно и стыдно. Не понимал, почему не могу оторваться от нее и стою здесь перед каминной полкой. Я опустил голову, руки у меня дрожали. Потом я обернулся и посмотрел вокруг, медленно, чтобы гостиная успела обрести привычные очертания. Я просто хотел увидеть цветы, бархатные кресла, свечи в изящных канделябрах и все эти мирные, домашние вещи. Стать обычным человеком и ничего не бояться!

В следующее мгновение моему взгляду предстала женщина.

Она сидела за туалетным столиком Клодии и смотрела на меня спокойно и бесстрашно. Ее платье из зеленой тафты отражалось во всех зеркалах. Темно-рыжие волосы были аккуратно разделены на пробор и зачесаны за уши, выбившиеся мелкие пряди обрамляли бледное, приятное лицо. Вдруг она улыбнулась одним ртом, нежным и мягким, как у ребенка, и ее спокойные синие глаза просияли.

«Да, он в точности такой, как ты рассказывала, – сказала она Клодии. – Я уже полюбила его». Она поднялась с кресла, чуть приподняв складки платья, и три маленьких зеркала сразу опустели.

Я потерял дар речи. Повернувшись, я увидел Клодию, она уже успела забраться на огромную кровать. Ее личико казалось невозмутимым, но маленькие ручки судорожно комкали шелковую занавеску.

«Мадлен, – еле слышно произнесла она, – Луи очень застенчив».

Мадлен улыбнулась, приблизилась ко мне, сдвинула кружевной воротничок платья и обнажила нежную шею. Я разглядел две красноватые точки. Улыбка сползла с ее губ, они вдруг стали упрямыми и чувственными, она сузила глаза и выдохнула: «Пей».

С невыразимым ужасом я отшатнулся, прижал к виску кулак. Клодия мгновенно очутилась между нами и схватила меня за руку. Ее глаза впились в меня, как два свирепых, безжалостных огня.

«Сделай это, Луи, – приказала она. – Ты ведь знаешь, я не могу сама. – Ее ровный, холодный голос скрывал мучительную боль. – Я слишком мала. Моей силы недостаточно! Вы позаботились об этом, когда сделали меня вампиром! Ты должен, Луи!»

Клодия сжала мое запястье, оно саднило, как от ожога. Я бросил взгляд на дверь и решил, что лучше всего сразу уйти. Клодия противостояла мне всем своим упрямством и железной волей, а в глазах женщины светилась та же решимость. Если бы Клодия стала нежно умолять меня, уговаривать, я успел бы собраться с силами. Но в ее глазах застыло странное выражение безысходности, и холодная маска не могла его спрятать. Я не мог уйти. И вдруг она отвернулась, точно все ее надежды рухнули. Я не мог понять, что с ней. Она опустилась на кровать, склонив голову, молча смотрела в стену, ее губы шевелились. И мне захотелось коснуться ее, объяснить, что она просит невозможного, попытаться хоть как-то притушить пламя, сжигающее ее изнутри.

Женщина тихо подошла к камину и села в кресло. Ее платье шелестело и радужно переливалось, словно окутывало ее тайной. Она смотрела на нас, ее загадочные глаза горели на бледном лице. Я повернулся к ней, посмотрел на припухлые детские губы, нежные щеки… Поцелуй вампира не оставил никаких следов, кроме двух крошечных ранок.

«Какими ты нас видишь?» – спросил я.

Она не сводила глаз с Клодии. Казалось, ее околдовала неземная красота девочки, страстные женские движения ее маленьких сильных рук.

Она с трудом перевела взгляд на меня.

«Я спросил, какими ты видишь нас? – повторил я. – Не правда ли, мы прекрасны? Как светится эта мертвенно-бледная кожа! Как волшебно сияют эти свирепые глаза! О, я хорошо помню, сколь близоруко и несовершенно зрение людей! Как сквозь туманную пелену передо мной мерцала магическая красота вампира, такая соблазнительная и такая обманчивая! Пей, говоришь ты мне. Ты сама не знаешь, чего просишь!»

Клодия вскочила с дивана и приблизилась к нам.

«Как ты смеешь, – прошептала она. – Как ты смеешь решать за нас обоих! Если б ты знал, как я презираю тебя! Это презрение точит мою душу, точно ржавчина – железо! – Ее маленькая фигурка дрожала, она поднесла к груди сжатые кулачки. – Не смей отворачиваться, смотри мне в глаза! Меня уже тошнит от этого, тошнит от твоих бесконечных страданий. Ты ничего не понимаешь. Ты не можешь смириться с тем, что ты – зло, а мне приходится мучиться из-за этого. Я больше так не могу. С меня довольно! – Ее пальцы снова впились в мое запястье. Я сжался от боли, отступил назад, спотыкаясь под ее ненавидящим взглядом. В ней закипал ужасный гнев, будто свирепый хищный зверь пробуждался к жизни. – Вы, словно добычу, вырвали меня из рук людей, как зловещие чудовища из кошмарных сказок. Отцы! – Последнее слово вылетело из уст Клодии, как плевок. – Плачь, плачь: воистину есть отчего рыдать! Но у тебя все равно не хватит слез, чтобы оплакать то, что вы сделали со мной. Каких-нибудь семь-восемь лет человеческой жизни – и мое тело стало бы таким же! – Она ткнула пальцем в Мадлен; та в ужасе закрыла лицо руками, застонала, и мне почудилось имя Клодии, но Клодия ее не слушала. – Да, точно таким же! Я смогла бы гулять с тобой по улицам как равная. Чудовища! Сделать бессмертной эту жалкую плоть!» – Слезы стояли у нее в глазах, голос прерывался.

«Ты сделаешь ее бессмертной ради меня! – Она наклонила голову, спрятала лицо под завесой волос. – Ты подаришь мне ее или завершишь начатое тобою однажды ночью в гостинице в Новом

Орлеане. У меня нет сил жить дальше с этой ненавистью в душе, с этим ядом. Я больше не могу, я не выдержу!»

Часто и прерывисто дыша, она откинула волосы со лба и зажала ладонями уши, чтобы не слышать собственных слов. Жгучие красные слезы катились по ее щекам.

Я упал на колени, протянул к ней руки, но не посмел коснуться ее или хотя бы произнести ее имя; я боялся, что невыносимая боль вырвется из моей груди чудовищным бессмысленным криком. Клодия тряхнула головой, вытерла слезы и крепко стиснула зубы.

«Я по-прежнему люблю тебя, и это мучает меня больше всего. Лестата я не любила никогда. Но ты – другое дело! Я одинаково сильно люблю и ненавижу тебя. Эти два чувства неразделимы в моей душе! Боже, как я ненавижу тебя!» Глаза Клодии, затянутые кровавой пеленой, вспыхнули и вновь погасли.

«Да», – прошептал я и склонил голову.

Но она не слушала меня и бросилась к Мадлен, и та обняла ее так крепко, так отчаянно, словно хотела защитить девочку от меня. Как горько, как глупо – ведь Клодия искала защиты от себя самой.

«Не плачь, не плачь», – шептала Мадлен, гладила ее лицо и волосы так ожесточенно, что смертному ребенку наверняка было бы больно. Клодия прижалась к ее груди и затихла. Она закрыла глаза, ее лицо смягчилось, точно ярость, обуревавшая ее, вдруг иссякла. Измученная рыданиями, она обняла Мадлен за шею и уткнулась лбом в мягкую тафту.

Я смотрел на них: нежная женщина плакала так безутешно; ее теплые руки обнимали это существо, это бледное, неистовое, нечеловеческое дитя, понять которое она не могла – и все равно любила. И я сейчас сопереживал этой сумасшедшей, она так безрассудно играла с огнем, возилась с навеки проклятым созданием. Я мог бы вырвать маленького демона из ее рук, прижать Клодию к себе, разубедить ее, развенчать ее обвинения, но я сопереживал этой женщине, я горевал о ней, как о себе самом, давным-давно умершем.

И я не двинулся с места, не встал с колен и думал только об одном – что любовь и ненависть неразделимы; как за соломинку, я хватался за эти слова.

Клодия давно уже перестала плакать, но Мадлен этого не замечала; она ласково гладила Клодию по голове, ее мягкие рыжие

волосы касались щеки девочки. Та замерла, застыла у нее на руках, как статуя, большие влажные глаза смотрели на меня. Я ответил ей долгим взглядом, но не мог и не хотел ничего говорить в свое оправдание. Мадлен шепнула что-то ей на ухо, Клодия помолчала, потом сказала тихо и нежно:

«Пожалуйста, оставь нас одних».

«Нет», – мотнула головой Мадлен и вдруг зажмурилась, вздрогнула всем телом, как от ужасной муки. Но Клодия взяла ее за руки, помогла встать, и та подчинилась, глаза на бледном лице смотрели испуганно и покорно.

В гостиной у двери они остановились, Мадлен поднесла руку к горлу, беспомощно озираясь, как та девушка из спектакля. Вдруг Клодия скрылась в дальнем углу, взяла что-то и вышла из тени на свет. В руках у нее была большая кукла – девочка с волосами цвета воронова крыла, большими зелеными глазами и милым личиком. Клодия протянула куклу Мадлен, фарфоровые ножки звякнули. Мадлен посмотрела на куклу, и вдруг глаза ее ожесточились, она усмехнулась, обнажив белоснежные зубы, погладила куклу по голове и рассмеялась тихим грудным смехом.

«Приляг», – сказала Клодия; в дверной проем я увидел, что они обе опустились на кушетку. Мадлен подобрала платье, Клодия устроилась рядом и обняла ее за шею. Кукла упала на пол, Мадлен подняла ее, закрыла глаза, откинула голову на подушку, волосы Клодии касались ее лица.

Я снова прислонился к кровати. Я слышал шепот Клодии: она уговаривала Мадлен успокоиться, потерпеть. Потом я услышал шаги, они приближались; дверь, скрипнув, затворилась и отгородила Мадлен от нас и от нашей ненависти, от глубокой пропасти, что пролегла между нами.

Я поднял голову: Клодия стояла передо мной и смотрела без горечи и без злобы; ее лицо было неподвижно, как у той куклы.

«Все это правда! – сказал я. – Я заслужил твою ненависть. Заслужил ее уже в ту самую минуту, когда Лестат вложил твое слабое тело в мои руки».

Казалось, она не слышит меня, ее глаза струили мягкий, приглушенный свет. Ее красота обжигала мою душу, я страдал невыносимо. И вдруг она удивленно сказала:

«Ведь ты мог тогда просто убить меня. Да, убить. – Она окинула меня невозмутимым взглядом. – Может, ты хочешь сделать это сейчас?»

«Сейчас! – Я обнял ее, притянул к себе. Ее смягчившийся голос пробудил во мне нежность. – Что ты говоришь? Ты сошла с ума?»

«Но я хочу этого, – сказала она. – Припади губами к моей шее – как тогда – и пей кровь каплю за каплей, покуда у тебя хватит сил. Подтолкни мое сердце к краю обрыва. Я маленькая, тебе не составит труда забрать мою жизнь. Я не стану сопротивляться. Я ведь такая хрупкая, ты можешь сломать меня одним пальцем, как цветок».

«Неужели ты правда этого хочешь? – спросил я. – Почему же ты не захватила нож для меня?»

«Ты бы решился умереть вместе со мной? – Клодия насмешливо улыбнулась. – Да или нет? – настойчиво повторила она. – Разве ты так и не понял, что со мной происходит? Он медленно убивает меня, этот твой вампир-учитель; он превратил тебя в своего раба, потому что не хочет делить со мной твою любовь, он хочет забрать тебя всего. Я вижу его тень в твоих глазах. Ты мучишься, потому что не можешь скрыть свою любовь к нему. Подними голову, я заставлю тебя смотреть на меня, заставлю слушать».

«Довольно. Я тебя не оставлю. Мы уже говорили об этом… Но даже ради тебя я не могу превратить ее в вампира».

«Но ведь речь идет о моей жизни! Дай мне ее, чтобы она позаботилась обо мне, просто помогла бы выжить! И он тогда получит тебя целиком! Я всего лишь борюсь за собственную жизнь!»

Я чуть было не оттолкнул ее.

«Нет, нет, это какое-то безумие, дьявольское наваждение! – воскликнул я. – Это ты не хочешь делить меня с ним, хочешь, чтобы вся моя любовь принадлежала только тебе. А если не моя, то этой женщины. Он сильнее тебя, он тебя не замечает, поэтому ты сама желаешь ему смерти, как Лестату. Но тебе не удастся разделить со мной еще одну смерть. Все, что угодно, но только не это! И я не стану превращать ее в вампира, обрекать тысячи людей на верную гибель в ее объятиях. Твоя власть надо мной кончилась, и я ни за что на свете не сделаю этого!»

Если б только она могла меня понять!

Я никогда не верил, что Арман желает ее смерти, он был слишком далек от мелких страстей. Об этом я даже не думал. Я с ужасом начал понимать, что происходит нечто чудовищное, по сравнению с чем мои гневные слова прозвучали как насмешка над собой, как жалкая попытка противостоять ее железной воле. Она ненавидит и презирает меня, она сама в этом призналась, и сердце у меня сжималось от тоски. Она сейчас нанесла мне смертельный удар, отняла самое главное – лишила своей любви. Этот нож был здесь, в моей груди, и я умирал за Клодию, за свою любовь, умирал от любви, как в ту ночь, когда Лестат подарил ее мне, назвал ей мое имя, когда я впервые встретился с ней взглядом. Эта любовь согревала меня долгие годы, лечила мою ненависть к себе, заставляла меня жить. Вот зачем Лестат дал ее мне: он все понимал! Но его план не удался, все было кончено.

Время шло, я мерил шагами комнату, сжимая и разжимая кулаки. Чувствовал ее взгляд, но не только ненависть горела в нем: в ее влажных глазах застыла жестокая, нестерпимая боль. Впервые она открыла мне свою боль! «Сделать бессмертной эту жалкую плоть». Я зажал уши, чтобы избавиться от этих слов. Я плакал. Долгие годы я думал, что ей все равно, что ей не бывает больно. Я ошибался. О, как бы Лестат посмеялся над нами! Вот почему в ту роковую ночь Клодия всадила кухонный нож в его грудь: ее мучения только рассмешили бы его. А чтобы убить меня, ей достаточно было показать свою боль: мое дитя страдало, и ее боль становилась моей болью.

В соседней комнате стоял гроб – постель для Мадлен. Клодия вышла туда и оставила меня наедине с моими мучениями. Но я даже хотел побыть один. Я стоял у открытого окна и смотрел на пелену дождя. Крупные капли искрились на листьях папоротника, на хрупких белых цветах, и тонкие стебельки гнулись, ломались под тяжестью воды. Ковер цветов устилал пол на маленьком балкончике, капли мягко ударялись о белоснежные лепестки. Я остался один, совсем один. И это было непоправимо, как то, что я сделал тогда с Клодией.

И все же я ни о чем не жалел. Может, виной тому была черная, беззвездная ночь. Холодный свет фонарей расплывался в тумане. И странный, незнакомый покой наполнил мою душу.

«Я один, один в целом свете», – говорил я себе и вдруг понял, что это хорошо, что так и должно быть. Как будто я всегда был один, и в ту ночь, когда стал вампиром, я покинул Лестата и пошел своей дорогой,

не оглядываясь на него, и мне уже не нужен ни он, ни кто-то другой. Казалось, ночь говорит мне: «Ты – часть меня, только я понимаю тебя и укрываю в своих объятиях». Один на один с тенями, без страха и ночных кошмаров. Непостижимый, вечный покой.

Но скоро он оставил меня, рассеялся бесследно, как тучи после дождя. Прежняя боль пронзила сердце: я потерял Клодию; мрачные тени выползали из углов неприбранной, странно чужой комнаты и собирались вокруг меня. Но даже теперь, когда яростные порывы ветра разорвали в клочья эту тихую ночь, ко мне властно взывала какая-то незнакомая неодушевленная сила. И сила моего естества откликнулась на этот зов не сопротивлением, но таинственным, лихорадочным напряжением.

Я бесшумно двигался по комнатам, тихонько отворял перед собой двери и, наконец, в тусклом свете ламп увидел женщину. Она лежала на кушетке в обнимку с куклой. Я опустился перед ней на колени и увидел, что ее глаза открыты. В темноте, сгущавшейся позади нее, горели другие глаза, они внимательно смотрели на меня, маленькое бледное личико застыло в ожидании.

«Ты станешь заботиться о ней, Мадлен?» – спросил я тихо. Она еще крепче вцепилась в игрушку, спрятала лицо куклы у себя на груди. Моя рука сама собой потянулась к ней.

«Да!» – отчаянно сказала Мадлен.

«Ты думаешь, она тоже кукла?» – спросил я и положил ладонь на фарфоровую головку. Мадлен резким движением вытащила куклу из-под моей руки и, упрямо стиснув зубы, посмотрела мне в глаза.

«Ребенок, который никогда не умрет! Вот кто она для меня». – Она выговорила это как заклинание.

«Ах вот оно что…» – прошептал я.

«С меня довольно кукол». – Она отшвырнула игрушку. Она прятала что-то у себя на груди, прикрывая ладонью, но я знал, что она хочет мне это показать. И я вспомнил, что это; я уже видел его раньше – медальон, приколотый к платью золотой булавкой.

«И ребенка, который умер?» – догадался я, внимательно вглядываясь в ее лицо. Я представил себе ее лавку игрушек, этих кукол с одинаковыми лицами. Покачав головой, она дернула медальон, и булавка порвала платье у нее на груди. Дикий страх исказил ее лицо. Она разжала ладонь с булавкой, кровь текла по ее пальцам.

«Моя дочь», – прошептала она трясущимися губами.

Я открыл крышку медальона и увидел нарисованное на фарфоре лицо Клодии; нет, кукольное личико, обрамленное прядями волос цвета воронова крыла, слишком хорошенькое, приторно невинное. Я разглядывал портрет девочки, а мать с ужасом смотрела в темноту перед собой.

«У тебя горе…» – мягко сказал я.

«С меня довольно горя. – Ее глаза сузились. – Если б ты знал, как я жажду стать такой, как ты. Я уже давно готова к этому». – Она потянулась ко мне всем телом, грудь вздымалась у нее под корсетом.

И вдруг страшное разочарование изобразилось на ее лице. Она отвернулась и покачала головой.

«О, если бы ты был человеком и вампиром одновременно! – задыхаясь, гневно воскликнула она. – Если б я только могла показать тебе свою силу… – Она злобно усмехнулась. – Я бы заставила тебя хотеть меня. Но тебе неведома страсть! – Уголки ее рта поползли вниз. – Мне нечего дать тебе взамен!» – Она нежно провела ладонью по груди, подражая ласке мужчины.

То было странное мгновение. Я и подумать не мог, что меня так взволнуют эти слова Мадлен, ее соблазнительно узкая талия, высокая округлая грудь, нежные, слегка припухлые губы. Она даже не подозревала, как много во мне осталось от человека, как мучила меня недавно выпитая кровь художника. Я желал ее гораздо больше, чем она могла представить, она не понимала истинной природы убийства, не знала, что оно значит для вампира. Из чисто мужского самолюбия я решил доказать ей это, унизить за упреки, которые она посмела высказать, за мелочное тщеславие ее вызова, за взгляд, который она отвела, пряча отвращение. Только безумие двигало мною, потому что я не видел настоящих причин даровать ей бессмертие.

«Ты любила свою дочь?» – грубо и жестоко спросил я.

Я никогда не забуду ее глаза, полные ярости и испепеляющей ненависти.

«Как ты смеешь! – прошипела она в ответ. – Конечно, любила».

Она едва не выхватила у меня медальон, но я успел зажать его в кулаке. И я все понял: вина мучила ее, а вовсе не любовь. Во искупление вины она открыла кукольную лавку, населила ее подобиями мертвого ребенка. И перед лицом этой вины она постигла

неизбежность смерти. Тянулась к смерти с непоколебимой решимостью, властной, как моя собственная убийственная страсть. Она положила ладонь мне на грудь, я привлек ее к себе, ее волосы касались моего лица.

«Держись за меня покрепче, – сказал я, глядя на ее изумленно расширенные глаза, слегка приоткрытый рот. – Я буду пить твою кровь, и, когда ты почувствуешь приближающийся обморок, старайся изо всех сил прислушиваться к биению моего сердца. Помни, что тебе ни в коем случае нельзя потерять сознание, и повторяй про себя: «Я буду жить».

«Да, да», – возбужденно кивала она, и я слышал, как громко колотится ее сердце.

Она просунула руку мне под воротничок, ее пальцы обжигали меня.

«Смотри не отрываясь на свет и повторяй: «Я буду жить».

Она тихонько вскрикнула – мои зубы пронзили нежную кожу, и теплая жидкость полилась в мои вены, ее грудь прижалась к моей, спина выгнулась дугой. Я зажмурился, но все равно видел ее безумные глаза и манящий, чувственный рот. Я приподнял ее повыше, почувствовал, что она слабеет, ее руки повисли.

«Держись за меня крепче, – шептал я, жадно глотая горячий поток, ее сердце билось у меня в ушах; переполненные вены разбухали от ее крови. – Свет, – сказал я. – Смотри на свет!»

Ее пульс начал замедляться, голова откинулась на бархатную подушку, белки потускнели, как у мертвой. Я оторвался от нее, и на мгновение мне показалось, что не могу шевельнуться, но я знал, что должен торопиться. Кто-то помог мне поднести кисть ко рту. Комната кружилась у меня перед глазами, и я заставил себя смотреть на свет, чтобы очнуться. Я почувствовал вкус собственной крови и страшным усилием поднес руку к губам Мадлен.

«Пей. Пей же», – приказал я.

Но она лежала неподвижно, безжизненно. Я притянул ее к себе, и первые капли упали ей в рот. Она открыла глаза и нежно прижалась губами к ране, но уже через минуту ее пальцы мертвой хваткой вцепились в мою кисть, и новая жизнь потекла в нее. Я раскачивал ее, что-то шептал и отчаянно силился не потерять сознание. Ее страшная жажда вытягивала из меня кровь, и самые тонкие мои сосуды

отзывались болью; я схватился за кушетку, чтобы не упасть. Наши сердца неистово бились в такт, все глубже и яростней ее пальцы впивались мне в руку. Боль стала нестерпимой, и я чудом сдержал крик. Я отодвинулся, но она потянулась за мной следом. Она глотала кровь и стонала. Иссыхающие нити моих вен все больнее и сильнее дергали сердце, бессознательно выполняя приказ то ли своей, то ли чьей-то чужой воли; я оттолкнул Мадлен, опустился бессильно на пол, сжимая кровоточащую кисть.

Она молча смотрела на меня. Ее огромный полуоткрытый рот был весь в крови. Мне показалось, что прошла вечность. Лицо Мадлен расплывалось передо мной, она поднесла руку к губам, ее глаза еще больше расширились. И вдруг поднялась, словно ею двигала какая-то внешняя, невидимая сила. Она села и, покачиваясь, огляделась по сторонам. Тяжелое платье повторяло каждое ее движение, будто само было частью ее тела: изящный орнамент, выгравированный на крышке музыкальной шкатулки, послушно крутящейся, следуя мелодии. Потом Мадлен перевела взгляд на себя и, повинуясь все той же бессознательной силе, с такой яростью сдавила тафту на груди, что ткань затрещала. Она зажала ладонями уши и зажмурилась, но почти сразу снова широко открыла глаза и уставилась на свет из соседней комнаты. Это была обычная газовая лампа, ее хрупкое свечение просачивалось сквозь неплотно притворенные тяжелые створки двойной двери. Мадлен вскочила, стремительно распахнула дверь и подбежала к лампе.

«Осторожно, Мадлен. Не трогай ее…» – Клодия взяла ее за руку и мягко, настойчиво потянула. Но Мадлен уже разглядывала цветы на балконе. Она провела ладонью по мокрым лепесткам, прижала к щеке влажную руку. Я следил за каждым ее движением. Она срывала цветки, сжимала их в кулаке, мятые лепестки падали на пол; потом она подошла к зеркалу, коснулась его кончиками пальцев, внимательно всмотрелась в собственные глаза. Моя боль прошла, я перевязал рану платком. Я ждал, что будет дальше. Понял, что память Клодии не сохранила ее собственного превращения. Они с Мадлен пустились кружить по комнате в веселом танце. Кожа Мадлен становилась все бледнее в неровном свете лампы. Она взяла Клодию на руки, и та старалась веселиться, но за беззаботной улыбкой прятались тревога и усталость.

Вдруг Мадлен ослабела, покачнулась, но тут же выпрямилась и нежно опустила Клодию на ковер. Клодия поднялась на цыпочки, обняла ее и тихонько прошептала:

«Луи, Луи…»

Я махнул рукой, чтобы она отошла. Мадлен опять перестала замечать нас, она глядела на свою вытянутую руку. Ее лицо вдруг осунулось, она прижала руку к губам: на пальцах проступали темные пятна.

«Нет, это ничего», – ласково предостерег я Мадлен, быстро подошел и взял Клодию за руку. Мадлен протяжно застонала.

«Луи», – позвала меня Клодия тихим, нечеловеческим шепотом; слух Мадлен еще не умел его различать.

«Она умирает. Ты не помнишь, как это бывает, ты была совсем маленькая», – шепнул я в ответ еще тише, отвел назад ее пушистые локоны, чтобы она могла меня расслышать.

Я ни на секунду не сводил глаз с Мадлен, она брела вдоль стен от зеркала к зеркалу. Слезы лились по ее щекам, она прощалась с человеческой жизнью.

«Она умирает?» – воскликнула Клодия.

«Нет. – Я опустился на колени, она испуганно взглянула на меня. – Ее сердце сильное, оно выдержало испытание, значит, она будет жить. Но ей предстоит в последний раз пережить страх. Жуткий, мучительный страх смерти».

Нежно и сильно сжимая ладонь Клодии, я поцеловал ее холодную щеку. Она посмотрела на меня удивленно и тревожно. Мадлен плакала, и я медленно подошел к ней. Она стояла, пошатываясь, раскинув руки, чтобы не упасть. Я осторожно поддержал ее, притянул к себе. В ее глазах за пеленой слез уже загорелось волшебное пламя.

«Это всего лишь конец жизни, и только, – мягко сказал я. – Ты видишь небо за окном? Оно светлеет, значит, нам пора спать. Сегодня ты ляжешь со мной и будешь крепко держаться за меня. Скоро я засну тяжелым, беспробудным сном, подобным самой смерти, и не смогу ничем тебе помочь, ты останешься наедине со своим умирающим телом. Поэтому, чтобы побороть страх, ты должна покрепче прижиматься ко мне в темноте, ты слышишь? Держи меня за руки, и я буду держать тебя, сколько смогу».

Казалось, она тонет в моем взгляде, в этом ослепительном сиянии всех цветов и оттенков, недоступных глазу людскому. Я медленно подвел ее к гробу и сказал, чтоб она не боялась.

«Завтра ты проснешься бессмертной, – уговаривал я ее. – И уже не будешь бояться смерти. А теперь ложись».

Она испуганно отшатнулась от узкого ящика, обитого шелком. Ее кожа уже начала светиться в темноте. Но я понимал, что она сейчас не сможет лечь в гроб одна.

Не выпуская ее руки, я взглянул на Клодию, которая стояла возле нового гроба и пристально смотрела на меня. В ее невозмутимом взгляде читалась смутная подозрительность и холодное недоверие. Я усадил Мадлен в кресло и шагнул навстречу этому взгляду. Молча опустившись на пол рядом с Клодией, я нежно обнял ее и спросил:

«Ты узнаешь меня? Ты знаешь, кто я такой?»

Взглянув мне в глаза, она ответила:

«Нет».

Я улыбнулся и кивнул.

«Не держи на меня зла за прошлое, – шепнул я. – Теперь мы равны».

Склонив голову набок, она внимательно разглядывала меня. Потом невольная улыбка озарила ее лицо, и она тоже кивнула.

«Дело в том, – спокойно сказал я, – что сегодня ночью в этой комнате умерла не эта женщина. Она будет умирать долго, может быть, не один год. Нет, сегодня здесь умер другой человек – я. Все человеческое, что еще оставалось в моей душе, исчезло бесследно и навсегда».

Ее лицо затуманилось, словно тонкая прозрачная вуаль окутала его. Губы ее разомкнулись, она вздохнула и сказала:

«Да, ты прав. Теперь мы и в самом деле равны».

«Я сожгу эту лавку дотла!» – так сказала Мадлен. Она сидела перед камином и бросала в огонь вещи мертвой дочери: белые кружевные и льняные платья, старые покоробившиеся туфли, шляпки, пахнущие нафталином и засушенными цветами.

«Все это в прошлом». – Она встала и отступила назад, глядя на пламя. Потом бросила на Клодию ликующий взгляд, полный преданной любви и обожания.

Я не верил ей. Каждую ночь мне приходилось силой оттаскивать ее от жертв, она не могла уже больше пить, но все равно держала их мертвой хваткой. Часто в порыве страсти она поднимала оцепеневшего от ужаса человека в воздух, разрывала ему горло цепкими пальцами цвета слоновой кости. Но я знал, что рано или поздно это безумие кончится и она прозреет, собственная светящаяся кожа и роскошные комнаты гостиницы «Сент-Габриэль» покажутся ей кошмарным сном, и она захочет, чтоб ее разбудили, захочет свободы. Она еще не успела понять, что все это очень серьезно и непоправимо; с безумным восторгом она разглядывала в зеркале свои прорезывающиеся клыки.

Но потом я начал понимать, что это безумие не пройдет, что она всегда жила в придуманном мире и теперь не захочет пробуждаться. Действительность была ей нужна только как пища для фантазии. Как паук плетет паутину, так она создавала собственную вселенную.

У нее были золотые руки – ловкие, быстрые; еще бы, ведь она на пару со своим бывшим любовником смастерила сотни подобий мертвой дочери, целую лавку, куда мы все вместе собирались наведаться. К этому умению добавились волшебный дар и страстность вампира. Однажды ночью я помешал ей совершить очередное убийство. Мадлен вернулась в гостиницу с неутоленной жаждой и в порыве вдохновения из нескольких досок с помощью стамески и ножа сделала прелестное кресло-качалку, ладно пригнанное под фигурку Клодии, и та, грациозно сидя в нем возле камина, казалась взрослой женщиной. К нему через несколько ночей присоединился маленький столик. Из лавки Мадлен принесла кукольную керосиновую лампу и фарфоровую чашку с блюдцем, а однажды притащила записную книжку, найденную в сумочке какой-то дамы. В ручках Клодии маленькая тетрадь в кожаном переплете казалась увесистым томом. Окружающий мир переставал существовать, стоило только ступить в замкнутое пространство гардеробной Клодии. Словно по мановению волшебной палочки, там появились кровать со столбиками, едва доходившими мне до груди, низенькие зеркала, в которых я, проходя мимо, видел только отражение собственных ног. Картины на стенах тоже висели на уровне глаз Клодии. Вершиной всего был малюсенький туалетный столик; на нем лежала пара черных перчаток, вечернее платье из черного бархата с глубоким вырезом на спине и

бриллиантовая диадема, которую Мадлен принесла с детского маскарада.

Но главным украшением этого великолепия была сама Клодия. Сказочная королева, она бродила по своему роскошному миру, потряхивая сверкающими золотистыми локонами и кокетливо поводя обнаженными белыми плечами. Я смотрел на нее с порога или неуклюже растягивался на ковре, подложив локоть под голову, чтобы заглянуть в глаза моей возлюбленной, которые таинственным образом смягчались в этом волшебном, созданном специально для нее убежище. Как прекрасна была она в черных кружевах: холодная, недоступная золотоволосая женщина с прелестным кукольным личиком; огромные влажные глаза смотрели на меня долгим равнодушным невидящим взглядом. Должно быть, они просто не замечали ту грубую, необъятную вселенную, частью которой был я; она перечеркнула ее, забыла про нее, потому что слишком долго страдала в ней, страдала всегда, но теперь, кажется, перестала, слушая звон игрушечной музыкальной шкатулки, опуская руку на игрушечные часы. Они бежали все быстрее, минуты текли, как золотой песок. Я сходил с ума.

Я лежал на ковре, подложив руки под голову, и смотрел на позолоченный канделябр. Мне было трудно переселиться из одного мира в другой. Мадлен сидела на кушетке и работала с неизменной сосредоточенностью и страстью, как будто обретенное бессмертие начисто отвергало даже мысль об отдыхе или безделье. На сей раз она пришивала кремовые кружева к маленькому лиловому атласному покрывалу и прерывалась только для того, чтобы стереть со лба кровавый пот.

Я подумал: а вдруг, если я зажмурюсь, это царство маленьких вещей поглотит все пространство вокруг и, открыв глаза, я обнаружу, что связан по рукам и ногам, как Гулливер – непрошеный гость в стране лилипутов? Мысленно я видел маленькие домики, выстроенные для Клодии, игрушечные экипажи, стоящие в ожидании у дверей, и садики, в которых мышь кажется большим и страшным зверем, а кусты роз – огромными цветущими деревьями. Люди-великаны пришли бы в восторг при виде подобной красоты, они опускались бы на колени перед окнами, чтобы хоть краешком глаза заглянуть внутрь.

Но я и так был связан по рукам и ногам. Не только этой волшебной красотой, изысканной тайной, окутавшей обнаженные плечи Клодии, сиянием ее жемчуга, райским запахом ее духов в маленьком флаконе; я был связан страхом. Дома я занимался обучением Мадлен, вел пространные беседы о природе убийства и естестве вампира, хотя Клодия, если б захотела, могла бы рассказать ей куда больше и лучше. Каждую ночь Клодия нежно целовала меня, смотрела довольным взглядом, и я видел, что ненависть, вспыхнувшая однажды, ушла навсегда. И все же я боялся. Боялся, что, очутившись в настоящем мире, за пределами этих роскошных комнат, обнаружу, что мое поспешное признание оказалось верным и я действительно изменился, утратил единственное, что еще любил в себе, – человека. И что я буду чувствовать тогда к Арману, ради которого превратил Мадлен в вампира, чтобы обрести свободу. Стороннее любопытство? Скуку? Безымянный трепет? Но даже в этом страшном смятении я мысленно увидел Армана, его монашескую келью, вспомнил его спокойные темно-карие глаза и чувствовал его непреодолимую, волшебную власть.

Но я не решался пойти к нему. Я страшился постигнуть истинные размеры своей потери. И старался исчислять ее всего лишь одной из неудач: в Европе я не нашел истины, способной вылечить одиночество и отчаяние; я только копался в своей мелкой душонке, обрел мучительную боль Клодии и любовь к вампиру, который, может быть, еще хуже, чем Лестат, и сам уподобился Лестату в его глазах, хотя в нем единственном уловил намек на возможность сосуществования добра и зла.

Я устал от этих мыслей. Часы тикали на каминной полке, Мадлен вдруг принялась упрашивать нас пойти на представление в Театр вампиров и клялась, что сумеет защитить Клодию от кого угодно. Клодия сказала:

«Нет, не сейчас. Еще не время».

Я со странным облегчением подумал, как страстно, как слепо Мадлен любит Клодию.

Я редко вспоминаю Мадлен и нисколько ей не сочувствую. Она прошла только первую ступень страданий, так и не поняв, что такое смерть. Она так легко загоралась, так охотно шла на любое совершенно бессмысленное насилие! Но я и сам с удивительной

самонадеянностью когда-то считал, что мое горе после смерти брата – единственное настоящее чувство. Я забыл, как самозабвенно влюбился в излучающие волшебный свет глаза Лестата, продал душу за их разноцветное сияние и думал, что достаточно иметь отражающую свет кожу, чтобы гулять по воде.

Что же надо было сделать Христу, чтобы я пошел за ним, как Петр или Матфей?

Прежде всего хорошо и со вкусом одеться, в придачу к этому иметь густые белокурые волосы.

Я ненавидел себя. Убаюканный их беседой, я различал шепот Клодии, она говорила про убийства, ловкость, быстроту вампиров, Мадлен шила, и мне казалось, что теперь я способен только на одно чувство – ненависть к себе.

Люблю я их или ненавижу… Мне просто все равно. Клодия погладила меня по голове, как старого друга, точно хотела сказать, что она наконец-то обрела покой в душе. Но мне было все равно. Где-то там, в ночи, бродил призрак Армана, честный, прозрачный, как стекло. Я держал в ладони шаловливую ручку Клодии и вдруг понял, что теперь знаю, почему она так легко простила меня. Она сказала, что ненавидит меня и любит, но на самом деле не чувствовала ничего.

Через неделю Мадлен отправилась осуществлять задуманное – жечь свое королевство кукол. Мы проводили ее и оставили одну, а сами отошли в узенький переулок за углом. Там было тихо, шел дождь. Скоро языки пламени взвились в затянутое облаками небо. Ударил колокол, люди кричали. Клодия говорила что-то об огне. Густой дым валил из горящей лавки, и мне стало страшно. Это была не дикая человеческая паника, а леденящий мертвенный страх, острый, как удар кинжала. Этот страх уходил корнями в прошлое, в старый городской дом на Рю-Рояль, где на горящем полу лежал Лестат и как будто спал…

«Огонь очищает», – сказала Клодия.

«Нет. Он только разрушает…» – возразил я.

Мадлен прошла мимо нас, точно призрак под дождем, ее руки мелькали в темноте, как светлячки; она манила нас за собой. Клодия побежала к ней, торопливо бросив, чтобы я догонял, и золотые волосы взметнулись и скрылись в ночи. Ленточка развязалась и упала мне под

ноги, прямо в черную лужу. Клодии и Мадлен уже след простыл, и я наклонился, чтобы поднять ленту. Но чья-то рука опередила меня. Я выпрямился. Передо мной стоял Арман. Я замер. Он был так близко, настоящий, живой, в черном плаще, с шелковым галстуком, совсем как человек, и все же далекий, неподвижный, неземной. Его глаза казались светлее в розовых отблесках пламени.

Я словно пробудился от долгого сна. Сильная холодная рука пожала мою руку, он наклонил набок голову – следуй за мной. Я снова видел его, снова чувствовал его власть. Мы пошли в сторону Сены. Наши движения были стремительны и ловки, мы пробирались сквозь толпу и едва замечали людей. Удивительно, но я не отставал от Армана. И я понял, что он заставляет пробудиться мою скрытую силу, доказывает мне, что я уже не нуждаюсь в протоптанных дорогах.

Мне отчаянно хотелось поговорить с ним, взять за плечи и остановить, просто заглянуть ему в глаза. Замедлить его сумасшедший полет во времени и пространстве, чтобы как-то справиться с собственным волнением. Мне надо было так много сказать и объяснить ему, но слова не шли на ум. Да и зачем говорить? Блаженный покой переполнил мою душу, я чуть не плакал. Я вновь обрел то, что так боялся потерять.

Я не знал, где мы, но смутно припоминал, что когда-то проходил здесь и уже видел эти громадные старинные особняки, садовые ограды, решетки на воротах и высокие башни с полукруглыми окнами. Вековые узловатые стволы древних деревьев, глухая тишина – не многим был открыт доступ сюда, небольшая горстка людей населяла этот огромный район в самом сердце Парижа, эти старинные дома с высокими сводчатыми потолками.

Арман вскарабкался на высокую каменную изгородь, ухватился за толстую ветвь многовекового дерева, протянул мне руку. Через мгновение я уже стоял возле него, мокрые листья касались моего лица. Перед нами из глубины сада вздымался многоэтажный дом с башней, едва заметной за пеленой дождя. Проследив за моим взглядом, Арман прошептал:

«Сейчас мы заберемся туда по стене, на самый верх».

«Нет… я не могу… Это невозможно!»

«Когда же ты наконец поймешь, что все возможно? – сказал он. – Поверь, это совсем легко. Помни: если ты упадешь, с тобой ничего не

случится. Смело следуй за мной. И еще одно. Обитатели дома знают меня уже лет сто и считают обычным привидением. Поэтому, если они вдруг заметят тебя или ты сам увидишь их через окно, веди себя так, будто ничего не случилось, не разочаровывай и не смущай их. Ты понял меня? И ничего не бойся».

Я не знаю, чего боялся больше: карабкаться на страшную высоту по гладкой отвесной стене или быть принятым за привидение. Но у меня не осталось времени для размышлений: Арман уже полз вверх, упираясь ногами в трещины между камнями и хватаясь цепкими, как у обезьяны, пальцами за малейшие неровности и выступы. Я последовал за ним, как можно плотнее прижимаясь к каменной кладке и стараясь не смотреть вниз. Чтобы передохнуть, я повис на широкой резной арке над окном и там, сквозь запотевшее стекло, увидел темное плечо, рука с кочергой шевелила угли в камине; человек не видел меня и ничего не чувствовал. Я полез дальше. Мы поднимались все выше и выше и, наконец, добрались до темного окна на самом верху башни. Распахнув его резким рывком, Арман перелез через подоконник и протянул мне руку.

Я невольно вздохнул с облегчением. Потирая ушибленные локти, я оглядел странное помещение. Внизу, за окном, крыши домов мерцали серебром в полумраке и башни возвышались в гуще раскидистых, беспокойных крон. Вдалеке горела прерывистая линия ярких огней бульвара. Я зябко повел плечами: в комнате было холодно и неуютно, как и снаружи, но Арман уже растапливал камин.

Из груды негодной мебели он вытаскивал тяжелые кресла, легко ломал дубовые ножки и спинки. Это под силу каждому вампиру, но Арман был совершенно особенный – тонкий, изящный, невозмутимый. Он был вампир до кончиков ногтей. В нем не было ничего человеческого, и даже в его приятном мужском лице угадывался лик ангела смерти. Меня влекло к нему сильней, чем к любому другому живому существу, за исключением, пожалуй, Клодии. Но Арман вызывал во мне иное чувство, более всего походившее на благоговейный страх. Он развел огонь, пододвинул мне тяжелое дубовое кресло, а сам опустился на пол возле каминной решетки и протянул руки к пламени.

«Я слышу жильцов дома», – сказал я ему; я наконец согрелся, и башмаки почти высохли.

«Значит, и я слышу их», – мягко заметил он. В его голосе не прозвучало ни намека на упрек, я сразу понял, что сказал глупость.

«А если они придут и найдут нас?» – спросил я.

«Просто скажи себе, что они не придут, – ответил он. – Забудь о них, как я. Мы станем говорить про этих людей, только если ты захочешь».

Я не смог возразить. Он рассмеялся и объяснил, что обитатели дома давным-давно наглухо заколотили вход в башню и уже много лет не наведывались сюда, а если кто-то из них и увидит слабую струйку дыма над трубой или отсветы огня в камине, то все равно не будет ничего предпринимать до завтрашнего утра.

Я успокоился и обвел взглядом комнату: книги в кожаных переплетах на полках возле камина, на письменном столе разбухшие от сырости стопки бумаги и чернильница с перьями.

«Видишь, – сказал Арман, – можно запросто обойтись без роскошных апартаментов в гостинице. Ведь тебе, как и мне, нужно совсем немного. Но, – продолжал он, – каждый из нас сам решает чего хочет. Люди, живущие здесь, даже придумали мне имя, и каждая встреча со мной дает им пищу для разговоров лет на двадцать. Подумать только, для них это добрая треть жизни, а для меня – ничего не значащие мгновения. Эти люди не могут причинить мне вред, и поэтому я прихожу сюда, когда хочу остаться один. Никто из Театра вампиров не знает об этом. Ты – первый, кому я открыл свой секрет».

Я думал, как, должно быть, уютно в этой комнате, когда на улице тепло или просто когда протопишь ее как следует. Я смотрел на Армана и думал. Вампиры не стареют, но все же меняются, и я пытался представить себе юное лицо Армана, скажем, лет двести назад.

На нем не было морщин или других знаков жизненного опыта, но оно совсем не походило на маску. Напротив, оно было живое, выразительное, как и его сдержанный тихий голос, и я уже ничего не мог понять. Знал только, что его власть надо мной неизменна, и то, что я сказал потом, было жалкой попыткой отговориться.

«Что же привязывает тебя к Театру вампиров?» – спросил я.

«Необходимость. Но теперь я нашел то, что так долго искал, – ответил он и добавил: – Почему ты избегаешь меня?»

«Я вовсе не избегаю тебя, – отозвался я, стараясь не выдать волнение. – Ты ведь знаешь, я должен заботиться о Клодии, кроме меня, у нее никого нет. Точнее, не было, пока…»

«Пока Мадлен не стала жить с вами».

«Да», – кивнул я.

«Но Клодия сама развязала тебе руки, а ты все равно остаешься с ней, не можешь расстаться со своей возлюбленной».

«Нет, ты не понял, – возразил я. – Она не возлюбленная мне, она – мой ребенок, и я не знаю, в ее ли власти дать мне свободу… я часто думал об этом прежде. Не знаю, вправе ли ребенок освобождать родителей от любви к нему. Не знаю, смогу ли расстаться с ней, пока она…»

Я вдруг запнулся, потому что собирался сказать: «Пока она жива», но вдруг понял, что эти слова, часто повторяемые людьми, в нашем случае совершенно бессмысленны. Клодия могла жить вечно. Но разве не так бывает у людей? Дочери бессмертны для отцов, потому что отцы умирают раньше. Я опять растерялся, но Арман слушал меня вдумчиво и внимательно. О таком собеседнике можно только мечтать. На его лице отражалось каждое мое слово. Он не перебивал, ждал, когда я закончу мысль, не возражал в мгновенном безотчетном порыве.

Вот и теперь он выждал долгую паузу и сказал:

«Ты нужен мне. Ты нужен мне, как никто и ничто».

В первое мгновение я не поверил своим ушам: настолько невероятным показалось мне сказанное. Его слова обезоружили меня, и безмолвное видение нашей жизни вместе затмило все остальное.

«Ты нужен мне больше всего на свете», – повторил он, чуть изменив интонацию.

Он ждал и смотрел на меня. Лицо его было спокойно, как всегда, на гладком белом лбу, окаймленном волнистой линией каштановых волос, не было ни следа тревоги или заботы. Огромные глаза глядели задумчиво, губы не двигались.

«И я тебе нужен, но ты не приходишь ко мне, – сказал он. – Ты хочешь знаний, но ни о чем не спрашиваешь. Ты видишь, что Клодия ускользает от тебя, и не можешь ее остановить. Более того, в глубине души ты сам стремишься приблизить разрыв, но ничего не делаешь».

«Я просто не могу разобраться в собственных чувствах. Наверное, ты понимаешь их лучше, чем я…»

«Ты даже не догадываешься, какая тайна заключена в тебе!» – сказал он.

«Это ты знаешь себя. Я – нет, – ответил я. – Я люблю Клодию, но мы далеки друг от друга. Когда я с тобой, забываю о ней и обо всем».

«Она – целая эпоха в твоей жизни. Если ты с ней расстанешься, то потеряешь единственное живое существо, разделившее с тобой это время. Вот что пугает тебя. Ты боишься тяжелого бремени одиночества в вечной жизни».

«Да, но это лишь часть правды. Эта эпоха, она для меня ничего не значит. Только Клодия придала ей смысл. Другие вампиры тоже переживают столетия».

«Нет, – ответил он. – Иначе весь мир населили бы вампиры. И как бы, по-твоему, я стал самым старым вампиром на свете?»

Я задумался. Потом спросил:

«Их убивали?»

«Нет. Почти никогда. В этом нет необходимости. Многим ли хватит мужества жить вечно? Почти у всех вампиров довольно убогое представление о бессмертии. Они хотят, чтобы все вокруг оставалось неизменным, как они сами: чтобы кареты делали по старому доброму образцу, платья шили по моде их молодости, чтобы люди разговаривали и вели себя так, как было принято в их время. Но все всегда меняется, кроме, разумеется, самого вампира. Вот почему не только для твердолобых, но и для тех, у кого весьма гибкий ум, довольно скоро бессмертие превращается в вечное заключение в сумасшедшем доме среди непонятных и бессмысленных существ и предметов. Однажды вампир просыпается и понимает, что наступил момент, которого он страшился долгие годы: он больше не хочет продлевать свое существование. Мир, где ему хотелось жить вечно, навсегда стерт с лица земли, и ничто не может освободить его от страданий, кроме убийства. И он идет умирать. Никто не найдет его останков, никто не узнает, куда он ушел. Часто бывает, что никто из его окружения даже не подозревал об отчаянии обреченного, потому что он давно перестал говорить о том, что творится с ним, вообще перестал говорить. Он попросту уходит в небытие, исчезает бесследно».

Я знал, что он говорит правду, но все во мне восставало против этого. И я сопоставил всю глубину своих надежд и страхов с

описанной им полной оторванностью от жизни и опустошительным отчаянием, жестоким, безысходным. Я не мог принять это.

«Но ты не позволишь себе дойти до такого состояния, – сказал я. – Если бы во всем мире не осталось ни единого произведения искусства… а ведь их тысячи… если бы не осталось ни единого уголка девственно прекрасной природы… если бы мир сузился до маленькой кельи, освещенной хрупким огоньком единственной свечи… я все равно вижу тебя в этом последнем приюте, ты смотришь на огонь, на волшебную игру красок… Как долго это поддерживало бы в тебе жизнь? Или я не прав, или я сумасшедший идеалист?»

«Нет, – ответил Арман с улыбкой, с мимолетной вспышкой радости. Но тут же продолжил прежним бесстрастным тоном: – Ты чувствуешь ответственность перед миром, ты любишь его, ты все еще связан с ним. И твоя чувствительность может стать лазейкой для безумия. Ты говорил про искусство, про красоту природы… Как жаль, что я не художник и не могу показать тебе в красках Венецию такой, какой она была в пятнадцатом веке, и дворец моего господина. Я не могу передать тебе, как я любил его, когда был простым смертным юношей, и как он любил меня, когда превратил в вампира. О, если б я мог вернуть то чудесное время и для тебя, и для себя… хоть на миг! Чего бы я не отдал ради этого! Как грустно – прекрасные образы той навсегда ушедшей эпохи не тускнеют в памяти, а, наоборот, становятся ярче и волшебней в свете сегодняшних дней».

«Любил? – изумленно повторил я. – Ты и твой учитель любили друг друга?»

Я подался вперед.

«Да, – кивнул он. – Так сильно, что он не мог позволить мне состариться или умереть. Преисполненный любви, он терпеливо ждал, пока я наберусь сил, чтобы родиться для Тьмы. Разве между тобой и тем, кто превратил тебя в вампира, не было такой любви?»

«Никогда», – мгновенно отозвался я, не в силах подавить горькую усмешку.

Арман пристально посмотрел на меня.

«Тогда почему он подарил тебе это?»

«Ты смотришь на это как на щедрый дар! – Я откинулся в кресле. – Ну да, конечно. Прости за откровенность, но я не перестаю удивляться: ты так умен, но так наивен».

Я рассмеялся.

«Ты оскорбляешь меня?» – улыбнулся Арман. Он и правда казался таким юным, таким невинным. Я только начинал понимать его.

«Нет, конечно. – Я взглянул на него, и сердце забилось сильнее. – Ты воплощаешь в себе все, о чем я мечтал, когда решил стать вампиром. Наша сила для тебя – великий дар! – повторил я еще раз. – Но скажи мне… Ты все еще любишь вампира, который подарил тебе бессмертие? Живо ли в тебе это чувство?»

Он задумался и протянул:

«Разве это важно? – И после секундной паузы добавил: – К сожалению, я мало любил в этой жизни. Но я отвечу тебе. Да, я люблю его, но не так, как ты думаешь. Ты, сам того не желая, сбиваешь меня с толку. Ты – загадочное существо. Все очень просто: он мне больше не нужен».

«Мне подарили вечную жизнь, обостренные чувства, жажду убивать, – поспешно объяснил я, – потому что тот вампир хотел заполучить мои дом и состояние. Ты понимаешь? Но это не все. Я сам еще не все понимаю! Ты словно приоткрыл запертую дверь, и я вижу волшебный свет, льющийся в узкую щель. Я жажду войти туда, в тот мир, который, если верить тебе, скрывается за ней! Но на самом деле я не верю, что он существует! Вампир, обративший меня, воплощал в себе только зло: мрачный, скучный, пустой и невыносимо разочаровывающий. А это и есть зло, теперь я знаю наверняка. Но ты не такой, ты выше этого! Так открой же мне дверь до конца, расскажи мне про тот дворец в Венеции, про любовь с проклятым. Я хочу понять».

«Ты обманываешь самого себя. Тот дворец… Что тебе до него? Эта дверь ведет ко мне нынешнему. К нашей будущей жизни, а не к прошлому. Я тоже зло, но на мне нет вины».

«Да, это так», – прошептал я.

«Вот почему ты несчастлив, – продолжал он. – Ты пришел ко мне и сказал, что существует один-единственный грех – убийство невинного человека».

«Да… – протянул я. – Могу себе представить, как ты смеялся надо мной».

«Я никогда не смеялся над тобой, – сказал Арман. – Разве я могу над тобой смеяться? Только ты поможешь мне спастись от отчаяния,

означающего для меня, как и для любого из нас, смерть. Ты станешь соединительным звеном между мною и этим веком, ты научишь меня понимать его, чтобы я вновь пробудился к жизни. Столько лет я провел в Театре вампиров в ожидании тебя! Если б я встретил человека, который бы так чувствовал и так понимал этот мир, такого, как ты, с твоей болью в груди, я бы, не задумываясь, превратил его в вампира. Но такие встречаются редко. Мне пришлось долгие годы ждать и искать именно тебя. И теперь, когда мы наконец встретились, я готов сражаться за тебя с кем угодно. Ты видишь, моя любовь безжалостна. Так ли ты понимаешь любовь?»

«Ты совершаешь ошибку», – ответил я, глядя ему в глаза. Только теперь я начал постигать смысл его слов. Никогда прежде я не чувствовал большего разочарования в себе самом. Я ничего не могу ему дать, ничего не мог дать Клодии и даже Лестату, не говоря уже о моем брате. Бедный Поль, как глубоко я разочаровал его!

«Нет, – спокойно сказал Арман. – Я должен вступить в контакт с нынешним временем и могу это сделать только через тебя… я говорю не о том, что можно увидеть в картинной галерее или прочесть в книгах… В тебе воплотился дух твоего века, его сердце».

«Нет, нет. – Я едва сдерживал горький, истерический смех. – Как же ты не понимаешь? О каком сердце ты говоришь? Я чужой для любого века, всегда был и буду изгоем». – Мне больно было признавать эту страшную правду.

Но он только улыбнулся. Его плечи вздрогнули от беззвучного смеха.

«Но, Луи, – мягко возразил он, – это и есть дух твоего времени. Разве ты не видишь? Они все так чувствуют. Ты потерял надежду и веру. То же самое произошло с этим веком».

Я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова, и глядел в потухающий камин. Поленья догорели и рассыпались в пустыню дымящегося серо-красного пепла. Но он все еще согревал и освещал комнату. Перед моим мысленным взором проходила вся моя предыдущая жизнь.

«Те вампиры в театре, почему не они?..» – тихо спросил я.

«Они унаследовали от своего века только цинизм. Они не способны понять, что все на свете, даже их сила, преходящее; они глупо и изощренно стремятся удовлетворить все свои желания. Это

пародия на чудо, упадок, нашедший убежище в шутовском, манерном бессилии. Ты же видел их. Ты сталкивался с ними всю жизнь. Но ты сам получил от своего времени другой дар – разбитое сердце века».

«Это не дар, а несчастье. Несчастье, глубину которого ты не можешь постичь».

«Ты прав. Но расскажи мне, почему ты несчастен. Почему целую неделю не приходил ко мне, хотя жаждал прийти. Что держит тебя возле Клодии и Мадлен?»

Я покачал головой.

«Ты не знаешь, о чем спрашиваешь. Мне было невероятно трудно превратить Мадлен в вампира. Я обещал себе никогда не делать этого, даже если одиночество станет невыносимо. И я нарушил обещание. В бессмертии я вижу только проклятие. У меня не хватает смелости умереть. Но превратить в вампира другого! Обрушить тяжкие мучения на чужую голову и обречь на верную гибель тысячи людей! Я нарушил страшную клятву…»

«Если это хоть немного утешит тебя… Я надеюсь, ты понимаешь, что и я приложил к этому руку?»

«Ты хочешь сказать, что я сделал это ради тебя, чтобы освободиться от Клодии? Да, верно. Но вся ответственность лежит на мне, и только на мне!»

«Нет, я не о том. Я заставил тебя! Я был рядом с тобой в ту ночь. Разве ты не знал?»

«Нет!»

Я опустил голову.

«Я сам бы превратил ее, – мягко сказал Арман. – Но мне казалось, будет лучше, если это сделаешь ты. Иначе ты ни за что не расстался бы с Клодией, а ведь именно этого ты хотел…»

«Я проклинаю себя за то, что натворил!» – воскликнул я.

«Тогда проклинай меня, а не себя».

«Нет. Ты не понимаешь. В ту ночь ты едва не уничтожил во мне то, что так высоко ценишь сам! Я сопротивлялся тебе изо всех сил и даже не догадывался, что твоя власть направляет меня. Самое важное чуть было не умерло во мне! Ты едва не убил во мне страсть, способность чувствовать! Я чудом уцелел!»

«Но все уже позади. Твоя страсть, человечность – называй как угодно – по-прежнему живы в тебе. Иначе твои глаза не были бы

сейчас полны слез, гнева и тоски».

Я ничего не мог ответить, только кивал. Наконец, пересилив себя, я заговорил: «Ты не должен так поступать со мной, лишать меня воли, подчинять своей власти…»

«Да, – мгновенно согласился он. – Я не должен. Моя власть натыкается на какую-то преграду внутри тебя и не может проникнуть в глубины твоей души. Там я бессилен. Но так или иначе, Мадлен стала вампиром. Ты свободен».

«А ты удовлетворен. – Я уже взял себя в руки. – Прости, я не хочу казаться грубым. Ты получил меня, я по-прежнему люблю тебя. Но я ничего не понимаю. Ты доволен?»

«Как же иначе? – ответил он. – Конечно, доволен».

Я встал и подошел к окну. Угли в камине догорали, слабо светилось серое небо. Я услышал шаги Армана за спиной. Не поворачиваясь, я краем глаза видел в полумраке его неподвижный профиль. Мы стояли рядом молча, глядя на непроницаемую пелену холодного дождя, и слушали его шум – не монотонный и унылый, а бесконечно разнообразный: ручеек журчал в водостоке, крупные капли мягко ударялись о мокрую, блестящую листву, тоненькие струйки стекали по карнизу прямо передо мной – сотни звуков смешались в сыром ночном воздухе.

«Ты простил меня?» – тихо спросил Арман.

«Тебе не нужно мое прощение», – отозвался я.

«Оно нужно тебе, – возразил он, – а значит, и мне тоже». – Его лицо было, как всегда, спокойно.

«Ты думаешь, она сумеет позаботиться о Клодии?»

«Не беспокойся. Лучше ее с этим никто не справится. Она, правда, сумасшедшая, но в нынешние времена этот как раз то, что нужно. Она и двух минут не может пробыть одна, она должна целиком отдавать себя близким. Казалось бы, у нее нет причин любить Клодию, но она любит – за красоту, за спокойное молчание, за внутреннюю силу и уверенность в себе. Они идеальная пара. Но им надо как можно скорее покинуть Париж».

«Почему?»

«Ты знаешь почему. Сантьяго и другие следят за ними с недоверием и подозрительностью. Они опасаются Мадлен, потому что

не знают о ней ничего, а она о них – многое. Они никогда не оставляют в покое тех, кому что-то известно».

«А тот юноша, Дэнис? Что будет с ним?»

«Он мертв», – коротко ответил Арман.

Я был потрясен холодностью его слов.

«Ты убил его?» – еле выдохнул я.

Он молча кивнул. Его огромные темные глаза внимательно следили за моим лицом. Я даже не пытался скрыть изумление. Вдруг его рука сжала мою ладонь на подоконнике, и мое тело, словно подчиняясь его воле, повернулось и сделало шаг ему навстречу.

«Так было нужно, – тихо сказал он и добавил: – Нам пора…»

Он посмотрел в окно на улицу внизу.

«Арман, – прошептал я, – я не могу…»

«Следуй за мной, Луи, – ответил он. На подоконнике он обернулся. – Даже если ты сорвешься и упадешь на булыжник, твои раны заживут так быстро, что через несколько дней не останется и следа. Кости вампиров срастаются так же легко, как кожа. Помни об этом и ничего не бойся. Это совсем легко. Спускайся вниз сразу за мной».

«Что же тогда может убить меня?» – спросил я.

Арман снова обернулся.

«Разрушение твоих останков, – сказал он. – Разве ты не знаешь? Огонь, расчленение… солнечный свет. Вот и все. Шрамы и рубцы могут остаться, но тело восстановится. Ты бессмертен».

Я посмотрел вниз сквозь серебристую завесу дождя. Где-то там, под трепещущими ветвями деревьев, мигали огни пустынной улицы. Я разглядел мокрую мостовую, колокольчик на железном крюке перед воротами конюшни, побеги дикого винограда на каменной стене. Огромный, неповоротливый экипаж медленно проехал мимо дома. Свет слабел, улица засеребрилась, а потом и вовсе исчезла, словно ее поглотила ночная тьма. Вдруг у меня закружилась голова и показалось, будто башня закачалась. Арман стоял на подоконнике и смотрел на меня.

«Луи, оставайся со мной сегодня», – вдруг прошептал он.

«Нет, – тихо ответил я. – Еще не время. Я не могу оставить их так сразу».

Арман отвернулся и взглянул на темное небо. Кажется, он вздохнул, я не мог расслышать точно. Он снова сжал мою руку и сказал:

«Ну что ж…»

«Дай мне время», – сказал я.

Он кивнул. Потом быстрым движением перекинул ноги через подоконник и исчез во мраке. Я замешкался, но всего на секунду, прислушиваясь к громкому стуку сердца, потом влез на подоконник и поспешил за Арманом, стараясь не смотреть вниз, в черную бездну.

– Я добрался до гостиницы незадолго до рассвета. В номере горели яркие газовые лампы. Мадлен спала в кресле возле камина, не выпуская из цепких пальцев иголку с ниткой. Клодия неподвижно стояла в тени папоротников у окна и смотрела на меня. В руке она держала гребешок, ее волосы сияли.

Я остановился на пороге гостиной. Сладкий, душистый воздух, полный роскоши и неги, обнимал меня, убаюкивал, околдовывал. Все здесь так отличалось от спокойного очарования Армана, от его комнаты в старой башне. Но привычный уют нашего номера почему-то встревожил меня. Я огляделся, точно попал сюда впервые, отыскал свое кресло, сел, закрыл глаза и прижал ладони к горячим вискам. Вдруг нежные губы Клодии коснулись моего лба.

«Ты был у Армана, – тихо сказала она. – Ты хочешь уйти к нему навсегда».

Я открыл глаза, взглянул на нее. Каким милым и прекрасным показалось мне ее лицо, как никогда близкое и родное… Я осторожно дотронулся до круглых щечек и чуть припухлых век, робко, но без неловкости или стыда, а ведь я не позволял себе таких вольностей с ночи нашей ссоры.

«Мы еще увидимся, не здесь, так где-нибудь еще. Я всегда буду знать, где ты!» – сказал я.

Руки Клодии обвились вокруг моей шеи, я закрыл глаза, спрятал лицо в ее чудесных волосах, осыпал бесчисленными поцелуями тонкую шею, хрупкие ручки, запястья, ладони. Она гладила меня по голове и лицу.

«Как хочешь, – повторяла она. – Как хочешь».

«Ты счастлива наконец? Этого ты хотела?» – умоляюще спросил я.

«Да, Луи. – Она прижалась ко мне еще крепче. – У меня есть все, чего я хочу. Но ты, ты знаешь, что нужно тебе? – Она силой заставила меня поднять голову, и мне пришлось взглянуть ей прямо в глаза. – Я боюсь за тебя – а вдруг ты совершаешь ошибку? Почему бы тебе не уехать из Парижа вместе с нами? – спросила она изменившимся голосом. – Перед нами весь мир. Поехали!»

«Нет, – отстранился я. – Ты хочешь, чтобы все было как прежде, как при Лестате. Но то время больше не повторится. Никогда».

«С Мадлен у нас все будет заново и иначе. Я вовсе не прошу вернуть прежние времена. В конце концов, именно я покончила с ними, – возразила она. – Но хорошо ли ты знаешь, что выбираешь?»

Я отвернулся. В неприязни Клодии к Арману и ее нежелании понять его было что-то упрямое и неясное мне. Я подумал, что она опять собирается заговорить о том, что он желает ее смерти; я не мог заставить себя поверить в это даже на секунду. Клодия не знала того, что знал я: Арман не мог желать ее гибели, потому что я этого не хотел. Но я понимал, что ничего не смогу ей объяснить, она подумает, что я слишком люблю его и слепо доверяю ему.

«Это было неизбежно с самого начала, и этого я хочу, – ответил я и словно поставил крест на ее сомнениях. – Только Арман может дать мне силу и мужество. Я больше не могу жить в тоске и в противоречии с самим собой. Я вижу только два пути: уйти к нему или умереть. Но есть еще одно объяснение, неразумное и нелогичное, но единственно верное…»

«Что же это?» – спросила она.

«Я люблю его», – ответил я.

«Да, это так. – Клодия задумалась. – Значит, ты и меня мог любить. Даже меня».

«Клодия, Клодия».

Я взял ее на руки и посадил себе на колени. Она прижалась к моей груди.

«Я только надеюсь, – прошептала она, – что ты найдешь меня, если захочешь… Что я смогу вернуться к тебе… Я так часто обижала, так мучила тебя».

Она что-то лепетала своим нежным голоском, а я молчал и думал, что совсем скоро ее не будет со мной. Мне хотелось просто подержать

ее на руках, почувствовать сладкую детскую тяжесть на своих коленях, маленькую ладонь в своей руке.

Во влажном, прохладном воздухе гостиной вдруг сгустилась темнота, как будто одна из ламп потухла. Меня клонило в сон. Если б я был человеком, мог бы заснуть прямо здесь, в кресле. Меня вдруг посетило странное, давно забытое и все же привычное, чисто человеческое предчувствие, что я проснусь с первыми лучами солнца и передо мной откроется удивительное видение – яркие блики на листьях папоротника и радужные капельки росы. Я уступил, закрыл глаза.

Потом я часто пытался восстановить в памяти те минуты, старался вспомнить, что именно так сильно и смутно тревожило меня; почему я вдруг потерял бдительность и не заметил неминуемых неуловимых перемен или хотя бы слабого движения воздуха. Много позже, избитый, израненный, озлобленный, потерявший все, я перебирал в памяти те тихие предрассветные мгновения, когда тишину в комнате нарушало еле слышное тиканье часов на каминной полке и небо уже начинало светлеть. Но удалось припомнить лишь легкое затмение света.

Будь я настороже, это не ускользнуло бы от моего внимания. Но я задумался и ничего не заметил. Погасла лампа в гостиной, следом за ней и свеча, ее пламя захлебнулось в колышущемся озерке расплавленного воска. Я сидел, полуприкрыв веки, и вдруг почувствовал, что тьма надвигается на меня со всех сторон.

Я открыл глаза, но было уже поздно. Я тут же вскочил, и рука Клодии соскользнула с моего плеча. Толпа одетых в черное мужчин и женщин двигалась по комнатам, они шли к нам, сметая отблески света с позолоченных и лакированных поверхностей, оставляя позади себя кромешный мрак. Я закричал, Мадлен проснулась и в испуге бросилась было к кушетке, чтобы спрятаться за ней, но они приближались, и она упала на колени. Впереди всех шли Сантьяго и Селеста, за ними Эстелла и остальные, их имен я не знал. Они отражались во всех зеркалах, как огромная угрожающая тень. Я крикнул Клодии: «Беги!» – вытолкнул ее в соседнюю комнату, повернулся к нападавшим лицом и загородил собою дверь. Когда шедший первым Сантьяго приблизился ко мне, я изо всех сил ударил его ногой в живот.

Я был уже далеко не тот слабак, который в Латинском квартале безуспешно пытался сопротивляться его ужасающей мощи. Моя сила возросла многократно. У меня никогда не хватало решимости стоять до конца, когда речь шла о собственной шкуре. Но сейчас я защищал Клодию и Мадлен. Я бил куда попало – вначале Сантьяго, а потом и очаровательную Селесту, которая пыталась подобраться ко мне сбоку. Клодия была уже далеко, я слышал, как она бежит вниз по мраморной лестнице. Но у меня больше не было времени размышлять о ее судьбе. Селеста вертелась передо мной, цеплялась острыми ногтями за мою одежду, царапала лицо, и кровь стекала на мой белый воротничок. Собрав все силы, я кинулся на Сантьяго, и мы закружились в неистовой схватке. Я снова почувствовал страшную силу его рук, они тянулись к моему горлу.

«Бей их, Мадлен!» – кричал я отчаянно, но в ответ услышал судорожные рыдания.

Она растерянно застыла на месте: испуганное до смерти создание, окруженное черными безжалостными фигурами; они смеялись глухим, пустым металлическим смехом. Сантьяго схватился за щеку: мои зубы оставили там кровоточащую рваную рану. В бешенстве я наносил ему один удар за другим, немели распухшие пальцы. Чьи-то руки схватили меня сзади. Я яростно стряхнул их и услышал за спиной звон разбитого зеркала, но кто-то уже крепко вцепился мне в плечо.

Я дрался отчаянно, силы не покидали меня, но их было больше, и они победили, окружили меня со всех сторон, силой вывели из номера, протащили по коридору и швырнули на ступеньки лестницы; я скатился вниз, свободный на короткий миг, чтобы снова попасть в цепкие руки. Я видел лицо Селесты совсем близко от себя, жалея, что не могу вцепиться в него зубами. Я истекал кровью, стальной хваткой они сжимали мои запястья, и я не чувствовал рук. Мадлен всхлипывала где-то рядом. Нас втащили в карету. Меня били, но я не терял сознание. Я хватался за него, как за соломинку. Я лежал на полу кареты, мокрый от крови, страшные удары сыпались мне на затылок, но я повторял про себя: «Я чувствую, я жив, я в сознании».

Экипаж остановился, нас втащили в Театр вампиров, и я закричал. Я звал Армана.

Меня отпустили только у лестницы, ведущей в подвал. Я шел в кольце темных фигур, злобные толчки в спину заставляли меня

двигаться дальше. Я извернулся и вцепился в Селесту, она громко вскрикнула, и кто-то сзади ударил меня по голове. Но самый сокрушительный удар ждал меня впереди. Я переступил порог и увидел Лестата. Он гордо и прямо стоял в самом центре зала, серые глаза остро и внимательно следили за нами, рот растянулся в коварной улыбке. Он был одет, как всегда, с безукоризненным вкусом: дорогой черный плащ, ослепительно белая сорочка. Но страшные шрамы так и не затянулись и чудовищно исказили его тонкие, красивые черты. Глубокие прямые линии прорезали нежную кожу вокруг губ, у век и на гладком высоком лбу. В глазах его горел молчаливый гнев, рожденный страшной безысходностью. Его взгляд, казалось, говорил: «Видишь, какой я теперь?»

«Это он?» – Сантьяго толкнул меня вперед.

Лестат резко повернулся к нему, хриплым взволнованным голосом произнес:

«Я говорил тебе, что мне нужна девочка, Клодия! Это сделала она!» – Его голова судорожно дернулась, он схватился за ручку кресла, но тут же выпрямился и посмотрел на меня.

«Лестат, – я понимал, как мало у меня осталось шансов на спасение. – Ты жив! Ты снова обрел жизнь! Так расскажи же им, как ты обращался с нами…»

«Нет. – Он яростно тряхнул головой. – Ты вернешься ко мне, Луи».

На секунду я не поверил собственным ушам. Голос разума подсказал мне: «Говори с ним, постарайся его разубедить», но с моих губ сорвался мрачный смешок:

«Ты сошел с ума!»

«Вернись, и они не тронут тебя. – Его веки дрожали от напряжения, грудь тяжело вздымалась, вытянутая вперед рука бессильно хватала пустоту. – Ты обещал мне, Сантьяго, – сказал Лестат, – что я смогу забрать его с собой в Новый Орлеан. – Он обвел взглядом их всех, сгрудившихся вокруг нас, он задыхался. И вдруг взорвался: – Клодия, где она? Только она виновата, я же объяснил вам!»

«Как сказать», – ответил Сантьяго. Он потянулся к Лестату, и тот попятился назад; чтобы не упасть, ухватился за ручку кресла и закрыл глаза, пытаясь вернуть самообладание.

«Он помогал ей». – Сантьяго придвинулся к нему еще ближе. Лестат поднял голову.

«Нет, он ни при чем, – ответил он. – Луи, ты должен вернуться ко мне. Мне надо рассказать тебе все… про ту ночь в болоте…»

Запнувшись, он затравленно огляделся вокруг, как раненый зверь.

«Послушай меня, Лестат, – заговорил я. – Ты отпустишь ее, и тогда я… вернусь к тебе».

Я не узнал свой голос, металлический и пустой. Я старался приблизиться к нему, придать лицу твердое, непроницаемое выражение; мои глаза излучали ослепительные потоки света, как два ярких огня. Он смотрел на меня изучающе, точно борясь с собой. Селеста удержала меня, схватив за запястье.

«Ты должен рассказать им, – продолжал я, – как ты обращался с нами. Она не знала законов, не знала, что есть другие вампиры».

Я говорил это и мысленно успокаивал себя: Арман успеет вернуться до рассвета, он должен вернуться, он остановит их и спасет нас.

Вдруг до меня донесся громкий скрежет, что-то очень тяжелое волочили по полу. Мадлен плакала. Я поискал ее глазами – она сидела в кресле возле стены. Наши взгляды встретились, в ее глазах я прочитал смертельный ужас. Она попыталась подняться, но ее не пускали.

«Лестат, – сказал я. – Чего ты хочешь? Я все сделаю…»

Я остановился на полуслове. В зал втащили гроб с тяжелыми железными замками. Я сразу все понял.

«Где Арман?» – в отчаянии крикнул я.

«Она хотела убить меня, Луи. Она сделала это, она, а не ты! Она должна умереть! – Голос Лестата срывался. – Уберите этот ящик, Луи возвращается ко мне!» – Он повернулся к Сантьяго.

Но тот лишь рассмеялся в ответ. Его смех подхватили Селеста и все остальные.

«Вы же обещали мне», – сказал им Лестат.

«Я тебе ничего не обещал», – ответил Сантьяго.

«Они одурачили тебя, – сказал я Лестату. Они уже открыли крышку. – Обвели вокруг пальца! Ты должен найти Армана, он здесь главный».

Но он, казалось, не понимал моих слов.

Я плохо помню, что было дальше. Я отчаянно отбивался, кричал, что Арман этого не допустит, чтоб они не смели прикасаться к Клодии. Меня положили в гроб. Я отчаянно сопротивлялся, стараясь не думать про страшные крики Мадлен; боялся, что вот-вот услышу крик Клодии. Помню, я привстал, из последних сил задержал на мгновение тяжелую крышку, но вот она опустилась, заскрежетали ключи, я понял, что замки заперты. Я вдруг вспомнил насмешливую улыбку Лестата, его слова из прошлого: «Голодный ребенок – это ужасно, но голодный вампир – еще хуже. Ее крики услышали бы в самом Париже». Это было так давно, в том ушедшем безмятежном мире, где мы так часто ссорились друг с другом. Мое тело обмякло в душном ящике, но я повторил себе: «Арман этого не допустит. Он все равно нас найдет».

Я услышал скрип башмаков, гроб покачнулся, значит, его подняли с пола. Я уперся руками в стенки и закрыл глаза, стараясь привести мысли в порядок, и первым делом запретил себе двигаться или нащупывать крышку. На лестнице гроб накренился, я прислушался. Крики Мадлен были уже едва различимы, мне показалось, что она зовет Клодию, точно та могла нам помочь.

«Зови Армана, – мысленно просил я. – Он уже должен вернуться домой».

Только мысль об ужасном унижении услышать собственный голос, запертый внутри проклятого ящика, заставила меня сдержать крик.

Но вдруг меня посетила страшная догадка: что, если он вообще не придет? Может, у него есть другой гроб в каком-нибудь отдаленном особняке и он останется там?.. Я бешено заколотил в дубовые доски гроба, попытался перевернуться, чтобы надавить на крышку спиной, но не смог, в гробу было слишком тесно. Обливаясь холодным потом, я бессильно уронил голову.

Крики Мадлен затихли вдали, я слышал только мерные шаги и собственное дыхание.

«Значит, он придет завтра. Завтра им придется все рассказать ему, и он найдет нас и выпустит на свободу». – Гроб резко качнулся, волна свежей прохлады проникла даже в душный запертый ящик. Я почувствовал запах воды и сырой земли. Гроб небрежно бросили на землю, и удар болью отозвался в моем измученном теле. Я осторожно потер локти, стараясь не прикасаться к крышке, чтобы не вспоминать

об истинных размерах моей темницы, скрытых спасительной темнотой.

Я думал, что теперь они оставят меня. Но они не ушли. Вдруг я почувствовал новый, незнакомый мне, сырой запах. Затаив дыхание, прислушался и в ту же секунду все понял: это запах цемента, они замуровывают меня кирпичами. Медленно я провел ладонью по лицу, вытирая пот со лба.

«Это ничего», – успокаивал я себя. С каждой секундой в этом ящике становилось все теснее, точно мои плечи делались шире и шире. «Завтра ночью он придет, а до тех пор я буду лежать здесь, как в собственном гробу. Это расплата за все мои ночи».

Так я говорил себе, но мои глаза наполнились слезами, и я снова ударил в крышку гроба. Я представил себе завтрашнюю ночь и все будущие ночи, а чтобы отвлечься от безумных мыслей, подумал о Клодии. Только бы еще хоть раз меня обняли ее руки, только бы хоть на мгновение увидеть ее округлые щечки и длинные, трепещущие ресницы, почувствовать нежное прикосновение губ. Тело одеревенело от усталости, но я из последних сил пинал ногами доски и царапал их ногтями. Вскоре снаружи все стихло, замер вдали звук приглушенных шагов. Я кричал, звал ее: «Клодия!» – пока шею не свело от отчаянных и бессмысленных метаний и оцепенение сна медленно, подобно ледяному потоку, не сковало мои члены. Я пытался позвать Армана, не думая о том, что это глупо и бесполезно: этот мертвый сон не мог обойти стороной и его, он уже спит где-нибудь и не может меня услышать. Последним усилием я надавил на крышку, но в глазах потемнело, силы оставили меня, и я провалился в небытие.

– Меня разбудил голос, далекий, отчетливый. Он называл мое имя. Я открыл глаза и не мог понять, где нахожусь.

«Наверное, это страшный сон, – подумал я, – сейчас я проснусь, и все кончится».

Потерев глаза, я нащупал рукой крышку гроба и сразу все вспомнил. И в ту же секунду с величайшей радостью узнал голос. Арман звал меня. Мой крик ударился о стенки гроба, и я едва не оглох. В страхе я подумал, что он тщетно ищет меня, что он меня не услышит. Но его голос приближался, он говорил, чтобы я ничего не боялся. Раздался громкий шум, треск и грохот обваливающихся

кирпичей, они стучали по крышке гроба. Арман снял их один за другим и ногтями сорвал замки.

Тяжелые дубовые доски заскрипели, и блеснул луч света. Я глубоко вдохнул и вытер пот со лба. Крышка отвалилась, и на секунду мне показалось, что я ослеп. Я сел и закрыл лицо ладонями.

«Торопись, – сказал Арман. – И ни звука».

«Куда мы идем?» – спросил я.

За пробитой Арманом дырой в кирпичной кладке я увидел длинный пустой коридор и двери, замурованные кирпичами. Мое воображение мгновенно нарисовало ужасающую картину скрывающихся за ними гробов, в которых голодали и заживо гнили вампиры, осужденные на мучительную смерть своими собратьями. Арман тянул меня за собой, не давая опомниться, он повторял: «Ни звука». Мы прокрались вдоль коридора, Арман остановился перед дубовой дверью и потушил лампу. На мгновение все вокруг покрыла непроницаемая тьма, но потом я увидел узкую полоску света под дверью. Арман отворил ее так осторожно, что петли даже не скрипнули, и мы очутились в длинном проходе, ведущем к его келье. Я старался не отставать от него. И вдруг мне открылась страшная правда: он спасал меня, и только. Я попытался остановить его, но он еще сильней потянул меня за собой. Мы выбрались наружу через потайной выход, и я наконец заставил его остановиться. Он посмотрел на меня и покачал головой.

«Я не могу спасти ее!» – сказал он.

«Неужели ты думаешь, что я могу уйти без нее! Они заперли ее там! – Ужас охватил меня. – Арман, ты должен ее спасти! У тебя нет выбора!»

«Зачем ты так говоришь? – ответил он. – Пойми наконец: у меня нет никакой власти. Они восстанут против меня, и ничто их не остановит. Я не могу ее спасти. И не хочу подвергать тебя бессмысленному риску. Тебе нельзя возвращаться туда».

Наверное, он был прав, но я не хотел ему верить. Мне не на кого было надеяться, кроме Армана, но я ничего не боялся. Знал только одно: я должен спасти Клодию или погибнуть. Речь не шла о смелости или трусости: просто я должен был это сделать, вот и все. И я знал в глубине души: Арман не станет меня останавливать. Он пойдет со мной.

И оказался прав. Я повернулся и шагнул в коридор, и он пошел следом. Мы молча направились к лестнице, ведущей в зал. Я слышал голоса вампиров, грохот экипажей, шум театра над головой. Я взбежал вверх по лестнице. Селеста стояла в дверях зала с театральной маской в руках. Она смотрела прямо на меня, но как будто мимо, спокойно и безразлично.

Я думал, что она поднимет тревогу, бросится на меня. Но она молча отступила назад, за дверью грациозно покружилась, глядя на свои взметнувшиеся юбки; покачивая бедрами, вышла на середину зала, подняла маску, спрятала лицо за белым черепом и тихо сказала:

«Лестат! Твой друг Луи пришел и зовет тебя. Поторопись, Лестат!»

Она опустила маску, и откуда-то в ответ на ее слова прожурчал тихий смех. Я вошел в зал: там собралось все общество. Одни сидели по углам и вдоль стен, молча предаваясь своим мыслям, другие тихо переговаривались. В одном из кресел я увидел сгорбленную фигуру Лестата. Он увидел меня и отвернулся. Он что-то сжимал в руках, но в полумраке я не мог разглядеть что. Я подошел поближе. Он медленно поднял глаза, спутанные светлые волосы падали ему на лоб. Он смотрел на меня со страхом. Потом перевел взгляд на Армана. Тот неторопливо твердыми шагами двинулся вперед по залу, и вампиры расступались перед ним, ловили каждое его движение. Селеста поклонилась и приветствовала его словами:

«Здравствуйте, монсеньор».

Арман даже не взглянул на нее, остановился перед Лестатом и спросил:

«Ты доволен?»

Серые глаза Лестата смотрели на него удивленно, и я увидел, что они полны слез. Голос не повиновался ему.

«Да…» – прошептал он наконец. Он прятал что-то в черных складках плаща.

«Луи, – сказал он голосом глубоким, полным невыносимого страдания. – Пожалуйста, выслушай меня. Ты должен ко мне вернуться…»

Он осекся и опустил голову, словно ему стало стыдно.

Где-то в темноте засмеялся Сантьяго.

«Ты должен уехать из Парижа, – тихо сказал Арман Лестату. – Ты изгоняешься из общества».

Лестат закрыл глаза, боль преобразила его лицо. Мне показалось, что передо мной его двойник – живое, раненое, глубоко чувствующее существо, которого я никогда не знал.

«Пожалуйста, – тихо сказал он, глядя на меня с мольбой. – Я не могу говорить с тобой здесь! Ты не поймешь! Поезжай со мной… ненадолго… пока я снова не стану собой», – прошептал он.

«Это какое-то безумие!.. – Я сжал виски. – Где она? Где она? – Я огляделся: непроницаемые улыбки застыли на неподвижных лицах вампиров. – Лестат!» – Я повернулся к нему и потянул за рукав плаща.

И тут я увидел, что у него в руках. У меня оборвалось сердце. Это было желтое шелковое платьице Клодии. Я вырвал его у Лестата, смотрел на него невидящими глазами. Лестат поднес руку к трясущимся губам и отвернулся. Глухие рыдания вырвались из его груди, а я смотрел на платье, водил непослушными пальцами по маленьким красным пятнышкам слез, мои руки дрожали, я судорожно прижал платье к груди.

Не знаю, сколько я так стоял, может быть, вечность. Ведь время не властно надо мной и над ними тоже, они прогуливались вокруг меня в полумраке, смеялись своим бессмертным, неземным смехом. Я не желал больше их слышать, хотел зажать уши, но не мог выпустить платье и старался скомкать его и уместить в одной руке. Вдруг одна за другой загорелись свечи, неровный ряд свечей вдоль разрисованной стены, и я увидел в стене дверь, широко распахнутую прямо в дождь. Ветер сдувал пламя, свечи шипели, но не гасли. И я понял, что Клодия там, за дверью. Вдруг свечи ожили, тронулись с места – их держали вампиры. Сантьяго поклонился и жестом предложил мне пройти за дверь. Я едва взглянул на него. Мне не было никакого дела до них. Внутренний голос говорил мне: «Если ты станешь думать об этих убийцах, то сойдешь с ума. Что тебе до них? Думай только о ней. Где она? Ты должен ее найти». Их смех стал отдаляться от меня. И растворился в шуме ветра.

И я шагнул навстречу ветру, и давняя, знакомая картина предстала моим глазам. Никто из них не мог знать, что я уже видел такое. Но нет, Лестат знал, только разве это важно? Он не поймет, он уже не вспомнит, как мы стояли в дверях старой кирпичной кухни на Рю-

Рояль и смотрели на два мертвых тела: мать и дочь обнимали друг друга на склизком каменном полу. Но здесь, под тихим парижским дождем, лежали другие двое – Клодия и Мадлен. Рыжие кудри Мадлен перепутались с золотыми кудрями Клодии, ветер шевелил их волосы. Солнечные лучи спалили живую плоть, остались только эти волосы, только длинное бархатное платье Мадлен и запятнанная кровью маленькая белая кружевная сорочка. В черных, обугленных останках еще можно было угадать черты Мадлен, ее рука, обнявшая Клодию, сохранила свою форму, но мое дитя, моя вечная подруга, моя маленькая девочка превратилась в пепел.

Страшный, дикий, звериный крик разорвал мне грудь; словно вихрь закружился в этом каменном колодце; дождь падал на мертвый прах, смывал с мостовой черный отпечаток маленькой детской ладони; золотые волосы взлетали под ветром. Удар оборвал мой крик. Я повернулся и увидел Сантьяго. Я вцепился в него, я должен был его уничтожить, превратить в кровавое месиво это белое ухмыляющееся лицо, свернуть ему шею; он не мог вырваться из моих железных рук, кричал от боли, и его вопль смешался с моим криком. Его башмак наступил на ее останки, я поднял его в воздух и отшвырнул; он упал и вытянул руку, защищаясь. Слезы и дождь заливали мне лицо, я ослеп, тянулся к его горлу, но чьи-то руки держали меня. Это были руки Армана, я сопротивлялся, но он обхватил меня и потянул прочь, назад, в зал с фресками, к дикому смешению красок, криков, голосов; назад к омерзительному, сухому, серебристому смеху.

Я слышал где-то вдали голос Лестата, он звал меня:

«Луи, подожди, Луи, мне нужно поговорить с тобой!»

Я смотрел в темные бездонные глаза Армана. Странная слабость объяла меня, и даже мысль о смерти Клодии и Мадлен стала какой-то расплывчатой и смутной. Тихий, еле слышный голос Армана повторял:

«Я ничего не мог сделать. Я не мог это предотвратить…»

Они умерли, просто умерли – и все. Сантьяго все еще лежал рядом с прахом, и ветер все так же трепал разметавшиеся золотые локоны Клодии, но мои глаза уже не различали никого. Я потерял разум.

Я не мог забрать их останки из этого проклятого места. Арман поддерживал меня, почти нес через незнакомую огромную комнату с деревянными стенами и полом, и наши медленные спотыкающиеся

шаги отдавались гулким эхом. Мы вышли на улицу, я почувствовал запах лошадей и кожаной упряжи, впереди тянулась бесконечная вереница экипажей. Я побежал вниз по бульвару Капуцинов, в руках у меня был маленький детский гробик; люди расступались передо мной, шептали что-то, показывали на меня пальцами. Я оступился и едва не упал, но Арман удержал меня. Он все время был рядом. Его глубокие глаза снова очутились передо мной, и я опять стал проваливаться в дремотное, полуобморочное состояние. Но я двигался, брел дальше, глядя вниз, на свои блестящие башмаки.

«Должно быть, он сошел с ума. – Я говорил про Лестата намеренно резко и зло, черпая утешение в звуках собственного голоса. Затем я громко расхохотался. – Он окончательно спятил! Ты слышал, что он мне сказал?» – сказал я Арману.

Его глаза говорили: «Забудься. Усни». Я хотел сказать что-то про Клодию и Мадлен, что мы не должны оставлять их там, но промолчал, чувствуя, что в моей душе поднимается тот же звериный крик. Мне пришлось стиснуть зубы, ибо он был так страшен, так силен, что разорвал бы на части меня самого, если б вырвался на волю.

И вдруг я снова ясно увидел весь этот ужас. Я зашагал дальше по бульвару, агрессивно и слепо, как человек в тяжелом опьянении, охваченный чувством ненависти и превосходства. Так шел я по темным улицам Нового Орлеана в ночь первой встречи с Лестатом, натыкаясь на столбы, ограды, стены домов, но умудряясь не падать и следовать по правильному пути. Вдруг я увидел трясущиеся руки пьяного – он не мог совладать со спичками. Наконец вспыхнуло пламя, его трубка задымилась. Я поднял глаза: я стоял перед входом в кафе, а человек с трубкой сидел внутри и пристально смотрел на меня сквозь стеклянную дверь. И он вовсе не был пьян. Арман стоял рядом и ждал. Вокруг нас шумел и сверкал огнями бульвар Капуцинов… или бульвар Тамплиеров? Не помню. Меня охватила неистовая ярость. Неужели Мадлен и Клодия так и останутся в этом проклятом месте? Я видел, как Сантьяго попирает ногами прах моего ребенка! Я зарычал, стиснув зубы. Человек за стеклом вскочил, и лицо его скрылось за сизым облаком.

«Убирайся прочь от меня, – сказал я Арману. – Будь ты проклят! Не приближайся ко мне. Не подходи ко мне!» Я повернулся и пошел

прочь вдоль бульвара. Какая-то парочка шарахнулась в сторону, мужчина выставил руку вперед, защищая свою спутницу.

Я побежал. Люди смотрели на меня, недоумевая, что это за дикое, белое, светящееся существо только что мелькнуло перед глазами. Скоро я остановился. Меня мутило. Мучительная жажда сжигала меня, надо было напиться свежей крови. От этой мысли меня чуть не вырвало. Я присел на каменные ступеньки у входа в маленькую церковь, уже запертую на ночь. Дождь медленно затихал, или мне так казалось. Улица была тихой, мрачной и пустынной. Лишь однажды где-то вдалеке промелькнул и скрылся во мраке запоздалый прохожий с черным блестящим зонтом. На другой стороне в тени деревьев стоял Арман. Позади него из густых зарослей травы и кустов поднимался теплый белый пар.

Я заставил себя думать только о головной боли и голодных спазмах в желудке и сумел немного успокоиться. Постепенно мои чувства приобрели ясность и отчетливость, и я позволил себе мысленно вернуться к случившемуся. Подумал, что мы так далеко от театра, а Мадлен и Клодия все еще там. Жертвы жестокого солнца, умершие в объятиях друг друга. В моей душе родилась какая-то решимость. Я был готов на все.

«Я ничего не мог сделать», – тихо сказал Арман. Невыразимая печаль застыла в его глазах.

Я посмотрел на него: он отвернулся, как будто понял, что бесполезно уговаривать меня. Его надежды рушились. Я знал, что, если стану сейчас обвинять его, он не будет оправдываться. Он только бессильно повторял:

«Я ничего не мог сделать».

«Неправда, ты все мог! – тихо сказал я. – Ты и сам это знаешь. Ты их предводитель, ты главный. Никто, кроме тебя, не знал и не знает истинных границ твоей власти. У них нет твоего разума, твоего понимания».

Он все еще смотрел в сторону, но мои слова тронули его. Он устало и обреченно вздохнул.

«Ты управлял ими. Они боялись тебя! – продолжал я. – Ты сумел бы остановить их, если б захотел, если б вышел за рамки, установленные тобою самим. Но ты не стал переступать через себя и

свое драгоценное стремление к истине и покою! Я отлично понимаю тебя, потому что вижу в тебе отражение самого себя!»

Он молча взглянул мне в глаза. Его лицо исказила невыносимая боль, почти отчаяние. Он еле сдерживал себя и боялся этого чувства. А я ничего не боялся. Потому что это моя боль сейчас мучила его, многократно усиленная его способностью сопереживать. Но я не сочувствовал ему. Мне было все равно.

«Да, я понимаю тебя слишком хорошо, – повторил я. – Бездействие – вот настоящее зло, вот причина всех моих несчастий. Моя слабость, нежелание отвергнуть глупую, извращенную мораль и непомерное тщеславие! Именно из-за этого я и стал вампиром, хотя понимал, что это неправильно. Из-за своей слабости я позволил сделать вампиром и Клодию и тоже знал, что это плохо. Стоял и смотрел, как она убивает Лестата, и чувствовал, что тем самым она делает шаг навстречу собственной гибели, но даже палец о палец не ударил, чтобы помешать ей. А Мадлен? Мадлен! Что я с ней сделал? Ведь и тогда знал, что этого нельзя допустить! И теперь с меня довольно! Не желаю больше быть жалким, никчемным существом, вопреки своей воле прядущим нити зла, пока они не совьются в огромную прочную сеть и я сам, жертва собственной глупости, не окажусь в ее плену! Я знаю, что надо делать, и хочу предупредить тебя. Предупредить, потому что ты спас мне жизнь сегодня, вытащил меня из могилы; не возвращайся в свою келью и не приближайся к Театру вампиров!»

Я не стал дожидаться его ответа. Может быть, он и не хотел отвечать. Не знаю. Я ушел и ни разу не обернулся. Может быть, он шел за мной, но я ничего не хотел об этом знать. Мне было все равно.

Я отправился на Монмартр, на кладбище. Не знаю, почему я выбрал именно его. Может быть, потому, что это недалеко от бульвара Капуцинов. В то время Монмартр еще был окраиной, темной, тихой, спокойной. Блуждая в потемках между низенькими домиками и прилепившимися к ним огородами, я отыскал себе жертву и поспешно, без удовольствия насытился. Потом отыскал могилу, где мне предстояло провести следующий день. Я нашел подходящий, еще не успевший сгнить гроб, выскреб из него полуистлевшие останки голыми руками и улегся в грязную и мокрую постель, смердящую

смертью. Не могу сказать, что там было уютно, но именно этого я хотел. Запертый в темноте, вдали от людей и прочих двуногих созданий, вдыхая запах сырой земли, я наконец смог отрешиться от переполнявшей меня скорби.

Скоро я забылся тяжелым сном, и мучения кончились.

Но ненадолго. Проснулся я, когда холодное и тусклое зимнее солнце уже зашло. Как это обычно бывает зимой, я почти сразу обрел способность ясно чувствовать. Вокруг в кромешной тьме сновали толпы живых тварей – постоянные обитатели гроба. Они разбежались во все стороны при моем воскрешении к жизни. Я неторопливо выбрался наружу под призрачный свет луны, с наслаждением прикасаясь к холодной, гладкой мраморной плите, которая послужила мне убежищем. Блуждая среди могил, я обдумывал еще и еще раз свой план. Я ставил на карту собственную жизнь. Но надеялся выиграть и обрести свободу распоряжаться ею: не бояться потерять ее и, если нужно, решиться отдать.

В одном огороде возле изгороди я заметил то, что смутно уже присутствовало в моих мыслях. Это была небольшая коса с острым, искривленным лезвием, к нему прилипли прошлогодние травинки, засохшие, но все еще зеленые. Стоило мне протереть его, провести пальцами по потемневшему от времени и непогоды металлу, как мой план обрел ясность и завершенность. Прежде всего надо найти кучера с экипажем и нанять его на несколько дней. Мне не составило труда отыскать подходящего возницу, соблазнив его щедрым авансом и обещанием заплатить еще больше. Я распорядился, чтобы в карету из нашего номера перенесли ящик с гробом и другие необходимые вещи. Потом последовало несколько долгих и утомительных часов: я притворялся, что пью вместе с кучером, болтал с ним о самых разных вещах и, наконец, договорился, что он за очень крупную сумму перевезет меня на рассвете из Парижа в Фонтенбло. Я сказал ему, что всю дорогу буду спать, потому что у меня хрупкое здоровье, и меня нельзя тревожить ни под каким предлогом. Последнее условие было настолько существенным, что я пообещал вознице отдельную плату за его безукоризненное выполнение: он не должен даже прикасаться к дверце кареты, пока я сам не выйду из нее.

Я убедился, что он согласен на мои условия и пьян настолько, что забыл обо всем, кроме предстоящей поездки в Фонтенбло. Мы

медленно и осторожно отправились в путь и вскоре выехали на улицу, где находился Театр вампиров. Неподалеку от него мы остановились, но я остался внутри и подождал, пока начнет светать.

Театр уже заперли в преддверии наступающего дня. Примерно за четверть часа до рассвета я выскользнул из экипажа и прокрался к зданию. Я знал, что там, в подземных этажах, далеко внизу, вампиры уже лежат в своих гробах. Но даже если б кто-нибудь их них запоздал и вернулся домой в самую последнюю минуту, он вряд ли бы обратил внимание на мои приготовления. Я накрепко заколотил главный вход досками. Какой-то ранний прохожий застал меня за этим занятием, но прошел мимо – наверное, подумал, что я прибиваю табличку с именем владельца. Я опасался только, что могу столкнуться с продавцами билетов, швейцарами и прочей прислугой, которая, как я предполагал, приходила в театр на рассвете, чтобы охранять дневной сон вампиров.

Я приказал вознице поставить экипаж в переулке, куда выходила потайная дверь Армана, и прихватил с собой два бочонка с керосином.

Как я и надеялся, мне с легкостью удалось повернуть ключ в замке. Первым делом я убедился, что келья Армана пуста. Вняв моему предостережению, он исчез и забрал все, кроме мебели. Торопливо я откупорил один бочонок и, катя перед собой второй, двинулся к лестнице. В спешке я разбрызгивал керосин на деревянные перекрытия и двери комнат. Запах оказался настолько силен, что он мог поднять тревогу гораздо скорее, чем любой, даже самый громкий, шум. Я замер на лестнице, прислушиваясь, с бочонками и с косой в руках, но не услышал ничего – ни малейшего признака присутствия в здании охраны или самих вампиров. Стискивая рукоять косы, я медленно поднимался по каменным ступенькам к залу. Там тоже было пусто, как в коридоре и на лестнице, и никто не видел, как я смачивал горючей жидкостью набитые конским волосом сиденья кресел и тяжелые бархатные портьеры. На секунду я замешкался возле двери, за которой лежали Клодия и Мадлен. Мне захотелось отворить ее и бросить на них прощальный взгляд. Это желание было так велико, что я чуть было не забыл, зачем пришел сюда, и едва не выронил из рук полупустой бочонок. Но свет уже пробивался сквозь щели в старых досках, и, встрепенувшись, я вспомнил, что надо торопиться. Мадлен и Клодия мертвы. Зачем мне смотреть на их почерневшие останки и спутанные волосы? Я вышел из зала и побежал по незнакомым

темным коридорам, обливая керосином деревянные двери. Я кинулся наверх, в фойе театра, едва освещенное холодным серым светом сквозь неплотно закрытые ставни на окнах, и главный вход в здание, только что заколоченный мной. Потом я вошел в зрительный зал и вылил остатки керосина на огромный бархатный занавес, кресла и портьеры.

Второй бочонок опустел, я отшвырнул его в сторону и достал приготовленный факел. Намотанные на дерево пропитанные керосином тряпки вспыхнули, стоило только поднести к ним зажженную спичку. Я поджег одно за другим несколько кресел – и яркие язычки пламени заплясали на толстой шелковой обивке. В следующий миг я уже был на сцене, и огонь весело побежал по темному занавесу.

Скоро в театре стало светло как днем. Мне показалось, что весь костяк здания заскрипел и застонал – пламя с ревом устремилось вверх по стенам, достигло высокой арки на авансцене и лепных завитушек на балконах верхних лож. Но у меня не осталось времени насладиться этим зрелищем, страшными запахами и звуками, наполнявшими мою душу кровожадной радостью. Я поспешил назад, вниз, добрался до зала фресок и поджег факелом кресла, портьеры – одним словом, все, что могло гореть.

В комнатах наверху поднялся шум, раздались громкие удары по доскам. Мой слух безошибочно различил скрип отворяемой двери. Бежать поздно, сказал я себе и покрепче сжал в руках косу и факел. Здание пылало, как гигантский погребальный костер. Они все должны погибнуть. Я сбежал вниз по лестнице, далекий крик прорвался сквозь треск горящего дерева и рев пламени. Балки над моей головой вспыхивали от одного прикосновения факела. Я снова услышал крик и уже не сомневался, что это Сантьяго. У лестницы я обернулся и разглядел его темную фигуру; он торопливо спускался за мной следом. Его глаза слезились, он хрипло кашлял от едкого, густого дыма. Он тянул ко мне руки и бормотал:

«Ты… ты… проклятие!»

Я замер, щурясь от дыма, глаза наполнялись жгучей, слепящей влагой, но я смотрел на него, следил за каждым его движением. Сантьяго мчался на меня так быстро, что почти превратился в невидимку. Наконец его темный, плохо различимый в дыму силуэт очутился передо мной. В тот же миг я взмахнул косой и резким ударом

перерезал ему горло. Он упал, хватаясь за страшную рану. Воздух зазвенел от новых душераздирающих воплей, за спиной поверженного Сантьяго показалось еще одно смертельно бледное лицо, белая маска ужаса. Кто-то уже бежал по коридору к потайной двери Армана. Но я стоял и смотрел на Сантьяго, он поднялся, несмотря на рану. Я снова взмахнул косой, и рана исчезла. И голова тоже. Только две руки хватались за пустое место.

Кровь фонтаном ударила из отсеченной шеи, и голова с дико выпученными глазами и спутанными темными волосами, мокрыми от крови, упала к моим ногам. Я пнул ее изо всех сил, и она, кувыркаясь в воздухе, полетела по коридору. Я отбросил факел и косу, выбежал на улицу. Я прикрывал лицо ладонями от нестерпимого белого сияния. Уже совсем рассвело.

Струи дождя превратились перед моими полуослепшими глазами в сверкающие нити. Щурясь, я с трудом разглядел темное пятно кареты на фоне светлого неба. Дремавший возница встрепенулся, услышав мою хриплую команду, и его неуклюжая рука тут же потянулась за кнутом. Экипаж накренился – я резко рванул за ручку дверцы. Лошади во весь опор уносили нас прочь от театра, я поспешно открыл гроб, кое-как втиснулся в него и захлопнул крышку. Холодный шелк нежно касался обожженных рук.

Мы гнали все быстрей, прочь от пожара, но меня преследовал запах дыма; ветер разнес его по всей округе, он обжигал глаза и легкие. Лоб и ладони горели от ожогов, от первых лучей восходящего солнца.

Но мы уносились прочь из Парижа, позади остался удушливый черный дым и отчаянные крики. Мой план удался. Театр вампиров сгорел дотла.

Я опустил усталую голову на мягкий шелк и мысленно представил себе Мадлен и Клодию: вот они обнимают друг друга на земле в сером угрюмом дворике под холодным зимним дождем. Я наклонился поближе к их волосам, волшебно сверкающим в тусклом свете свечей, и прошептал:

«Простите меня: я не смог забрать вас с собой. Но их истлевшие кости усеют землю вокруг вас. Если не огонь, так солнце довершит начатое мной. Люди придут тушить пожар, найдут их и выставят на свет. Я обещаю вам: они умрут все до единого, как умерли вы. И

первый раз за долгую жизнь я совершил убийство с легкой душой и во имя справедливости».

– Я вернулся в Париж спустя два дня. Я должен был собственными глазами увидеть подвал, затопленный дождевой водой, обгоревшие, крошащиеся в руках кирпичи и почерневшие балки, сиротливо торчащие из руин. Я подошел поближе к пожарищу и разглядел обломки фресок на булыжной мостовой: тут – нарисованное лицо, там – кусочек ангелова крыла, все остальное неразличимо.

Я купил вечерние газеты, протолкался сквозь толпу в маленькое кафе напротив театра.

В тусклом свете газовых фонарей и густом облаке табачного дыма над столиками я прочитал сообщения о пожаре. Всего лишь несколько скелетов было найдено в сгоревшем театре, хотя удалось обнаружить сценические костюмы и обычную одежду, раскиданную повсюду в беспорядке, словно знаменитые актеры, изображавшие вампиров, спешно покинули театр незадолго до пожара. Из этого я понял, что от самых молодых вампиров остались кости, а старые сгорели дотла. В газете ничего не сообщалось о свидетелях пожара или выживших жертвах. Да и кто бы смог выбраться живым из этого пламени?

Только одно настораживало меня. Я не боялся оставшихся в живых и не собирался устраивать на них охоту. Я не сомневался, что почти все сгорели. Но куда же делись люди, охрана? Я точно помнил, что Сантьяго говорил про охрану, а ведь были еще швейцары, билетеры и другие слуги. Для них я и приготовил косу. Но их там не было. Странно. Я ничего не мог понять, и это тревожило меня.

Я отложил газеты, обдумал все заново и решил, что из-за этого не надо переживать. Какая разница? Самое страшное, что я остался один, один в целом свете. И Клодия никогда не вернется ко мне. Без нее моя жизнь бессмысленна. Я не хотел жить. Хотел умереть, сильнее, чем когда бы то ни было.

Но это отчаяние не сломило меня, не овладело моей душой, и я не сдался, не превратился в жалкое, ничтожное создание. Наверное, страдания, пережитые мною над прахом Клодии, оказались слишком мучительными, чтобы длиться долго. Потому что иначе я не смог бы прожить ни минуты. Время шло, а я все сидел в табачном дыму и смотрел на эстраду. Занавес поднимался и опускался, на сцене

появлялись женщины, они пели звучными, мягкими голосами, нежно и грустно, их поддельные драгоценности волшебно сверкали в огнях. Я думал, что с людьми тоже так бывает, они тоже теряют близких и тогда ищут сочувствия, утешения, делят горе с другими. Как это возможно? Я никому сейчас не стал бы доверять свою боль. Мои слезы ничего не значили для меня.

А если не умереть, то куда же мне идти? Но скоро я получил ответ. Я вышел из кафе, покружил вокруг пепелища, свернул на широкую Наполеон-авеню и пошел к Лувру.

Странно, мне казалось, будто это место зовет меня, хотя прежде я никогда там не был. Тысячи раз я проходил мимо длинного фасада и жалел, что не могу стать человеком всего на один день, чтобы пройтись по великолепным залам и увидеть прекрасные полотна. Но теперь я твердо решился осуществить давнюю мечту. Подумал, что искусство подарит мне утешение и не надо будет убивать. Я не мог принести смерть неживым, но все же одушевленным картинам.

Вдруг я услышал за спиной знакомые шаги: Арман давал мне знать, что он рядом. Я замедлил шаг, позволил ему догнать меня.

Мы долго шли молча. Я не смел взглянуть на него. Конечно, я никогда не переставал думать о нем. Будь мы людьми, а Клодия – моей невестой, сейчас я беспомощно упал бы в его объятия, чтобы поделиться с кем-то своим горем. Это желание было так сильно, что я еле сдерживал себя. Но ничего не случилось. Мы просто шли рядом и молчали.

«Ты знаешь, что я сделал, – сказал я наконец. Мы свернули с Наполеон-авеню, и впереди показался длинный ряд двойных колонн Лувра. – Ты вовремя забрал свой гроб…»

«Да», – ответил он коротко. Спокойное, глубокое понимание слышалось в его голосе. Я почувствовал, что слабею. Устал от этой боли.

«И все же ты здесь, со мной. Ты хочешь отомстить мне?»

«Нет», – так же коротко ответил он.

«Но они же твои товарищи, ты был у них главный, – удивленно сказал я. – И ты не предупредил их?»

«Нет», – повторил он.

«Но ты теперь наверняка презираешь меня. Ведь ты чтишь законы собратьев».

«Нет», – ответил он.

Неумолимая логика заключалась в его ответах, но я не мог ни понять, ни объяснить ее. Вдруг из глубин моего сознания всплыл другой вопрос:

«Охрана, куда она делась? Почему они не защищали вампиров?»

«Потому что это я нанимал их, и я же уволил их накануне пожара», – ответил Арман.

Я остановился. Он уже не прятал глаза, как в прошлый раз, наши взгляды встретились, и мне вдруг захотелось, чтобы мир восстал из руин, засыпанных черным пеплом, чтобы он был светел и прекрасен и мы были бы живы и любили друг друга.

«Ты знал, что я замышляю, и отпустил охрану?» – спросил я.

«Да», – кивнул Арман.

«Но ты же был их вождем! Они доверяли тебе. Они верили в тебя. В конце концов, они жили с тобой под одной крышей! Я не понимаю – почему?..»

«Выбери себе любой ответ, – сказал он спокойно и мягко, без грубости или высокомерия, просто желая, чтобы я понял его. – Можно найти много ответов. Возьми любой и поверь в него. Я могу дать тебе подходящее объяснение, только далекое от истины: я собирался уехать из Парижа. Театр, как известно, принадлежит мне, вот я их и уволил».

«Но, зная то, что ты знал…»

«Говорю тебе, это подходящая, но далекая от истинной причина», – терпеливо объяснил он.

«Ты и меня убьешь с той же легкостью, с какой оставил их погибать?»

«Зачем?» – спросил он.

«Боже…» – прошептал я.

«Да, ты сильно изменился, – сказал он. – Но все же ты остался прежним».

Я отвернулся и молча пошел дальше. Мы остановились у входа в Лувр. Сперва мне показалось, что окна дворца темны, и только лунный свет отражается в них мягким, таинственным серебром. Но я пригляделся и заметил, что слабый огонек медленно движется внутри. Наверное, это сторож проверял залы. Как я завидовал ему! Я стал думать о стороже, прикидывать, как можно забраться внутрь и отобрать у него фонарь и ключи вместе с жизнью. Какая глупость! Я

не способен придумывать планы. За всю жизнь только один удался мне.

И я сдался. Повернулся лицом к Арману, мой взгляд проник в глубину его волшебных глаз, и я стоял завороженный, он приблизился ко мне, медленно, как к жертве. Я опустил голову, он обнял меня за плечи, и вдруг я вспомнил едва ли не последние слова, сказанные мне Клодией: я способен любить Армана уже потому, что мог любить даже ее. И понял, что в их насмешливой иронии скрывался смысл куда более глубокий, чем она сама могла предположить.

«Да, – тихо сказал я Арману. – Это и есть венец зла. Мы способны зайти так далеко, что можем даже любить друг друга. Ты и я. Кто же еще подарит нам хоть крупицу любви, сострадания и милосердия? Кто еще, зная нас так, как знаем себя мы, сделает хоть что-нибудь ради нас? Нет, только мы и способны любить друг друга».

Он долго молчал, потом пододвинулся еще ближе, склонил голову набок, губы раскрылись, точно он собирался что-то сказать, но он только улыбнулся и покачал головой, признаваясь, что не понял моих слов.

Но я уже не думал о нем, как и обо всем остальном на свете. Наступила одна из тех редких минут, когда я вообще ни о чем не думал. Я поднял голову: дождь кончился, холодный воздух был чист и прозрачен, огни отражались на мокрой мостовой. Я хотел попасть в Лувр еще до рассвета и сказал об этом Арману, попросив его помочь мне.

«Но это очень просто», – ответил он. И только удивился, почему я ждал так долго.

– Вскоре мы уехали из Парижа. Я сказал Арману, что хочу еще раз побывать на Средиземном море, но не в Греции, о которой так долго мечтал, а в Египте. Мне хотелось увидеть пустыни, а самое главное – пирамиды и усыпальницы древних правителей этой страны. Я даже подумывал, что стоит познакомиться с ворами – охотниками за богатством мертвых фараонов, ведь они знают гробницы лучше любых ученых. Я собирался забраться в еще не открытые гробницы, чтобы посмотреть на не тронутые человеком мумии, их одежду и украшения и настенные рисунки. Арман охотно согласился, и однажды ранним вечером мы покинули Париж, без прощания и без оглядки.

Но накануне отъезда я зашел в наш номер в гостинице «Сент-Габриэль». Я хотел забрать кое-какие вещи Клодии и Мадлен, чтобы положить их в гробы и похоронить на том маленьком кладбище на Монмартре. Я прошел по пустым комнатам, все было убрано и разложено по местам, и казалось, что Клодия и Мадлен вот-вот вернутся. Обручальное кольцо Мадлен осталось на маленьком столике рядом с ее шитьем. Я посмотрел на него, окинул взглядом гостиную и понял, что задуманное мной лишено всякого смысла. Я ничего не взял, вышел и тихо притворил за собой дверь.

Но там, в пустом номере, мне вдруг ясно открылась вся глубина происшедшей со мной перемены. Я шел в Лувр, чтобы примириться со своей душой, думал, что встречусь с чем-то удивительным и прекрасным и смогу забыть себя и свою боль. Только эта мысль и поддерживала меня. И вот теперь я стоял на тротуаре у входа в гостиницу и ждал экипаж; люди суетились вокруг – обычная вечерняя толпа: нарядные парочки, разносчики газет, носильщики, извозчики… Но я смотрел на них другими, новыми глазами. Раньше я надеялся, что искусство поможет мне глубже постичь человеческую душу. Но теперь она не значила для меня ничего. Ненависти к людям не было во мне – я просто перестал их замечать. Прекрасные полотна Лувра не имели ничего общего с руками, сотворившими их. Они были свободны от своих создателей и мертвы. Как разлученная с матерью Клодия, как фарфоровые куклы Мадлен. Да, эти полотна были похожи на нас. На Клодию, на Мадлен и на меня самого… Потому что они тоже могли превратиться в пепел.

Часть IV

Вот и конец этой истории. Наверное, вам интересно, что же случилось с нами потом – что стало с Арманом, где я побывал, что делал. Я скажу вам: ничего не случилось. Просто мои мысли в последний вечер в Париже оказались пророческими.

С тех пор я так и не изменился.

Человеческие перемены перестали касаться меня. Я по-прежнему воспринимал и любил красоту мира, но ничего не мог дать человечеству взамен. Я поглощал прекрасное, как вампир высасывает кровь. И был доволен, впечатления переполняли меня. Но я был мертв. Окончательно и бесповоротно. История моей жизни закончилась в Париже.

Долгое время я считал, что тому виной смерть Клодии, что, если бы Клодия и Мадлен успели уехать из Парижа и остались бы живы, у нас с Арманом все могло бы сложиться по-другому. Я бы по-прежнему страдал и любил и попытался бы отыскать для себя некое подобие смертной жизни, пусть нечеловеческое, но яркое и разнообразное. Но потом я понял, что это самообман. Даже если бы Клодия осталась жива и не было бы причин презирать Армана за то, что он позволил убить ее, все закончилось бы тем же самым. Какая разница – постигать зло постепенно или столкнуться с ним сразу? Я ничего больше не хотел и съежился, как паук в пламени спички. И даже Арман, мой постоянный и единственный спутник, оказался где-то вдали, за завесой, которая отделяла меня от всего мира. Завесой, похожей на саван.

Я знаю, вы хотите узнать, что же случилось с Арманом. Скоро рассвет. И я должен успеть рассказать вам, что было дальше. Без этого история останется незавершенной.

Мы отправились путешествовать. Египет, Греция, Италия, Малая Азия – куда глаза глядят и куда влечет тяга к искусству. В те годы я мог смотреть на самые простые вещи: на окно собора, картину в музее, красивую скульптуру – и время переставало существовать.

И все эти годы во мне жила смутная, но неотступная мечта – вернуться в Новый Орлеан. Я всегда думал про него. И в тропиках, и в

странах, где растут те же цветы, что в Луизиане, тяга к дому оставалась единственным моим желанием, выходящим за рамки бесконечного стремления к искусству. Иногда Арман просил меня отвезти его в Новый Орлеан. Я так редко радовал его, часто и без предупреждения исчезал и никогда сам не искал его. И подумал: а что, если поехать в Новый Орлеан только ради него? Мне казалось, так я смогу забыть свой страх – я боялся, что там, в Новом Орлеане, призрак прежних страданий снова настигнет меня. Но даже ради него я не решился поехать. Этот страх оказался сильнее меня: мы отправились в Америку, но поселились в Нью-Йорке. Я откладывал и откладывал поездку в Новый Орлеан. Но случилось так, что Арман нашел способ уговорить меня.

Он признался, что Лестат не погиб в Театре вампиров. Я был уверен, что Лестат мертв, Арман всегда говорил, что все они сгорели. Но оказалось, это не так. В ту ночь, когда я убежал от Армана и спрятался на Монмартрском кладбище, Лестат покинул театр. Два вампира, обращенные его же учителем, помогли ему попасть на корабль до Нового Орлеана.

Не могу передать, какие чувства нахлынули на меня. Конечно, Арман сказал, что скрывал это от меня, чтобы уберечь от ненужных страданий: ведь я мог пуститься в далекое путешествие только ради мести. Но мне было все равно. Той ночью, когда я поджег театр, я думал не о Лестате, а о Сантьяго, Селесте – о тех, кто убил Клодию. Лестат же вызывал у меня другие чувства, их я не доверял никому и хотел забыть. Но ненависти среди них не было.

Арман рассказал мне правду о Лестате, и завеса, защищавшая меня от мира, стала тонкой и прозрачной, и, хотя она не исчезла совсем, я уже воспринимал сквозь нее Лестата и хотел увидеться с ним. Ведомый этим желанием, я возвратился в Новый Орлеан.

В том году весна была поздняя. Я вышел из здания вокзала и сразу понял, что действительно попал домой. Воздух был полон особенным, родным запахом, и я с необычайной легкостью ступал по гладкой теплой мостовой под знакомыми дубами, прислушиваясь к живому, беспокойному дыханию ночи.

Конечно, город изменился. Но я не сетовал на эти перемены, я был благодарен за то, что осталось прежним. На окраине города, в районе Садового квартала – в мои времена это был пригород Фобур

Сент-Мари, – я отыскал величавые особняки из далекого прошлого, тихие брусчатые переулки; прогуливался под магнолиями и узнавал ту же свежесть и покой, что и в былые дни, угадывал сходство с темными улочками Вье-Карре, с дикой природой Пон-дю-Лак. Здесь росли жимолость и розы, коринфские колонны поблескивали в свете звезд, а за воротами тянулись призрачные улицы и другие особняки… Это была цитадель благодати.

На Рю-Рояль, в стороне от туристов, антикварных лавочек, сверкающих подъездов ресторанов, я, к изумлению своему, обнаружил дом, в котором мы жили когда-то с Клодией и Лестатом. Фасад был заново оштукатурен, внутри произошли некоторые перестановки, но два французских окна все так же открывались на маленькие балкончики над входом в магазин, и я смог разглядеть в мягком свете электрической люстры элегантные обои, столь знакомые мне по тем давним дням. Это место с такой остротой напомнило мне о Лестате, даже сильнее, чем о Клодии, и я подумал, что обязательно найду Лестата в Новом Орлеане.

Арман куда-то ушел, и странная печаль охватила меня. Не прежнее всепоглощающее отчаяние, а тихая, глубокая печаль, сладкая, как благоухание роз и жасмина во дворике за железными воротами. Она ласкала меня, она навсегда связала меня с этим городом; я повернулся и пошел прочь от нашего дома, но забрал ее с собой, и она уже не оставляла меня.

Вскоре после этого я встретил в Новом Орлеане вампира. Это был холеный белолицый юноша, он любил прогуливаться в одиночку по широким тротуарам Сент-Чарльз-авеню в ранние предрассветные часы. И я ясно понял, что Лестат здесь, что вампир знает его и приведет меня к нему. Разумеется, он ни о чем не подозревал. Я уже давно научился узнавать в больших городах себе подобных и оставаться незамеченным.

В Лондоне и Риме Арман встречался с вампирами и узнал, что о поджоге Театра вампиров уже известно всему миру и нас обоих теперь считают изгоями. Эти интриги мало что значили для меня, я избегал вампиров, но за этим юношей начал следить. Он приводил меня в театры или другие увеселительные места, но я ждал совсем другого. И наконец дождался.

Был очень теплый вечер. Как всегда, я выследил его на Сент-Чарльз-авеню и сразу же понял, что он чем-то озабочен. Он торопливо свернул в какую-то узкую улочку, и я подумал, что сегодня мне повезет больше.

По дороге он зашел в первый попавшийся домик, быстро, без всякого удовольствия, умертвил женщину, взял из плетеной колыбели ребенка, закутал его в синее шерстяное одеяло и вышел обратно на улицу.

Через два квартала он замедлил шаг возле увитой виноградом железной ограды, окружавшей большой заросший двор. За деревьями был виден дом, краска облупилась на стенах, длинные витые железные перила верхней и нижней галерей заржавели. Этот дом одиноко возвышался над низкими деревянными строениями и казался обреченным. Высокие окна глядели на унылое нагромождение низких крыш, на бакалейную лавку на углу и маленький грязный бар. Большой темный сад защищал дом от мрачной округи, и мне пришлось пройти еще несколько метров вдоль ограды, прежде чем я заметил сквозь густые ветви деревьев слабый отблеск в одном из окон нижнего этажа.

Вампир вошел в ворота, ребенок заплакал, и снова все стихло. Я легко взобрался на ограду, спрыгнул в сад и бесшумно прокрался на переднее крыльцо.

Я заглянул в большое окно и увидел удивительную картину. Вечер был безветренный, душный, в такую жару лучше всего подняться на галерею, и здесь была галерея, хоть и с поломанными досками, но все же прохладная. А там, в гостиной, за наглухо закрытыми окнами горел камин. Возле него сидел мой молодой знакомец и разговаривал с кем-то. С другим вампиром. Тот жался к огню, тянул ноги в тапочках к горячей решетке, пытался поглубже запахнуть поношенный синий халат. Из лепного венка роз на потолке свисали обтрепанные концы электрических проводов, но кроме камина только тусклая масляная лампа освещала комнату. Она стояла на столе рядом с плачущим ребенком.

Я удивленно смотрел на это жалкое сгорбленное существо. Его лицо скрывали пряди густых светлых волос. Мне захотелось стереть пыль с оконного стекла, чтобы убедиться в верности своих подозрений.

«Вы все бросаете меня!» – тонко и жалобно сказал он.

«Мы же не можем всю жизнь сидеть возле тебя, – резко и надменно сказал молодой вампир. Он скрестил ноги, сложил руки на узкой груди и с презрением оглядел пустую запыленную комнату. – А ну, тише, – шикнул он на ребенка. – Замолчи!»

«Дрова, дай дрова», – слабым голосом попросил белокурый вампир и повернулся к своему собеседнику, и я наконец ясно увидел знакомый профиль Лестата, гладкую кожу – на ней не осталось и следа от былых шрамов.

Молодой вампир подбросил полено в огонь.

«Если бы ты хотя бы выходил наружу, если бы ты охотился на кого-нибудь, кроме этих ничтожных животных…» – зло сказал он и с отвращением посмотрел вокруг.

Только тут я разглядел в темноте на пыльном полу маленькие облезлые кошачьи трупы. Это было очень странно, потому что вампир не может оставаться рядом с трупами своих жертв.

«Разве ты не знаешь, что сейчас лето?»

Лестат молча протянул руки к огню. Ребенок уже не плакал. Молодой вампир сказал:

«Возьми его и согрейся».

«Ты мог бы принести мне что-нибудь другое», – с горечью ответил Лестат и посмотрел на ребенка.

В тусклом свете чадящей лампы я поймал его взгляд. И увидел в его глазах шок. Слышать этот плачущий голос, видеть эту согнутую, дрожащую спину! Не раздумывая, я постучал в окно. В одно мгновение молодой вампир оказался на ногах, лицо его приняло угрюмое, злобное выражение. Но я только сделал знак открыть щеколду. Лестат поднялся, придерживая у горла халат.

«Это Луи! Луи! Впусти его», – сказал он и судорожно взмахнул рукой. Так инвалид обращается к сиделке.

Окно отворилось, и на меня пахнуло зловонием душной и жаркой комнаты. Насекомые копошились в разлагающихся кошачьих телах. Лестат умолял меня войти, но я невольно отпрянул. В дальнем углу стоял гроб. На лакированной деревянной крышке лежали пожелтевшие газеты. Повсюду валялись обглоданные кости с клочками шерсти. Но Лестат уже схватил своими сухими руками мои, притянул меня к себе, поближе к теплу. Слезы брызнули из его глаз, рот растянулся в

странной улыбке безумного счастья, близкого к боли; и на коже выступили едва заметные следы старых шрамов. Это было необъяснимо и ужасно: яснолицый, великолепный, бессмертный мужчина, сгорбившись, лопочет и плачет, как старуха.

«Да, Лестат, – тихо сказал я. – Я пришел повидаться с тобой».

Мягко отодвинув его руки, я подошел к ребенку. Он плакал не только от страха, но и от голода. Я взял малыша на руки и размотал одеяло, и он немного успокоился. Я погладил ребенка, покачал тихонько. Лестат что-то шептал, слезы текли по его щекам, я не мог разобрать слова. Молодой вампир с выражением отвращения на лице стоял у открытого окна и держал руку на щеколде.

«Значит, вы и есть Луи», – сказал он. Эти слова еще сильней взволновали Лестата, он вытер слезы рукавами.

На лобик ребенка села муха, и я, невольно вздохнув, раздавил ее пальцами и бросил на пол. Малыш уже не кричал, он смотрел на меня своими необычайно синими, темно-синими глазами, его круглое личико блестело от жары, он улыбался, и его улыбка, подобно огню, становилась все ярче и ярче. Я никогда не приносил смерть такому маленькому и невинному существу, это я знал точно и держал ребенка с чувством странной, незнакомой печали; она была даже сильнее, чем тогда, на Рю-Рояль.

Нежно покачивая малыша, я пододвинул кресло к огню и сел.

«Не надо ничего говорить… Все хорошо», – сказал я Лестату. Он с облегчением опустился в кресло и потянулся ко мне, взялся за лацканы моего пиджака.

«Но я рад тебя видеть, – проговорил он сквозь слезы, – я так мечтал, что ты вернешься… так мечтал…»

Он сморщился, словно от неясной боли, и вновь на его лице на мгновение показалась сеть шрамов. Глядя куда-то в сторону, Лестат прижал руку к уху, словно хотел защитить себя от какого-то ужасного звука.

«Я не… – начал было он и мотнул головой, его глаза затуманились, он старался раскрыть их шире. – Я не хотел этого, Луи… Этот Сантьяго… Ты же знаешь… Он не сказал мне, что они задумали».

«Это все в прошлом, Лестат», – сказал я.

«Да-да, в прошлом, – кивнул он. – Мы не должны были… Луи, ты же ЗНАЕШЬ… – Лестат еще раз потряс головой. Казалось, в его голосе добавилось силы. – Мы не должны были делать ее одной из нас».

Он ударил кулаком в свою впалую грудь и повторил уже тише:

«Одной из нас».

ОНА. Казалось, Клодии вообще никогда не существовало, это была странная, фантастическая мечта, слишком дорогая и слишком моя, чтобы поверять ее кому-то другому. Но все это давно прошло. Я пристально взглянул на Лестата и попытался осмыслить его слова. Да, когда-то нас было трое.

«Не бойся меня, Лестат, – сказал я как будто бы самому себе. – Я не причиню тебе вреда».

«Ты вернулся ко мне, Луи? – прошептал он тонким, ломким голосом. – Ты вернулся домой, Луи, правда?»

Лестат посмотрел на меня с отчаянием, закусил губу.

«Нет, Лестат». – Я покачал головой. Он дернулся и закрыл лицо руками.

Молодой вампир холодно взглянул на меня и спросил:

«Так вы… не вернетесь к нему?»

«Нет, конечно, нет», – ответил я. Он ухмыльнулся, будто так и знал, что все снова ляжет на его плечи, вышел на крыльцо и остановился неподалеку в ожидании.

«Я только хотел повидаться с тобой, Лестат», – сказал я, но он будто не слышал: что-то другое отвлекало его.

Расширившимися глазами Лестат смотрел мимо меня, зажав руками уши. Затем и я услышал звук. Это выла сирена. Она приближалась, и Лестат все крепче зажмуривал глаза и зажимал уши. Сирена становилась все громче, ребенок испугался и заплакал.

«Лестат! – позвал я его сквозь детский плач. Я не мог вынести его мучений. Он обнажил зубы в ужасной гримасе боли. – Лестат, это всего лишь сирена!» – тупо сказал я.

Он вскочил, бросился ко мне, прижался ко мне. Против воли я взял его за руку. Согнувшись, Лестат спрятал лицо на моей груди, до боли сжал руку. Красные вспышки мигалки осветили комнату, и скоро все стихло.

«Луи, я не вынесу этого, не вынесу, – говорил Лестат сквозь слезы. – Помоги мне, останься со мной».

«Чего же тут бояться? Просто поехала машина».

Я посмотрел вниз, на его светлые волосы. И вдруг вспомнил его в далеком прошлом: высокий, статный джентльмен в свободной черной накидке, откинув голову назад, сочным, хорошо поставленным голосом поет веселую арию из оперы, которую мы только что слушали. Его трость постукивает в такт по булыжникам мостовой, его большие мерцающие глаза останавливаются на молодой женщине, стоящей рядом, и широкая улыбка расцветает на его лице; песня замолкает на полуслове, и на мгновение, когда их взгляды встречаются, кажется, что все зло растворилось в этом всплеске наслаждения и счастья: ты чувствуешь себя просто живым существом.

Значит, такова расплата? Эта боязнь перемен, этот животный страх…

Я должен был что-то сказать Лестату, напомнить ему о нашем бессмертии, что никто не приговаривал его к уединению в этом логове, где он окружен несомненными признаками неминуемой смерти. Но я так ничего и не сказал и знал, что никогда не скажу.

Темное море тишины снова нахлынуло на нас. Мухи роились вокруг гниющего крысиного трупа. Ребенок тихо смотрел мне в глаза, как на яркие безделушки, и ручка с ямочками ухватилась за мой палец.

Лестат встал, выпрямился, но тут же снова согнулся и упал в кресло.

«Значит, ты не останешься со мной, – вздохнул он и отвел взгляд. Но вдруг встрепенулся. – Я так хотел поговорить с тобой, – сказал он. – Той ночью, когда пришел на Рю-Рояль, я хотел только поговорить. – Он закрыл глаза, нервно вздрогнул, словно у него перехватило дыхание, как будто удары, нанесенные мной тогда, только теперь достигли цели. Глядя перед собой невидящим взором, он облизнул губы и тихим, совсем знакомым голосом сказал: – В Париж я поехал вслед за тобой…»

«О чем же ты хотел поговорить тогда? – спросил я. – Что ты хотел мне сказать?»

Я вспомнил его безумную настойчивость в Театре вампиров, хотя не думал об этом долгие годы; нет, пожалуй, вообще никогда. И сейчас говорил об этом с большой неохотой.

Но Лестат лишь улыбнулся слабой, почти виноватой улыбкой и покачал головой, тихая, смутная печаль наполняла его глаза.

И я почувствовал глубокое, невыразимое облегчение.

«Останься со мной!» – попросил он.

«Нет», – ответил я.

«И я не останусь», – сказал молодой вампир из темноты двора и вышел в оконный проем. Лестат взглянул на него и робко отвел глаза. Его губы дрожали.

«Закрой, скорее закрой». – Он указал пальцем на окно, и тут рыдания вырвались из его груди, он опустил голову и заплакал.

Молодой вампир ушел, быстрые шаги прошуршали по дорожке, звякнула калитка… Я остался один с Лестатом. Успокоился он не скоро, я сидел и смотрел на него и думал о том, что произошло между нами, вспоминал давным-давно забытое.

И моя прежняя печаль вернулась ко мне, как в нашем доме на Рю-Рояль; но я грустил не о Лестате, умном и веселом вампире, который жил когда-то в этом доме, эта печаль была больше, это была часть той страшной, великой тоски, и я вдруг очутился в другом времени, в другом месте. И это другое место так ясно встало перед моими глазами: комната, жужжание насекомых, запах смерти и цветущей весны. И я узнал эту комнату, узнал с такой ужасной болью, что разум отказывался воспринимать это: нет, я не хочу туда, не возвращайте меня в прошлое. И вдруг все исчезло, и я был с Лестатом, слеза упала на круглую щечку ребенка, и это была моя слеза. Я вытер мокрые глаза и удивленно посмотрел на свои руки.

«Но, Луи, – тихо сказал Лестат, – как ты можешь быть так спокоен? Как ты можешь выносить это? – Он смотрел на меня, его губы дрожали. – Пожалуйста, Луи, объясни мне, как тебе удается понимать и выносить все это?!»

По отчаянию в глазах Лестата, по глухому тону голоса я понял, что и он с трудом подталкивает себя к чему-то очень больному, к картине из забытого прошлого. Но скоро его взгляд затуманился, он запахнул халат, качнул головой, посмотрел на огонь и глубоко вздохнул.

«Мне нужно идти», – сказал я.

Я так устал от Лестата и от всей этой грусти. Снова захотел покоя, к которому так привык. Я поднялся и вспомнил, что у меня на руках

ребенок.

Большие, полные страдания глаза взглянули на меня с гладкого вечного лица.

«Но ты ведь вернешься… навестить меня… Луи?»

Я отвернулся и пошел прочь; он звал меня, но я не слушал. На улице оглянулся: Лестат стоял у окна, он боялся выйти, и я вдруг понял, что он уже давно не был на улице и вряд ли когда-нибудь выйдет из этого дома.

Я возвратился в маленький домик, откуда молодой вампир забрал ребенка, и положил малыша обратно в его кроватку.

– Вскоре я рассказал Арману о встрече с Лестатом. Может быть, через месяц, не помню: время ничего не значило для меня. Но только не для Армана. Он удивился, что я не рассказал ему об этом сразу.

Мы прогуливались по безлюдной набережной на окраине города, там, где начинается Одубон-парк и поросший травой склон спускается к грязному берегу, захламленному прибитым течением лесом. На другом берегу едва виднелись тусклые огни заводов и компаний: крошечные красные или зеленые точки, мерцающие, как звезды. Луна освещала широкое сильное течение реки, и летняя жара отступала, прохладный ветерок поднимался от воды и тихонько колыхал мох на стволе кривого дуба.

Я срывал травинки и жевал их, хотя они были горьки и неестественны на вкус. Но сам жест выглядел так естественно… я думал, что больше никогда не покину Новый Орлеан. Но к чему эти мысли, когда ты бессмертен? «Больше никогда» не покидать Новый Орлеан? Это слишком человеческие мысли.

«Неужели ты совсем не хотел отомстить ему?» – спросил Арман. Он лежал на траве, опершись на локоть, и внимательно смотрел на меня.

«Зачем? – ответил я спокойно, я хотел, чтобы он исчез отсюда, оставил меня в покое, наедине с этой могучей, прохладной рекой, несущей свои воды в свете тусклой луны. – Он сам себе отомстил и умирает от страха и оцепенения. Его разум не воспринимает времени. Это угасание не имеет ничего общего с той сдержанной, элегантной смертью вампира, которую ты мне однажды описал в Париже. Лестат умирает неуклюже и гротескно, как люди… старые люди».

«Но ты… что ты чувствовал?» – мягко настаивал Арман.

Этот вопрос был слишком личный, давно мы так не разговаривали друг с другом. И я вдруг увидел его со стороны: спокойное, сосредоточенное лицо, прямые каштановые волосы, большие, часто печальные глаза, обращенные к себе и своим мыслям. Но в ту ночь они были непривычно тусклые и усталые.

«Ничего», – ответил я.

«Ничего – в каком смысле?»

Я промолчал. Я так ясно помнил свою печаль, она и теперь не оставляла меня, звала меня, говорила: «Пойдем». Но я ничего не сказал Арману. Он ждал ответа, вытягивал из меня слова, жаждал что-то узнать, и это желание было сродни жажде крови.

«Может, он сказал тебе что-нибудь, что могло разбудить былую ненависть?» – прошептал он, и я вдруг понял, что он страдает.

«Что случилось, Арман? Почему ты спрашиваешь об этом?» – сказал я.

Но он молча откинулся на землю и долго смотрел на звезды. Звезды будили во мне воспоминания: корабль, мы с Клодией плывем в Европу, и эти ночи, когда звезды спускались, чтобы встретиться с морем.

«Я думал, он расскажет тебе, что было в Париже…» – сказал Арман.

«А что он мог мне сказать? Что не хотел, чтобы Клодия умерла?» – спросил я. Клодия. Это имя звучало так странно. Клодия раскладывает пасьянс, столик качается в такт волнам, фонарь поскрипывает на крюке, черный иллюминатор полон звезд. Ее склоненная головка, пальцы отводят за ухо прядь волос. Вот она отрывается от пасьянса, чтобы взглянуть на меня, но глазницы ее пусты.

«Ты мог бы сам рассказать мне, что случилось в Париже, – сказал я. – Ты давно мог бы рассказать. Но это все не важно».

«Даже если это я?..»

Я повернулся к нему, он посмотрел в небо, и невыносимая боль исказила его лицо.

«Если это ты убил ее? Выгнал во двор и запер дверь? – спросил я и усмехнулся: – Только не говори мне, что ты мучился все эти годы».

Арман закрыл глаза и отвернулся, приложил руку к груди, словно я ударил его.

«Я знаю – тебе было все равно», – холодно сказал я и посмотрел на воду. Я хотел остаться один и надеялся, что он уйдет, а я останусь, потому что мне нравилось это тихое и уединенное место.

«Это тебе все равно, – заговорил Арман. Он сел и повернулся ко мне, и темный огонь загорелся в его глазах. – Но я так надеялся, что все вернется. Что ты увидишь Лестата, и в тебе оживет прежняя злость и страсть. Я думал, если ты вернешься сюда, в этот город…»

«Ты думал, я вернусь к жизни?» – тихо сказал я, чувствуя металлическую твердость собственных слов, словно я был совершенно холоден и сделан из этого металла, а Арман казался хрупким, таким хрупким. Наверное, таким он и был всегда.

«Да! – закричал он. – Да, назад к жизни!»

И он недоуменно замолчал, склонил голову, как побежденный, и это гладкое, белое лицо напомнило мне кого-то другого, и долгий, долгий миг прошел, прежде чем в моей памяти всплыло лицо Клодии, которая стояла в номере гостиницы «Сент-Габриэль» и просила меня превратить Мадлен в вампира. Тот же беспомощный взгляд, крушение надежд; я вспомнил, как жалел ее, как забывал обо всем. И он, как тогда, собрался с силами. И тихо произнес:

«Я умираю».

Я смотрел ему в глаза, я единственный перед Богом слышал эти слова и знал, что это правда… но ничего не сказал.

Долгий вздох слетел с его губ. Он склонил голову, безвольно опустил руку в траву и прошептал:

«Ненависть, месть – вот истинные страсти».

«Не для меня, – тихо ответил я. – Уже не для меня».

Он остановил на мне темный, спокойный взгляд.

«Я верил, что, пережив всю эту боль, ты снова потеплеешь, наполнишься любовью, тем диким, неутолимым любопытством, с которым ты в первый раз пришел ко мне, той жаждой знаний, которая привела тебя в мою келью в Париже. Я надеялся, когда боль пройдет, ты простишь меня за смерть Клодии. Она никогда не любила тебя так, как любил тебя я и как ты любил нас обоих. Я видел это и верил, что смогу привязать тебя к себе и удержать, и тогда время откроется перед нами, и мы будем учить друг друга. Мы будем счастливы. Я буду

охранять тебя от твоей боли. Моя сила станет твоей силой. Но ты, мертвый внутри, холодный и недосягаемый, как эти современные картины, состоящие из линий, и я не могу ни любить их, ни постичь. Я содрогаюсь рядом с тобой, потому что смотрю в твои глаза и не вижу отражения…»

«Ты хотел невозможного! – быстро ответил я. – Разве ты не понимаешь? Я тоже этого хотел, но с самого начала мы были обречены».

Едва уловимо шевельнув губами, он поднял руки, словно пытаясь оттолкнуть мои слова.

«Я хотел найти любовь и добро в этой живой смерти, – продолжал я. – Но это было изначально обречено, потому что нельзя любить и быть счастливым, заведомо творя зло. Можно только тосковать о недостижимом добре в образе человека. Но есть один выход. Я знал его еще задолго до приезда в Париж, я знал его еще тогда, когда впервые убил человека, чтобы утолить жажду. Единственный выход – моя смерть. Но я так и не принял ее, не смог это сделать, потому что, как и все создания, не хочу умирать! И я искал других вампиров, Бога, дьявола, сотни других вещей под сотнями других имен, но все оказывалось одним и тем же злом. Все было не так, потому что я всегда знал, что проклят, если не Богом, то собственной душой и разумом, и никто не смог бы переубедить меня. Я приехал в Париж и встретил тебя. Ты казался мне прекрасным, могущественным, спокойным, недостижимым. Но ты такой же разрушитель, как я, только безжалостный и коварный. Ты показал мне, кем я могу стать, какой глубины зла, какой степени безразличия надо достичь, чтобы заглушить эту боль. И я принял этот путь. Их больше нет – этой страсти, этой любви. Ты видишь сейчас во мне свое собственное отражение».

Арман молчал. Он давно уже поднялся и стоял теперь спиной ко мне, глядя на реку. Я тоже смотрел на реку и думал, что больше ничего не могу сказать, ничего не могу сделать.

«Луи». – Арман поднял голову, его голос звучал глухо и незнакомо.

«Да, Арман», – откликнулся я.

«Тебе нужно от меня что-нибудь еще?»

«Нет, – сказал я, – о чем ты?»

Он не ответил и медленно пошел прочь. Сначала я подумал, что он решил просто немного пройтись по илистому берегу реки, что он хочет побыть один. Но вскоре он превратился в точку на фоне волн под светом луны, и я понял, что он уходит навсегда. Больше я его никогда не видел.

Только спустя несколько дней я окончательно осознал, что Арман покинул меня. Он так и не вернулся за своим гробом, и через месяц я отнес его на кладбище Сент-Луи и поставил в склеп рядом со своим.

Давно заброшенная могила стала последним приютом единственной вещи, оставшейся после Армана. Но скоро меня стало тяготить присутствие этого гроба. Я все время думал о нем: просыпаясь вечером и засыпая на рассвете. Однажды ночью я вытащил гроб и разбил на мелкие кусочки, спрятав их в высокой траве между могилами.

Вскоре после этого ко мне пришел молодой вампир Лестата. Он умолял меня поделиться своими знаниями об этом мире, стать его товарищем и учителем. Помнится, я сказал ему, что наверняка знаю лишь одно: если увижу его хоть раз, то непременно убью.

«Знаешь, каждую ночь, когда я выхожу на охоту, кто-то должен умереть, пока я не найду в себе мужество покончить с этим, – сказал я ему. – А ты самый подходящий кандидат на очередную жертву: убийца, такой же отвратительный, как я».

Следующей ночью я уехал из Нового Орлеана, потому что печаль не оставляла меня. Не хотелось больше думать об умирающем в старом доме Лестате или об этом грубом молодом вампире, который упорно преследовал меня… или об Армане.

Я хотел оказаться в незнакомом месте, ни о чем не вспоминать, ни о чем не думать.

Вот и все.

Молодой человек смотрел на вампира, а тот, сложив руки на столе, щурясь, глядел на движение ленты в диктофоне. Под глазами у него залегли красные полукружья, лицо осунулось, и выступающие на висках вены казались вырезанными из камня. Он сидел тихо и неподвижно, только зеленые глаза жили на белом лице.

Юноша откинулся назад, провел рукой по волосам, коротко вздохнул и сказал:

– Нет. – И повторил громче: – Нет!

Но вампир не слушал, он смотрел на серое небо.

– Не может быть, чтобы все так кончилось. – Юноша подался вперед.

Вампир, по-прежнему глядя в небо, коротко и сухо рассмеялся.

– Все, что вы пережили в Париже… – голос молодого человека становился все громче, – любовь к Клодии, другие чувства, даже к Лестату… Это не могло кончиться таким отчаянием. Но именно отчаяние владеет вами!

– Замолчи. – Вампир резко поднял руку, равнодушно перевел взгляд на юношу. – Повторяю еще раз: иначе быть не могло.

– Я не согласен, – сказал юноша, скрестил руки на груди и решительно мотнул головой.

Вдруг он отшвырнул на голые доски пола свой стул и стал расхаживать из угла в угол. Но когда он повернулся и заглянул в глаза собеседнику, слова замерли у него на губах.

Вампир смотрел на него с гневной и горькой усмешкой.

– Разве вы не понимаете, что вы мне рассказали? Это было приключение, подобное которому мне никогда в жизни не испытать! Вы говорите о страсти, о жажде! Вы говорите о вещах, которые миллионы из нас никогда не испробуют и не поймут. Вот что я скажу вам… – Юноша подошел к вампиру и протянул к нему руки. – Если бы вы передали мне свою силу! Способность видеть, чувствовать и жить вечно!

Глаза вампира медленно расширились, губы дрогнули.

– Что? – тихо переспросил он. – ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

– Дайте мне это! – Юноша сжал руку в кулак и ударил себя в грудь. – Сделайте из меня вампира. Прямо сейчас!

Вампир ошеломленно смотрел на него.

Стремительным неуловимым движением вампир оказался на ногах, вплотную к юноше, схватил его за плечи, свирепые зеленые глаза глядели в перекошенное от страха лицо человека.

– Так вот чего ты хочешь? – Едва заметное шевеление бледных губ лишь слегка обозначило произнесенные слова. – После всего, что я тебе рассказал… ты просишь об этом?

Юноша сдавленно вскрикнул, на лбу у него выступили крупные капли пота. Дрожа всем телом, он робко коснулся руки вампира и

сказал сквозь слезы:

– Вы уже забыли, что такое человеческая жизнь, вы не понимаете, что значит для меня ваша история.

– Господи! – воскликнул вампир, почти оттолкнул юношу к стене и отвернулся к серому проему окна.

– Умоляю вас… Дайте всему этому еще один шанс. Воплотите его во мне! – сказал юноша.

Вампир повернулся к нему, его лицо все еще подергивалось от гнева, но оно скоро смягчилось, глаза почти скрылись под полуопущенными ресницами, губы растянулись в улыбке. Он взглянул на юношу и вздохнул:

– Я проиграл…

– Нет, – запротестовал юноша.

– Не говори ничего больше, – решительно сказал вампир. – Видишь эти магнитофонные катушки? Они все еще вращаются. Есть только один способ понять все, что я говорил.

Он стремительно метнулся к юноше, прижал его к своей груди, припал губами к его шее.

– Смотри, – прошептал вампир, его мягкие губы раздвинулись, и два длинных клыка вонзились в податливую плоть. Юноша всхлипнул, задохнулся, руки его судорожно сжались, глаза расширились, но скоро потускнели. Лицо вампира было спокойно, как во сне. Его узкая грудь медленно двигалась в такт дыханию, поднималась и опускалась с сомнамбулической грацией. Юноша застонал, вампир оторвался от него и, придерживая за плечи, посмотрел на влажное побледневшее лицо, белые руки, полузакрытые глаза.

Юноша тяжело дышал, его губы и руки дрожали от приступа тошноты, голова безвольно откинулась назад. Вампир бережно посадил его на стул. Молодой человек попытался что-то сказать, но слезы набежали ему на глаза, он положил руку на стол и, как пьяный, уронил голову на грудь.

Вампир стоял и смотрел на него, его кожа мягко порозовела, словно отражая свет цветного фонаря, губы потемнели, вены на висках почти исчезли, лицо разгладилось и стало еще моложе.

– Я умру? – прошептал юноша и медленно поднял глаза.

– Не знаю, – сказал вампир и улыбнулся.

Юноша хотел было что-то сказать, но его рука соскользнула со стола, он опустился на голые доски пола и потерял сознание.

Он открыл глаза и увидел солнечные лучи, светившие сквозь пыльное оконное стекло и обжигавшие ему лицо и руки. Он с трудом сел, выпрямился, глубоко вздохнул, и, зажмурившись, дотронулся до ранок на горле. Случайно коснувшись диктофона, он вскрикнул: металл был обжигающе горяч.

Он поднялся и, неуклюже спотыкаясь, шагнул вперед; нащупал руками раковину умывальника, быстро отвернул кран, сполоснул лицо холодной водой, снял с гвоздика грязное полотенце и вытерся. Дыхание выровнялось. Он стоял уже без опоры и смотрел в зеркало. Потом бросил взгляд на часы, быстро оглядел комнату, проверил коридор – там никого не было. Он сел на стул, вытащил из кармана блокнот и ручку, перемотал назад пленку. Он подался вперед, внимательно вслушиваясь в голос вампира, потом еще немного отмотал пленку. Наконец его лицо просветлело, кассета крутилась, вибрирующий голос говорил: «Был очень теплый вечер. Я выследил его на Сент-Чарльз-авеню и сразу понял…»

Молодой человек поспешно делал пометки в блокноте: «Лестат… Сент-Чарльз-авеню… Старый разваливающийся дом… бедный район… Искать ржавые перила».

Он спрятал блокнот в карман, уложил диктофон и кассеты в портфель, по длинному коридору вышел к лестнице и бегом спустился на улицу, где на углу бара стояла его машина.

---

notes

Примечания

1

Тем временем *(фр.)*.

2

Католическое песнопение. *(Прим. ред.)*

3

Бытие. Гл. 4 (11, 12, 15).

4

Отрывок из «Баллады о старом мореходе» С.Т. Колриджа дан в переводе Н.С. Гумилева.